

ANNALES INSTITUTI SLAVICI
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS

Slavica

XXXVI

DEBRECEN
2007

A kötetet lektorálták:

DSc Agyagási Klára
DSc Hajnády Zoltán
DSc Hetényi Zsuzsa
DSc Dimiter Kenanov
DSc D. Molnár István
DSc Valerij Lepahin
CSc habil. Bibok Károly
CSc habil. Koleva-Zlateva Zhivka
CSc habil. Németh T. Enikő
Csc Fenyvesi István

ISSN 0583-5356

Debreceni Egyetem
Felelős kiadó: FÉSÜS László rektor
Szedés: DE BTK Szlavisztikai Intézet
Nyomás: DE Reprográfiai Osztály

ANNALES INSTITUTI SLAVICI
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS

Slavica

XXXVI

EDITIONEM CURANTE
ZHIVKA KOLEVA-ZLATEVA

ADIUVANTE
LÁSZLÓ KÁLMÁN NAGY

REDIGUNT
KLÁRA AGYAGÁSI
ZOLTÁN HAJNÁDY
ISTVÁN D. MOLNÁR

DEBRECEN
2007

СОТРУДНИКИ НАШЕГО ТОМА

К. Адягаши
DSc
Дебреценский университет
Венгрия, 4010 Дебрецен
klaraagyagasi@yahoo.com

Г. Л. Балаж
PhD
Сегедский университет
Венгрия, 6722 Сегед
gbalazs@lit.u-szeged.hu

Л. Балло
PhD-студент
Дебреценский университет
Венгрия, 4010 Дебрецен
lballo@delfin.unideb.hu

Т. Бароти
CSc
Сегедский университет
Венгрия, 6722 Сегед
tiborbaroti@rambler.ru

Д. Варнаи
PhD
Университет им. Л. Этвеша
Венгрия, 1088 Будапешт
varnaidorota@t-online.hu

Ю. Вертеш
PhD-студент
Университет им. Л. Этвеша
Венгрия, 1088 Будапешт
vjudit1979@yahoo.com

М. Вожнякевич
профессор
Люблинский университет
им. Марии Кюри-Склодовской
Польша, 20-031 Люблин

А. Дроздек
PhD
Университет Дюкесн
США, Питсбург
drozdek@duq.edu

М. Жерева
хабил. PhD
Софийский университет
им. Климента Охридского
Болгария, 1000 София
mzhereva@abv.bg

Т. Ивашкевич
PhD-студент
Киевский национальный университет
им.Т. Шевченко
Украина, 01033 Киев
tanja@delfin.unideb.hu

К. К. Ковач
PhD-студент
Мишкольцский университет
Венгрия, 3515 Мишкольц
kisskovkri@freemail.hu

В. Маньчак
профессор
Ягелонский университет
Польша, 31-110 Краков
manczak@uj.edu.pl

И. Д. Молнар
DSc
Дебреценский университет
Венгрия, 4010 Дебрецен
dmolnari@puma.unideb.hu

И. Регеци
CSc
Мишкольцский университет
Венгрия, 3515 Мишкольц
iregeczi@yahoo.com

А. Рейхманн
PhD
Педагогический институт им. К. Эстерхази
Венгрия, 3300 Эгер
reichmanna@gmail.com

В. А. Федосов
DSc
Институт им. Д. Бешенеи
Венгрия, 4400 Ниредьхаза
fedosov@zeus.nyf.hu

И. Феньвеш
CSc
Сегедский университет
Венгрия, 6722 Сегед
fenyvesii@t-online.hu

Н.-В. Шахвердова
PhD-студент
Дебреценский университет
Венгрия, 4010 Дебрецен
viardelia@freemail.hu

З. Хайнади
DSc
Дебреценский университет
Венгрия, 4010 Дебрецен
hajnadyz@delfin.unideb.hu

В. Шмидт
Германия, Регенсбург
wolodjaschmidt@gmx.de

OUR CONTRIBUTORS

K. Agyagási
DSc
University of Debrecen
4010 Debrecen, Hungary
klaraagyagasi@yahoo.com

V. A. Fedosov
DSc
Bessenyei Teachers Training School
4400 Nyíregyháza, Hungary
fedosov@zeus.nyf.hu

G. L. Balázs
PhD
University of Szeged
6722 Szeged, Hungary
gbalazs@lit.u-szeged.hu

I. Fenyvesi
CSc
University of Szeged
6722 Szeged, Hungary
fenyvesii@t-online.hu

L. Balló
PhD student
University of Debrecen
4010 Debrecen, Hungary
lballo@delfin.unideb.hu

Z. Hajnádý
DSc
University of Debrecen
4010 Debrecen, Hungary
hajnadyz@delfin.unideb.hu

T. Baróti
CSc
University of Szeged
6722 Szeged, Hungary
tiborbaroti@rambler.ru

T. Ivashkevich
PhD student
National T. Shevchenko University of Kyiv
01033 Kyiv, Ukraine
tanja@delfin.unideb.hu

M. Drozdek
PhD
Duquesne University
USA, Pittsburgh
drozdek@duq.edu

K. K. Kovács
PhD student
University of Miskolc
3515 Miskolc, Hungary
kisskovkri@freemail.hu

W. Mańczak
professor
University of Cracow
31-110 Kraków, Poland
manczak@uj.edu.p

I. D. Molnár
DSc
University of Debrecen
4010 Debrecen, Hungary
dmolnari@puma.unideb.hu

I. Regéczi
CSc
University of Miskolc
3515 Miskolc, Hungary
iregecz@yahoo.com

A. Reichmann
PhD
Eszterházy College of Eger
Hungary, 3300 Eger
reichmanna@gmail.com

N. V. Shahverdova
PhD student
University of Debrecen
4010 Debrecen, Hungary
viardelia@freemail.hu

W. Schmidt
Regensburg, Germany
wolodjaschmidt@gmx.de

Várnai Dorota
PhD
Eötvös Loránd University
1088 Budapest, Hungary
varnaidorota@t-online.hu

Vértes Judit
PhD-student
Eötvös Loránd University
1088 Budapest, Hungary
vjudit1979@yahoo.com

M. Woźniakiewicz
professor
Maria Curie-Skłodowska University
Poland, 20-031 Lublin

M. Zhareva
PhD
St. Kliment Ohridski University of Sofia
Bulgaria, 1000 Sofia
mzhareva@abv.bg

Содержание

ЛИНГВИСТИКА

Witold MAŃCZAK: O poglądzie Erharta na etnogenezę Słowian	11
Габор Л. БАЛАЖ: Особенности употребления причастий в Софийском евангелии	19
Мария ЖЕРЕВА: Към въпроса за функционалната еквивалентност на глаголите от една и съща лексикално-семантична група и тяхната многозначност в българския книжовен език.....	27
Кристина К. КОВАЧ: К вопросу о связи между лексической неполнотой и пресуппозицией (На материале русских печатных рекламных текстов)	33
Нава-Ванда ШАХВЕРДОВА: Иерархия говорящих в правовом дискурсе	51
BALLÓ Larisza: К типологии заимствований в современном русском языке	79

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Adam DROZDEK: Shcherbatov and the Ophirian Theology	91
VÉRTES Judit: Наполненная пустота. Эссеистика Александра Гениса	111

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

HALNÁDY Zoltán: Чувственное искушение слов. Бунин Жизнь Арсеньева. Юность	121
REICHMANN Angelika: The Tragedy of Narcissus: Desire, Identity and Narrative in Dostoevsky's <i>Devils</i>	137
Вальдемар ШМИДТ: О религиозных и молитвенных мотивах в поэзии декабристов (на примере творчества Глинки Ф. Н., Рылеева К. Ф., Кюхельбекера В. К.)	155
REGÉCZI Ildikó: Демоничность и иконологичность в рассказе Гоголя <i>Портрет</i>	173
VÁRNAI Dorota: Literackie owoce polsko-węgierskich kontaktów w epoce renesansu	185
I. D. MOLNÁR: „Inność”, „obcość” i „wrogość” kalwinistów w języku i literaturze polskiej XIX i XX wieku.....	199
Maria WOŹNIAKIEWICZ-DZIADOSZ: Zmiana paradygmatu komunikacyjnego. Wprowadzenie do rozważań nad modelem współczesnych narracji powieściowych	217

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

К. АДЯГАШИ, Т. ИВАШКЕВИЧ: Обзор современной языковой ситуации на Украине.....	227
В. А. ФЕДОСОВ: Székely Gábor. Egy sajátos nyelvi jelenség, a fokozás. (Усиление значения слова как особое явление языка). Budapest, 2007	239
Тибор БАРОТИ: Альми И. Л. Статьи о поэзии и прозе. Владимир: Изд-во Владимирского Гос. Университета, 1998	249
Иштван ФЕНЬВЕШИ: Вадим Аристов: Русский мир Будапешта и Венгрии. Очерки и статьи по истории и современности. Будапешт: ARVADO Kft, 2003	251
REICHMANN Angelika: Az orosz posztmodern. [Russian Postmodernism.] Vol. 1–5. Ed. of the Series Zoltán Hajnády. Debrecen, Debreceni Egyetem Kossuth Egyetemi Kiadója	254

ЛИНГВИСТИКА

O POGLĄDZIE ERHARTA NA ETNOGENEZĘ SŁOWIAN

Witold MAŃCZAK

Ostatnio Jiří PILARSKÝ [2005] opublikował interesujący artykuł na temat etnogenezy Słowian, w którym całkowicie aprobuje pogląd ERHARTA [1985] na tę sprawę. Według Erharta do wyodrębnienia się Słowian doszło poprzez następujące stadia:

Protobaltština (asi 1500–700 pń. n. l.) [...]

Předslovanština (asi 700 pń. n. l. – 300 n. l.).

Začátek této fáze byl poznamenán poměrně intenzívním kontaktem s archaickými iránskými dialekty Skythů. Tím se dále zintenzívněl diferenciační proces v rámci protobaltského areálu a komunikace mezi uživateli jižních okrajových dialektů a ostatními “Protobalty” byla spojena už se značnými obtížemi [...]

(Pra)slovanština (asi 300–1000 n. l.).

Tak więc zdaniem Erharta język prasłowiański jest młodszy od prabałtyckiego i powstał na skutek nawarstwienia się irańskich dialektów Scytów na peryferyczne południowe gwary prabałtyckie.

Krytykę tego poglądu zacząć trzeba od poruszenia fundamentalnego zagadnienia istoty pokrewieństwa językowego. Pierwszym, który się zastanawiał nad tym, na czym polega pokrewieństwo językowe, był XVII-wieczny orientalista niemiecki o nazwisku Ludolf. To on sformułował zasadę, według której „die Sprachverwandtschaft offenbart sich nicht im Wörterbuch, sondern in der Grammatik” (por. [SCHUCHARDT 1928: 198]). W ciągu minionych 300 lat tak wiele autorytetów zaprobowało pogląd Ludolfa, że stał się on dogmatem językoznawstwa. Jednak przyszło mi na myśl, żeby go skonfrontować z faktami, i okazało się, że w twierdzeniu Ludolfa tkwi żdźbło prawdy w tym sensie, że istotnie między językami spokrewnionymi zachodzą regularne odpowiedniości fonetyczne, i tak np. polskiemu *d* odpowiada w angielskim *t*, por. pol. *dwa*, ale ang. *two*, pol. *woda*, ale ang. *water* itd. Jest jednak niezmiernie ważne uświadomić sobie, że o stopniu pokrewieństwa, a więc np. o tym, że języki indoeuropejskie rozpadają się na szereg gałęzi (na języki słowiańskie, bałtyckie, germańskie itd.), że poszczególne gałęzie języków indoeuropejskich z kolei się dzielą na mniejsze grupy (np. języki słowiańskie rozpadają się na zachodnie, wschodnie i południowe), nie decyduje ani fonetyka, ani morfologia, ale słownictwo. A oto garść przykładów na poparcie tej tezy.

Nie tylko slawiści, ale nawet laicy mający najbardziej elementarną znajomość polskiego, ukraińskiego i rosyjskiego wiedzą, że polszczyzna jest bliżej spokrewniona z ukraińskim niż z rosyjskim. Gdyby jednak brać pod uwagę fonetykę, to by się okazało, że więcej podobieństw jest między polszczyzną a rosyjskim niż mię-

dzy polskim a ukraińskim. Między polskim a rosyjskim zachodzą następujące zbieżności fonetyczne: 1) w ukraińskim *g* przeszło w *h*, podczas gdy w polskim i rosyjskim *g* się zachowało, por. pol. *góra*, ros. *gora*, ale ukr. *hora*; 2) w ukraińskim samogłoska *ě* przeszła w *i*, podczas gdy w rosyjskim we wszystkich wypadkach, a w polskim w większości wypadków *ě* rozwinęło się w *e*, por. pol. *wiek*, ros. *vek*, ale ukr. *vik*; 3) w ukraińskim *e* i *o* przechodzą w sylabie zamkniętej w *i*, podczas gdy w polskim i rosyjskim samogłoski te w wielu wypadkach zachowują brzmienie pierwotne, por. pol. *siedem* i ros. *sem'*, ale ukr. *sim* albo pol. i ros. *nos*, ale ukr. *nis*; 4) w polskim i rosyjskim spółgłoski zmiękczają się przed samogłoskami przednimi, co nie zachodzi w ukraińskim, por. pol. *nieść* i ros. *nesti* (w którym *n* jest wymawiane jak w pol. *nieść*, to znaczy jak *ń*), ale ukr. *nesty*; 5) w ukraińskim *i* przeszło w *y*, por. pol. *pisać* i ros. *pisat'*, ale ukr. *pysaty*; 6) na końcu sylaby *v* ulega w ukraińskim wokalizacji, podczas gdy w polskim i rosyjskim zachowuje charakter spółgłoskowy, por. gen. pl. pol. *traw* i ros. *trav*, ale ukr. *trav* (gdzie *v* brzmi jak *u* w pol. *auto*); 7) w ukraińskim spółgłoska przed *h* ulega podwojeniu, por. pol. *ogłoszenie* i ros. *ogłaśenie*, ale ukr. *oholośennja*; 8) w ukraińskim spółgłoska zwartoszczelinowa powstała w wyniku drugiej i trzeciej palatalizacji słowiańskiej pozostaje miękka, podczas gdy w polskim i rosyjskim spółgłoska ta stwardniała, por. ukr. *vulycja*, ale pol. i ros. *ulica*; 9) w ukraińskim spółgłoski dźwięczne końcowe pozostają bez zmian, podczas gdy w polskim i rosyjskim ulegają ubezdźwięcznieniu, por. pol. *bób* i ros. *bob*, ale ukr. *bib* (w którym końcowe *b* brzmi jak *b*); 10) w słowach zaczynających się od samogłoski w ukraińskim *v* pojawia się częściej niż w polskim i rosyjskim, por. pol. i ros. *on*, ale ukr. *vin*. Tym dziesięciu najbardziej się rzucającym w oczy zbieżnościom fonetycznym między polskim a rosyjskim można przeciwstawić zaledwie dwa podobieństwa między polskim a ukraińskim, a mianowicie: 1) w rosyjskim nieakcentowane *o* przeszło w *a*, podczas gdy w polskim i ukraińskim samogłoska ta zachowała swe pierwotne brzmienie, por. pol. *dolina* i ukr. *dolyna*, ale ros. *dolina* (w którym *o* jest wymawiane jak *a*); 2) po *č* w rosyjskim *i* się zachowało, natomiast w polskim i ukraińskim przeszło w *y*, por. pol. *czytać* i ukr. *čytaty*, ale ros. *čitat'*. Tak więc rozpatrując cechy fonetyczne dochodzi się do wniosku, że polski nawiązuje do rosyjskiego bardziej niż do ukraińskiego. Tymczasem wystarczy zastosować moją metodę porównywania słownictwa w paralelnych tekstach (co do tej metody zob. [MAŃCZAK 1990]), by otrzymać inny wynik.

W podręczniku Kondraszowa jest fragment powieści rosyjskiej przetłumaczonej na inne języki słowiańskie. Porównanie tego fragmentu w języku rosyjskim, ukraińskim i polskim wykazało 13 słownikowych zgodności polsko-ukraińskich: pol. *bezstronny*, ukr. *bezstoronnij*, ale ros. *bezpristrastnyj*; czy, czy, li; dobrze, dobrze, chorošo; hartować się, hartuvatysja, zakaljat'sja; jak, jak, kak 2 (liczba oznacza, że słowo użyte jest więcej niż raz); kropła, kraplyna, kaplja; od, vid, s; ostatni, ostannij, poslednij; rok, rik, god 2; zamyślić się, zamyslytysja, zadumat'sja; z, z, po. Natomiast w tymże fragmencie powieści znalazła się tylko 1 leksykalna zgodność polsko-rosyjska, a mianowicie pol. *niemało*, ros. *nemalo*, ale ukr. *čymalo*. Widać

więc, że porównanie słownictwa w paralelnych tekstach wiedzie do słusznego wniosku, że polszczyzna jest bliżej spokrewniona z ukraińskim niż z rosyjskim.

Inny przykład. Językoznawcy są jednomyślni co do tego, że łacina jest bliżej spokrewniona z francuskim niż z gockim, że gocki jest bliżej spokrewniony z angielskim niż ze staro-cerkiewno-słowiańskim, a polski jest bliżej spokrewniony z bułgarskim niż z litewskim. Jednak porównałem paralelne teksty w tych językach i otrzymałem następujące wyniki:

	Podobieństwa fleksyjne	Podobieństwa leksykalne
Łacina a gocki	103	47
Łacina a francuski	18	222
Gocki a staro-cerkiewno-słowiański	83	74
Gocki a angielski	31	93
Polski a litewski	62	51
Polski a bułgarski	52	291

Z danych tych wynika, że wbrew Ludolfowi o stopniu pokrewieństwa językowego decydują nie podobieństwa gramatyczne (fonetyczne lub fleksyjne), ale podobieństwa słownikowe z tym ważnym zastrzeżeniem, że podobieństwa leksykalne muszą być liczone nie w słownikach, ale w tekstach [MAŃCZAK 1992: 22–41].

Z kolei należy zwrócić uwagę na fakt, że jak stopień pokrewieństwa językowego zależy nie od fonetyki, ale od słownictwa, tak i o stopniu archaiczności języków decydują nie cechy fonetyczne, ale leksyk. Nie ulega żadnej wątpliwości, że ogólnie biorąc wśród języków romańskich językiem, który najbardziej się oddalił od łaciny, jest na przykład nie francuszczyzna, ale rumuński, który wchłonął mnóstwo zapożyczeń słowiańskich, węgierskich, tureckich czy nowogreckich, podczas gdy we francuskim odsetek słów pochodzenia łacińskiego jest bez porównania wyższy. Nie można jednak zaprzeczyć, że jeśli chodzi o rozwój fonetyczny, to na odwrót jest on bardziej zaawansowany we francuskim niż w rumuńskim. Oto garść przykładów. Z łac. *tempus* powstało rum. *timp*, składające się z 4 głosek, i fr. *temps*, które zawiera zaledwie 2 głoski. Od łac. *lingua* pochodzi rum. *limbă* i fr. *langue*, w których liczba głosek ma się jak 5 do 3. Z łac. *aqua* powstało rum. *apă*, które liczy 3 głoski, i fr. *eau*, zredukowane do 1 głoski.

I w tym momencie dochodzimy do sedna sprawy. Jak wiadomo, Erhart nie był pierwszym językoznawcą, który doszedł do wniosku, że języki słowiańskie są młodsze od języków bałtyckich, że język prasłowiański powstał na skutek nawarstwienia się jakiegoś innego języka na gwary używane na peryferycznej części obszaru prabałtyckiego. Zaś do tej konkluzji doszedł zarówno Erhart jak i jego poprzednicy na podstawie tego, że pod względem fonetycznym litewski jest bez porównania bardziej archaiczny od języków słowiańskich. Rzecz jednak w tym, że o stopniu archaiczności języka decyduje nie rozwój fonetyczny, który bywa kapryśny, ale słownictwo.

Swego czasu, biorąc pod uwagę, że stopień pokrewieństwa językowego zależy wyłącznie od słownictwa, usiłowałem przedstawić nową klasyfikację języków romańskich opartą jedynie na zgodnościach leksykalnych między tymi językami. Okazało się wówczas, że z grubsza zachodzi związek między chronologią podbo-

jów rzymskich a liczbą zbieżności słownikowych, jakie poszczególne języki romańskie wykazują w stosunku do pozostałych języków romańskich:

Język		Początek podboju
Włoski	7498	Italia 396 r. przed Chr.
Portugalski	7159	} Hiszpania 226 r. przed Chr.
Hiszpański	7114	
Kataloński	6985	
Francuski	6851	} Galia (125) 58 r. przed Chr.
Prowansalski	6560	
Romanche	6318	Recja 15 r. przed Chr.
Sardyński	5333	Sardynia 237 r. przed Chr.
Rumuński	3564	Dacja 101 r. po Chr.

Wynika z tego, że im wcześniej jakaś prowincja została podbita, im więcej czasu ludność danej prowincji miała, by się dobrze nauczyć po łacinie, tym głębsza była romanizacja języka lub języków używanych w danej prowincji, tym bardziej archaiczny jest język lub języki tam używane (przy czym pod tym względem jedyny wyjątek stanowi język sardyński), zob. [MAŃCZAK 1991].

W moim przekonaniu odkrycie korelacji między chronologią podbojów rzymskich a liczbą zgodności leksykalnych, jakie poszczególne języki romańskie wykazują w stosunku do pozostałych języków romańskich, umożliwia rozwiązywanie problemów etnogenetycznych. W tym stanie rzeczy, by rozwiązać zagadnienie praojczyzny indoeuropejskiej, postanowiłem zbadać, który z dzisiejszych języków indoeuropejskich ma tę samą właściwość co włoski w obrębie języków romańskich, to znaczy który z dzisiejszych języków indoeuropejskich wykazuje najwięcej zbieżności słownikowych w stosunku do pozostałych języków indoeuropejskich. W tym celu porównałem fragmenty ewangelii w 9 nowożytnych językach indoeuropejskich, a mianowicie w albańskim, hindi, irlandzkim, niemieckim, nowogreckim, ormiańskim, litewskim, polskim i włoskim (tzn. po jednym języku z każdej gałęzi języków indoeuropejskich). Tu ograniczę się do przytoczenia danych dotyczących tylko języka litewskiego oraz polszczyzny, ponieważ w niniejszym artykule interesuje nas kwestia, czy pod względem leksykalnym bardziej archaiczny jest język litewski czy też języki słowiańskie. Otóż okazało się, że zbieżności słownikowe między polskim i litewskim a pozostałymi językami indoeuropejskimi były następujące [MAŃCZAK 1992: 98].

	Polski	Litewski
Niemiecki	565	542
Irlandzki	448	390
Włoski	412	377
Hindi	287	283
Nowogrecki	277	219
Albański	271	204
Ormiański	253	231

Tak więc badanie słownictwa doprowadziło do wniosku, że choć pod względem fonetycznym litewski jest bardziej archaiczny od języków słowiańskich, to jednak z punktu widzenia leksykalnego litewski jest mniej archaiczny od polszczyzny.

Do tego wniosku doszedłem jeszcze inną drogą. Według Gamkrelidzego i Iwanowa praojczyzna indoeuropejska leżała w Armenii. Aby sprawdzić tę hipotezę, wyekscerpowałem fragmenty ewangelii w języku ormiańskim, nowogreckim, niemieckim, włoskim, litewskim i rosyjskim. Posługując się słownikami etymologicznymi Vasmera, Fraenkla, Devoto, Klugego-Seebolda, Friska, Adzariana i Pokornego podzieliłem wyekscerpowane wyrazy na dwie grupy: słowa pochodzenia na pewno lub prawdopodobnie indoeuropejskiego oraz słowa pochodzenia niejasnego lub nieindoeuropejskiego. Okazało się, że w poszczególnych językach wyrazy o pochodzeniu niejasnym lub nieindoeuropejskim występowały w następujących ilościach:

Rosyjski	16
Litewski	35
Włoski	54
Niemiecki	71
Nowogrecki	169
Ormiański	173

A więc i to badanie wykazało, że pod względem słownictwa język rosyjski jest bardziej indoeuropejski, bardziej archaiczny od litewskiego (Mańczak 2001).

W artykule Pilarskiego (2005) jest mapa, z której wynika, że według Erharta praojczyzna Słowian leżała mniej więcej między środkową Wisłą a środkowym Dnieprem, między Karpatami a środkowym Niemnem. Moim zdaniem praojczyznę Słowian należy lokalizować w dorzeczu Odry i Wisły, za czym między innymi przemawiają następujące argumenty wynikające z badania słownictwa w paralelnych tekstach:

1) Stosunki pokrewieństwa językowego wykazują zdumiewającą stabilność. Jest oczywiste, że ze względów geograficznych łacina używana w Dacji około r. 270 (gdy legiony rzymskie opuszczały Dację) nawiązywała bardziej do łaciny używanej w Italii niż do łaciny używanej w Galii czy Hiszpanii. Od ewakuacji wojsk rzymskich z Dacji minęło 1700 lat, w czasie których nie było kontaktów językowych między Dacją a Italią, a pomimo to dzisiejszy język rumuński nawiązuje do włoskiego bardziej niż do pozostałych języków romańskich.

2) Języki germańskie są podobne bardziej do słowiańskich niż do bałtyckich, z czego wniosek, że w epoce przedhistorycznej Słowianie musieli przebywać – podobnie jak w okresie historycznym – między Germanami a Bałtami.

3) Język polski jest podobny do staropruskiego bardziej niż do litewskiego, z czego wniosek, że Słowianie pierwotnie mieszkali bliżej siedzib dawnych Prusów niż Litwy.

4) Język polski jest podobny bardziej do niemieckiego niż do osetyńskiego, najbliżej Polski używanego języka irańskiego (Osetowie są potomkami dawnych

Sarmatów). Odległość między Hamburgiem a Kijowem jest niemal równa odległości między Kijowem a Władykaukazem, stolicą leżącą głównie na północnych zboczach Kaukazu republiki osetyńskiej, z czego wniosek, że praojczyzna Słowian nie mogła leżeć nad Dnieprem, bo gdyby tam była położona, to liczba leksykalnych zbieżności polsko-osetyńskich byłaby mniej więcej równa liczbie słownikowych zgodności polsko-niemieckich.

5) Języki germańskie są podobne bardziej do słowiańskich niż do romańskich. Jeśli zaś wziąć pod uwagę, że z Hamburga do Rzymu jest w linii powietrznej 1300 km, do Poznania 500, a do Kijowa bez mała 1500, to leksykalne zgodności germańsko-słowiańskie liczniejsze od germańsko-romańskich też przemawiają za zachodnią praojczyzną Słowian.

6) Język irlandzki nawiązuje bardziej do polskiego niż do litewskiego, z czego wniosek, że w epoce przedhistorycznej – podobnie jak w okresie historycznym – Celtowie mieszkali bliżej Słowian niż Bałtów [MAŃCZAK 2004: 28–45].

Jeśli chodzi o przedhistoryczne migracje Słowian, to najwięcej zgodności leksykalnych z pozostałymi językami słowiańskimi wykazują języki zachodnie, mniej wschodnie, a najmniej południowe. Innymi słowy, najbardziej archaiczne są języki zachodniosłowiańskie, mniej wschodniosłowiańskie, a najmniej południowsłowiańskie. Fakt, że języki zachodniosłowiańskie są wśród języków słowiańskich najbardziej archaiczne, stanowi jeden dowód więcej na to, że praojczyzna Słowian leżała na obszarze Słowiańszczyzny zachodniej [MAŃCZAK 2004: 105].

Literatura

- ERHART 1985: Erhart. A. U kolébky slovanských jazyků // *Slavia* 54, 4, 337–345.
- MAŃCZAK 1990: Mańczak W. Nouvelle méthode de recherches linguistiques et ethnogénétiques: comparaison du vocabulaire dans des textes parallèles // *Aiów* 12, 243–256.
- MAŃCZAK 1991: Mańczak W. La classification des langues romanes. Kraków.
- MAŃCZAK 1992: Mańczak W. De la préhistoire des peuples indo-européens. Kraków.
- MAŃCZAK 2001: Mańczak W. Le balte occupe-t-il une position centrale parmi les langues indo-européennes? // *Linguistica Baltica* 9, 113–123.
- MAŃCZAK 2004: Mańczak W. Przedhistoryczne migracje Słowian i pochodzenie języka staro-cerkiewno-słowiańskiego. Kraków.
- PILARSKÝ 2005: Пиларский И. Этногенез и прародина славян с точки зрения чешского и словацкого языкознания // *Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis. Slavica* 34, 13–21.
- SCHUCHARDT 1928: Schuchardt H. Hugo Schuchardt-Brevier. Halle (Saale).

Abstract

Erhart's View on the Ethnogenesis of the Slavs

According to Adolf Erhart, Proto-Slavic could be considered a peripheral idiom of the Proto-Baltic dialect continuum formed on the southern margin of the East European area during the eighth-seventh century BC, in conditions of intensive contact with Iranian languages. The present writer adduces several arguments against this view and claims that the original homeland of the Slavs should be placed in the basin of the Oder and Vistula rivers.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРИЧАСТИЙ В «СОФИЙСКОМ ЕВАНГЕЛИИ»

Габор Л. БАЛАЖ

Предметом настоящей работы является морфологический анализ причастий в памятнике русской редакции XII–XIII в., хранящемся в Софийской народной библиотеке им. Кирилла и Мефодия под № 25 (в дальнейшем – Софийское евангелие или СЕ). Краткое описание грамматической системы памятника (наряду с палеографическим анализом) осуществил И. Х. Тот [1976], которому принадлежит и первое сообщение об этом фрагменте изборного евангелия в болгарском журнале «Език и литература» [1973, кн. 2.: 22–36].

Издание Софийского евангелия недавно осуществилось коллективом славистов Сегедского университета под руководством профессора И. Х. Тота (СЕ 2006). В этом издании полный текст памятника сопровождается фотокопиями и индексом словоформ вместе с их морфологическими категориями. Наряду с четырнадцатью листами СЕ публикуется -и лист памятника № 4.5.22, хранящегося в библиотеке Российской академии наук, который считается фрагментом той же рукописи, что и СЕ. Во время работы автор этой статьи тщательно рассмотрел употребление причастий в рукописи и обнаружил, что данная часть речи заслуживает отдельного внимания. Следующий анализ является полным описанием системы причастий в СЕ, продолжая и местами уточняя наблюдения И. Х. Тота в упомянутой выше статье.

В памятнике представлены все типы причастий, которые мы рассмотрим в отдельных группах в алфавитном порядке.

Действительные причастия настоящего времени; именные формы

В Софийском евангелии встречаются следующие причастия данного типа: **алча** (1в(2)), **алчюща** род.-вин. ед. (10а), **видѧ** (1а, 1в, 4г), **видѧще** (4а), **възле[жѧ]щю** дат. ед. (14г), **въстрѣгающе** (1г), **въсхѣдаща** вин. мн. м. (5г), **въхѣдаща** им. дв. (25а), **гѣше** (10а, 13б, 25б), **гѣюще** (2г, 6г, 11г), **гѣѧ** (2г, 3г, 6а(2), 10а, 10в, 12г), **грядѡуща** род.-вин. ед. (5в), **грядѣ** (6г), **жаждѡуща** род.-вин. ед. (10а), **зраше** им. мн. ж. (4б), **идѡуще** (25б), **изгона** (6а), **имѡущь** вин. ед. (2г), **молаѧ** (сѧ) (2г, 6а), **молаше сѧ** (1а, 13а), **назнаменоваѧ** (10г), **низъхѣдаща** вин. мн. м. (5г), **носащѣ** им. мн. м.; им. ед. (6б, 12б), **отрѣшающа** им. дв. (25а), **падаѧ** (6а), **поѣникаѧ** (7б), **пожирающе** (13в), **постаще сѧ** (1в), **приѣмлаѧ** (11в), **проповѣдаѧ** (6а), **пьюще** (7в), **скерѧ** (5б), **слѡужа** (14а), **стоѧ** (10г), **стоѧще** (4г), **сѡудѧ|ше** (14а), **сѡуща** род.-вин. ед. (3г, 5в), **сѣшѡу** дат. ед.

(25б), **сы** (4б), **сѣдаща** род.-вин. ед. (6г), **[тѣо]раща** род.-вин. ед. (7г), **тѣща** (3а), **цѣдаще** (13в), **глаголюще** (7в), **млагоща** род.-вин. ед. (2а).

Как видно из приведенных словоформ, действительные причастия настоящего времени выступают чаще всего в именительном падеже единственного или множественного (отдельно не отмечено), а в двух случаях и двойственного числа. Из других падежей представлен лишь винительный (3 раза), родительный (или родительно-винительный, 8 раз) и дательный (2 раза).

В качестве окончания им. п. ед. ч. м. р. употребляются следующие флексии: **-а** (4 раза), **-а** (5 раз), **-ы** (2 раза) и **-а** (15 раз). Один раз на месте именительной флексии выступает окончание винительного падежа: **сѣращѣ** **кѣо** **чло** **вѣкѣ** · **кѣ** **скоудѣ** **лѣни** **ци** **водоу** **носащѣ** (12б). Форма вин. п. ед. ч. м. р. правильно употребляется в случае **нмоущѣ** (2г): **приведоухъ** **снѣ** **мо** **и** **[к]** **т[ѣ]бѣ** · **нмоущѣ** **дѣхъ** **глагоухъ** **и** **нѣмѣ** · Словоформы женского и среднего рода в единственном числе отсутствуют. Исключительным окончанием род. п. ед. ч. м. р. является **-а**. Перед этим окончанием находим следующие суффиксы: **-ущ-** (4 раза), **-ющ-** (2 раза) и **-ащ-** (2 раза), форм же **-ащ-** или **-ащ-** вообще нет. Дательный падеж встречается лишь в двух случаях (**кѣзле** **[жѣ]** **щю**, **сѣ** **щюу**). Во множественном числе также преобладают словоформы в именительном падеже, с окончанием **-ѣ** (после суффиксов **-ущ-**, **-ющ-**, **-ащ-**). Данное окончание, характерное для причастий мужского рода, один раз выступает на месте им. п. мн. ч. *женского рода*: **[жѣ]** **нѣ** **кѣшедѣше** **сѣ** **ни** **мѣ** **отъ** **галинѣ** **зрѣше** **сиухъ** · (4б). Из контекста видно, что причастие прошедшего времени также получает флексию **-ѣ** вместо ожидаемой **-а**. С другой стороны, на месте окончания им. п. мн. ч. м. р. **-ѣ** в одной словоформе находим флексию **-ѣ**: **и** **приведоша** **к** **немѣ** **носащѣ** **ослабленѣ** · **жилами** · (6б). Здесь, однако, по всей вероятности мы имеем дело с неправильным согласованием, причем действительное причастие согласуется не с подлежащим, а с причастием страдательного залога. Винительный падеж множественного числа представлен лишь двумя примерами (**кѣ** **сходаща** и **низѣ** **ходаща** (5г)), в которых флексия **-а** является обычным древнерусским соответствием старославянского **-а**). Всего два слова мужского рода в двойственном числе стоят в именительном падеже, с «правильным» окончанием: **кѣ** **ходаща** (25а), **отрѣшающа** (25а).

Действительные причастия настоящего времени; членные формы

Эта группа причастий состоит из следующих словоформ: **болащии** им. мн. м. (2а), **кѣзлежи** (14а(2)), **кѣсходащихъ** род. мн. (10б), **кѣходащимѣ** дат. мн. (13а), **кѣроуши** (11б(2)), **кѣроущемоу** дат. ед. (3б), **глаголюще** (25б), **глагоуши** (7б, 24в, 25б), **живѣ** **щими** твор. мн. (13в), **нмоущи** [...] дат. ед. м. ? (5а), **нмоущемоу** дат. ед. (9б(2)), **имѣи** (5а), **клянѣи** **сѣ** (13в(2)), **лежащии** (13б),

любаи (10в), немоща|го род. ед. (9б), ненакидаи (10в), отъмѣтаи (11в), прѣдъидоуши дат. ед. (25б), сто|ащи хъ род. мн. (2в), стоащи хъ род. мн. (25а), стѣаши им. ед. ж. (13б), соудашаго род. ед. (11в), соущимъ дат. мн. (5а, 9г), соущі|мъ дат. мн. (9в), соущимі твор. мн. (13в), сын (4б), сѣдашаго род. ед. (13в), сѣдаши[...] ? (6в), ходаи (11а).

Как в единственном, так и во множественном числе (дуалис отсутствует) и в этой группе преобладают формы именительного падежа. Отклонений от нормы здесь мало. (Под нормой подразумевается морфологическая система, установленная на основе древнейших старославянских рукописей, принятая большинством славистов-языковедов.) В единственном числе причастия мужского рода получают окончания -ын (6 раз), -ни (1 раз), -аи (2 раза), -аи (3 раза) и -аи (3 раза). Форма же болашини, вопреки флексии (-ни вместо -ени), по контексту должна означать именительный падеж множественного, а не единственного числа: не ниють сѣдракии врачевъ нъ болашини (2а). В женском роде в качестве флексии ед. ч. выступает -ни (1 раз), а в среднем роде — -е (1 раз). Окончание род. п. ед. ч. м. р. -аго без вариантов употребляется всего 3 раза. В дательном же падеже ед. ч. в мужском роде выступает флексия -емоу (3 раза), а в женском — -ени (1 раз). Что касается множественного числа, кроме именительного падежа, который представлен лишь вышеуказанной проблематичной словоформой болашини, употребляются следующие категории и окончания: род. п. -ихъ (3 раза), дат. п. -имъ (3 раза) и -імъ (1 раз), твор. п. -ими (1 раз) и -имі (1 раз). Остальные падежи в данной группе отсутствуют. Перед окончаниями выступают обычно подобные именным формам суффиксы: -оуш- (9 раз), -юш- (1 раз) и -аш- (8 раз), но здесь, в отличие от именных, по одному разу употребляются и суффиксы -аш-, -аш- и -аш-.

В контексте бѣаху же нѣк[о]торини отъ книж[ъни]къ · тоу сѣдаши[...] ¹ загадочна словоформа сѣдаши[...], которую по контексту и по материалам других памятников можно восстановить как сѣдаши (вместо ожидаемой сѣдаши), но возможно и интерпретация сѣдаши хъ, в этом же случае данное слово согласуется не с подлежащим, а с существительным в род. п. мн. ч. (книж[ъни]къ).

Действительные причастия прошедшего времени; именные формы

В исследуемом памятнике к этой группе причастий принадлежат следующие словоформы: бѣвѣшю дат. ед. (11в, 14г, 25б), видѣхъ (3б, 5в, 6в), видѣхъше (11г), видѣхы (3а), вѣзвѣхъ (11б), вѣзвѣхъше им. мн. ж. (4в),

¹ Часть пергамена отсутствует, поэтому продолжение данного слова нельзя надежно и однозначно восстановить.

бѣ|здакѣ (12в), бѣ|здрѣху|бѣ (2в), бѣ|злы|бѣши им. ед. ж. (11г), бѣ|зпнѣ (3б), бѣ|зрѣбѣ (2в, 5б), бѣ|зъмѣ (6г), бѣ|закѣ сѧ (7в), бѣ|стакѣ (6г(2)), бѣ|шедѣше им. мн. ж. (4б), бѣ|ше|дѣшема дат. дв. (12б), бѣ|шѣдѣшю дат. ед. (3в), за|прѣтнѣ (6а), изѣбѣ (24г), и|шедѣ (7б), и|шѣдѣше (3в), и|шѣдѣ (14в, 24в), мѧ|срдо|бакѣ (3б, 6а), об|ратнѣ сѧ (14б), о|каменнѣ (11б), о|слѣпнѣ (11б), от|рѣшнѣ|ша им. дв. (25а), отѣ|бѣшакѣ (3г, 5в, 9а, 9г, 24в), [отѣ|бѣшакѣ (3а), отѣ|шедѣ (11а), па|дѣ (10в), по|емѣ (2в), при|зѣ|бѣ (24в), при|стоупнѣ (8г), при|стоуп|пѣ (4б), при|шѣдѣ (2в, 9б), при|емѣ (12в), при|емѣше им. мн. ж. (8а), про|стерѣ (6а), про|ужакѣ (3б), раз|гнѣ|бакѣ (24в), ра|зоумѣбѣ (6в), раз|умѣбѣ (11г), рас|копѣ|ше (6б), рас|топнѣ (9а(2)), рекѣ (12б), рекѣшю дат. ед. (6а), слѣ|шакѣ (2а, 10г), сѣ|нѣмѣ (4б), сѣ|тѣ|орѣшю дат. ед. (11а), сѣ|пакѣ (9а(2)), оубо|пакѣ сѧ (9а), шѣдѣ (6а-6б, 8г, 12б), шѣдѣ|ша им. мн. ж.; им. дв. (4б, 12б, 12в), юмѣ (3б), ѡ|брѣтѣше (5г).

Как видно из приведенных примеров, в единственном числе употребляются 7 различных окончаний именительного падежа: **-ѣ** (37 раз), **-ѣ** (1 раз), **-ѣ** (2 раза, перед **и**), **-ѣши** (1 раз), **-ѣ** (15 раз), **-ѣ** (1 раз, перед **и**), **-ѣ** (1 раз). В дательном падеже встречается только флексия **-ю** (**-ѣшю** (3 раза) или **-ѣшю** (1 раз)). Больше примеров из косвенных падежей нет. Во множественном числе из падежей употребляется лишь именительный, с окончаниями **-ѣ** (**-ѣше**) и **-ѣ** (**-ѣша**). Окончание **-ѣ** в четырех случаях выступает как морфема мужского рода, а в двух — как женского (вместо **-ѣ** (**-ѣша**)). Флексия же **-ѣ** (**-ѣша**), как типичный восточнославянский вариант (на месте старославянского **-ѣ**), употребляется один раз в качестве окончания им. п. мн. ч. ж. р. Двойственное число представлено всего 3 раза с окончанием именительного падежа **-ѣ** (**-ѣша**) и 1 раз с окончанием дательного падежа **-ѣма** (**-ѣшема**).

Особого внимания заслуживают а) морфемы им. п. ед. ч. м. р. **-ѣ** и **-ѣ** (вместо **-ѣ** и **-ѣ**), которые являются фонетическими вариантами отмеченных «правильных» флексий перед последующим **и**; б) словоформы **бѣ|закѣ** (на месте 3 мн. аор. **бѣ|закѣ**, наряду с формами **бѣ|зъмѣ**, **по|емѣ**, **при|емѣ**, **сѣ|нѣмѣ**, **юмѣ**), **за|прѣтнѣ**, **изѣбѣ**, **об|ратнѣ**, **о|слѣпнѣ**, **при|стоупнѣ** (наряду с **при|стоуп|пѣ**), которые свидетельствуют о распространении «новых», альтернативных вариантов окончаний действительных причастий прошедшего времени (с элементом **-ѣ**)²; в) явно ошибочная словоформа им. п. мн. ч. ж. р. **бѣ|зѣ|бѣ(же)**, которая стоит на месте ожидаемой **бѣ|зѣ|бѣша (женѣ...**

² Существуют различные мнения о том, являются ли данные формы морфологическими обновлениями (см. например [Селищев 2001: 192]), или диалектными вариантами (Грамматика 1993: 210).

внѣ|ша гробѣ... и вѣзвращѣ|же | же сѧ оутротокаша ко|нѧ и помазаша юго · (4в)); г) формы им. п. мн. ч. ж. р. вѣшѣдѣше ([же])нѣ вѣшѣдѣше съ ни|мѧ отъ галилѣѧ зрѣ|ше снхѣ · (4б)) и приемѣше · Ġ · дѣкѣ · | иже приемѣше свѣ|тильникѣ своѧ · изи|доша прѣтикоу жени|хоу · (8а)), в которых вместо ожидаемого -ѣша (стсл. -ѣша) находим окончание мужского рода; д) новообразование вѣздѣхноуѣ, которое свидетельствует о распространении у глаголов II спряжения суффикса -ноу- (стсл. -нѣ-) перед флексией -кѣ (в отличие от более старых форм типа двигѣ).

Действительные причастия прошедшего времени; членные формы

Данная группа представлена всего семью причастиями, а именно: бѣ[і]|вѣше вин. ед. ср. (4а), избѣхнѣ (7б), погубѣхнѣ (2б), пославѣшаго род.-вин. ед. (11б), посла|кѣхнѣ (11в), пришѣдѣше вин. ед. ср. (2в), пришѣдѣ|хнѣ им. мн. м. (4а).

Последний пример фигурирует в следующем контексте: пришѣдѣ|хнѣ народи на позорѣ сѧ · видѣше бѣ[і]|вѣше. Так как подчеркнутое причастие в предложении должно согласоваться с последующим существительным, аномальное окончание -(ѣш)нѣ здесь замещает ожидаемое -(ѣш)ѣнѣ.

Страдательные причастия настоящего времени

В памятнике мы обнаружили только три страдательных причастия настоящего времени: види|мѣ им. мн. м. (4в), [нари]цаѣ|маго род.-вин. ед. м. (12а), нарицаѣмѣ|нѣ им. ед. м. (12а). Они все употребляются согласно грамматическим правилам русской редакции церковнославянского языка.

Страдательные причастия прошедшего времени; именные формы

Эта группа причастий состоит из следующих элементов: блѧ|женѣ (7г), блѧѣнѣ (25б), блѧѣокленѣ (7б), блѧѣоклено им. ед. ср. (25б), вѣзнесенѣ (10г), изъгнѧнѣ им. мн. м. (11б), исечѣнѣ местн. ед. м. (4б), искоушенѣ дат. ед. м. (3г), ослабленѣ вин. ед. м. (6б), оу|слышѧнѣ им. мн. м. (1а), по|ложено им. ед. ср. (4в), положенѣ (4б), по|стъланѣ вин. ед. ж. (12в), приказѧно вин. ед. ср. (25а(2)), продѧно им. ед. ср. (11г), прѣдѧнѣ (3в), оубѣеноу дат. ед. м. (3г), оубѣенѣ (3в), оу|слабленѣ вин. ед. м. (6в). Отклонений от морфологических норм нет.

Страдательные причастия прошедшего времени; членные формы

В тексте СЕ сравнительно мало причастий этого типа: ослабленѣоу дат. ед. м. (6в), ослабленѣоуоу дат. ед. м. (6в), писѧно|моу дат. ед. ср. (14в), пока[л]ѣнѣ|мѣ дат. мн. (13г), послѧнѣѧ вин. мн. м. (7б), проклатѣ им. мн. м.

(9г), *оуготовано* ъ вин. ед. ср. (9в), *оупитѣныи* вин. ед. м. (24в, 24г). Словоформа *ослабленоуоумоу* является интересным исключением по сравнению с остальными членными причастиями в косвенных падежах тем, что она — единственная нестяженная форма, находящаяся в данной рукописи.

Действительные причастия прошедшего времени; несклоняемые формы

Отдельно рассмотрим употребление причастий на *-l-*, которые выступают составной частью сложных глагольных форм, самостоятельно же — в отличие от всех вышеуказанных типов — не встречаются. В исследуемом памятнике находим следующие примеры.

а) *Перфект*: *нѣстѣ* | *ли чьли* (1г), *ѣси* | *прѣдалъ* (8г), *далъ ѣси* (24в), *нѣстѣ* ... *вѣсѣлъ* (25а). В одном единственном случае причастие на *-l-* употребляется без связки: *посла|вѣи ма оцѣ тѣ мѣнѣ заповѣдалъ* · (11в).

б) *Плюсквамперфект*: *бѣ пр[и]сталъ* (4б), *блхѣ* || *пришлѣ* (4б-4в), *изгнѣлъ* | *бѣ* (24г). Каждая из трех глагольных форм относится к I типу, а так называемый русский вариант (причастие на *-l-* + перфект от глагола *быти*) в рукописи не обнаружен.

в) *Сослагательное наклонение*: *бѣ* ... *погоубилъ* (3а), *бѣ вѣдѣлъ* (7г), *бѣдѣлъ* ... *бѣ* (7г), *[бѣ]и оста|вилъ* (7г), *вѣздалъ бѣхѣ* (9б), *[бѣ]ша оубиан* (12а), *бѣ вѣсѣлъ* (14б), *вѣзвесели|лъ са бѣхѣ* (24г). Как видно из приведенных примеров, вспомогательный глагол везде выступает в форме аориста от глагола *быти*, специальных же форм типа *бимъ*, *би* и т. д. нет.

Формы относительного будущего времени (*futurum exactum*) в тексте памятника не встречаются.

Общие выводы

Подводя итоги анализа употребления причастий в СЕ, суммируем самые характерные морфологические особенности данной грамматической категории. Естественно, фонетические, фонологические, лексико-семантические или синтаксические черты употребления рассматриваемой части речи в настоящей работе не подвергаются анализу.

1. В Софийском евангелии широко употребляются все разновидности как действительных, так и страдательных причастий настоящего и прошедшего времени.
2. В области склоняемых типов представлены *все* грамматические падежи именными и/или членными словоформами. Это противоречит мнению некоторых исследователей, согласно которому «формы косвенных падежей действительных причастий в древнерусских текстах редки с флексиями именного склонения, а в двойственном и множественном числе почти не встречаются» (Историческая грамматика 1981).

3. Употребление падежных окончаний в большинстве случаев правильно, отклонения от нормы сравнительно редки. (Однако, более часты, чем в глагольной системе вообще, см. [Тот 1976: 329]). Такими отклонениями являются следующие. А) У местоименных форм действительных причастий в им. п. мн. ч. м. р. два раза употребляется флексия **-ни** (вместо ожидаемой **-ни**): **болацини** (2а), **при[шед]ъ|шини** (4а). Форма же **сѣдаци...** (6в), причисленная И. Тотом к этой же грамматической категории [Тот 1976: 325], по нашему мнению является неоднозначной (см. выше). Б) Примеры **въшедъше** (4б) и **приемъше** (8а) свидетельствуют о том, что в им. п. мн. ч. действительные причастия именного склонения и в женском роде иногда выступали с окончанием мужского рода. (Не исключено, что неправильную словоформу **възращѣ** (4в) тоже можно интерпретировать как **възращѣше**, и таким образом, и она относится сюда.) В) Форма **носѣщи** им. мн. м.; им. ед. (6б, 12б), которая по окончанию выражает вин. п. ед. ч. м. р., один раз употребляется на месте им. п. мн. ч. м. р., а другой раз на месте им. пад. ед. ч. м. р. В последнем случае окружение явно могло способствовать ошибке писца.
4. В области действительных причастий прошедшего времени в им. п. ед. ч. м. р. параллельно употребляются именные формы с формантом **-к-** и без него, ср. **въздакъ** (7в) и **възъмъ** (6г), **пристоупникъ** (8г) и **пристоупль** (4б).
5. Причастия страдательного залога обоих времен представлены в памятнике, причем везде с ожидаемыми грамматическими морфемами.
6. Сослагательное наклонение во всех восьми случаях выступает с вспомогательным глаголом **бѣти** в форме аориста.

Литература

- Грамматика 1993: Грамматика на старобългарския език. София 1993.
- Историческая грамматика 1981: Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. Москва 1981.
- СЕ 2006: Х. Тот И., Балаж Г. Л., Пожгаи И. Софийско евангелие от XIII–XIV в. (Фрагмент на древноруско апракосевангелие № 25 от Софийската народна библиотека «Св. св. Кирил и Методий») // *Studia Paleoslavica* V. (2006) 3–87.
- Селищев 2001: Селищев А. М. Старославянский язык. Москва 2001.
- Тот 1976: Х. Тот И. Един езиков паметник в Народната библиотека «Св. св. Кирил и Методий» // *Известия на Народната библиотека «Св. св. Кирил и Методий», т. XIV (XX) (1976), 319–31.*

Abstract

On the use of Participles in the 'Sofia's Gospel'

Manuscript № 25 of the „Cyril and Methodius” National Library in Sofia (tentatively called Sofia Gospel and dating from the 12th or 13th c.) is a monument of the Russian redaction of Church Slavic. Its complete system of participles is investigated in this paper. All grammatical forms are presented together with an analysis of their specific endings.

**КЪМ ВЪПРОСА ЗА ФУНКЦИОНАЛНАТА ЕКВИВАЛЕНТНОСТ НА ГЛАГОЛИТЕ
ОТ ЕДНА И СЪЩА ЛЕКСИКАЛНО-СЕМАНТИЧНА ГРУПА И ТЯХНАТА
МНОГОЗНАЧНОСТ В БЪЛГАРСКИЯ КНИЖОВЕН ЕЗИК**

Мария ЖЕРЕВА

Една от характерните особености на глаголните лексикално-семантични групи е фактът, че глаголите, които се намират в такава група, задължително се отнасят помежду си с регулярна многозначност и функционална еквивалентност. Двата типа отношения са взаимносвързани и представляват двете страни на единството от системна съотнесеност на лексикалните единици в рамките на една лексикално-семантична група и в рамките на лексикалната система като цяло.

Функционалната еквивалентност на думите, или синонимия в широкия смисъл, се проявява в това, че думи с различни, но сходни основни значения могат да участват в едни и същи фрази като взаимозаменяеми еквиваленти, които притежават една и съща способност да изпълняват еднакви функции. Тази способност е най-характерна за думи, които се отнасят към една и съща лексикално-семантична група, което е свързано със свойствата на съответната група, проявени в семантичната съотнесеност на единиците, както и с типовите синтагматични характеристики на тези единици. Това именно са и предпоставките, които обуславят функционалната еквивалентност на глаголите от една и съща лексикално-семантична група и свързаната с нея многозначност.

Парадигматичната основа на всяка лексикално-семантична група е съставена от единството на базови, категориално-лексикални семи, които присъстват във всички думи от групата и от достатъчно ограничен набор от типови диференциални признаци, представени в значенията на всяка отделна дума. Това е така, защото думите от една и съща група са свързани помежду си с различни по вид семантични опозиции. А наличието на такива опозиции предполага възможност за тяхната неутрализация в условията на контекста, на чиято основа възниква функционалната еквивалентност на лексикалните единици, макар и извън контекста в своите основни значения да са дори противоположни една на друга.

Към неутрализация са особено склонни семантичните опозиции от привативен тип. При тяхната неутрализация като правило „общата функция изнема слабият член от два неутрализиращи се елемента” [СОЛНЦЕВ 1971: 89].

В рамките на глаголните лексикално-семантични групи в качеството на такива „слаби” членове на привативната семантична опозиция на думите се проявяват предимно базови глаголи, с които са свързани всички останали

глаголи. Точно базовите глаголи се характеризират с най-широка функционална еквивалентност с други глаголи, които се явяват маркирани членове в съответната опозиция. Така, глаголът *вземам*, който е базов за глаголната лексикално-семантична група със значение 'приобщаване на обекта', в текст може да се срещне като функционален еквивалент на следните глаголи от същата група: *хващам, купувам, изваждам, добивам, заимствам, доставям, заемам, завоювам, запасявам се, получавам, завладявам, приемам, улавям, докопвам, сграбчвам, отнасям, отвеждам, отнемам, измъквам, изтеглям, изтръгвам, завземам, превземам, окупирам, обсебвам, присвоявам, печеля, придобивам, снабдявам се, черпя, извличам,, подбирам, избирам, нарамвам, грабвам, задигам*. Например: *Взех / получих писмото вместо тебе; Тя взе / хвана ножа с две ръце; Той е вземал / черпил сили от твоята любов, Взех / купих хляб; Взе / получи ли днес заплатата? Взе / завладя ми сърцето; Взех / заимствах от твоите идеи; От майка си е взел / наследил таланта на художник и др.*

В лексикално-семантичната група със значение 'разделяне на обекта на части' като базов може да се разглежда глаголът *разделям*, който също е функционален еквивалент на други членове на тази лексикално-семантична група, които имат по-конкретна семантика. Например: *класифицирам / Не те съветвам да делиш / класифицираш хората по този признак! / преграждам (Стаята беше разделена/преградена на две половини с бяла завеса).*

В ролята на немаркирани членове на привативната опозиция могат да бъдат не само базови, но и други глаголи, които са много общи по своето значение. В частност към тях могат да бъдат отнесени глаголите от лексикално-семантичната група 'прибавяне, приобщаване към обекта' като *получавам, набирам, купувам, хващам* и др. С тях привативно са свързани по-съдържателни (маркирани) глаголи и различията между тях също биха могли да се неутрализират в контекста. В резултат на тази неутрализация те могат да се разглеждат като функционално еквивалентни, например: *От реката те си доставяха/хващаха риба, Той набра / вдъхна в дробовете си сладкия нощен въздух.*

В лексикално-семантичната група 'разделяне на обекта' близки до значението на базовия глагол по степен на обобщеност могат да се разглеждат глаголите *разединявам, делия, разбивам, разчленявам, режа, късам, сеча* и други, които в определени контексти могат да бъдат функционални еквиваленти на по-съдържателни глаголи.

Функционално-еквивалентни могат да бъдат и такива глаголи, които в рамките на една лексикално-семантична група са свързани с еквивалентни опозиции, но при условията на неутрализация в един или друг контекст, различаващ техните признаци. Така глаголите *отнема* и *взема* на ниво основни значения образуват еквивалентна опозиция: *взема със сила / отнема – вземам си от...* Например, *Отне му хляба от ръцете / Взе си от хляба на масата*. В определен контекст тези глаголи могат да бъдат взаимозаменяеми, напри-

мер: *Взе / отне му цялата власт с коварна хитрост, а сега му се присмиваше* (Росица Ташева. За дипломатите и хората).

Възможността за функционална еквивалентност не е еднаква при различните глаголи. При това тези възможности се намират в право пропорционална зависимост от възможностите на определените глаголи за развиване на многозначност. Отношенията на функционална еквивалентност са най-развити при глаголите с достатъчно общи значения. По-съдържателните глаголи със специализирани значения, като правило се оказват вън от тези отношения, те са еднозначни и незаменими. Роля има и характерът на действието, изразен в основното значение на глагола. По-широки връзки с други глаголи по линия на функционалната еквивалентност (и по-голяма възможност за многозначност) имат тези глаголи, които означават конкретно-физически действия. В този план възможностите на глаголите, предаващи действия с обобщено-социален характер са доста ограничени.

Механизмът на неутрализация на семантичните опозиции, в чийто резултат възниква фактът на функционална еквивалентност, може да бъде различен. В едни случаи функционално-еквивалентните глаголи могат да бъдат взаимозаменяеми в своите основни, нееднакви значения, да запазват тези си значения, като в същото време съвпадат по своята функционална значимост. Така, глаголът *вземам* в своето основно значение (извършване на действие 'приобщаване към обекта с помощта на ръцете') може да стане функционален еквивалент на глаголи, които се отличават от него по семантичния признак 'местонахождение на обекта'. Това са глаголи като *свалям, вдигам, изваждам* и др. Например, *Тя взе / вдигна от пода изписаните и намачкани листа и ги хвърли в камината....* (Росица Ташева. За дипломатите и хората); *Той си представяше как ще вземе / извади от чекмеджето грижливо китката до сега снимка и гордо ще я сложи на бюрото си.* (Павел Павлов. Двама бащи на едно дете) В такива фрази глаголът *вземам* функционално съвпада с глаголите *вдигам* и *изваждам*, като той изразява своето основно значение, а не значение 'вземам в посока отдолу' или 'вземам в посока отгоре'.

Най-често неутрализацията на семантичните опозиции, която поражда функционална еквивалентност на глаголите, е органично свързана с развитието на многозначността. Функционално-еквивалентни се оказват глаголи, от които поне един е във вторичното си значение. Главно в тази връзка се оказва точно явлението функционална еквивалентност. Съществува и противоположно на това мнение, изказано от А.Б.Шапиро, а именно, че многозначността е причина за проявата на синонимия [ШАПИРО 1995: 83].

В глагола, който функционира в ролята на функционален еквивалент на друг глагол, произтича изменение на значението и на базата на неговата необичайна функция се формира лексикално-семантичният вариант на вторичния тип. Примери за такъв род функционална еквивалентност могат да се открият в достатъчно количество. Достатъчно е да се погледнат речниците, в които вторичното значение се определя с помощта на синоними, с които даденият глагол е свързан посредством отношения на функционална еквива-

лентност от споменатия по-горе тип. Така, някои от вторичните значения на глаголите за съединяване се тълкуват в речниците чрез синоними. Например: *съединявам – съвместявам, съчетавам, обединявам, сливам, свързвам, сближавам, приближавам, долеям, прилеям, слепвам, залепвам, събирам, съединявам, сплотявам, сгрупирам, прибавям, причислявам, включвам, смесвам, разбърквам, комбинирам* [Синонимен речник на българския книжовен език]

Както в развитието на функционалната еквивалентност, така и в развитието на многозначността, съществено важен се явява още един фактор – синтагматичният. Парадигматичните, опозиционни връзки на глаголите, отнасящи се към една и съща група са основната системна предпоставка за тяхната възможна функционална еквивалентност. Реализацията на тези възможности произтича от условията на синтагматичен фактор, който действа в определен контекст и създава отношения на 'не различаване' на глаголите. Тези контекстни условия се оказват средство за реализация на вторичните значения на глаголите и на това ниво те стават функционални еквиваленти на други глаголи. За глаголите от една и съща лексикално-семантична група съществуват типови контексти за тяхната употреба, които съвпадат в по-голямата си част. Това създава благоприятни условия за използването на едни глаголи в значението и функцията на други глаголи, което също може да се разглежда като фактор, определящ широкото развитие на отношенията на функционална еквивалентност в рамките на една семантична-лексикална група.

Основно синтагматично условие за неутрализацията на семантичните опозиции на думите, пораждащи функционална еквивалентност, се явява наличието на определени опозиции в техните контексти, които са съдържателно сходни с тези диференциални признаци, по които се различават основните значения на съответните думи. Например, глаголът *вода / завеждам* – вземам със себе си, влиза в опозиция с *вземам* в качеството на маркиран елемент. Той се отличава от глагола *вземам* чрез компонента 'с със себе си'. Във фрази, където с глагола *вземам* е представена съответната позиция, изразена с възвратно местоимение, указаните глаголи стават функционални еквиваленти. Например: *Когато идваше, той винаги вземаше със себе си / водеше и кучето си* (Росица Ташева. За дипломатите и хората).

Същият глагол *вземам* на ниво вторично значение се оказва функционален еквивалент на глагола *купувам*, ако в контекста се съдържат думи, съдържащи семата *покупка*, чрез която се различават основните значения на тези глаголи. Например, *Вземи / купи и за мене два билета за тази постановка*.

При опозицията *разделям / раздвоявам* маркиран се явява глаголът *раздвоявам* и се отличава от първия глагол чрез семата 'на две'. Ако във фраза с глагола *разделям* има позиция 'на две' или словосъчетанието 'на две части', то глаголът *разделям* става функционален еквивалент на глагола *раздвоявам*. Например, *Той раздели хляба на две и подхвърли едната половина на кучето* (Павел Павлов. Двама бащи на едно дете). Същото се отнася и до глаголите *разделям – преграждам*, при условие, че в контекста има думи, съдържащи

семата *преграда*, която се явява различителна за дадените глаголи. Например, *Дворът може да се раздели / прегради с ограда или стена; Стаята беше разделена / преградена с бяла завеса.*

Един и същ глагол може да бъде функционален еквивалент на друг глагол от същата група в няколко значения. Това също е проява на органичната връзка на функционалната еквивалентност с многозначността.

В резултат на широката функционална еквивалентност, представена във вторичните значения на глаголите от една и съща лексикално-семантична група, техните вътрешнословни семантични парадигми (техните лексикално-семантични варианти) се оказват сходни. Многозначността на глаголите от една и съща лексикално-семантична група като че ли се ограничава в рамките на определени типови значения, в което се проявява и нейното свойство на „регулярност“ или „лексикална асимилация“ [ГРЕЧКО 1966].

Безусловно, не всеки глагол може да функционира като функционален еквивалент на някой друг глагол от дадена група, но като цяло, съставът на вторичните значения за глаголите от една група е ограничен преди всичко от семантиката на неговите изходни единици. Така, в лексикално-семантичната група ‘приобщаване на обекта’ могат да се открият много значения, които са представени като типови в основните и във вторичните значения на глаголите от тази група. Например, ‘приобщавам към себе си обект с цел ползване’ (*вземам, въвличам, извличам, получавам, приемам, хващам* и др.); ‘приобщаване към себе си срещу заплащане’ (*добивам, доставям, получавам, купувам, придобивам*); ‘приобщавам към себе си предлаган обект’ (*вземам, получавам, заемам, добивам, приемам, събирам* и др.)

В лексикално-семантичната група ‘разделяне’ такива типови значения, повтарящи се в семантичните парадигми на много глаголи от дадена група също не са малко. Например: ‘деля на категории или разрези на основата на различия’ (*разделям, разпределям, подразделям, сортирам* и др.); ‘разпределям между хора нещо, давайки на всеки по част’ (*разделям, деля, разпределям, поделям* и др.); ‘разединявам, намирам се между две неща или двама души’ (*разделям, разединявам, разграничавам* и др.).

Наборът от такива значения като че ли очертава ‘семантичното пространство’, в което съществуват и вариат глаголите, принадлежащи по своето основно значение към една и съща лексикално-семантична група. Особено място в това пространство принадлежи на базовите глаголи, в чиито семантични парадигми се съдържат максимален набор от типични значения.

Във всички случаи сходството на вътрешнословните семантични парадигми на глаголите от една и съща група се проявява не само в типичността на техните значения, но и в типичността на формата в тяхната реализация.

Отчитането и съобразяването с явлението функционална еквивалентност, както и с регулярната многозначност на думите, съставлящи една лексикално-семантична група, може ефективно да се използва при преподаването на български език като чужд, тъй като това е солидна база за овладяване на българската лексика от чужденци.

Библиография

- БОЯДЖИЕВ и др. 1998: Бояджиев, Т., Кударов, Ив., Пенчев, Й. Съвременен български език. Фонетика. Лексикология. Словообразуване. Морфология. Синтаксис. София.
- ГРЕЧКО 1966: Гречко В. А. О некоторых источниках лексической синонимии. Очерки по синонимии современного русского литературного языка. Москва-Ленинград.
- КУЗНЕЦОВА 1978: Кузнецова Э. В. О соотношении многозначности и функциональной эквивалентности слов. Филологические науки, 1978 №2, Москва.
- Синонимен речник на българския език 2000 София.
- СОЛНЦЕВ 1971: Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. Москва.
- ШАПИРО 1955: Шапиро А. Б. Некоторые вопросы теории синонимов. Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, т. 8 Москва.

Източници

- Росица Ташева. За дипломатите и хората. София, 2005.
- Павел Павлов. Двама бащи на едно дете. София, 1994.

Abstract

Polysemy and Syntactic Congruence of Bulgarian Verbs that Belong to the Same Lexico-Semantic Group

The semantic congruence of words, or synonymy in the broadest sense, is revealed in lexemes whose basic meaning is similar, but has different connotations regarding the context they fit in with. Such lexemes can serve as mutually replaceable structural components in syntactic phrases without changing the denotation of the phrase within which these lexemes appear as perfect synonyms, and it is for this reason that are called syntactic synonyms below. Their semantic equivalence within certain syntactic structures results from their morphological classification as members of one and the same lexico-semantic group.

The article features a detailed study of the semantic contrast in phrases employing semantically contrasting semantic lexemes that belong to different lexico-semantic groups as their structural elements, or what may be called syntactic antonyms. Furthermore, it is posited that verbs belonging to a particular group may be polysemous.

The paper shows that verbs belonging to the same lexico-semantic group and in relative semantic opposition to each other can also be syntactic equivalents provided that the context serves as a distinctive background against which their opposite characteristics can be distinguished.

A practical implication of the study is that polysemious verbs belonging to one and the same lexico-semantic group employed as syntactic synonyms can be effectively used in teaching Bulgarian as a foreign language for developing learners' Bulgarian vocabulary.

К ВОПРОСУ О СВЯЗИ МЕЖДУ ЛЕКСИЧЕСКОЙ НЕПОЛНОТОЙ И ПРЕСУППОЗИЦИЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПЕЧАТНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ)¹

Кристина К. КОВАЧ

Введение

Данная работа является продолжением проводимого мной исследования, цель которого состоит в изучении пресуппозиций в русских печатных рекламных текстах. До этого момента были рассмотрены:

- периодизация русских печатных рекламных текстов [КОВАЧ 2002];
- типы пресуппозиций и определения типа текста слоганов [КОВАЧ 2004];
- выявление пресуппозиций в рекламных текстах, состоящих из сложных предложений, с помощью логико-семантической модели двойного силлогизма [КОВАЧ 2007].

В предыдущих работах были проанализированы рекламные тексты, состоящие в основном из полных предложений. При синтактико-семантическом описании пресуппозиционных структур разных типов были сформулированы правила раскрытия пресуппозиций через языковые маркеры, поддающиеся формальному описанию. Эти языковые маркеры выступают формальными носителями имплицитной информации (например: инхоативные, ингрессивные или фактивные глаголы). Подходящим для анализа оказалось, например, такое предложение, как *Ваша кожа становится мягкой и шелковистой* (схема 1), которое было рассмотрено нами в [КОВАЧ 2004: 120].

Схема 1

Слоган: *Ваша кожа становится мягкой и шелковистой.*

SUB	↔	PRED	Ассерция: СТАНОВИТСЯ (x, Adj) в момент t
кожа		становится	
↓		↓ ↓	Пресуппозиция: субъект (x) в t ₁ (Adj) [- признак]
ADJ		O ₂ O ₂	
ваша		мягкой шелковистой	Импликация: субъект (x) в t ₂ (Adj) [+ признак]

Однако синтаксическая структура слоганов часто не соответствует идеальной модели полных двусоставных предложений. В них рядом со скрытой, имплицитной информацией, строящей пресуппозицию на фоне логики, не-

¹ Статья публикуется при поддержке фонда ОТКА (№ 68568 K).

редко имеет место и лексическая неполнота, которая может быть – или в прагматическом, или в семантическом смысле – связана с некоторыми типами пресуппозиций. В следующем слогане, например, отсутствующий член предложения индуцирует инхоативную пресуппозицию (схема 2).

Схема 2

Слоган: *В Турцию – с нами!*

SUB	↔	PRED	Ассерция:	ДВИГАЕТСЯ ($x, u \rightarrow v, t$)
[вы]		[<i>поезжайте</i>]	Пресуппозиция:	субъект x в момент t_1 [– находится в пункте v (в Турции)]
		↓ ↓	Импликация:	субъект x в момент t_2 [+ находится в пункте v]
		ADV ADV		
		в Турцию с нами		

В данной работе мы попробуем выявить связь между пресуппозицией и лексической неполнотой (так как в обоих случаях речь идет о каком-то пропущенном элементе предложения), учитывая, что условия и особенности смыслового восполнения разные. В основу дифференциации предложений с лексической неполнотой нами положена мысль, что не всякая неполнота обозначает пресуппозицию в смысле семантической категории. Для проведения дальнейшего исследования необходимо разграничить слоганы с разными типами лексической неполноты, неимплицитными семантическими пресуппозициями, от слоганов, имеющих их.

Материалом для анализа служат коммерческие объявления из газет и журналов (1979–2007), а также рекламные тексты сайтов Интернета.

1. Понятие лексической неполноты

Для установления видов лексической неполноты мы опираемся на критерии, изложенные Н. С. ВАЛГИНОЙ [1991]. Понятие неполноты высказываний необходимо рассматривать с точки зрения лексики, семантики и синтаксиса языковой структуры, так как лексическая неполнота высказывания – это «урезанность синтаксической конструкции, оправданной семантическим фоном, возникшим благодаря целостной лексической системе текста» [ВАЛГИНА 1991: 206]. Именно в монографии Валгиной проявляется четкое разграничение понятий неполного и эллиптического предложений, что дает возможность для более точной типологизации лексической неполноты.² Это имеет особенное значение, так как не во всех типах лексической неполноты наблюдается наличие семантической пресуппозиции.

² В российской лингвистике лексическую неполноту трактуют по-разному. Во многих работах по данной теме не различают неполные и эллиптические предложения [Сквородников 1981, Розенталь 1995, Тестелец 2001, Бутусова 2003, и др.]. Кроме монографии Валгиной явно разграничиваются неполные и эллиптические предложения, например, в работе Хмелевской [1985].

Разные типы неполных и эллиптических предложений (как явление живой разговорной речи) широко применяются в языке реклам. Предельно краткие предложения с пропуском не слишком важных в информационном смысле слов способствует динамизации языка рекламы. Специфика таких предложений состоит в том, что они оказывают максимальный эффект на внимание адресата.

2. Пресуппозиция и лексическая неполнота

2.1. Семантическая пресуппозиция vs. прагматическая пресуппозиция

При анализе предложения в коммуникационном контексте используется понятие прагматической пресуппозиции, тесно связанное с понятием семантической пресуппозиции, но не тождественное ему. По мнению И. КОБОЗЕВОЙ [2004], связь между семантической и прагматической пресуппозицией все-таки вполне объяснима. «Та часть содержания высказывания, которая, по мнению говорящего, известна адресату, называется его прагматической пресуппозицией, [а] семантическая пресуппозиция – это та часть значения предложения, которая содержится в его утверждении и сохраняется как при его отрицании, так и при постановке вопроса о его истинности. ... Подача определенной информации в составе семантической пресуппозиции является одним из языковых приемов манипуляции сознанием.» [КОБОЗЕВА 2004: 255] Значит, семантическая пресуппозиция действует на подсознание и осуществляет манипуляцию: в рекламных текстах желание адресанта-рекламиста передается в скрытом виде.

Есть и другое основание для семантического подхода: прагматическая пресуппозиция ориентирована на субъектов коммуникации, а семантическая пресуппозиция – на предложение. «Семантическая пресуппозиция – это отношение между компонентами предложения, а прагматическая пресуппозиция – это пропозициональная установка (субъектом которой является говорящий).» [ПАДУЧЕВА 1996: 235]. В этом понимании семантическая пресуппозиция – языковая категория, т.к. она возникает независимо от контекста. В пресуппозиционный аспект включаются только те условия, которые можно соотнести с элементами или фактами лингвистической структуры предложения [КИФЕР 2000: 369–370]. Вышеприведенные дефиниции подтверждают правильность выбора семантической пресуппозиции для определения пресуппозиционных структур в русских рекламных слоганах.

2.2. Эллиптическое предложение vs. неполное предложение

Определение лексической неполноты, принятое нами, находит выражение в неполных и эллиптических предложениях. «Неполным называется предложение с лексически незамещенными синтаксическими позициями» [ВАЛГИНА 1991: 206]. Пропуск какого-либо члена (или членов) подтверждается наличи-

ем зависимых слов в составе предложения, а также данными контекста или ситуации. Например, в сложном предложении *«Вот этот сок нужен липе, тот – ландышу, тот сосне, а тот – папоротнику или дикой малине.»* только для первой части характерна полнота грамматической структуры, а остальные части – неполные, и пропуск главных членов в них – *сок нужен* – обусловлен контекстом, т. е. наличием их в первой части предложения [ВАЛГИНА 1991: 206]. Различаются два вида грамматически неполных предложений – контекстуально-неполные и ситуативно-неполные, но ученые также говорят о специальном подтипе – о неполных предложениях в диалогах. «Контекстуальными называются неполные предложения с незавершенными членами предложения, которые были упомянуты в контексте» [ВАЛГИНА 1991: 207]. В таких предложениях неполнота имеет анафорический характер. Среди контекстуальных предложений Валгина выделяет четыре типа: (а) простые предложения с незавершенными главными или второстепенными членами, (б) сложные предложения с незавершенной главной или придаточной частью, (в) неполные предложения, составляющие часть сложного предложения с незавершенным членом, имеющимся в другой части сложного предложения, (г) предложения с неполной формой слова или неполным словосочетанием. «Ситуативными называются неполные предложения с незавершенными членами, которые ясны из ситуации и подсказаны обстановкой» [ВАЛГИНА 1991: 209]. Ситуативные предложения – продуктивные виды грамматически неполных предложений, характерных для разговорной речи. Они употребляются в качестве полноценных единиц общения только в определенной ситуации. Обстоятельства речи подсказывают собеседникам понятия и представления, необходимые для понимания высказывания, но сами они словесно не выражаются. У Валгиной диалогическая речь является отдельной категорией для описания неполных предложений [ВАЛГИНА 1991: 210]. Диалогическая речь имеет определенные закономерности. В диалоге должно быть не меньше двух предложений: первое предложение является развернутым, полным по структуре, а последующее предложение или последующие предложения являются репликами, выраженными зависимыми словами или словосочетаниями. Они сообщают что-то добавочное к высказанному в первом предложении. Валгина различает две группы неполных диалогических предложений: предложения-реплики и предложения-ответы на вопросы [ВАЛГИНА 1991: 210]³.

В неполных предложениях проявляются такие имплицитные аргументы, которые нуждаются в интерпретации с помощью прагматической пресуппозиции.

³ О контекстуальном и ситуативном эллипсисе в диалогах см. в работе Ч. Йонаш [1999: 79–84].

Так как наше внимание сосредоточивается на семантической пресуппозиции⁴, объектом нашего анализа будет служить другой вид проявления лексической неполноты, а именно - эллиптические предложения.

Более узкое (специальное) значение термин «эллипсис» получает у Валгиной: «эллиптическими предложениями называются самостоятельно употребляемые предложения особого типа, спецификой структуры которых является отсутствие глагольного сказуемого, причем сказуемого, не упомянутого в контексте, т. е. в смысловом отношении не являющегося необходимым для передачи данного сообщения» [ВАЛГИНА 1991: 211]. Речь идет о предложениях с нулевым сказуемым. Отсутствующее и не нуждающееся в восстановлении сказуемое, однако, участвует в формировании структуры данных предложений, исходя из роли зависимых от него слов. Вопреки этому, эти предложения не нуждаются ни в контексте, ни в ситуации, для того, чтобы составить представление о действии или состоянии. Они выражаются конструкцией в целом, целью которой есть сообщить о месте, времени, способе, характеризующих действие или состояние, или указать на объект действия. «*За домом – сад, залитый солнцем*» [ВАЛГИНА 1991: 212]. Для понимания эллиптических предложений не нужно выходить за пределы предложения. Такие предложения семантически полные и вне контекста, и вне ситуации, они неполные только с точки зрения структуры, т. к. позиция сказуемого не замечена. Эллиптические предложения обычно соотносятся с полными, в которых сказуемые выражены глаголами бытия, наличия, обнаружения, восприятия: (*Вокруг месяца бледные круги.*), глаголами со значением речи (*Марья – ему вслед, негромко: – Хлеб весь, чай, съел?*), а также некоторыми глаголами движения (*Он к воротам.*) и глаголами со значением энергичного действия как *схватить, толкнуть* (*В огонь их!*) [ВАЛГИНА 1991: 212]. Само явление эллипсиса встречается как в простых (*Над площадью низко нависшая пыль.*), так и сложных предложениях (*Теркин – дальше, автор – вслед.*) [ВАЛГИНА 1991: 212]. Об эллиптических сложных предложениях можно сказать, что они в русских печатных рекламных слоганах в основном являются бессоюзными. При характеристике бессоюзных эллиптических сложных предложений Т. Стародубова [2005] выделила следующие моменты, свойственные эллиптическим предложениям вообще. «(1) В них есть невербализованный смысл, который не может быть приписан ничему, кроме эллиптированного компонента. (2) Наличие эллиптированного компонента определяется системными языковыми показателями, т. е. объективировано самой системой языка. (3) Лексико-семантическое наполнение эллиптированного компонента определяется исходя из лексико-семантического содержания предикативных единиц предложения.» Т. Стародубова считает возможным выделить в бессоюзных сложных эллиптических предложениях две структурные группы:

⁴ Ф. КИФЕР при перечислении важнейших свойств для дефиниции пресуппозиции определил, что появление семантических пресуппозиций в случае простых предложений не зависит от контекста [1983: 10].

а) предложения, в которых эллиптирован один из их членов, находящийся в первой части:

Варвара прислушалась: донесся шум вечернего поезда.

Варвара прислушалась и [услышала]: донесся шум вечернего поезда.

б) предложения, в которых возможен пропуск целой предикативной части:

Будете в Горьком – приходите.

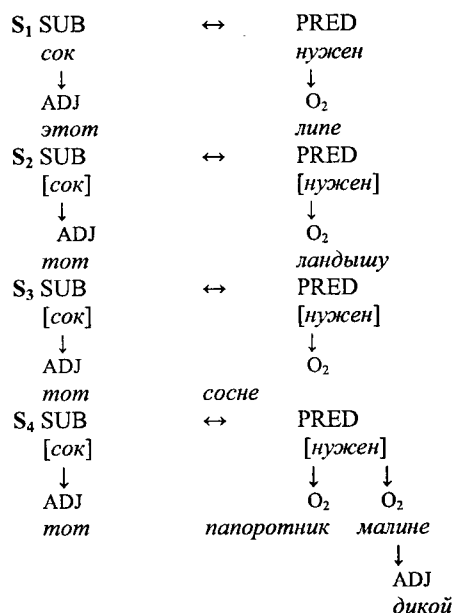
Будете в Горьком [мы там живём, будем вас ждать]– приходите.

Главные различия трех типов предложений, (неполного, простого эллиптического и сложного эллиптического) представляет схема 3.

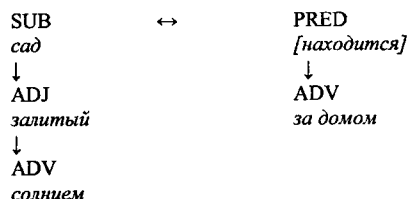
Схема 3

(а) «Вот этот сок нужен липе, тот – ландышу, тот – сосне, а тот папоротнику или дикой малине.» [ВАЛГИНА 1991]

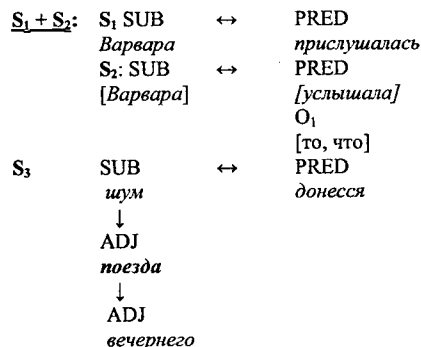
S₁ + S₂ + S₃ + S₄:

(б) «За домом – сад, залитый солнцем.» [ВАЛГИНА 1991]

(в) «Варвара прислушалась: донесся шум вечернего поезда.» [СТАРОДУБОВА 2005]

На основе всего вышесказанного, рассмотрение связи между лексической неполнотой и семантической пресуппозицией в рекламных текстах должно быть сосредоточено на эллиптических предложениях, как об этом свидетельствуют и нижеследующие примеры.⁵

⁵ В предложениях слоганов связь между эллиптированной конструкцией и пресуппозицией хорошо поддается рассмотрению семантическими и грамматическими средствами. Так как в

3. Семантическая пресуппозиция в эллиптических предложениях русских печатных рекламных текстов

Исходя из того, что специфика структуры эллиптических предложений – это отсутствие глагольного сказуемого, можно прийти к выводу, что для выявления семантической пресуппозиции необходимо дать определение предикатов, отсутствующих в слоганах и индуцирующих в них пресуппозицию.

На основе второстепенных членов в составе сказуемого представляется возможность выражения глагольной части сказуемого. На основании этого принципа можно сформулировать правила раскрытия пресуппозиций инхотативными глаголами, глаголами движения, глаголами локализирующего значения, фактивными глаголами, глаголами со значением речи, а также со значением энергичного действия.

С точки зрения выявления связи между эллипсисом и семантической пресуппозицией необходимо определить тип неполноты в русских печатных рекламных текстах. Для определения связи целесообразно провести анализ в три этапа.

На первом этапе делаем анализ по главным и второстепенным членам (на вершине синтаксического дерева находятся равноправные подлежащее и сказуемое) для явного выявления пропущенного элемента, отталкиваясь от того, что в эллиптических предложениях отчетливо проявляется двучленность, поскольку они базируются преимущественно на конструкциях двусоставных глагольных предложений. На втором этапе представлен дистрибутивный анализ, который описывает валентные и сочетаемостные свойства эллиптированного глагола.⁶ Таким образом можно определить место пропущенного глагола в предложении. На третьем этапе строится логическая схема (на основе примеров в работе Ф. КИФЕРА [1983]), помогающая выявить семантическую пресуппозицию в данном слогане.⁷

Дальше следует анализ инхотативных глаголов, глаголов движения, фактивных глаголов, глаголов локализирующего значения и глаголов совета и предложения, то есть наиболее употребляемых глаголов⁸ в эллиптических рекламных предложениях.⁹

данной работе не поставлено целью заниматься прагматическими отношениями, дальнейшие слои значения не затрагиваются нами.

⁶ Это т. н. дистрибутивный анализ, который стремится дать полный охват синтагматических характеристик анализируемой единицы. Способ презентации дистрибуции (управления и примыкания) русских глаголов был представлен Ю. Апресяном и Э. Палл. [АПРЕСЯН–ПАЛЛ 1982]. Условные обозначения: N – имя существительное, V – глагол; N¹, N²... – порядок вхождения существительных в данную конструкцию; n – именительный падеж, a – винительный падеж, d – дательный падеж, i – творительный падеж, p – предложный падеж.». О дистрибутивной методике также см. в [КОБОЗЕВА 2004: 149].

⁷ Об условном обозначении см. в работе КОВАЧ [2004].

⁸ Проблема семантической классификации глагольной лексики и выделения разных лексико-семантических групп глаголов активно исследуется в лингвистике. Как отмечает Л. М. Васильев, «общепринятой классификации глагольной лексики нет, да и вряд ли она вообще возможна, ибо любая классификация обусловливается какими-то принципами и аспек-

3.1. Инхоативные глаголы как эллиптированные компоненты

Инхоативность значит «приступ к дальнейшему действию, обладающему длительностью» [ШВЕДОВА 1982: 597]. А. Зализняк [ЗАЛИЗНЯК–ШМЕЛЕВ 2001] в качестве примеров инхоативных глаголов наряду с глаголами с приставкой *за-*, приводит такие пары, как *начаться-начинаться* и *стать-становиться* <каким-то>. (Подробнее об инхоативных глаголах см. в работе КОВАЧ [2004: 118–120].)

Слоган: *Две недели, и Вы – супер!*

I. Анализ по главным и второстепенным членам:

S_1			S_2		
SUB	↔	PRED	SUB	↔	PRED
<i>недели</i>		[<i>пройдут</i>]	<i>вы</i>		[<i>станете</i>]
↓					↓
ADJ					O_2
<i>две</i>					<i>супер</i>

II. Дистрибутивный анализ:

S_1	S_2
$N^1_n [V]$	$N^2_n [V] N^3_n$

Из этих анализов пропуск инхоатива становится видимым его дополнением, выраженным существительным, передающим признак¹⁰.

III. Выявление пресуппозиции:

Ф. КИФЕР дает такое формальное описание для качественного изменения [1983: 177]:

тами, а они определяются целями и задачами исследования» [ВАСИЛЬЕВ 1981:3 9]. Над проблемой классификаций русских предикатов работали такие лингвисты, как Ю. Д. АПРЕСЯН [1967], Т. В. БУЛЫГИНА [1982], Л. М. ВАСИЛЬЕВ [1981], Э. В. КУЗНЕЦОВА [1982], О. Н. СЕЛИВЕРСТОВА [1982], Т. Д. ШАБАНОВА [1998].

⁹ В подтверждение этого можно сослаться на [ХМЕЛЕВСКАЯ 1985], где выделяются «семантические группы эллиптических предложений, связанные с синтаксической функцией компонента, зависящего от отсутствующего сказуемого. Он может указывать на (1) процесс движения, (2) пространственное расположение, нахождение, (3) время и (4) значение объекта речи» [ХМЕЛЕВСКАЯ 1985: 68].

¹⁰ В русском нормативном словоупотреблении здесь стоял бы творительный падеж как управление глагола *стать*, но рекламодатели оперируют непривычностью грамматического оформления косвенного дополнения. Данное слово в русском языке не имеет конкретного лексического значения, оно выполняет роль обозначения превосходной степени (градация признака). Так как «супер» не русское слово (по происхождению является частицей превосходной степени прилагательных в латинском языке), оно не получает окончание русского прилагательного. По *Большому толковому словарю русского языка*, «супер – это неизменяемое слово в значении прилагательного (разг.): отличный, очень хороший, превосходный. Напр. У него джинсы просто супер.» [КУЗНЕЦОВ 1998].

- Ассерция: СТАНОВИТСЯ (x , Adj) в момент t .
Пресуппозиция: $\sim Adj$ (x) в момент t_1 .
Импликация: Adj (x) в момент t_2 и $t_1 < t \leq t_2$, (где x – аргумент, Adj – прилагательное, t – время, $\sim$ – обозначение отрицания).

По этому образцу анализируется наш слоган:

- Высказывание: *Две недели и Вы – супер!*
Пресуппозиция: Субъект x в t_1 Adj [– супер]
Импликация: Субъект x в t_2 Adj [+ супер]

Из этого видно, что инхоативы являются средством, с помощью которого рекламодатель манипулирует сознанием реципиента, с той целью, чтобы последний осознал свой недостаток и решил утратить его с помощью рекламируемого продукта. Структура предложения говорит о том, что в слогане «помещен» полузнаменательный эллиптированный глагол *стать*, который индуцирует пресуппозицию, описывающую ситуацию, имеющую место в прошлом, импликация здесь касается будущего события или состояния. Таким образом, эллипсис индуцирует пресуппозицию.

3.2. Глаголы движения как эллиптированные компоненты

Глаголы движения в русском языке по своей семантике выражают какое-либо движение, перемещение в пространстве. Они «являются устойчивой структурно-семантической группой глаголов несовершенного вида, объединяющихся в пары слов с общим корнем (кроме разнокоренных в паре *идти* – *ходить*). Эти слова противопоставлены друг другу по значениям однонаправленности – неоднаправленности движения, а также по некратности – кратности» [ШВЕДОВА 1982: 590]. Глаголы движения однонаправленного действия и глаголы совершенного вида, образованные от них с префиксом *по-* с начинательным значением, являются специальной подгруппой инхоативов, так как выражают качественное изменение (см. [КИФЕР 1983: 182]). Изменение состояния у глаголов движения связано с координатами места. При качественном изменении движения существуют по крайней мере две координаты места, т. е. качественное изменение характеризуется двумя состояниями: исходным и конечным. Исходное состояние связано с инхоативной ситуацией в форме пресуппозиции, конечное же – в форме импликации [КИФЕР 1983: 184]. Так как пресуппозиция выражает имплицитную информацию, только одна координата появляется эксплицитно, и именно та, которая выражает конечное состояние.

В рекламных слоганах часто эллиптируются глаголы движения для выражения интенсивности, динамичности. Эллиптированным компонентом в основном может являться глагол *ехать* (*Пора – на солнечный Кипр!*) и его видовые варианты, а в переносном смысле – глагол *идти* (*Время – для тебя!* в значении: *Время пришло для тебя.*). В журналах и каталогах бюро путешествий встречается большое количество подобных слоганов.

III. Выявление пресуппозиции:

Результаты исследований Ф. КИФЕРА [1983: 182] (выявление пресуппозиционной структуры с глаголом движения) могут быть применены и к русским предикатам. Венгерский лингвист дает следующее описание глаголов движения, индуцирующих пресуппозицию:

Ассерция: ДВИГАЕТСЯ ($x, u \rightarrow v, t$)
Пресуппозиция: НАХОДИТСЯ (x, u, t_1)
Импликация: НАХОДИТСЯ (x, v, t_2).

По этой схеме пресуппонируется, что субъект x в момент t_1 находится в пункте u . Импликация читается следующим образом: субъект x в момент t_2 находится в пункте v .

Согласно с вышеизложенной схемой, пресуппозиция в нашем слогане является следующим образом:

Высказывание: В Испанию – с хорошей компанией!
Пресуппозиция: Субъект x (восприниматель) в момент t_1 [- находится в пункте v (в Испании)].
Импликация: Субъект x в момент t_2 [+ находится в v (в Испании)].

В этом слогане эллиптированным глаголом движения пресуппонируется, что реципиент рекламы в момент восприятия не находится в Испании. Таким образом, через умолченный глагол передается побуждение к действию, т. е. к путешествию. Согласно нашему комплексному анализу, пресуппозиция предложения с эллиптированным глаголом движения является начальным пунктом в инхотативной ситуации.

3.3. Фактивные глаголы как эллиптированные компоненты

Фактивные предикаты характеризуются наличием семантической пресуппозиции истинности пропозиции, выраженной подчиненным предложением. В предикатах типа *рад*, *огорчен*, *знает* и т. д. «заложена способность определенным образом предсказывать коммуникативную структуру этой пропозиции. Придаточное при фактивном глаголе обычно не несет новой информации» [ПАДУЧЕВА 1996: 329]. (Более подробно о фактивах см. в работе КОВАЧ [2004: 121–123].) Это ярко демонстрирует следующий слоган.

Слоган: *Смотрите РБК-ТВ: все подробности о выборах!*

I. Анализ по главным и второстепенным членам:

Данный слоган является бессоюзным сложным предложением, в котором эллиптирован фактив во второй части предложения. Отсутствует связующее звено между частями бессоюзного сложного предложения – слово с обязательной валентностью, требующее при себе наличие второй части. Такая конструкция присуща в основном предложениям с присоединительным и изъяснительным отношениями [СТАРОДУБОВА 2005]. Т. Стародубова выделяет три семантических типа бессоюзных сложных предложений на основе того, какой член из первой части отсутствует: (а) предложения, в первой части которых отсутствуют глаголы, указывающие на процесс восприятия (*увидеть, услышать, почувствовать*), (б) предложения, в первой части которых указывается на процесс мыслительной деятельности (*понять, убедиться, разобраться*), и (в) предложения, в первой части которых указывается на процесс получения информации (*узнать*). Анализируемый слоган входит в третью группу.

II. Дистрибутивный анализ:

$$\begin{array}{cc} S_1 & S_2 \\ [N^1_n] \vee N^2_a & [N^3_n] [V] N^4_a N^5_p \end{array}$$

Как видно из вышеприведенных схем, на «скрытое наличие» фактивного глагола во второй части предложения указывает его прямое дополнение.

III. Выявление пресуппозиции:

Общая схема для фактивной пресуппозиции, предложенная Ф. КИФЕРОМ [1983: 215]:

(а) p является пресуппозицией $\text{ЗНАЕТ}(x, p)$ тогда и только тогда, если p следует как из $\text{ЗНАЕТ}(x, p)$, так и из $\sim\text{ЗНАЕТ}(x, p)$

(б) если p – это пресуппозиция структуры $\text{ЗНАЕТ}(x, p)$, то p должна быть истинной в мире говорящего (где p – фактивная пропозиция, x – субъект, $\sim$ – обозначает отрицание)

Формальное изображение нашего слогана:

Высказывание: *Смотрите РБК-ТВ: все подробности о выборах!*

Пресуппозиция: Факт p [*все подробности о выборах - на РБК-ТВ*]_s истинный, (независимо от того, восприниматель *узнает* ли все подробности или нет).

Фактические глаголы пресуппонируют истинность их комплемента, таким образом, при скрытом использовании фактивного глагола как подразумевающего члена второй части предложения, ощущается большая правдивость сказанного. Пропущенный фактив индуцирует пресуппозицию.

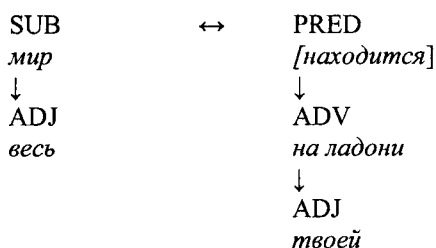
3.4. Глаголы локализирующего значения как эллиптированные компоненты

«Сообщение о пространственном положении предмета, о его локализованном наличии строится в русском языке с помощью локализирующего глагола и именной синтаксемы¹² (предложно-падежной формы) с локативным значением» [ЗОЛотова 1981: 65]. Более сильным элементом является локативная форма существительного. Независимо от синтаксического окружения, значение этих форм и семантически, и синтаксически выглядит полноценным и способным осуществить предикативную функцию. Например: *Булочная за углом* [ЗОЛотова 1981: 66]. Глаголы же не в состоянии самостоятельно организовать осмысленное сообщение: **Булочная находится*. Локативная именная синтаксема входит в состав сказуемого. В нижеследующем слогане отсутствует глагол *находиться*, который в грамматиках причисляется и к локализирующим, и к бытийным глаголам. Бытийные предложения отличаются от локативных только по актуальному членению предложения. Бытийные предложения сообщают о существовании предмета в пространстве, а локативные предложения о местонахождении предмета в пространстве. Например: *За рекой – [находятся] леса*. (бытие). *Леса – [находятся] за рекой* (местоположение). (См. еще в работе ПЕТЕ [2004: 34].)

Слоганы со скрытыми глаголами локализирующего значения чаще всего читаются в объявлениях о путешествиях.

Слоган: *Весь мир – на твоей ладони!*

I. Анализ по главным и второстепенным членам:

II. Дистрибутивный анализ:

$N^1_n [V] N^2_p$

¹² «Синтаксема – минимальная семантико-синтаксическая единица русского языка, выступающая одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных синтаксических построений, характеризуемый определенным набором синтаксических функций... Каждая синтаксема характеризуется тремя признаками – формой, значением и функцией. Значением синтаксемы является её падежная роль в смысле Д. Филлмора. Существенной характеристикой синтаксемы является синтаксическая функция, определяющая способность синтаксемы синтаксически реализоваться в определенной позиции предложения» [НЕВЗОРОВА 2002].

Отсутствующий глагол локализирующего характера восполняется при помощи обстоятельства места, выраженного существительным в предложном падеже. Так как «выражение экзистенциальных и локализирующих отношений часто совмещается» [ЗОЛотова 1981:66], предоставляется возможность выявить в предложениях с глаголами локализирующего значения экзистенциальную пресуппозицию.

III. Выявление пресуппозиции:

Выяснилось, что вопрос, является ли глагол *находиться* локализирующим или же бытийным, зависит от актуального членения предложения. По наблюдениям Ф. КИФЕРА [1983: 236] теморематическая структура не влияет на появление пресуппозиций в случае собственных имен. Во многих слоганах с локализирующим глаголом выступает географическое название (напр., *Болгария – рядом!*). В случае нарицательных, пресуппозиция индуцируется только тогда, если существительное стоит в роли темы¹³. Значит, в анализируемом слогане тема *весь мир* имеет экзистенциальную пресуппозицию. Также можно выделить вторую экзистенциальную пресуппозицию. В ассерции эти пресуппозиции связаны с помощью глагола локализирующего значения. Понятие экзистенциальной пресуппозиции демонстрирует Ф. КИФЕР [1983: 77] следующим образом:

- ПР₃ – экзистенциальная пресуппозиция предложения S, если
 – S' пресуппозиция S, и
 – S' экзистенциальное высказывание.

В случае слогана:

Высказывание: *Весь мир – на твоей ладони!*¹⁴

Ассерция: НАХОДИТСЯ (*x, u*) (где *x* – субъект, который находится где-то, а *u* – место, где субъект *x* находится)

Пресуппозиция 1 (ПР₁): СУЩЕСТВУЕТ *весь мир*

Пресуппозиция 2 (ПР₂): СУЩЕСТВУЕТ *такое место, где находится весь мир.*

Экзистенциальные пресуппозиции в этом случае не лексические (они индуцируются не данными глаголами), а синтаксические, т. к. они обуславливаются синтаксической структурой. Таким образом, синтаксическая структура с эллиптированным глаголом локализирующего значения индуцирует пресуппозицию.

¹³ В тематической позиции пресуппозиция появляется только в том случае, когда семантическая структура пресуппозиционной структуры содержит переменную, которая заполняется в тематической позиции [КИФЕР 1983: 243].

¹⁴ В слогане выражение *находиться на ладони* имеет коннотацию «доступности», т. е. «Весь мир доступен Вам».

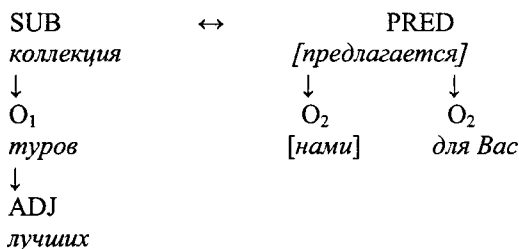
3.5. Глаголы совета и предложения как эллиптированные элементы

Глаголы типа *предлагать*, *рекомендовать*, *предназначать*, *предоставлять* часто встречаются в рекламных текстах.

«Перформатив¹⁵ *предлагать* в основном сочетается с инфинитивом, называющим иллокутивную цель действия, ту цель, к осуществлению которой побуждает адресата говорящий. *Предлагать* может также сочетаться с неодушевленным существительным, оформленным в винительном падеже, которое является предлагаемым (предоставляемым) адресату предметом без идеи предпочтения при выборе» [КРЕКИЧ 1993: 13]. Значение перформатива *предлагать* пересекается со значением перформатива *рекомендовать*, имеющего кроме рекомендующего значения и значение одобрения, признание что-либо/кого-либо положительным: *я предлагаю, я рекомендую* [КРЕКИЧ 1993: 50].

Слоган: *Коллекция лучших туров – для Вас!*

I. Анализ по главным и второстепенным членам:

II. Дистрибутивный анализ:

N¹_n [V] для N²_g

В схеме возвратный глагол *предлагается* определяется наличием подлежащего и двух косвенных дополнений, одно из которых выражается имплицитно, а другое с помощью предлога *для*.

III. Выявление пресуппозиции

Структура слогана позволяет допустить одновременно две экзистенциальные пресуппозиции. Перформатив *предлагается* соединяет две пресуппозиции в ассерции:

Высказывание: *Коллекция лучших туров – для Вас!*

Ассерция: ПРЕДЛАГАЕТСЯ (*x*, *z*) (где *x* – субъект, кому что-то *предлагается*, а *z* – то, что этому субъекту *предлагается*)

Пресуппозиция 1 (ПР₃): СУЩЕСТВУЕТ *коллекция лучших туров (z), которая предлагается*.

¹⁵ Глагол *предлагать* входит в группу побудительных перформативов со значением предложения и совета из пятнадцати групп перформативов, выделенных Ю. АПРЕСЯНОМ [1986: 209].

Пресуппозиция 2 (ПР₂): СУЩЕСТВУЕТ субъект *x*, кому предлагается коллекция лучших туров.

В данных слоганах экзистенциальная пресуппозиция, как и в слоганах с эллиптированными глаголами локализирующего значения, синтаксическая. Таким образом, синтаксическая структура с пропущенными глаголами совета и предложения индуцирует пресуппозицию.

Заключение

Лексическая неполнота является средством компрессии в рекламе и отражает стремление воздействовать на адресата с помощью минимальной эксплицитности информации. В настоящей работе была предпринята попытка уловить связь между пресуппозицией и лексической неполнотой. В эллиптических предложениях семантическая пресуппозиция играет существенную роль при восполнении пробела в информации без контекста и ситуации, т. е. на основе конструкции в целом. Лексическая неполнота подобных слоганов является носителем имплицитной информации, индуцирующей пресуппозицию.

Литература

- АПРЕСЯН 1967: Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. Москва, Наука.
- АПРЕСЯН–ПАЛЛ 1982: Апресян Ю. Д., Палл, Э. Русский глагол – венгерский глагол. Управление и сочетаемость. Budapest. Tankönyvkiadó.
- АПРЕСЯН 1986: Апресян Ю. Д. Перформативы в грамматике и в словаре // Известия Академии наук СССР – Серия литературы и языка 3:208–223. Москва.
- БУЛЫГИНА 1982: Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. 7–85. Свердловск, Уральский Государственный Университет.
- БУТУСОВА 2003: Бутусова А. С. Прагматический потенциал эллиптических предложений. Ростов-на-Дону, ЮФУ.
- ВАЛГИНА 1991: Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. Москва, Высшая Школа.
- ВАСИЛЬЕВ 1981: Васильев Л. М. Семантика русского глагола. Глаголы речи, звучания и поведения. Москва, Высшая школа.
- ЗАЛИЗНЯК–ШМЕЛЕВ 2001: Зализняк А., Шмелев А. Типы видовой связи. Москва, ИЯ РАН, МПГУ.
- ЗОЛотова 1981: Золотова Г. А. О роли глагола в структуре предложения // Русский язык за рубежом 5. Москва, 64–69.
- ЗОЛотова 1982: Золотова Г. А., Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Москва, «Наука».
- КИФЕР 1983: Kiefer, F. Az előfeltevések elmélete [Теория пресуппозиций]. Budapest, Akadémiai Kiadó.
- КИФЕР 2000: Kiefer F. Jelentésemélet [Теория значения]. Budapest, Corvina.

- КОБОЗЕВА 2004: Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика. Москва. Издательство УРПС.
- КОВАЧ 2002: К. Ковач, К. Стереотипность в языке реклам. Текстовые и культурологические явления // Избранные вопросы русского языка и лингводидактики, 193–201. Познань.
- КОВАЧ 2004: К. Ковач, К., Некоторые типы пресуппозиций в русских печатных рекламных текстах // *Slavica XXXIII. Debrecen*, 105–127.
- КОВАЧ 2007: К. Ковач, К., Esettanulmányok az ellentétviszonyban megfogalmazott preszuppozíciók feltárására az orosz nyomtatott reklámszövegekben [Анализ пресуппозиций, выражающихся в оппозиционных конструкциях в русских печатных рекламных текстах] // *Argumentum* 3:19–33. Online: <http://argumentum.unideb.hu/2007-anyagok/KissneKK.pdf> Debrecen.
- КРЕКИЧ 1993: Крекич Й., Побудительные перформативные высказывания. Szeged, JGYTF Kiadó.
- КУЗНЕЦОВ 1998: Кузнецов, Большой толковый словарь русского языка. Москва.
- КУЗНЕЦОВА 1982: Кузнецова, Э. В. (ред.), Семантические классы глаголов. Свердловск, Уральский Государственный Университет.
- НЕВЗОРОВА 2002: Невзорова О. А. Реконструкция формального контекста синтаксемы по Синтаксическому словарю Г. А. Золотовой. Online: www.dialog-21.ru/materials/archive.asp?id=7626&y=2002&vol=6078 Date of access: 20.07.2007.
- ПАДУЧЕВА 1996: Падучева Е. В., Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. Москва, Языки русской культуры.
- ПЕТЕ 2004: Пете И., Синтаксическая семантика и прагматика русского языка. Сегед, Szláv Intézet.
- РОЗЕНТАЛЬ 1995: Розенталь Д. Э., Современный русский язык. Москва. Международные отношения.
- СЕЛИВЕРСТОВА 1982: Селиверстова О. Н., Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка // Семантические типы предикатов. 86–157. Свердловск, Уральский Государственный Университет.
- СКОВОРОДНИКОВ 1981: Сковородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, Издательство Томского Университета.
- СТАРОДУБОВА 2005: Стародубова Т. А. К вопросу о специфике структурных и семантических типов бессоюзных сложных эллиптических предложений в современном русском языке. Online: www.rusnauka.com/ONG/Philologia/4_starodubova%20t.a.doc.html Date of access: 15.06.2007.
- ТЕСТЕЛЕЦ 2001: Тестелец Я. Г., Введение в общий синтаксис. Москва. Российский государственный гуманитарный университет.
- ХМЕЛЕВСКАЯ 1985: Хмелевская Е. С., Односоставные предложения. Нечленимые предложения. Неполные и эллиптические предложения. Вводные и вставные предложения. // Гневко В. Т., Кравченко З. Ф., Хмелевская Е. С., Современный русский язык. Минск, Высшая Школа.
- Ч. ЙОНАШ 1999: Cs. Jónás, E., Az orosz dialógus természetrajza [О природе русского диалога] Nyíregyháza, Bessenyei Könyvkiadó.
- ШАБАНОВ 1998: Шабанов Т. Д. Новое о семантике вида // Исследования языковых единиц и грамматических категорий в речи: 64–70. Уфа.

ШВЕДОВА 1982: Шведова Н. Ю. (гл. ред.), Русская Грамматика. Москва, также online: <http://rusgram.narod.ru> Date of access: 18.03.2007.

Abstract

On the Relationship between Lexical Ellipsis and Presupposition in Russian Print Advertisements

Lexical ellipsis is a means of condensation in advertising and is used as a means of manipulation as it conveys the smallest amount of explicit information. In the present article there is an attempt to describe the relationship between presupposition and lexical ellipsis. In elliptical sentences semantic presupposition seems to play an important part in filling the gap in information without a context or a situation, i.e. on the basis of the construction as a whole. The article suggests that lexical ellipsis in slogans is the conveyor of implicit information that induces presupposition.

ИЕРАРХИЯ ГОВОРЯЩИХ В ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ

Нава-Ванда ШАХВЕРДОВА

0. Задачи исследования

Тема, заявленная в статье уже поднималась нами в работе «Некоторые особенности правового дискурса (На основе телевизионной программы «Час суда»)), появившейся в XXXIV номере Славики. Здесь мы рассмотрели незатронутые нами аспекты, с помощью современных методов анализа устного дискурса.

Задача исследования¹ – представить иерархические отношения между участниками особой формы правового дискурса – заседаний мирового суда – которые возникают в рамках телевизионной программы «Час суда». То, что одни участники правового дискурса стоят выше других с точки зрения власти, и что наибольшей властью в зале суда располагает судья, кажется тривиальной истиной, которая не подлежит сомнению и не требует доказательства. Нетривиально, однако, то, какими средствами выражаются эти отношения в определенной форме дискурса. Цель исследования – в процессе анализа транскрипции заседаний определить, какими языковыми и неязыковыми средствами выражается эта социальная связь, то есть как властные позиции участников ситуации определяют их речевое поведение.

В первой части статьи производится краткий обзор основных принципов конверсационного анализа (КА), а также указание на несколько работ, посредством которых метод был представлен в венгерской лингвистической литературе. Затрагивается также и теория речевых актов (ТРА), однако ограничено, в строгом подчинении целям исследования – дополнить и подтвердить выводы, сделанные в процессе КА. Во второй части следует ознакомление с корпусом: технические детали, представление ситуации, из чего вытекает тематика третьего раздела – обсуждение контекста, уточнение терминов. Вышеупомянутые части подготавливают анализ текста, произведенный в четвертом разделе, который, в свою очередь, делится на три подраздела, представляющие разные аспекты анализа.

1. Метод исследования

При обработке языкового материала использовалось в основном два современных качественных метода, подходящих для анализа устного дискурса – метод этнометодологического конверсационного анализа и теория рече-

¹ Исследование проведено при поддержке фонда ОТКА (№ 68568 К)

вых актов. Выводы подтверждаются и цифровым отображением полученных результатов (всего лишь для большей наглядности, а не для выражения количественности метода).

Основные принципы КА, возникшего в 60-е годы [ИВАНИ и др. 2006: 112, МЭЙ 1993:215, ШЛЕМБРУК 2005], по мнению многих исследователей очень близки к методам социологии, поскольку изучают язык в его социальных, межличностных, интерактивных² проявлениях, в аспекте того, как сама социальная среда, институты, ритуалы, конвенции зарождаются и репродукцируются в процессе речевой деятельности³ [САКС 1984: 26; ЩЕГЛОВ 1980; РУСАНОВА 2007; ПСАТАС 1995]. Это подтверждает следующее размышление ЩЕГЛОВА, по мнению которого организация интерактивного действия – явление социальное, составляющая часть социальной организации функционирования целого общества. Конверсационные отрезки и их организованная последовательность (объяснение терминологии дальше), а также изучающая их наука связана с организацией социальной реальности. Значит, наши навыки понимания и использования вышеупомянутых единиц, тоже социальные [1980: 151].

Ключевые понятия теории КА – это последовательность (sequence), отрезок речи (talk turn), пара (adjacency pair), смена говорящего (turn in talk), исправление (repair)⁴. Метод КА предписывает изготовление подробной транскрипции, которая должна отражать специфику разговорной речи. Разговорность подчиняется особым правилам.⁵ По определению САКСА [1989: 29] формализация явлений речи членов общества позволит выявить стратегии и методы, которыми они пользуются, и привести к нетривиальным результатам. В процессе исследования КА проясняется также и связь между прагматикой и грамматикой [ИВАНИ и др. 2006], а одним из главнейших достижений может стать грамматика беседы (talk in interaction) [ПСАТАС 1995: 68–69].

Иерархичность правового дискурса представляется в процессе секвенционального анализа текста. Метод КА часто критиковали по поводу того,

² Смотри также Ч. Гудвин [1979] Интерактивная конструкция предложения в непринужденной речи.

³ Не случайно лингвисты употребляют выражения связанные именно с речью как деятельностью, например: „a speaker's work on discourse production” [Гюлих–Кочи 1995: 30, 31 и др.].

⁴ Следующие короткие определения сформулированы на основе работы Ж. Ивани [2001]: последовательность (sequence) – это организованность речевых отрезков (высказываний – смотри также М.М. БАХТИН [1979: 241–250] о границах высказывания) в дискурсе; отрезок речи (talk turn) – отрезок речи, звучащей без прерывания со стороны собеседника (мы используем термины отрезок и высказывание как синонимы); пара (adjacency pair) – соотношение следующих непосредственно друг за другом отрезков; смена говорящего (turn in talk) – передача речи собеседнику, может быть вынужденной, основывающейся на внешнем влиянии, но и кооперативной, основывающейся на внутреннем побуждении; исправление (repair) – механизм исправлений речи (самоисправлений и исправлений собеседника) может послужить важной информацией касательно того, как говорящие создают и воспринимают речь.

⁵ Смотри также [Гюлих–Кочи 1995].

что контексту не уделялось достаточно внимания⁶ [ПСАТАС 1995: 8; ШЛЕМБРУК 2005], а также потому, что представленные явления фрагментарны и показывают лишь малый сегмент речевого процесса. Частично избежать таких последствий можно анализируя большой корпус текста, не исключая представления и интерпретации ситуативного контекста, который служит важным источником информации при отображении иерархичной организации правового дискурса. Важным дополнением может послужить также и социальная категоризация (самокатегоризация и категоризация других членов ситуации) участников беседы. Вопросы социальной категоризации были затронуты в работах венгерских лингвистов Жужанны ИВАНИ [2006, 2003, 2001], Корнелии Мартинец, Андраша Кертеса, Норы Мате [2006, 2007], Монники ШАЙГАЛ [2006], Агнеш ХАМОРИ [2006] и других, а проблематика выражения социального доминирования в языке в работах Андреа Агнеш РЕМЕНИ [2001]. Социальная категоризация в правовом дискурсе является важным средством установления иерархии между собеседниками.

Одним из важных средств проявления иерархии являются также перформативные высказывания, поэтому анализу перформативов в текстах заседаний уделяется особое внимание. Перформативные выражения связаны с характером института и определяются им. После определяющих эпоху в лингвистике работ Остина, Серля и Грайса появляется множество исследований этого сегмента языковой деятельности. На заседании суда большинство перформативных речевых актов произносит судья. Эта особенность связана с его ролью ведущего, управляющего всем процессом. Он не только допрашивает присутствующих, но и дает указания (или запрещает определенные действия) насчет поведения в зале суда и, в конце концов, он выносит приговор и оглашает его.

В западной лингвистике Джон ОСТИН [1986, на русском языке] считается первым исследователем, который отличил перформативные высказывания от констативов. Согласно другим исследователям, например Йожефу Крекичу, приоритет в открытии этого явления отдается Эрвину Кошмидеру в 1934-м году [Крекич 1993: 8]. Однако разработка теории речевых актов произошла позже, во второй половине XX-го века в работах Дж. Остина, П.Ф. Стросона, Дж. Р. Серля, А. Дэйвисона, Д. Франка и других (на русск. в 1986-ом году). Однако представление развития мысли об илокутивной силе и перформативах не является задачей для нас. Важно определение перформативных выражений и отделения их от констативов. Перформативы определяются Остином следующим образом: «(1) перформатив должен быть осуществлением какого-нибудь действия, а не просто говорением; и (2) перформативу свойственно быть успешным или неуспешным, а не истинным или ложным» [1986: 107].

⁶ „They ignored the local context as both relevant for and inextricably implicated in meaning production, and instead substituted the theoretical assumption concerning „context and meaning”, which were embedded in the category system itself.” [ПСАТАС 1995: 8]

Высказывание подобных предложений не значит описание какого-либо действия, или заявление о том, что что-то происходит, а действие само. Остин [1986] подчеркивает определяющую роль контекста, так как для того, чтобы перформативы были действительными, необходимы определенные условия, однако само действие все-таки происходит посредством слов. Контекст предписывает определенное распределение ролей и степеней доминирования. Контекст предписывает роль, в которой участник «имеет право» произносить перформативные высказывания, следовательно, посредством анализа контекста и перформативов можно прояснить иерархичные отношения между участниками ситуации.

В венгерской лингвистике в ТРА следует выделить монографию русиста Йожефа КРЕКИЧА «Побудительные перформативные высказывания» [1993], производящую классификацию русских перформативов, которая послужила теоретической основой и для проведенного нами анализа перформативных выражений в текстах заседаний мирового суда⁷.

2. Корпус

Исследуемый языковой материал – корпус (К) – это заседания мирового суда, представленные в рамках телевизионной программы «Час суда». Материал был записан на видеопленку,⁸ дигитализирован и транскрибирован. Транскрипция одного заседания прилагающаяся к статье (Приложение № 2) 308 строк (2595 слов). Подробная транскрипция изготовлена согласно традициям КА [ПСАТАС 1995: 70–77], расшифровка условных обозначений дана в приложении (Приложение № 1). Участники ситуации: судья (А), истец (Б), ответчик, (В), судебный пристав (Г), свидетель-специалист (Д). Поскольку заседания суда представляются в рамках телевизионной программы, в перерыве между процессом и принятием решения есть часть, которую можно определить как комментарий ведущего, которую мы включили в транскрипт, но к анализируемому тексту этот комментарий, естественно, не относится. Обсуждаемые в процессе работы с текстом примеры приводятся указанием строк в К-е, из соображения экономии места.

Анализ языковых средств выражения доминантности в тексте заседания мирового суда следует темам: описание контекста, представление развития темы (поддержка или игнорирование предложенной темы), представление смен говорящих (прерывание) а также перформативных речевых актов как выразителей властной позиции и доминирования говорящего.

⁷ Смори также [ПЕТЕ 2004: 234–274].

⁸ Эпизод программы «Час суда», записанный по программе НТВ 2005 года, 28 сентября в 16:00

3. Контекст и дискурс (юридический, квазюридический или правовой?)

Как было упомянуто в предыстории, тема юридического дискурса была уже представлена в XXXIV номере Славики [ШАХВЕРДОВА 2005]. Описание контекста и определение термина юридического (вернее квазюридического) дискурса имело место в этой работе, однако возникновение некоторых сомнений (как определить дискурс – юридический, квазюридический или правовой) требует уделения дальнейшего внимания этому вопросу. Кроме того, в описании контекста с точки зрения распределения доминирования и иерархии, необходимо добавить несколько аспектов, которые не являлись определяющими в предыдущей части исследования. В ходе анализа текста были использованы определения, связанные с речевым поведением судьи, однако секвенциональный анализ вносит некоторые изменения (например, в функциональную категоризацию вопросов) в результаты.

На заседаниях, как раньше уже было упомянуто, принимают участие всего несколько лиц: судья, истец, ответчик, судебный пристав, свидетели, специалисты. Обязательно лишь присутствие первых четырех участников. Отсутствуют такие постоянные участники судебных процедур как адвокат и прокурор, вследствие чего судья сам допрашивает истца и ответчика. Так как все подробности, необходимые для вынесения решения выясняются по ходу судебной процедуры, речевой жанр мирового суда очень близок к жанру допроса. В венгерской лингвистической литературе последнего времени жанр допроса был предметом изучения в работах М. ШАЙГАЛ [2006] и А. ХАМОРИ [2006].

Социальная среда человека зарождается (конструируется) в процессе дискурса (см. [ЧЕРНЯВСКАЯ 2006: 77]). Среда существования общественного института – язык, а играющие роль в функционировании этого института индивиды подстраиваются в своем употреблении языка к существующим в нем нормам, созданным и принятым обществом. То есть можно различить то, что относится к какому-нибудь общественному институту (например, всевозможные профессиональные дискурсы: юридический, медицинский, деловой), и то, что относится к личной сфере. В общественных институтах всегда наличествует более-менее определенная категоризация вступающих в контакт и соответственно иерархия между говорящими сторонами (асимметричные отношения). КА также изучает явление социальной категоризации (СК) (social categorization), которая является также и средством выражения отношений между говорящими, то есть может послужить и маркером подчиненности. Каждый человек член множества социальных групп и должен соответствовать ролям, отведенным ему в этих группах. В нашем К СК происходит в основном отнесении участников к одной из ролей на заседании.

Если сравнить юридический дискурс с профессиональными, наблюдается одна особенность, которой юридический язык отличается от других профессиональных жаргонов – его универсальность. Под универсальностью понимается то, что право есть такое орудие власти, такая нормообразующая сила,

которая призвана регулировать все слои и все сегменты общества, и, таким образом, юридический дискурс может «просачиваться» во все остальные дискурсы, и наоборот, элементы других форм дискурса могут попадать в юридическую речь.

Как было упомянуто раньше, одним из характерных признаков институтивного дискурса является категоризация – люди следуют определенным ролям. Эта категоризация появляется в общении профессионалов и непрофессионалов⁹.

В дальнейшем, чтобы уточнить термины (юридический, квазюридический, правовой), мы опираемся на оппозицию профессионализм/ непрофессионализм. Каковы различия между этими двумя категориями на территории права:

Непрофессионал	Профессионал
• Имеет представление о процессе правосудия • Имеет представление о юридическом дискурсе • Играет пассивную роль в процессе правосудия • Находится в подчиненном положении	• Знает как действует процесс правосудия • Точно и правильно употребляет юридические термины • Играет активную роль в процессе правосудия • Находится на верху иерархии

Исходя из вышесказанного, мы предлагаем провести различие между терминами юридический, квазюридический и правовой дискурс. Юридический дискурс, язык юриспруденции – это дискурс профессионалов. Можно ли считать язык заседаний мирового суда¹⁰ юридическим? Скорее всего, нет, потому, что всего одно профессиональное лицо принимает участие в процессе. Предлагается называть дискурс нашего корпуса квазюридическим или правовым, так как это речь участников процесса правосудия.

Читатель Славки уже отчасти ознакомился с особенностями контекста речевого действия [ШАХВЕРДОВА 2005], однако есть некоторые дополнения, которые следует произвести в связи с вопросом категоризации и иерархических позиций. Принимая во внимание, что процесс правосудия представлен в рамках телепередачи, контекст достаточно сложен. Так как мы занимаемся

⁹ Самое резкое различие между профессиональным и непрофессиональным участником правового дискурса состоит в их знакомстве с сегментом мира, связанным с юриспруденцией. Это, следуя категориям САИДА [1997 :183] познание мира как контекст. Различие состоит в представлениях о контексте.

¹⁰ «Мировые судьи рассматривают семейные, несложные трудовые и имущественные споры, а также уголовные дела, мера ответственности по которым не превышает двух лет лишения свободы. Мировые судьи призваны разгрузить суды общей юрисдикции и облегчить доступ граждан к правосудию.» [http://www.mrm.ru/news/vao/nk/z_5871/, online available 24.07.07, 14: 33]

только проблемой иерархичных отношений в речи правового института, часть контекста, связанная с ролью средств массовой информации, нами (в пределах этой статьи) не затрагивается. Однако следует заметить, что в самом тексте заседаний никаких указаний на зрителей не имеется. Можно сказать, что контекст имеет два уровня – уровень передачи, он образует рамку для процесса правосудия и само заседание. На уровне передачи суд является центром внимания, но в процессе правосудия уровень телепередачи не играет роли. Возникает вопрос – «Час суда» – это телепередача или правовой процесс? Есть доводы, которые подтверждают последнее, самый веский из которых это то, что мировой судья выносит действительное решение. Обстановка зала также подтверждает это предположение. Например, освещение и роль публики. Публике отведена абсолютно пассивная роль, она слабо освещена. Привычные в телевизионных программах (особенно в ток-шоу) аплодисменты, смех, выражение неудовольствия здесь не имеют места. Самое сильное освещение получает судья, который сидит на возвышении, за столом. В процессе правосудия два лица обладают атрибутами – судебный пристав (форма) и судья. Судья одет в особую одежду (мантия), в руке у него символ власти – молоток. За спиной судьи также символы государственной власти (флаги, герб). Судья сидит лицом к публике, истцу и ответчику, то есть визуально контролирует всю территорию. Истец и ответчик стоят напротив судьи за кафедрой, спиной к публике, в нескольких шагах друг от друга. Чтобы видеть друг друга, им приходится поворачиваться. Место истца и ответчика находится на краю сильно освещенной территории.

Некоторые добавления должны быть произведены и к структуре текстов заседания. В предыдущей статье [ШАХВЕРДОВА 2005] мы делили структуру на доказывание и вынесение приговора, однако можно выделить дальнейшие части, которые судья называет: такие, как допрос истца, допрос ответчика, допрос свидетелей или экспертов и вынесение приговора.

4. Анализ текста

КА представляет коммуникацию как организованную последовательность высказываний (актов и ответных реакций) [ЩЕГЛОВ 1980; ПСАТАС 1995; ИВАНИ 2001]. Отрезок или высказывание – распространенный во времени упорядоченный сегмент коммуникативного процесса, имеющий начало, середину и конец, который носитель языка (при помощи языковой компетенции) способен производить и воспринимать. Мы определяем один сегмент речи (talk turn) как отрезок речи, который не прерывает «реакция» – ответный сегмент.

В анализе текста мы занимаемся тремя основными вопросами в соответствующих подразделах: как развитие темы (предложение новой темы одним из говорящих и реакция остальных участников коммуникации – игнорирование, пресечение, принятие) свидетельствует о более или менее доминантной позиции участника ситуации; затем, как свидетельствует о вышеупомянутых

отношениях прерывание, и, в последнюю очередь, анализируется использование перформативных выражений. Рассмотрим, как говорящие создают отношения подчиненности и доминирования в процессе своей речевой деятельности.

4.1. Поддержка и развитие темы, предложенной одним из говорящих или пресечение развития этой темы

В следующей части рассматривается развитие темы на заседании суда. Центральной темой заседаний являются рассматриваемые правонарушения, определение факта нанесения вреда и его размера, а также ответственности ответчика. Эти критерии появляются в первом вопросе судьи (А) обращенном к ответчику (Б)(1-4). Соответственно юридическому этикету Б должен самостоятельно отвечать на вопрос, в форме монолога. Однако А постоянно прерывает его, задает дальнейшие вопросы, исправляет. Спустя несколько секунд после начала ответа Б, А прерывает его стилистическим исправлением, затем уточняет ответ (9, 14, 17, 19). Исправление (и продолжение в ответе), наблюдающееся в строках 8-9-10, 23-24-25, часто встречающееся в тексте, имеют специальную структуру. А, услышав выражение либо исправляет его, либо повторяет, чтобы подчеркнуть или получить подтверждение, Б опять повторяет предложенное А выражение. Из-за этих частых повторов предлагается назвать такие пары перекликающимися.

- 8 машину; (.) наконец я себе купил (-)эз Жигули, (.) «Копеечку»;
- 9 (А) Жигули первой модели;
- 10 (Б) Да (.) Жигули первой модели,
- 192 (А) Другу сделали операцию,
- 193 (В) Другу сделали операцию;
- 194 (А) Успешно,
- 195 (В) Успешно;
- 196 (А) Жив-здоров,
- 197 (В) Жив (.) нууу щас он в нормальном состоянии находится,

Не только форма позволяет выделить эти короткие отрезки, но и интонация: А повторяет выделяемое с резко поднимающейся интонацией. Характерно также для этих повторов отсутствие новой информации, они имеют усилительное значение, служат для выделения определенных тем.

На 27 строке судья начинает новую подтему (уголовное дело заводилось и нужно ли его заводить?) при помощи конструкции, которые [1980] называет предварительными (pre) – «У меня к вам вопрос». Такие конструкции обозначают начало (под) темы и могут выступать, как указывающие на более высокую позицию иерархии говорящего [Мэй 1993: 229]. А приводит доводы, почему этого не требовалось (делает это вместо Б), определяет, что дело рассматривается в гражданском порядке, а также начинает тему размера компенсации (33 «взыскивать с него; (.) вот (.) убытки;»), Б, поддерживая заданную тему предъявляет калькуляцию убытков. Интересно, что в ответе ему

трудно правильно сформулировать, что это за документ (34–35). Его неуверенность выражается также паузами, использованием междометия «ну» и условного наклонения. После просьбы **А** передать документ (36 – тема трактовка документации развивается параллельно следующей) начинается новая подтема – обстоятельства нанесения ущерба. **А** задает вопросы, на которые требуется ответ да или нет. Кроме того, вопрос «**А** вы успели заметить (.) что автомобиль отсутствует» (45) лишний (как не заметить отсутствие автомобиля посреди леса), что вызывает улыбку истца, однако замечаний он не делает. **А** и сам замечает, что вопрос был лишний, усмехается и возвращается к рассмотру бумаг, затем начинает новую тему – обстоятельства угона автомобиля. Эту тему можно считать законченной на 52-й строке (словом «хорошо»).

Выражения, которые служат индикаторами границ тем в дискурсе, мы будем называть цезурными [Шифрин 1987]. Эти выражения употребляются в основном **А** и выражают то, что он согласен с прозвучавшей информацией, считает тему исчерпанной и продолжает допрос по новой теме (обстоятельства угона, частично уже затронутая на строках 25–46). Такие слова, как «хорошо, так, ну» могут иметь различные роли в потоке речи: обозначают конец темы, обозначают внимание слушающего и его побуждение продолжать высказывание. Некоторые значения этих выражений рассматриваются в дальнейшем. **Б** начинает отвечать на вопрос, но **А** прерывает его (58 – так). Рассмотренные нами в тексте заседания слова «так» и «ну» выступают в особом значении (их значение не совпадает ни с одним, определенном в толковом словаре ОЖЕГОВА [1987]). Скорее их можно парафразировать как реакцию слушателя или индикатор начала отрезка (1, 58, 99). Некоторые выражения предпочитают другим в определенных позициях – например «ну» чаще всего встречается в начале высказывания, и, помимо указания на позицию, а также предоставления говорящему некоторого времени на размышление, других функций не имеет, и может быть опущена без изменения смысла всего высказывания (56, 68, 102, 103, 108, 112, 197, 222). Подобную роль играют в начале секвенции «а, хорошо, понятно, тогда, значит, дело в том, что, то есть» с той разницей, что эти элементы не теряют своего значения в такой степени, как «так» и «ну». М. ШАЙГАЛ [2006] в статье «*A beszédretorika módszerének alkalmazása az intézményes kommunikáció vizsgálatában*» («Употребление методов риторики разговорной речи при изучении коммуникации институтов») указывает на наличие подобных выражений в венгерском языке, но не занимается ими подробно.

А продолжает допрос вопросами о дальнейших действиях **Б**, обстоятельствах, времени, состоянии автомобиля после возвращения его **Б** (62, 68, 70, 92, 99). То есть продолжается тема обстоятельств угона и причиненного вреда с подтемой отказа **В** выплачивать определенную автосервисом сумму (89), которую начинает **Б**, но **А** не продолжает эту тему, а опять возвращается к обстоятельствам происшествия. Однако на 99 строке. **А** возвращается к теме

отказа. Этот отрывок особенно интересен как пример манипуляции **Б** (подтема – как решить проблему возмещения ущерба).

103 (А) Ну вы же ему сказали, что <извини, (.) ты машину мою **104** приве[(((?))>(((?))>]

105 (Б) [Дааа (.) я ска]зал что машину ты разбил,

106 (А) [Да]

107 (Б) [Так] возь (.) возмести! мне (.) [мой ущерб];

108 (А) [Ну а о] какой-то другой форме возмещения не шло, речи,

109 (-) может быть он может знаешь иногда бывает говорят, (.)

110 <у меня денег нет, (.) но у меня свой автосервис или там

111 (.) знакомый жестянщик; (-) поедем (-) он тебе все сделает

112 не [(((?))]

113 (Б) [Ну да (-) я] знаю (.) как это делается; (-) я знаю (.)

114 как это делается; (-) он мне тоже предлож (.) предлагал,

115 такие же услуги (-) он с'(?)л <я вот тоже (.) могу (-) тебе отремонтировать> (.) я узнал(??) встречался именно с такими [эээ]

В своих вопросах **А** объясняет и предписывает **Б**, как он должен был убедить **В**, чтобы тот возместил ему нанесенный ущерб (103, 108). Вопросы сами содержат импликацию положительного ответа, поэтому этот отрывок свидетельствует о большой степени манипуляции со стороны **А**. Когда **Б** пытается изменить тему, подчеркнутая часть (подтема: я встречался с такими, под чем подразумевается негативная оценка **В**), **А** прерывает его и меняет тему (начинается допрос **В**, 115).

А просит **В** рассказать суду происшедшее и, как обычно, дает ему указания, какие моменты его рассказа требуют большего внимания. **В** начинает отвечать на вопрос, но его ответ прерывается язвительным замечанием **Б** (строка 127). **А** немедленно пресекает попытку **Б** вступить в разговор, оценивая это как грубое правонарушение негативно оценивает его рассказ происшествия (131, 133–135).

128 (А) [Одну секундочку]; (.) истец; (-) /стучит молотком, **129** угрожающий жест молотком в сторону истца/

130 (Б) [Извините]

131 (А) [Мы вам давали] слово; (-) вы не смогли сформулировать четко - (-)

132 (Б) [Извините]

133 (А) [До конца] - (-) извините (.) и правильно (-) пожалуйста

134 (?? теперь) дайте нам разобраться с ответчиком; (-) если **135** будет дополнение, (-) вы сможете задать вопрос[ы],

Как видно и из просодической характеристики отрывка, **А** возмущен. Причина возмущения в том, что **Б** преступает отведенные ему границы и допускает ошибку в поведении. Он не имеет права говорить без указания или разрешения **А**.

В продолжает ответ на вопрос, но **А** постоянно прерывает его, часты вопросы и ответы, которые мы называли перекликающимися. **А** иронизирует.

Эти прерывания, исправления создают впечатление, что **А** сомневается в словах **В**. Так как **А** часто прерывает **В** (138, 141, 144, 150, 154), он не может закончить свои высказывания, **А** и **В** говорят одновременно. Сомнения **А** подтверждает и использование слов с негативным значением в процессе парфразирования слов **В**: 140 (**В**) я его оставил 141 (**А**) значит друга бросили в лесу¹¹. Недоверие и ирония **А** явно проявляется в перекликающихся парах – развивающих подтему «одна мысль» (150-153, 154-155, 158-159). Наиболее явно это однако проявляется в паре 160-161, 163, когда одно слово (опыт) по разному толкуется **А** и **В**: опыт вождения машины и криминальный опыт взлома машин. В результате происходит небольшое отклонение от главной темы, к которой возвращается **А** (169).

На 176-й строке происходит смена темы по инициативе **В**, которую **А** принимает и продолжает (большая скорость и авария), то же и на строке 188 – операция и состояние друга. Новую подтему начинает **В** и на строке 205 (на какую сумму оценивает ущерб **В**, он представляет свою калькуляцию).

То есть, в этом отрывке (175–219) **А** позволяет начинание новой темы **В**, но после этого опять он ведущее допрос лицо. **А** определяет, что **Б** и **В** не могут прийти к одному решению насчет компенсации. **В** приглашает свидетеля в подтверждение тому, что быстрая медицинская помощь была необходима для спасения человеческой жизни. Свидетель-врач как специалист подтверждает необходимость срочного вмешательства. Суд удаляется для принятия решения и оглашается приговор. В следующей таблице, подытоживающей вышеизложенное ясно прослеживается то, что инициатива начинания новых тем в основном принадлежит **А**, он же имеет право одобрить или отклонить поднимающиеся во время разговора темы.

Таблица № 1

Главная тема	Подтема	Указания, связанные с главной темой, но относящиеся к процессу заседания	Говорящий	Строки	Инициатива
Вред, причиненный автомобилю Б	Главная		А	1–4	А
	Б житель деревни, а на деревне заработков никаких		Б	5–8	Б
Вред, причиненный прич	Автомобиль – источник заработка		А, Б	11–21	А (выделение)
	Угон автомобиля		А, Б	22–26	А (выделение)

¹¹ Концептуализация мира в языке не относится к задаче этого исследования, но значение выражения «бросить друга» одно из самых пейоративных в русском языке.

Уголовное дело возбуждалось?		А, Б	27–33	А
Компенсация		Б	33–35	А
	Ознакомление с документами по компенсации	А	36	А
Время и обстоятельства угона и возвращения		А, Б	38–46	А
	Уточнение по документации	А, Б	47–51	А
Обстоятельства угона		А, Б	52–69	А
Состояние автомобиля		А, Б	70–82	А
Размер компенсации		А, Б	82–90	Б (поддерживается)
В не собирается выплачивать		Б	91	Б (игнорируется)
Как объяснил В угон автомобиля		А, Б	88–96	А
В не собирается выплачивать		А, Б	92–98	А
Как Б и В должны были решить конфликт без суда		А, Б	103–114	А
Негативная оценка В «я (...) встречался именно с такими»		Б	114–115	Б (игнорируется)
	Допрос ответчика	А	116–117	А
Причина и обстоятельства угона (главная)		А, Б, В	117–119	А
Негативная оценка В		Б	127	Б (пресекается)
	Выговор Б за нарушение правил поведения, негативная оценка	А	128–135	А
Приступ аппендицита и действия В		А, В	126, 136–148	В (поддерживается)
Взлом машины		А, В	149–159	В (поддерживается)
Опыт (вождения машины или криминальный)		А, В	160–168	А
Приступ аппендицита и действия В		А, В	169–175	А
Авария, ущерб, причиненный машине		А, В	175–187	В (поддерживается)

	Оправдания В – друг был спасен		А, В	188-198	В (поддерживает ся)
	Отказ выплатить сумму, запрошенную Б		В	199-203	В (поддерживает ся)
	Расчет компенсации В		А, В	203-211	В (поддерживает ся)
		Ознакомление с документами по компенсации	А, В	212–214	А
	Истец не согласен		А, Б	216–235	Б (поддерживает ся)
	Свидетель		А, В	240–244	В (поддерживает ся)
		Приглашение свидетеля	А, Г	245–249	А
	Что произошло в больнице		А, Д	251–270	А
		Уходить или оставаться свидетелю?	А, Д	272–274	Д (поддерживает ся)

Из таблицы однозначно выясняется, что А чаще всех начинает новую тему, которая никогда не отклоняется или игнорируется собеседниками, он же отклоняет, игнорирует или пресекает предложенные другими участниками допроса темы. Значит, его доминирование проявляется в речевом поведении посредством того, что он имеет право отклонять определенные темы и начинать другие, остальные участники допроса таких прав не имеют. Подытожим результаты в таблице № 2:

Таблица № 2

Количество	Участники			
	А	Б	В	Д
Успешно начатым тем	21	3	7	1
Проигнорированных тем	–	2	–	–
Пресеченных тем	–	1	–	–
Итого	21	6	7	1

4.2. Прерывание говорящего (речь, звучащая одновременно)

Считается невежливым говорить с кем-то одновременно, прерывая собеседника. Но как узнать, что говорящий закончил говорить? Кажется логичным ответ – когда умолкает. Однако, наблюдая время на дигитализированном материале, замечаем, что зачастую собеседники начинают говорить непосредственно друг за другом, без перерывов даже на долю секунды. Контролируется ли этот процесс? Исследования КА опреде-

ляют, что отрезки делимы на составляющие, которые имеют индикаторы, поэтому собеседники знают наперед, что следует такое место, когда может произойти смена говорящих. То, что один из собеседников прерывает другого, может означать многое, начиная от невежливости и заканчивая чрезмерной готовностью к содействию [ХАМОРИ 2006]. Поэтому, рассматривая отношения говорящих, прерывающих партнеров следует рассматривать конкретный К. В нашем К немало случаев, когда партнеры прерывают друг друга (46 в 308-и строках текста). Возможны различные случаи говорения одновременно – поддакивание, после которого тема продолжается без изменения, или же прерывание с целью начать новое высказывание.

Рассмотрим эти случаи подробнее (учитывая то, что говорящих четверо, возможно 12 комбинаций, Г сюда не относим). Рассмотрев прерывания в тексте транскрипта мы определили несколько групп, обозначим основные типы прерывания римскими цифрами I – начинающее новое высказывание, II – поддакивание, III – этикетное выражение, IV – пресечение предыдущей темы, V – выражение эмоций.

Таблица № 3

Говорящий	№	Примеры	Тип	Сумма
А прерывает Б	13–14	[Да] (А) [На]сколько я понимаю вас,	I	17
	18–19	[Это источник заработка] (А) [орудие производства].	I	
	26–27	и вернул ее мне совершенно, в [ээ да] (А) [Тогда] у меня к вам вопрос;	I	
	31–32	[Он мне вернул] (А) [вы решили в] гражданском порядке	I	
	37–38	[Пожалуйста] (А) [Одновремен]но ответьте на вопрос;	I	
	67–68	конечном итоге вот привез мне; [сам] (А) [Ну чер]ез ка ^к ое время;	I	
	76–77	[Ну конечно /хехе/] (А) [Конечно почти] новый /улыбается/ (-)	II	
	87–88	[Да] (А) [Эт]от документ этот	I	
	89–90	[Но он не собирается мне выплачивать] (А) [Это так я понимаю (.) что это автосервис???	I	
	98–99	чего-то куда-то увозил [ээмм] (А) [Угу] (-) Таак!	I	
	107–108	мне (.) [мой ущерб]; (А) [Ну а о] какой-то другой форме	I	
	115–116	именно с такими [эээ] (А) [Поня]тно; (.) Валерий Иван'ч;	IV	
	127–128	разбирается [и в аппендицитах,] (А) [Одну секундочку]; (.) истец; (-)	IV	

	130–131	[Извините] (А) [Мы вам давали] слово;	I	17
	132–133	[Извините] (А) [До конца] - (-) извините (.) и правильно	I	
	227–228	поэтому [я] (А) [Вам] что нужно (-) отремонтированный автомобиль,	IV	
	234–235	[прошу (???)] (А) [Значит] вы не согласны;	IV	
А прерывает В	122–123	вот (.) [я эээ] (А) [А вы] определили сразу (-) что приступ аппендицита?	I	13
	140–141	никого [не было в течение часа] (А) [Значит друга] бросили в лесу	I	
	143–144	стояла ма[шина] (А) [Так] А какую	I	
	149–150	Жигули первой мод[ели]; (А) [Так] С этой мыслью вы	I	
	151–152	[Увидел] (А) [Увидели] автомобиль	II	
	153–154	взломал маши[ну] (А) [Как] ая следующая мысль	I	
	168–169	немножко; во[от (???)] (А) [Вы дру]га загрузили в	IV	
	170–171	скорость была [боль] (А) [Из зер]кала	IV	
	189–190	сделали операцию [я] (А) [Уху]	II	
	209–210	ущерб в [две тысячи стотридцать] (А) [А по сво (.) по сво]ему,	I	
	211–212	[Двестысячи стотридцать рублей вот] (А) [Передайте пожалуйста через с'ного] п'ва	III	
	215–216	автосервис мне [там] (А) [Я вас] правильно понимаю	I	
	240–241	свидетель [который по (???)] (А) [Есть свидетель]	I	
А прерывает Д	–	–	–	0
Б прерывает А	33–34	уб[ытки] (Б) [Да] (.) ну я предъявил ему	II, I	8
	103–105	ты машину мою приве[(???) (???)>] (Б) [Дааа (.) я ска]зал что машину ты разбил,	II, I	
	106–107	[Да] (Б) [Так] возь (.) возмести!	I	
	111–112	все сдеаает не [(???)] (Б) [Ну да (-) я] знаю (.) как это	I	
	126–127	[Выы по образованию не медик,] (Б) [(??) и в машинах разбирается [и в	IV	

		аппендицитах,]]		
	220–221	[Ясно] (Б) [пхххх]	V	
	222–223	скептически реаг[ирует] (Б) [2130] /качает головой/	V	
	229–230	сами его сдел[али], (Б) [Нет] (-) пусть он (???)	I	
Б прерывает В	–	–	–	0
Б прерывает Д	–	–	–	0
В прерывает А	135–136	сможете задать вопрос[ы], (В) [По] образованию	I	7
	138–139	[Может быть это печень знаете бывает] (В) [Это может быть (-) приступ аппендицита (-)] я его	I	
	147–148	[Да] (В) [Что] у меня была	I	
	152–153	первой [модели] (В) [Жигули] первой модели	I	
	165–166	(.) замков (.) [зажигания напрямую] (В) [Ну я работаю в -автосер] имею дело с автосервисом	I	
	203-205	это не вопрос чтобы оценивать жизнь] (В) [Потому что у меня есть из автосервиса бумага.]	I	
	237-238	ему сделали [операцию] (В) [У меня есть свиде]	I	
В прерывает Б	–	–	–	0
В прерывает Д	–	–	–	0
Д прерывает А	–	–	–	0
Д прерывает Б	–	–	–	0
Д прерывает В	–	–	–	0

Рассмотрев материал, собранный в таблице № 3 мы видим, что резкое различие между говорящими А(30), Б (8), В (7) наблюдается не только по количеству, но и по качеству прерываний. В прерываниях А больше случаев, когда он начинает новое высказывание, то есть не дает собеседнику продолжить начатое, а Б поддакивает или заверяет судью в правильности его поступка, то есть проявляет готовность к сотрудничеству. Так как собеседники не имеют права говорить друг с другом, прерываний в этой области таблицы

не наблюдается, единственный случай этого, когда **Б** прерывает **А** (но одновременно и **В**), сразу строго пресечен **А**.

Следовательно, доминантность **А** проявляется в речевом поведении посредством того, что он прерывает собеседника, когда считает, что тот уже достаточно сказал, несмотря на то, что собеседник желает продолжать сказанное, а также регламентирует качество и тему высказывания.

4.3. Перформативные выражения и доминантность

Перформативные выражения «сигнализирует такое высказывание, которое является эквивалентом действия, фиксированного глаголом высказывания» [КРЕКИЧ 1993: 16]. Посредством анализа этих выражений возможно исследование доминанции и иерархичных отношений (и даже возможно считать их непосредственными индикаторами). Когда говорящий произносит перформатив, и перформатив «срабатывает», в ситуации имплицуруется и то, что говорящий располагает такими инструментами власти, которые заставляют окружение действовать, подчиняясь его указаниям.

В нашем **К** почти все перформативы сказаны **А**, один произносится **Г**, но он получает указание на произнесение этого приглашения от **А**; всего 17+1 выражений-указаний (императивная форма глагола совершенного вида – ИФ/СВ) и три выражения типа «теперь допрашиваем ответчика», «суд удаляется для постановления решения», «суд присуждает вас к выплате компенсации» когда перформатив выражен посредством глагола настоящего времени, третьего лица, изъявительного наклонения, совершенного вида (НВ/НСВ). Следовательно, в тексте всего 21 перформатив, что, сравнив с количеством строк текста, произнесенного **А** довольно большая часть (всего 168 строк) – грубо округляя, если считать одну перформативную конструкцию за строку – 13 %. В тексте есть выражения, которые могут действовать как перформативы, но не «срабатывают» из-за неправильной грамматической формы и неуверенности говорящего (34-35) или из-за несоответствия ситуации (107). Ситуация позволяет **Б** предъявлять требования компенсации, но он не может сформулировать это требование в подходящей форме. Еще одно перформативное высказывание находим на строке 107, «<машину ты разбил, (А) [Да] (Б) [Так] *возь* (.) *возмещу!* мне (.) [мой ущерб]>», однако это выражение, требование цитируется **Б**, который именно потому и обращается в суд, что этот его перформатив, требование не сработало. Так как этот перформатив принадлежит к другой ситуации – разговору **Б** и **В** после происшествия (то есть не имеющий отношения к подчиненным отношениям на суде) – в дальнейшем этот перформатив не принимается во внимание. Рассмотрим эти выражения!

Таблица № 4

Причина использования перформативного выражения	Примеры	Строки (всего количество)

Расследование, допрос	Поясните пожалуйста; ответьте на вопрос; тогда давайте пожалуйста расскажите суду; поясните, каким образом;	1–2, 38, 52–53, 118, 254 (5)
Условия работы на заседании	Передайте пожалуйста; передайте пожалуйста; пригласите пожалуйста свидетеля-врача; свидетель, пройдите пожалуйста	36, 212, 247, 248 (4)
Поведение в зале суда	Дайте нам разобраться; подойдите пожалуйста; займите место; представьтесь; вы представьтесь пожалуйста; останьтесь пожалуйста; дождитесь решения суда; прошу садиться;	137, 248, 248, 249, 251, 273, 273, 281 (8)

Все побудительные перформативные высказывания, приведенные в таблице, могут быть отнесены к категории указания. По форме это просьба, но просьбу можно принять или отклонить, исходя из внутреннего побуждения говорящего, однако в данном контексте об отрицательной реакции и речи быть не может, поэтому в упомянутых речевых актах очень силен аспект указания или приказа¹², представленного в форме вежливой просьбы. Однако вследствие характера указа «вежливость» утеривается. Просьбы А в правовом дискурсе могут быть определены как имплицитное указание или приказ, обладают «внешней иллокутивной силой» [КРЕКИЧ 1993: 29] и, таким образом, являются выразителями властной позиции.

Что касается формы перформативов, наблюдается связь формы и референции. Перформативы, представленные глаголами типа НВ/НСВ, все являются саморефлексивными¹³, а глаголы ИФ/СВ относятся к остальным участникам. Следовательно, саморефлексивные перформативы сильнее привязаны к контексту и к роли говорящего¹⁴.

Вопрос о том, возможно ли определить «силу воздействия» различных языковых средств выражения доминантности может быть поднят в дальнейшем, однако среди выражений властной позиции перформативные акты несомненно самые ярко выраженные.

Заключение

В заключение определяем, что вследствие проведения систематического анализа при помощи метода КА получены следующие результаты: иерархические отношения как вид социальной связи реализуются посредством различных языковых и неязыковых (экстралингвистических) средств. Ряд языковых явлений (развитие темы, прерывание собеседника, перформативные

¹² Смотри также [Крекич 1993:29]

¹³ С их помощью А указывает на работу суда.

¹⁴ Например: Истец – Я предъявляю требование о возмещении причиненного моему имуществу ущерба. Ответчик – *Я доказываю свою невиновность.

выражений) представленных в процессе анализа текста заседания мирового суда позволяет выявить доминантность и подчиненность участников правового дискурса. Эта связь между собеседниками регламентирована жанром заседания или допроса и предписана извне. Неязыковые факторы, например, такие как контекст тоже влияют на отношения иерархии. Важным средством выражения подобных отношений может быть и невербальный уровень, такой, как язык мимики и жестов. Этот аспект дискурса может стать следующим этапом на пути анализа иерархических отношений между собеседниками.

Литература

- БАХТИН 1979: Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества (сборник). Москва, 237–281
- ГУДВИН 1979: Goodwin, Ch. The Interactive Construction of a Sentence in Natural Conversation // *Everyday Language: Studies in Ethnomethodology*. G. Psathas. New York, 97–121
- ГЮЛИХ–КОЧИ 1995: Gülich, E., Kotschi, T. Discourse Production in Oral Communication (A study based on French) // *Aspects of Oral Communication*. Ed. by Uta M. Quasthoff. Berlin. New York, 30–66
- ИВАНИ 2001: Iványi Zs. A nyelvészeti konverzációelemzés // *Magyar Nyelvőr* 125. Budapest, 74–93
- ИВАНИ 2003: Iványi Zs. A „nyelvemen van”-jelenség német és magyar nyelvű beszélgetésekben Letöltve a Magyar Nyelvőr honlapjáról Online. Available: 2007.06.29 <http://www.c3.hu/~nyelvor/period/1271/127109.pdf> 29 June 2007, 17:46
- ИВАНИ и др. 2006: Iványi Zs., Kertész A., Marinecz K., Máté N. Social Categorisation and the Grammar-Pragmatics Relation // *Sprachtheorie und germanistische Linguistik Eine internationale Zeitschrift* 16.2. Münster, 111–157
- КРЕКИЧ 1993: Побудительные перформативные высказывания. Сегед
- МЭЙ 1993: Mey, J.L. *Pragmatics An Introduction*. Oxford UK & Cambridge USA
- Новое в зарубежной лингвистике 1986 Теория речевых актов. Выпуск XVII, Москва
- ОЖЕГОВ 1987: Ожегов, С.И. *Словарь русского языка*. Под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва
- ОСТИН 1986: Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII, Москва 22–129
- ПЕТЕ 2004: Пете И. Синтаксическая семантика и прагматика русского языка. 4-е изд. Сегед
- ПСАТАС 1993: Psathas, G. *Conversation Analysis The Study of Talk-in-Interaction*. Thousand Oaks, London, New Delhi
- РЕМЕНИ 2001: Reményi A. Á. *Nyelv és társadalmi nem* // *Replika* 45-46. 153–161.
- РУСАКОВА 2007: Русакова О. Ф. Основные разновидности современных теорий политического дискурса: опыт классификаций // Online. Available: <http://politex.info/content/view/232/40> 21 March 2007, 15:06
- САИД 1997: Saeed, J.I. *Semantics*, Oxford. Malden
- САКС 1989: Sacks, H. *Lectures, 1964–65* (G. Jefferson, E.A. Schegloff Introduction, memoir) // *Human Studies*, 12

- ХАМОРИ 2006: Hámori Á. Dominancia és barátságosság a Kulcsár-kihallgatáson // Online. Available: <http://www.c3.hu/~nyelvor/period/1302/130201.pdf> 29 June 2007, 16:42
- ЧЕРНЯВСКАЯ 2006: Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса Проблемы речевого воздействия Учебное пособие, Москва
- ШАЙГАЛ 2006: Sajgál M. A beszédretorika módszerének alkalmazása az intézményes kommunikáció vizsgálatában // Argumentum, 2, Debrecen 115–133.
- ШАХВЕРДОВА 2005: Шахвердова Н. Некоторые особенности правового дискурса (На основе телевизионной программы «Час суда») // Slavica XXXIV, Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis. Debrecen, 61–82
- ЩЕГЛОФ 1980: Schegloff, E. A. Preliminaries to preliminaries: „Can I Ask You a Question?” // Sociological Inquiry 50. 140–152
- ШЛЕМБРУК 2005: Slembrouck, P. What is meant by Discourse Analysis. Online. Available: <http://bank.rug.ac.be/da/da.html#ap> 03 June 2007, 16:00
- ШИФРИН 1987: Schiffrin, D. Discourse markers. (Studies in interactional sociolinguistics, 5.) Cambridge, 1987

Приложение № 1

Условные обозначения в транскрипции текста

Паузы	Микропауза – короче 0,25 сек	(.)
	Короткие паузы 0,25 – 1,5 сек	(-) (-) (→)
	Продолжительные паузы	(2 сек) (3 сек) (4 сек)
Говорят одновременно	Начало	[
	Конец	]
Смутность	Длина отрезка соответствует времени произношения	(???) (????????)
Эканье	Длина отрезка соответствует времени произношения	эээ эээээ
Интонация	Поднимающаяся на высокий тон	!
	Поднимающаяся на средний тон	,
	Парящая, однотонная	-
	Опускающаяся на средний тон	;
	Опускающаяся на низкий тон	.
Ударение	Особо сильное	в связи с <u>чем</u> (-) с какими
	Сильное	Угнал автомобиль
Протянутость гласных	Длина отрезка соответствует времени произношения	фаары - (-) решетка
		радиаатора - (-)
		баампер - (-) крыло - (-)) крышка капоота
Цитирование	Начало	<
	Конец	>

Приложение № 2

Транскрипция заседания мирового суда

- (А) Таак (-) уважаемый Валерий Иванович (.) поясните пожалуйста (.) в
- связи с чем (-) с какими обстоятельствами вашему автомобилю был
- причинен вред (.) за который вы требуете взыскать 9340 рублей с
- ответчика;
- (Б) /на выдохе/ Дело в том что я (-) сам житель (.) деревни (2 сек) у
- меня большая семья; (-) семью кормить как-то надо; (-) аа в деревне,
- (-) заработков никаких; (-) ну я долго копил; (.) копил деньги на
- машину; (.) наконец я себе купил (-)ээ Жигули, (.) «Копеечку»;
- (А) Жигули первой модели;
- (Б) Да (.) Жигули первой модели, (-) ии начал (.) таким образом (-)
- как бы ээ (-) заниматься извозом;
- (А) То есть для вас, (-) автомобиль;
- (Б) [Да]
- (А) [На]сколько я понимаю вас, (-) источник; (.) заработка; (-)
- поскольку вы сказали, что в деревне работы нет,
- (Б) [Да]
- (А) [Ав]томобиль для вас это источник
- (Б) [Это источник заработка]
- (А) [орудие производства].
- (Б) Да (5 сек) авт(???) ну иногда я даже ездил в город (-) ну (-)
- левачил, (.) и таким образом вот, (.) кор (.) кормил семью; (-) а этот
- (2 сек) /сердито смотрит на ответчика/ вот; (-) товарищ, (-) Артем
- Сергеевич Куличков; (.) он угнал у меня машину;

24. (А) Угнал автомобиль,
25. (Б) Да (.) именно угнал автомобиль; инии ээ поката~~л~~ся (.) разбил ее;
26. и вернул ее мне совершенно, в [эз да]
27. (А) [Тогда] у меня к вам вопро~~с~~; (-) по поводу угона вы заявля~~л~~и в
28. милицию - (.) уголовное дело возбуждалось;
29. (Б) Нет; (4 сек) нет (-) уголовное дело не возбуждалось;
30. (А) То есть поскольку он автомобиль вам вернул,
31. (Б) [Он мне вернул]
32. (А) [вы решили в] гражданском поряд~~к~~е, (.) взыскивать с него (.) вот
33. (.) уб[ытки]
34. (Б) [Да] (.) ну я предъявил ему вот копенса~~ц~~ии, бы я бы вот (?) сче~~т~~,
35. (.) за (.) за ремонт машины;
36. (А) Передайте пожалуйста через судебного приста~~в~~а
37. (Б) [Пожалуйста]
38. (А) [Одновремен]но ответьте на вопро~~с~~; (.) ээ как скоро вернул
39. автомобиль ответчик; (-) тои'сть вы говорите он угнал, (.) потом
40. вернул; в разбитом состоянии; (-) в э~~т~~от же день - (.) на сле~~д~~ующий-
41. (.) или как;
42. (Б) Нуу нее он верну в этот же день;
43. (А) В э~~т~~от же день (Б) [Да](Б) [Да]
44. (Б) Да;
45. (А) А вы успели заметить (.) что автомобиль отсутствует;
46. (Б) Кон~~е~~/х~~е~~/чно заметил; /усмехается/ а что же;
47. (А) /усмехается ММ/ То есть /рассматривае переданный ему судебным
48. приставом лист/ (.) как я понимаю (.) калькуля~~ц~~ия, (-) наа выполненные
49. раб~~о~~ты, (-) восстановительные работы, (.) по (-) ремонту ва~~ш~~его
50. автомобиля;
51. (Б) Да (.) по ремонту моего автомобиля
52. (А) Хорошо (-) тогда давайте пожалуйста (.) расскажите суду
53. обстоя~~т~~ельства вот этого (-) как вы вы~~в~~разились (-) уг~~н~~а! (-) Как так
54. получилось (-) что автомобиль ваш исчез, и вернулся к вам (.) в таком
55. состоянии;
56. (Б) Ну что~~т~~о я могу объяснить, (-) автомобиль я свой оставил около
57. дороги;
58. (А) Так
59. (Б) Сам ушел ээ ну мне было по нужде; (-) надо было уйти, (-) когда
60. вернулся (.) автомобиля не было (-) вот и все что я могу вам по этому
61. делу сказать; (-) ии (.) автомобиля нет;
62. (А) Хорошо; (.) вы вернулись, (.) автомобиля нет; (-) что дальше вы
63. сделали;
64. (Б) Ээ я что ии начал ээ иска~~т~~ь, (-) думал может быть где-то (.) кто-
65. то (.) чего-то ээ зна~~е~~т, (-) начал спра~~ш~~ивать всех; (.) никто (.)
66. никто ничего не видел /разводит руками/ наконец (.) вот (.) потом; в
67. конечном итоге вот привез мне; [сам]
68. (А) [Ну чер[е]з како~~е~~ время; (-)он привез на это же ме~~с~~то прям;
69. (Б) (Хааа на выдохе) да;
70. (А) Вы (.) свой автомобиль оста~~в~~или в определенном виде; (.) да! (-)
71. Он был к моме~~н~~ту (-) когда вы его поки~~н~~ули, (.) пол~~н~~остью
72. отремонтированный; на нем не было повреждений
73. (Б) Конечно (-) он был соверше~~н~~но (-) почти но~~в~~ый;
74. (А) Почти новый, (-) ну (-) с учетом того (.) конечно (.) что первую
75. модель семидесятых годов уже не производят!
76. (Б) [Ну конечно /хехе/]

77. (А) [Конечно почти] новый /улыбается/ (-)
 78. (Б) Ну неважно (.) главное что он был в хорошем совсем состоянии; (.)
 79. он был в хорошем (.) состоянии, (-) а мне вернул он (-) это (-)
 80. разбитую совсем машину;
 81. (А) Таак разбитую совсем
 82. (Б) Даа ээ ну я посмотрел (-) выы ну что (.) на этой машине ничего
 83. уже; (-) иии на ремонт, (.) вот (.) который; должен обойтись, (.) я
 84. ээээ обращался вот (.) и посмотрел, (.) вот эти девять тысячи
 85. тристасорок рублей; но он не собирается
 86. (А) Да (-) я вижу
 87. (Б) [Да]
 88. (А) [Эт]от документ этот
 89. (Б) [Но он не собирается мне выплачивать]
 90. (А) [Это так я понимаю (.) что это автосервис???]
 91. (Б) Но он не собирается мне выплачивать!
 92. (А) Хорошо (-) он приехал в этом разбитом автомобиле; (.) вышел, (.)
 93. и что он вам сказал!
 94. (Б) Он сказал ээ ну он мне сказал /разводит руками/ (.) <ну извиниии
 95. э вот так получилось /разводит руками имитируя жест/>
 96. (А) Ухм
 97. (Б) И начал мне рассказывать какие-то (.) сказки;(-) басни; (-) о том
 98. (.) что он кого-то спасал; (-) чего-то куда-то увозил [ээмм]
 99. (А) [Угу] (-) Таак! (-) И он отказался, (.) возместить как то вам (.)
 100. причиненный вред! (-) или компенсировать неудобства, (-) которые он
 101. вам доставил;
 102. (Б) Ну он, (-) да, именно не хочет выплачивать мне вот эту сумму;
 103. (А) Ну вы же ему сказали, что <извини, (.) ты машину мою приве[(((?
 104. (???>]
 105. (Б) [Дааа (.) я ска]зал что <машину ты разбил,
 106. (А) [Да]
 107. (Б) [Так] возь (.) возмести! мне (.) [мой ущерб]>;
 108. (А) [Нв а о] какой-то другой форме возмещения не шло, речи, (-) может
 109. быть он может знаешь иногда бывает говорят, (.) <у меня денег нет, (.)
 110. но у меня свой автосервис или там (.) знакомый жестянщик; (-) поедем
 111. (-) он тебе все сделает не [(((?
 112. (Б) [Ну да (-) я] знаю (.) как это делается; (-)я знаю (.) как это
 113. делается;(-) он мне тоже предлож (.) предлагал, такие же услуги (-) он
 114. с'(?>л <я вот тоже (.) могу (-) тебе отремонтировать> (.) я узнал(??)
 115. встречался именно с такими [ээ]
 116. (А) [Поня]тно; (.) Валерий Иван'ч; (.) хорошо; (.) тогда мы теперь
 117. допрашиваем Ответчика (.) будьте любезны (-) Артем Сергеевич (-)
 118. поясните какаким образом (-) почему вы завладели (-) чуждой
 119. собственностью (-) и вернули ее в таком состоянии.
 120. (В) /Темп речи очень быстрый/ Я (.)Артем Сергеевич Куличков, (-) я
 121. прогуливался с другом, (.)по лесу (.) собирали грибы, (-) у моего
 122. друга случился (.) приступ аппендицита, (-) вот (.) [я ээ]
 123. (А) [А вы] определили сразу (-) что приступ аппендицита?
 124. (В) Дааээ (-) я с этим раньше имел дело (-) определил что приступ
 125. аппендицита,
 126. (А) [Выы по образованию не медик,]
 127. (Б) [((? и в машинах разбирается [и в аппендицитах,]]
 128. (А) [Одну секундочку]; (.) истец; (-) /стучит молотком, угрожающий

129. жест молотком в сторону истца/
130. (Б) [Извините]
131. (А) [Мы вам давали] слово; (-) вы не смогли сформулировать четко - (-)
132. (Б) [Извините]
133. (А) [До конца] - (-) извините (.) и правильно (-) пожалуйста (??
134. теперь) дайте нам разобраться с ответчиком; (-) если будет дополнение,
135. (-) вы сможете задать вопрос[ы],
136. (В) [По] образованию я не медик, но в правом нижнем углу была боль (-)
137. догадки были что
138. (А) [Может быть это печень знаете бывает]
139. (В) [Это может быть (-) приступ аппендицита (-)] я его оставил; вышел
140. на опушку леса, на дорогу, никого [не было в течение часа]
141. (А) [Значит друга] бросили в лесу и пошли на опушку леса.
142. (В) Да (--) пошел, (-) чтобы найти когд-то, чтобы оказать какую-то
143. помощь. (.) ну (.) стояла ма[шина]
144. (А) [Так] А какую помощь-то (.) Артем (-) Сергеевич можно оказать,
145. (-) /иронически, улыбаясь/ когда аппендицит-
146. (В) Я вот (.) в том то и дело;
147. (А) [Да]
148. (В) [Что] у меня была одна мысль, (-) доставить друга в больницу; воот
149. (-) стояла на опушке леса машина (.) Жигули первой мод[ели];
150. (А) [Так] С этой мыслью вы вышли на опушку, и увидели
151. (В) [Увидел]
152. (А) [Увидели] автомобиль первой [модели]
153. (В) [Жигули] первой модели (.) взломал маши[ну]
154. (А) [Как]ая следующая мысль возникла у вас!
155. (В) Следующая мысль возникла взломать машину,
156. (Б) [Ха] /сердито смотрит на смотрит на ответчика/
157. (В) [За]вести ее, (.) и отвезти друга в больницу;
158. (А) А хозяина поискать не возникла мысль;
159. (В) Первая мысль такая не возникла (.) поискать хозяина;
160. (А) А у вас тоже есть опыт!
161. (В) Да (-) есть опыт (-) вождения машины, [кххх - покашливает/]
162. (Б) [/нервно усмехается/]
163. (А) [Вождения]! (-) Вождения машины (.) есть опыт у 70 процентов
164. граждан (.) нашей страны (-) а опыт взламывания автомобиля (.) замков
165. (.) [зажигания напрямую]
166. (В) [Ну я работаю в автосер] имею дело с автосервисом
167. (А) Только у единиц
168. (В) Разбираюсь так ск'ать (.) немножко; во[от (???)]
169. (А) [Вы дру]га загрузили в машину и поехали по дороге;
170. (В) Поехали; чтобы отвезти его в больницу - (-) скорость была [боль]
171. (А) [Из зер]кала заднего вида не видели, хозяин там не выбежал, (-) не
172. кричал,
173. (В) Нет(.) никого не было видно;
174. (А) Не было видно;
175. (В) Не видел (.) скорость была большая, поэтому мы попали врезались в
176. бетонное (.) ограждение - (.) в результате пострадала передняя часть
177. машины и дверца;
178. (А) Передняя часть машины
179. (В) Передняя часть машины и [дверца]

180. (А) [Воот]
 181. (А) То есть вот (.) вы видели эту калькуляцию вам показывал истец в
 182. принципе все правильно написано; это все по передней части (.) как я
 183. вижу (-) и по боковой дверце; я вижу;
 184. (В) По боковой дверце -
 185. (А) И все сопутствующие элементы (-) фаары - (-) решетка радиаатора -
 186. (-) баампер - (-) крыло - (-) крышка капоота - (.) и так далее и так
 187. далее;
 188. (В) Я (-) Артем Сергеевич друга доставил в больницу (-) ему оказали (-
 189. -) сделали операцию [я]
 190. (А) [Уху]
 191. (В) Потом(-)сел в эту машину и вернул ему (-) Валерию Ивановичу;
 192. (А) Другу сделали операцию,
 193. (В) Другу сделали операцию;
 194. (А) Успешно,
 195. (В) Успешно;
 196. (А) Жив-здоров,
 197. (В) Жив (.) нууу шас он в нормальном состоянии находится, (-) более-
 198. менее так - (-) потом вернул эту машину Валерию Ивановичу, (-) воот
 199. /вздох/(.) ну он с меня требует девять тысяч сорок рублей, чтобы
 200. возмещить, ээ(-) ущерб, (.) ну я объясняю (-) что мне другу надо
 201. было попасть в больницу, (-) ну я объясняю (-) что вопрос касался
 202. жизни и смерти (-) я не могу (.) выплатить такую сумму-
 203. (А) Вы считаете (.) что 9040 рублей это не вопрос чтобы оценивать
 204. жизнь]
 205. (В) [Потому что у меня есть из автосервиса бумага,]
 206. (А) И опасность (.) друга; который находился в опасности (.) здоровье
 207. друга;
 208. (В) Я считаю (-) у меня есть бумага из автосервиса (-) там оценили
 209. этот ущерб в [две тысячи стотридцать]
 210. (А) [А по сво (.) по сво]ему,
 211. (В) [Двегисячи стотридцать рублей вот]
 212. (А) [Передайте пожалуйста через с'ного] п'ва эту бумагу /к охраннику,
 213. который передает документ/ ааа вот этот документ (-)вы составили (-)
 214. там (-) где вы работали и работаете
 215. (В) Да я потом в этот автосервиз мне [там]
 216. (А) [Я вас] правильно понимаю (-) вы готовы вот этот автомобиль взять
 217. - (.) и вот эти деньги, которые реально на самом деле нужны нужны для
 218. того (.) чтобы восстановить в вашем автосервисе этоот а'биль эти деньги
 219. 2130 рублей реальны для того (.) чтобы восстановить этот автомобиль
 220. (А) [Ясно]
 221. (Б) [пхххх]
 222. (А) Ну истца не устраивает (-) видите он скептически реаг[ирует]
 223. (Б) [2130] /качает головой/
 224. (А) Вы не готовы передать (.) уважаемый истец (.) автомобиль (.)
 225. ответчику, (.) чтобы он (-) отремонтировал в атосервисе сам этот
 226. автомобиль;
 227. (Б) Я знаю как это бу (.) как это будет делаться; поэтому [я]
 228. (А) [Вам] что нужно (-) отремонтированный автомобиль, или деньги (.)
 229. чтоб вы сами его сдел[али],
 230. (Б) [Нет] (-) пусть он (???) вернет мне то (.) те (.) ту сумму (.)
 231. которая там указана -

232. (А) И вы будете ремонтировать ввот в этом автосервизе,
 233. (Б) Да (-)в принципе я сам (-) буду ремонтировать эти (-) ну я [прошу
 234. (???)]
 235. (А) [Значит] вы не согласны; (-) я понял - (-) а вы не согласны
 236. отвечать; /это к ответчику/ так (.) вы отвезли вашего друга в больницу
 237. (.) ему сделали [операцию]
 238. (В) [У меня есть свидет]
 239. (А) Вы не догадались пригласить кого-нибудь;
 240. (В) У меня есть свидетель [который по (???)]
 241. (А) [Есть свидетель]
 242. (В) Это тот врач (.) кторый делал операцию моему другу
 243. (А) Так
 244. (В) Я хочу пригласить его в зал
 245. (А) Хорошо (-) уважаемый судебный пристав (-) пригласите пожалуйста
 246. свидетеля-врача;
 247. (Г) Свидетель - (.) пройдите пожалуйста;
 248. (А) Подойдите пожалуйста (-) свидетель (.) займите место рядом с
 249. ответчиком - (—) и представтесь. (5 сек)
 250. (Д) Ваша честь
 251. (А) Вы представтесь пожалуйста;
 252. (Д) Я Петрова, (.) Инна Григорьева4
 253. (А) Инна Григорьевна - (-) расскажите пожалуйста (-) при каких
 254. обстоятельствах вы познакомились с ответчиком - (-) и что произошло с
 255. его другом которого он привез к вам в больницу;
 256. (Д) Что произошло, (-) я не знаю; (-) но 19 сентября - (.) к нам (.) в
 257. приемное отделение, (-) поступил (-) пациент; (-) Токарев, (-)
 258. Анатолий Михайлович; со всеми признаками аппендицита - (-) но и не
 259. только аппендицита; (.) там начинался и перетонит и ээ(-) жизнь то в
 260. общем шлаа - (-) дороги были секунды; (-) больного пришлось
 261. прооперировать; (-) и (.) я считаю (-) что только благодаря водителю,
 262. (-) Артему Сергеевичу Куличкову, (-) /ММ – судья/ жизнь больного была
 263. спасена; Ну и вообще (-) в наше время - мало таких людей, (.)
 264. которые ради спасения других людей, могут пойти на многие; (-) я так
 265. считаю;
 266. (А) Да (-) тоисть вы хотите сказать; (.) что Артем Сергеевич
 267. действовал в условиях (.) [ког]да
 268. (Д) Да
 269. (А) Была (-) крайняя необходимость;
 270. (Д) Я считаю да (-) я считаю так!
 271. (А)Спасибо Инна Григорьевна; (.) ваша точка зрения понятна суду.
 272. (Д) Я могу уйти,
 273. (А) Нет (-) останьтесь пожалуйста (-) дождитесь решения суда
 274. (Д) Хорошо
 275. (А) Оно будет скоро оглашено; суд удаляется для постановления решения;
 276. /стук молотка/
 277. (Х) Часто в наше время можно встретить настоящих друзей которые не
 278. оставляют тебя в беде, несмотря не на что рискуют жизнью (-) наш герой
 279. спасает своего друга (.) и я думаю (-) что каждый зрительсо мной
 280. согласиться (.) если я буду на стороне ответчика.
 281. (А) Прошу садиться! (4 сек) Оглашается решение суда (2 сек) уважаеммый
 282. истец, (.) уважаемый ответчик, (.) я неспроста спрашивал о наличии
 283. претензий в уголовном порядке (-) потому что вы наверно прекрасно
 284. знаете (-) что угон автомобиля также может (хааа на выдохе) составлять

285. и (-) уголовно наказуемое деяние (.) явля^тся (.) преступлением; тем
 286. не менее (.)есть случаи (-) в законодательстве (-) когда человек (-)
 287. даже по форме совершивший (.) преступле^ние; (.) освобождается (.) от
 288. ответственности; (-) вот одним из таких случаев является наличие
 289. состояния кра^йней необходимости - (.) крайняя необходимость - (-) это
 290. то состояние, (.) когда (.) для защиты (.) интересов (.) одного лица,
 291. (.) приносясь в жертву интересы другого лица; (-) вот (.) суд пришел
 292. к вы^воду что в да^нной ситуации имело^сь состояние край^ней
 293. необходимости; (.) но (-) состояние край^ней необходи^мости (.) по
 294. российскому праву (.) не освобождает человека от возмещения вреда –
 295. (.) причиненного в состоянии кра^йней необходимости; (-) потому что да^а
 296. вы действовали в состоянии край^ней необходимости и вас освобождает от
 297. ответственности то что вы завладели чужой вещью; (.) чужой
 298. собственностью; (-) угна^ли этот автомобиль (-) да^а (.) вы доставили
 299. человека в больни^цу; (.) но вы долж^ны были доставлять его
 300. осмот^рительно - (-) не наноси^ть вред чужому имуществу; (.) поэтому (.)
 301. суду (-) ничего не остается друго^го - (.) как обязать вас
 302. компенсир^овать - в полном объеме вред (.) причиненный автомобилю;
 303. потому что (.) объясняю вам (-) право истца (.) выби^рать (-) и
 304. тре^бовать (.) либо ремо^нта автомобиля, (.) либо де^нег в качестве
 305. компенса^ции этого ремонта; его пра^во и предст^авить калькуляцию (.) и
 306. мы (.) не имеем оснований не довер^ять этой калькуляции, (-) поэтому
 307. суд присуждает ва^с к выплате этой компенса^ции (.) в размере 9340
 308. рублей в пользу истца. /стук молотка/

Abstract

Hierarchy between Participants in Legal Discourse

The article discusses how dominance can emerge in legal discourse. As a theoretical background, assumptions of ethnomethodological conversation analysis and speech act theory were applied and spoken texts of hearings broadcast by the Russian TV Channel NTV were examined, as they seem to be appropriate for the discussion of conversation analysis. Four aspects of implementing dominance in discourse were analyzed: context, topic progression, interruption and treatment of performative speech acts. It can be stated as a conclusion that the systematic analysis of the texts with qualitative methods provides reliable criteria of orientation as to how hierarchy between the participants of the discourse comes about as a result of their using different verbal and non-verbal strategies. Four of these are described in the present study.

К ТИПОЛОГИИ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

BALLÓ Larisza

В настоящей статье рассматривается интересное явление, характерное для современной языковой ситуации и связанное с функционированием заимствованных слов в русском языке. Некоторые старые заимствования, фонетический облик и значение которых давно пришли в русский язык с запада и которые развили в нем свои, специфические значения, теперь заимствуются вновь на уровне семантики и используются в значениях, которые не являются органическими семантическими изменениями этих слов на почве русского языка.

Анализ заимствованных слов различает два основных типа заимствований независимо от того, что речь идет о более ранних заимствованиях или о неологизмах. К первой группе относятся собственные заимствования, в случае которых заимствующий язык из любого языка-источника усваивает и звуковой облик слова, и его значение или значения, существующие в источнике в данный отрезок времени. Второй тип известен как семантическое заимствование. Это означает, что значение слова (или значения), сформировавшееся к определенному времени в результате внутреннего когнитивного процесса в каком-л. исконном языке, заимствующий язык переводит и интегрирует в свою лексику только переведенное значение. Эти два типа представляют основные типы заимствований в любом языке и давно исследуются многими учеными.

Заимствование слова (собственно лексическое заимствование или семантическая калька) – это наиболее простой для языка способ выразить отсутствующее в нем понятие (см. подробнее: [КРЫСИН 1992: 2002]). В настоящее время, в связи с бурными переменами в обществе, появилось очень много заимствований. Естественно, что проблемы функционирования заимствованных слов активно обсуждаются в научной литературе [БЕЛОУСОВ 1993; КОСТОМАРОВ 1994; ГРУНИЦКАЯ 1998] и особенно в работах Л. П. Крысина. Не осталась в стороне и лексикография, которая героически старается поспеть за стремительными языковыми изменениями [КРЫСИН 1998; СКЛЯРЕВСКАЯ 2001].

Эти работы часто только описывают, но не определяют новизну характера свежайших заимствований. В словоупотреблении последних лет, в первую очередь в языке рекламы и СМИ, встречаются такие сочетания, в которых тот или иной компонент является в русском языке заимствованием из какого-л. западного языка с ранее сложившейся хорошо документированной семантикой. Но их использование в рекламных и газетных текстах показывает иные свойства, отличающиеся от уже известной семантики, которых не было

в языке-источнике и которые вряд ли могли развиваться на русской почве из-за сравнительно узкого распространения.

Это особенно характерно для речи журналистов и политиков, которые не всегда трудятся подыскивать переводной эквивалент, а пользуются так называемыми «ложными друзьями переводчика».

Представлению деталей описываемого явления служит анализ трёх слов. Анализ основан на Большом толковом словаре русского языка КУЗНЕЦОВА С.А. [1998], но используется и словоупотребление средств массовой информации (СМИ) наших дней.

ЭКСТРАОДИНАРНЫЙ [КУЗНЕЦОВ 1998] [лат. *extraordinarius*]

1. *Книжн.* Выходящий из ряда обычных явлений; чрезвычайный, необычайный. *Экстраординарное происшествие. Экстраординарное средство. Экстраординарное решение. Экстраординарная личность.*

2. *только полн. ф. устар.* Не предусмотренный обычным течением дел, особо назначенный. *Экстраординарное заседание. Экстраординарный спектакль.*

Первое значение активно функционирует в современном языке, ср. такие примеры как «Парыгин стал замерзать, но мужественно терпел, понимая, что происходит нечто **экстраординарное** и случай упускать нельзя» (А. Маринина, *Мужские игры*); «Последнее видение несказанно удивило меня - Николай Иванович появлялся на посиделках артистов в **экстраординарных** случаях» (И. Сергеевская, *Флейтист*); «Процесс развертывания советских фронтов зашел так далеко, что тысячи исполнителей уже были посвящены в секреты **экстраординарной** важности» (В. Суворов, *Ледокол*). Однако в языке XIX в., и только тогда, это слово могло употребляться и иначе – в частности, в значении «внеочередной» (см. 2-ое значение); ср.: «Что ни вечер, - да что вечер! – что ни час, то у нее **экстраординарное** собрание» (Н. С. Лесков, *Некуда*); «А когда надумаешь – приходи! Прощай! 17-го сентября, в день Любимькиных именин, афиша самоварновского театра возвещала **экстраординарное** представление» (М. Е. Салтыков-Щедрин, *Господа Головлевы*).

Как на это указывает ФАСМЕР [4: 516], русское слово является заимствованием или неолатинской формы *extraordinarius*, или через старонемецкое посредство *extraordinari* того же латинского слова в XVII или XVIII веке. Указанные два значения были вместе заимствованы параллельно с адаптацией латинского или немецкого фонетического облика слова, как об этом свидетельствует словарная статья в ССРЛЯ [том 17, стр. 1798].

Однако в самое последнее время в российских СМИ появились сочетания, где у слова *экстраординарный* снова появилось второе значение. Но это второе значение не может являться обновлением устаревшего, потому что употребляется всегда узким кругом общества – профессиональными политиками, рабочим языком которых является английский. (В семантике английского слова *extraordinary* значение 'out of the common order' – см. Клейн 1966: –

имеет непрерывность в употреблении.) Об этом свидетельствуют следующие примеры из сообщений новостных агентств: «После провала завершившегося брюссельского саммита ЕС польская еврокомиссар Данута Хюбнер призвала к организации ещё в июне **экстраординарного саммита** Сообщества»; «Пока все заседания Совета Альянса отложены до понедельника. Но уже в этот день здесь соберется **экстраординарный саммит** Европейского Союза.»

Представленный здесь анализ позволяет интерпретацию заимствования слова в двух актах, см. схему № 1.

Совершенно аналогичная ситуация складывается и со словом *деликатный*. В современном языке у него такие значения:

ДЕЛИКАТНЫЙ [КУЗНЕЦОВ 1998] [от франц. *delicat*]

1. Вежливый, предупредительный, мягкий в обращении. *Деликатный человек.*
2. Разг. Требующий осторожного и тактичного отношения; щекотливый. *Деликатный вопрос. Деликатное положение.*
3. Разг. Нежный, слабый, хрупкий. *Деликатное сложение.*

Отметим, что третье значение устарело (см. [ЛЕВОНТИНА 2006: 205–206]).

В последнее время употребление слова изменилось. Русское слово *деликатный* начинает подравниваться под английское *delicate*. В дальнейшем продемонстрируем на примерах из Интернета, как изменилась сочетаемость этого слова. Оказывается, подавляющее большинство контекстов составляют такие, которые десять лет назад практически не встречались. Приведем примеры только двух сочетаний – *деликатный вкус* и *деликатная ткань* (всего несколько из бесчисленного количества полученных в результате поиска в Интернете):

«Кристаллизованный, растворимый кофе, технология Freeze Dried, элитный, дорогой кофе с мягким **деликатным вкусом** и ярко выраженным богатым ароматом» (www.tea-coffee.ru/product_info);

«Наш кальмар обладает нежным **деликатным вкусом** и содержит множество ценных витаминов и микроэлементов, которые повысят Ваш тонус и улучшат настроение.» (www.veston.ru);

«Смесь трав и односолодового виски Глентуррет рождает мягкий, с **деликатным вкусом** ликер, который хорош сам по себе или как основной компонент.» (www.infocity-eu.com);

«Очарованные **деликатным вкусом** лосося, мы долго пытались выяснить, что входит в креветочный соус» (www.restoran.ua);

«Мешок для стирки **деликатных тканей**» (www.003.ru);

«...между нагревательным элементом и подошвой исключает неравномерность нагрева подошвы, что дает преимущество при глаженьи особо **деликатных тканей**» (www.bosch-bt.ru);

«Отбеливатель Панч для **деликатных тканей**» (dostavka.7cont.ru);

«Новое средство для ручной стирки создано специально для стирки таких **деликатных тканей**, как шерсть, шелк и нежная синтетика. Кондиционер для **деликатных тканей** "Белые цветы".» (www.1reshenie.ru);

«Стиральная машина LG WD-10150 NUP. Стирка деликатных тканей, экономичная стирки, супер-полоскание, экспресс-стирка, предварительная стирка, программа удаления пятен...» (www.k2r.ru).

Деликатный вкус – значит нежный, изысканный вкус, *деликатная ткань* – ткань, требующая бережного обращения. Слово *деликатный* в таком контексте – архаизм и одновременно неологизм. Но мы имеем дело не с «оживлением» старого значения слова *деликатный* 'нежный', а заимствованием значения того же самого слова во второй раз, но уже не из французского языка, а скорее из английского (хотя слово интернациональное) и только на уровне семантики, см. схему № 2.

В большом толковом словаре Кузнецова 1998-го года словарная статья «формат» представляется следующим образом:

ФОРМАТ [КУЗНЕЦОВ 1998] [нем. Format]1. Размер печатного издания, тетради, листа, карточки и т.п. *Малый формат. Большой формат. Формат книги, альбома. Снимки обычного формата.*

2. Разг. О размере кого-, чего-л. *Дама весьма крупного формата. Книга среднего формата.*

Однако в словоупотреблении последних лет в СМИ встречаются иные толкования этого слова: «Формат авиакомпаний-дискаунтеров в России востребован, но по объективным причинам развивается медленнее, чем в Европе» (журнал *Огонёк*, 2007 г.); «ЛДПР поддерживает эти законы, все идет в либеральном формате» (Выступление В. Жириновского в программе «Национальный интерес» телеканала РТР.) Здесь *формат* означает 'вид'. В информатике данное слово употребляется в следующих значениях: 1. 'Способ расположения и представления данных в памяти компьютера или на внешнем носителе информации.' *Хранить данные в текстовом формате. Формат представления аудиоинформации.* 2. 'Способ разбиения поверхности носителя данных компьютера на адресуемые элементы – дорожки, сектора.' *Изменить формат дискеты. Формат жёсткого диска* [СКЛЯРЕВСКАЯ 2001: 820].

На основании проведенного выше анализа процесс заимствования слова представляется в двух актах. В первом акте произошло заимствование звукового облика и значения русского слова из старонемецкого (а старонемецкий язык заимствовал его из латинского), а во втором акте осуществилось заимствование только двух значений английской лексемы *format* в конце XX в. – а в английском языке это слово прошло свою собственную историю и развило новые значения, см. схему № 3.

Как отнестись к рассмотренному явлению? С одной стороны, когда у слова возникает дополнительное значение, это вроде бы обогащает язык. С другой же стороны, новое значение развивается без связи со старым, просто путем независимого заимствования из другого языка, а это подрывает структуру многозначного слова. Кроме того, это изменяет системные связи в лексике. Например, если у слова *экстраординарный* появляется новое значение,

в котором оно является точным синонимом слова *внеочередной*, то языку, скорее всего, придется либо выбрать одно из них, либо развить семантические, стилистические или иные различия между ними. На основе представленного материала проанализированные примеры можно отнести в отдельную разновидность заимствований, которую можно назвать смешанным типом: в нем сочетается собственное заимствование с калькированием.

Принятые сокращения

англ.	–	английский
кн.	–	книжное
лат.	–	латинский
нем.	–	немецкий
пол.	–	политическое
разг.	–	разговорное
русск.	–	русский
совр. англ.	–	современный английский
совр. нем.	–	современный немецкий
совр. русск.	–	современный русский
среднеангл.	–	среднеанглийский
старонем.	–	старонемецкий
старопольск.	–	старопольский
старофр.	–	старофранцузский
уст.	–	устаревшее
франц.	–	французский

Литература

- АЙТО 1993: Ayto, J. Dictionary of Word Origins. New York: Arcade Publishing.
- БАЊКОВСКИ 2000: Bańkowski, A. Etymologiczny Słownik Języka Polskiego, T 1. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- БЕЛОУСОВ 1993: Белоусов В., Иноязычные слова в русском языке // Наука и жизнь. 1993. № 8.
- ГРУНИЦКАЯ 1998: Груницкая Т.В. Англицизмы в современном русском языке // Русский язык и литература. 1998. № 4–5.
- ДОЗА и др. 1964: Dauzat, A., Dubois, J., Mitterand, H. Nouveau dictionnaire etymologique et historique, VI. Larousse. Paris.
- ДРОСДОВСКИ–ГРЕБЕ 1963: Drosdowski, G., Grebe, P. Duden Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. Mannheim – Zürich.
- КЛЕЙН 1966: Klein, E. A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. Amsterdam – London – New York: Elsevier Publishing Company.
- КОСТОМАРОВ 1994: Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Санкт-Петербург.
- КРЫСИН 1992: Крысин Л.П. Языковое заимствование как проблема диахронической лингвистики // Проблемы диахронической лингвистики. Отв. ред. В.К. Журавлев. Москва, 131–151.
- КРЫСИН 1996: Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни. // Русский язык конца XX столетия. Москва, 142–161.

- КРЫСИН 1998: Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. Москва.
- КРЫСИН 2002: Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002. № 6., 27-34.
- КУЗНЕЦОВ 1998: Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: «Норинт».
- ЛЕВОНТИНА 2006: Левонтина И. Б. Шум словаря // Знамя, 2006. № 8., 197-208.
- МАКЕНСЕН–ХОЛЛАНДЕР 1989: Mackensen, L. Hollander, E. Der Tägliche Wortschatz das Tägliche Fremdwort. Hamburg: Xenos.
- ПОПОВА и др. 2004: Попова Л.П., Мокина Н.Р., Захарова Г.В. Современный англо-русский словарь. Москва: «Руссо».
- СКЛЯРЕВСКАЯ 2001: Скляревская Г. Н. (ред.) Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX века. Москва: «Астрель», «Аст».
- ССРЛЯ: Словарь современного русского литературного языка. Т 1-17. Москва, 1948-1965.
- УСПЕНСКИЙ 1985: Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Москва.
- ФАСМЕР 1973: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачёва. Т 1–4. Москва.
- ФИНАЛИ 1884/1991: Finály, H. A latin nyelv szótára. Budapest: Franklin Társulat. Reprint 1991.
- OED 2002: Simpson, J. A, Weiner E. S. C. (ред.). Oxford English Dictionary. CD-Rom.

Abstract

On the Typology of Loans (based on borrowings in present-day Russian)

Recently, the language of advertisements, commercials and the mass media has used several new collocations that contain a word borrowed from a western language as one of their components. These generally have well documented semantics that developed earlier but which, however, has considerably changed in advertisements and in newspaper texts.

The present paper examines an interesting phenomenon that is very common to the present-day linguistic situation and is in connection with how loan words function in Russian. Some of the early borrowings whose phonetic forms and meanings came into Russian a long time ago from the west. In Russian they developed their own specific meanings and are now being or have been re-borrowed lately in meanings that cannot be the result of organic semantic change in Russian itself. The analysis of three words (*extraordinary*, *delicate*, *format*) demonstrates a few details of this phenomenon. Borrowing may have happened in two phases. In the first phase, the phonetic form and the meaning of the Russian words were borrowed from German (*extraordinary*, *format*) and French (*delicate*), which, in their turn, took them from Latin. At the end of the 20th century, which is the second phase, only some of the meanings of the English lexemes were adopted.

It can be concluded that the examples analyzed above represent a mixed type of borrowing.

Приложение

Схема 1

I акт

лат. extraordinarius 'rendkivüli, mi szabály és renden kívül történi, nem szokatlan' [чрезвычайный, происходящий вне правил и порядка, необычный] [ФИНАЛИ 1984/1991: 759]	→ старонем. extraordinär (XVII–XVIII вв.) 'aussergewöhnlich' (~ Professur) [чрезвычайный] → [МАКЕНСЕН – ХОЛЛАНДЕР 1989:229] ¹	русс. экстраординарный (1802) → 1. (уст.) 'непредусмотренный, обычным течением дел, специально назначенный' [ССРЛЯ 17: 1798]	
		> 2. (кн.) 'выходящий из ряда обыкновенных явлений, чрезвычайный, необыкновенный' [КУЗНЕЦОВ 1998]	3. (пол.) 'чрезвычайный' [СМИ 2007]

II акт

лат. extraordinarius	→ среднеангл. и ранний совр. англ. extraordinary (1460–1860)	> совр. англ. разг. extraordinary	
	1. 'Out of the usual or regular course or order'	> 1. 'необычайный'	
	2. 'Outside of or additional to the regular staff'	> 2. 'выдающийся'	
	3. 'Of a kind not usually met with'	> 3. 'чрезвычайный' [ПОПОВА и др. 2004: 271]	
	4. 'Exceeding what is usual in amount, degree, extent, or size' [OED 2002]		

¹ ФАСМЕР допускает еще [1989: 516] заимствование через новолатинское посредство формы *extraordinarius*, но детали этого процесса не документирует.

Схема 2

I акт

лат. *delicatus* > старофр. *delicat* [хрупкий] (XIV в.) → русск. деликатный (XVIII в.)² > совр. русск. деликатный

1. 'érzéknek
tetsző, kecses,
bájos, csinos'
kellemes, finom
[изысканный,
изящный,
приятный]
2. 'finom, gyöngé'
[мягкий]

1. fragile [бьющийся,
хрупкий]
2. ténu [тонкий]
3. fin [изысканный]
4. difficile
[разборчивый]
5. épineux
[щекотливый]
6. scrupuleux
[заботливый до
мелочей]
[Доза и др. 1964:
226]

→ 1. 'вежливый,
обходительный,
мягкий в
обращении'

> 2. 'тонкий,
щекотливый'
>
3. 'нежный,
слабый'
[ССРЛЯ 3:671]
4. 'изыскан-
ный
(о вкусе)'

↓

3. 'elpuhult, elké-
nyeztetett, reny-
he'
[изнеженный]
[ФИНАЛИ
1884/1991: 567]

старопольск. (1566)
delikat 'człek
zniewieściały'
[женоподобный
мужчина]

5. 'требующий
бережного
обращения (о
ткани)'
(Интернет)

II акт

лат. *delicatus* > старофр. *delicat* → или среднеангл. (1382 г.) *delicat* 'delightful, charming, pleasant' [OED 2002] → среднеангл. *delicat* (XIV в.) 1. 'Delightful, charming, pleasant, nice of food, pleasing to the palate, dainty'

> совр. англ. *delicate*
> 'nice of food'

2. 'Fine: not coarse, not robust, not rough, not gross, exquisitely or beautifully fine in texture: tender as to be easily damaged'

> 'fine in texture: tender as to be easily damaged' [OED 2002]

² Вопреки мнению Фасмера, опосредованное заимствование через польский по семантическим причинам маловероятно, см. [Баньковски 2000 : 259].

Схема 3

I акт

лат.	→ старонем.	> совр. нем.	→ русск. (XIX в.)
formo > formatus,	→ Format	> Format	→ формат
formatum	'das Geformté'	'Länge und	1. 'размер
1. 'formál, alakít,		Breit genormte	книги, листа,
vminek bizonyos		Größen	карточки'
alakot és formát		verhältnis	2. 'длина и
ad, elrendez'		sperielt von	высота
[формировать,		Papierbogen'	длины стро-
располагать]		[ДРОСДОВСКИ-	ки'
2. készít, szer-		ГРЕБЕ1963:181]	[ССРЛЯ,16:
keszt, csinál,			1498]
alkot' [конструи-			3.совр.
ровать, созда-			русск.
вать] [ФИНАЛИ			(XXв.)
1884/1991: 815]			'характер,
			форма вид'
			(Телепро-
			грамма
			«Нацио-
			нальный
			интерес»
			канала РТР)
			информа-
			ции [Скля-
			ревская
			2001: 820]

II акт

(лат. formo)

>

итальянск.	→	франц. format	→	англ. format	>	совр. англ.
formato		(XVI в.)		'shape and size		format
	или			of a book'		1. 'формат
	→	нем. Format		(XIX в.)		книги'
		(см. выше)		[Клейн 1966:		2. 'размер,
				612]		форма'
						3. 'характер.
						форма, вид'
						4. 'вычислит.
						формат диска,
						записи' [ПО-
						ПОВА и др.
						2004: 308]

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

SHCHERBATOV AND THE OPHIRIAN THEOLOGY

Adam DROZDEK

Michail M. Shcherbatov was one of the most prolific intellectuals of the eighteenth-century. He wrote at length on politics, jurisprudence, education, and most extensively on history, authoring the monumental but unfinished *Russian history from earliest times*. He translated works by foreign authors and tried his hand in poetry and fiction. His ideas are not particularly novel, but his significance lies in conveying the spirit of the time in Russia and as a representative thinker of the Russian nobility. He held some posts in the court but did not exercise a significant political influence. He was an inside observer of court life, recording his observations with not infrequently vitriolic comments. Because of their political criticism, many of his works did not appear in his lifetime.

Shcherbatov is primarily known as a defender of the rights of nobility. To him, the nobility was Russia: nobility made Russia great; the cultural development of the country was due solely to the nobility; territorial expansion was due to the nobility's military service. Therefore, the rights and privileges of the nobility should be retained and even enhanced; the nobility should have a greater voice in political matters in the autocratic system of the time.

It is, however, interesting to see what such a well-educated, widely-read intellectual had to say about the matters of faith and theology in an age of the explosion of a rationalist attitude toward religion in Western Europe, in the age when Russia opened itself to Western influences. Shcherbatov's statements pertaining to theology are not very extensive and are scattered throughout his writings. Many of these statements can be found in his unfinished novel, *Journey to the Ophirian land* (1783–84).

Ophir

In the *Journey*, a Swedish courtier describes his observations of Ophir, a country close to the South Pole. Some of the most interesting observations are about the religion of the land.

Ophir is the land mentioned in the Bible as a source of gold for king Solomon (1 Kings 9:28; Is. 13:12; Ps. 45:9) and the Ophirians recognize the existence of ancient contacts with Solomon (1.883–884).¹ Ophir is also the location of an

¹ References are made to [ЩЕРБАТОВ 1896], in particular, to the following works: Размышления о законодательстве вообще, 1.355–426; Статистика в рассуждении России, 1.457–618; Примечания верного сына отечества на дворянские права на манифест, 1.269–334; Путешествие в землю Офирскую г-на С... швецкого дворянина, 1.749–1059; Рассмотрение о пороках и самовла-

anonymous German utopia, *A well-organized state of kingdom of Ophir that was sought by many by not yet found*, which is sometimes assumed to have influenced Shcherbatov.² However, the German work is not even a novel; it is a treatise about an ideal Christian state. Usually, utopias were described by authors up to Shcherbatov's time as existing in the far reaches of the Earth or even in a subterranean location (e.g., Charles de Fieux Mouhy, *Lamékis* 1737) or on the Moon (e.g., Cyrano de Bergerac, *L'autre monde* 1637). The German work did not use this device. First, consider this verse: "ships of the king [Solomon] went to the sea with the servants of Hiram and came once every three years bringing gold, silver, ivory, apes, and peacocks" (2 Chr. 9:21)³; and now, the very conclusion of the German work: "If anyone is curious to know where such [a kingdom] exists, then take as conclusion this note: Where the true Christian religion in pure teaching and a holy way of life ... is diligently exercised, there is genuinely pure gold; where law and justice are maintained, there is the finest silver; where commerce is blooming, there is ivory that brings plenty of profit; where the subjects see nothing but the Christ-praising deeds of their sovereign, there are the best apes; where all royal servants loyally and indefatigably care for the well-being of their lord and for the maintenance of the common good, there are the most watchful peacocks; where all of this is, there is the kingdom of Ophir." If anything influenced Shcherbatov, it was this ending. However, the metaphor used by the German author was broken by Shcherbatov when the Ophirian interlocutor said that only gold was taken by Solomon's ships from Ophir, other things were probably taken on their way back from other lands (1.884). So, was for Shcherbatov Ophir just a land of gold – that is, spiritual gold, as meant by the German author? Maybe. And maybe Shcherbatov would have had an ending similar to the German anonymous author, if he had have succeeded in finishing his novel. It is also possible that the name of the country is a mild bow to the Freemasons. 1 Kings 9 records the assistance given by Hiram, king of Tyre, to king Solomon in building his temple, and Hiram is considered by some Masons to be the founder of their organization. This may have been the reason that Shcherbatov chose Ophir as the scene of his utopia, since he was himself a member of a Masonic lodge.⁴

стии Петра Великого, 2.23–50; Размышления о смертном часе, 2.295–308; Разговор о бессмертии души, 2.309–358; Рассмотрение о жизни человеческой, 2.359–394; О способах преподавания разные науки, 2.439–602.

² Anonymous 1699. In both books religious aspects are described at the beginning. In the German utopia, there is a supreme consistory, the ruling body, Shcherbatov mentions a supreme tribunal of piety (1.809, 837); both say that it is good when the ruler does not marry a foreigner (2.1008–1013); in both books there is an omnipresent order and people have the same faults as everywhere else, [ЧЕЧУЛИН 1900: 21–23; MONNIER 1982: 188].

³ The verse is a translation from Luther's Bible; in the original, a reference to the travel to Tarshish is explicitly made.

⁴ Masonic influences in the organization of Ophir, in particular, religion, are discernible, but not particularly significant, cf. [DONNERT 1973: 411, 419; WAEGEMANS 1985: 264–266; BAEHR 1991: 128, 260 note 115; АРТЕМЬЕВА 1994: 50].

As the narrator of the *Journey* states, Ophir is a noteworthy country because of a wisely instituted government in which governing is done with national interests in mind; the nobility can freely express their opinion to the monarch; flattery is not allowed in the court and “truth has an unobstructed entry there”; laws are instituted by general agreement and are constantly perfected; people participate in governing; there are few governmental functions since virtue is internalized by everyone since childhood and thus they act properly; the nobility are not proud but skilled, hard-working, and fulfilled in making the people they rule happy (1.751); “people are hardworking and virtuous and honor, first of all, virtue, then laws, and afterwards the tsar and the nobility” (1.752, 949). The country is fairly isolated from the outside world – there are no foreign merchants (1.789) – but there are occasional bellicose skirmishes with the neighboring countries. The political system of Ophir and the names of locations⁵ indicate that Ophir is Russia with a somewhat modified political system, with a more hierarchical social system, a more utilitarian educational system, a vastly modified military system, and a rationally based religious system.

God

There are very few theological statements in Shcherbatov’s writings. In fact, the most theological pronouncements are made in the *Journey*. Very soon after his arrival to Ophir, the narrator sees in the city of Peregab a temple of God, which is a round building (1.797–798) with a pedestal in the middle on which there is a silver disk with golden rays representing the sun. Inside the disk, there is a symbolic letter painted with blue enamel, indicating God’s oneness, and around the disk God’s attributes are listed: “eternal, all-powerful, all-knowing, just, all-making, all-merciful, everywhere present” (1.799). Because God is invisible, ancient Ophirians chose “the most perfect creation of His, that is, the sun” as the image of God with His attributes on it, so that no one could think that the sun should be praised (1.803). The sun simply represents God.

Using the sun as a religious symbol could be inspired by the many religions that divinize the sun: the sun god was dominant in Egyptian (Re), Sumerian, and Akkadian religions; a sun god was an ancestor of the Inca (Inti) and of the Japanese imperial family (Amaterasu). Nearly all cultures have some solar religious motifs, and solar imagery can also be found in the Bible (Ps. 84:12, J. 8:12, Rev. 21:23). St. Francis in his “Canticle of brother Sun” said about the sun: “he is beautiful and radiant with great splendor, of You, Most High, he is a symbol.” But the prominent position of the sun in the Ophirian temple was very likely inspired by other utopian novels. In Campanella’s *City of the sun* (1623), there is a priest called the Sun at the head of the government. Also, the inhabitants of the city admire and know God in the form of the sun. In the utopia depicted by Vairasse [Veiras 1675] a marble representation of the sun stands at the side of the altar in the temple of Sevarambi-

⁵ E.g., the capital Kvamo stands for Moskva, former capital Peregab for Peterburg, Golva for Volga, etc. (1.871–875, 899–901, 915, 953), see [ЧЕЧУЛИН 1900: 7–8].

ans (290) and the sun itself is considered a minister of God (148), “most glorious and beneficent creature” (356), “the means by which descend all blessings” from God (304).

How do Ophirians know that God exists? They know because they can provide a reasonable proof. The most important proof is the teleological argument (argument from design), with the attributes of God deduced from it. The order observed in the world indicates that everything is a work of one, omnipotent and wise hand, and thus, there exists an invisible Supreme Being that created everything and maintains the existence of the world. God is one, since, if there were multiple creators, the creation would be disharmonious and there could be a conflict between different parts of creation (1.802). The Creator must be eternal, since if anything could destroy God, it would be stronger than God and thus God would not be omnipotent as manifested by His creation, but as the creator of all, He is omnipotent (1.802–803). God is omniscient since He could make a mistake if He lacked some knowledge and the lack of knowledge would undermine His perfection. Possessing all these perfections and such power, God must be just. We experience His mercy and thus we conclude that He loves all things, and His omniscience compels us to think that He is omnipresent since His power manifests itself everywhere (1.803).

Proof from design is the first proof of the existence of God offered in Western thought, and it was proposed by Socrates as testified by Xenophon. This was also a proof most frequently used by the late seventeenth and eighteenth century writers. In the eighteenth century, the argument was popularized by William Paley, who opened his *Natural theology* (1802) with his celebrated watchmaker argument: finding a watch on the ground certainly points to the existence of a watchmaker, and thus, we can conclude from the workings of the universe about the existence of the Creator. Derham concluded his review of primarily biological data with the statement that “all, even the barbarous nations that never heard of God, have from these his works inferred the existence of a Deity” [DERHAM 1713: 429]. For Morgan, “it was evident ... that all nature is one entire whole, or finished piece, individuated and held together by a *unity of design*, and established general laws, at first, and at once fix’d and settled by the Author of nature” [Morgan 1741: v, 295]. For Rousseau, the harmony of beings and the relations of parts of the universe pointed to the unity of intension and a Supreme Being as the source of the order [ROUSSEAU 1782: 137]. For Newton, the best argument for the existence of God was offered by the psalmist in the words, “heavens proclaim the glory of God” and with this line he closed his *Principles* (1687) and *Optics* (1704).⁶ Voltaire pointed to the order of the universe as the way of proving the existence of God [VOLTAIRE 1734: 194–195; 1752: 535–536; 1772a: 549]. The proof from design was so impressive that Shcherbatov referred to it several times (2.330, 349, 384, 387). In any event, the existence is established rationally, with no reference to revelation and this often the way of proving the existence of God found in utopian novels. For

⁶ Shcherbatov also quoted this verse as an indication that the Supreme Being created all things seen and unseen through His incomprehensible wisdom, 2.349.

Sevarambians, the idea of God came from curiosity and contemplation, from “investigation of the order of providence”; that is, “pure, unmixed reason led the mind to the idea of a superior being” (356). Because revelation was absent, “their religion is not truest of any, it is however the most agreeable to human reason” (303). Also, in Dumocala, the country described by Polish king Stanisław I Leszczyński, the existence of God is established by reason and common sense; it is reason which leads to the belief that “the universe could not have created itself, [that] it was but a God who brought it out of nothing and gave it the order and arrangement with movement and life” [LESZCZYŃSKI 1752: 10].

The rational derivation of God’s attributes is another issue. The late seventeenth and eighteenth century thinkers were divided on this subject. Locke merely proved that God is eternal, most powerful, most knowing and intelligent (*An essay concerning human understanding* [1690] 4.10). Clarke claimed that he had proven in his *Demonstration of the being and attributes of God* (1704) that God is eternal, immutable, necessarily existing, infinite, omnipresent, one, intelligent (proof from design is used here), free, omnipotent, good, and just; he admitted that he could not prove what God’s essence was. Voltaire could only prove God’s freedom, intelligence, eternity, and power [VOLTAIRE 1734: 199; 1772a: 520, 543]. He also said that God must be unique since if there were two gods, they would destroy one another [VOLTAIRE 1769: 97]; a softened version of this argument was used by Shcherbatov.

Shcherbatov’s proofs for particular attributes of God are very concise and not particularly convincing. The world could be eternal, and thus uncreated. Why should the existence of multiple gods automatically lead to disharmony in creation? The fact of creating everything does not automatically point to God’s omnipotence; He created the world that He could create but this does not mean that He could create anything – any world, any kind of perfection – not to mention the theological problems of creating eternal truths or undoing something that already happened. God’s eternal existence does not have to be undermined by the existence of anything stronger than God. He simply may be of limited existence by nature. God’s omniscience is also hardly proven. For Shcherbatov, it basically stems from God’s perfection, but the statement about the latter is really an act of faith. However, his proofs seem to have aimed at showing that God’s attributes rationally shown are the same as the attributes indicated by scriptural revelation. In that way, Shcherbatov was not a pure rationalist as he wanted to show that Christianity is, to a large extent, a rational religion. In this, he followed many authors of his age who were convinced about the truth of Christianity but only wanted to show to their contemporaries that nonreligious arguments could also be used in Christianity’s favor, which is an approach particularly pronounced since Aquinas.

Therefore, the Ophirian theology is not in competition with Christian theology, but it shows the extent to which reason can establish theological truths. Because these truths are not contradictory to the claims of Christianity, rational theology substantiates the latter and constitutes its imperfect adumbration. And thus, the Ophirian priest pondered about the fact of six days of creation if an omnipotent

God could do it instantly; but, he admitted that mortals could not know God's devices. Also, the priest admitted that salvation through Christ's death could not be rationally analyzed, but, all in all, Christian religion is very close to the Ophirian faith: both religions are monotheistic and ascribe the same attributes to God (1.838), both accept immortality of the soul. Christianity is also based on revelation. However, God gave no revelation to Ophirians; He will do so when it pleases Him (1.839), which is similar in other utopias. The religion of the Sevarambians turned out to be similar to Christianity (307–308) and so was the religion in Campanella's *City of the sun*, which even included the belief in the Trinity. In Thomas More's *Utopia* (1516), Christianity was readily accepted because the local religion prepared the ground (2.9).

It is therefore not surprising that Shcherbatov's own theology does not rule out revelation. In his nonfictional works, he frequently referred to religious issues, usually with no theological discussion involved, taking the tenets of the Orthodox religion for granted. He opened his "Remarks on the Great Order of Catherine" (1772/73) with the statement that "God as the source of all good should be called upon in all our works; what can be more important in the course of legislation to establish the law for a populous nation and thereby make it happy." Furthermore, "although nations are subjects to a monarch's scepter, they are God's people and God, as creator, never loses His right over His creation; the rulers are nothing else but judges set up for the good of the nation" [ШЧЕРБАТОВ 1935: 16]. These statements recognize God's existence, His creative powers, goodness, and providential rights and power. In "Reflections on the hour of death" (1788), he stated that God does nothing for evil, but only for good; He is a merciful Father, who created us, provides for us, on whom everything depends, and would not allow for death if it were not a blessing for us (2.306); that is, God is a benevolent Creator who turns all evil, in particular, death, into good. Also, Shcherbatov found uncontroversial the notion that God is just (2.317, 351). He assumed the validity of Christian dogmas as incontrovertible: the Incarnation (2.453), the redeeming power of Christ's blood (1.838; 2.339). Moral teachings of the Gospels come directly from God (2.453), although the Old Testament is of a divine provenance that is only "for the most part" inspired (2.353). These truths can and should be accepted by faith since they exceed the powers of reason (2.353). As such, they should be imprinted on the impressionable minds of children from early on and become part of the educational system. And so, in his outline of such a system, Shcherbatov proposed that primers which teach how to read and write should include prayers, such as the Lord's prayer, and ten commandments so that the pupil "could always bring prayer to his Creator and Savior and it would be impressed upon him the knowledge of the human debt in the judgment of man by God proclaimed on Mount Sinai" (2.448), and that a catechism, for example the catechism of metropolitan Platon, should be learned by heart (2.500).⁷

⁷ Shcherbatov also mentions an unpublished catechism he wrote for his children which could have been used to that end.

Personal piety

The Ophirian rationalism in religion is carried consistently to its bitter end. Man is the only being that can know God through his reason (2.349). Also, the existence of God and the obligations stemming from it should be clear to everyone. Therefore, if someone denies the existence of God, then there is something wrong with the person's reasoning abilities; and if these abilities are in proper order, the person is simply mad. And this is the verdict on atheists in Ophir: atheism is the result of madness since "if someone does not perceive the existence of God in visible creation, he cannot be considered anything else but insane" (1.811, 948). A sorry lot awaits such a person. He is relieved from all his duties, his children are taken away from him, his family is obligated to cure him from his illness, he is committed to house arrest until he publicly admits his madness (1.812). This is a solution offered in an utopian country. However, it appears that Shcherbatov does not quite consider this a perfect solution. The *Journey* contains plenty of satire – satire on Peter I's foundation of Petersburg, a satire of Catherine II's lavish foundation of cities, etc [КИЗЕВЕТТЕР 1900: 31–37].⁸ – and consigning unbelievers to the state of mental illness seems to be a satire on the rational approach to matters of religion, an enlightened consequence of eighteenth-century philosophy. For example, Clarke opened his *Demonstration* with the diagnose that atheists can be, first, "extremely ignorant and stupid" when they live "in a manner of life very little superior to that of beasts"; secondly, they can be "totally debauched and corrupted" in "the slavery of unreasonable and indulgent lusts"; or, thirdly, they believe that the counterarguments they use are stronger than the arguments of believers. It appears that, one way or another, the consequence remains the Ophirian approach to bringing atheists to the right mind. Montesquieu, a great authority for Shcherbatov (and for Catherine II) would probably not have been opposed to such a consequence when he stated that "he who has no religion at all is that terrible animal who perceives his liberty only when he tears in pieces and when he devours" (*The spirit of laws* (1748) 24.2). It may merit mentioning that Locke's *Letter concerning toleration* (1689) excluded atheists from those to whom tolerance should be extended.

However, the problem of disbelief and wrong belief must not be treated lightly. In "Statistics in discussing Russia" (1775–77), Shcherbatov admitted that, at first, he found Peter I's rules against heretics to have been too stringent. The compulsion to accept faith may appear to be too severe, but Shcherbatov thought otherwise, after he investigated the archives of Peter I and discovered how heretics who considered the tsar to be an antichrist undermined the stability of the government, even to the point of insurrections (1.552). Because "lowlife folks" (подлый народ) can easily be swayed by heretic preachers, the government cannot ignore the spread of heresy. However, religious persecution is not the solution because it only generates

⁸ Kizevetter also remarks that satirical elements are marginal in Shcherbatov's utopian novel, p. 37.

martyrs and encourages stubbornness in remaining a heretic. Shcherbatov proposed reevangelization combined with social disincentives. Priests knowledgeable in heretical dogmas should be sent to the centers of heresy for a long-term stay. On Sundays, people should be summoned together for a brief friendly sermon by a priest that presents the Orthodox faith and exposes heretical dogmas. The teaching of Greek should be promoted to argue for the validity of Orthodoxy from original biblical text (that includes the Septuagint). Heretics should be put to shame by wearing special patches. Heretics should not be allowed to serve as witnesses or to sign contracts. Finally, their taxes should be increased (1.556–557). Also, attempts should be made to uproot other faiths, and Shcherbatov meant in particular Muslims and idolaters (i.e., primitive religions); this should be done through preaching and, for those who convert, by lowering taxes (1.560). Clearly, Shcherbatov was interested here in the social harmony and social cohesion of the country rather than in theological subtleties. However, his program of converting heretics primarily through preaching is certainly different from the Ophirian approach; and although economic pressure through higher taxes and the like could hardly be found palatable, this was certainly not a program of “uprooting heresy by any means” [ФЕДОСОВ 1967: 227].

In the proposed treatment of heretics, Shcherbatov was much milder than, for example, Rousseau, who required a “purely civil profession of faith” of every citizen; the statements of faith are not to be considered as religious dogmas, but as “sentiments of sociability” without which one cannot be considered a good citizen. In the case of disbelief, the sovereign could banish such a citizen not for impiety but for being unsociable (*The social contract* (1762) 4.8). Not only was religion viewed in Rousseau’s proposal in a purely social engineering light, but the policy encouraged an outright hypocrisy.

The personal piety of Ophirians is also quite rationalistic. If God is omniscient, why should one ask Him about anything? He already knows our needs, even better than we do. Therefore, prayers offered to God are very short – a couple of minutes – focused on honoring God rather than making requests (1.799–800). Also, there are no sacrifices offered to God since the best sacrifice is a pure heart. However, there is a requirement for each citizen to come once a week to the temple; otherwise, he pays a fine (1.804).⁹ In these rules, Biblical elements can be found: with the pure heart being most important to God, with sacrifices being only meaningful when offered in the right spirit (Ps. 15:19; Is. 1:11; Jer. 6:20). Also, as Christ preached, God knows our needs before we even ask (Mt. 6:8), pointing to the futility of the hope that long prayers are heard because they are long (Mt. 6:7). However, the Ophirian idea of prayer is primarily dictated by eighteenth-century thinkers. Voltaire stated that divine plans exist from eternity, and it was quite absurd to think that prayer would modify them. Prayer was, for him, a request for God to be inconsistent and thus prayer amounted to a mockery of God [VOLTAIRE 1772b:

⁹ In 1581, a law was passed in England that fined 20 pounds for recusancy, the sum large enough to ruin anyone.

275–277]. Shcherbatov did not go that far. Ophirian theology allows for prayers that ask God “that He help us to be worthy of Him and fulfill His will” (1.804).

However, in some statements Shcherbatov suggests that the piety of the Ophirians does not go far enough. Illicit love is penalized by barring perpetrators from the temple, shunning, and even taking away children. However, secret deeds could not be punished. Therefore, as an Ophirian priest explains, “do what you want in secret, there is no punishment for it, but do not instigate scandal/demoralization” since the strength of government is based on good morals and scandalous deeds lead to the corruption of morals (1.811). This statement appears to be an encouragement to hypocrisy. However, it is, at worst, just a careless pronouncement. It is stated in the context of maintaining social cohesion. From this point of view, secret sins do not matter if they do not affect others, in particular, the children of the sinners; secret misdeeds, when unnoticed by anyone, may not affect the social structure, and thus do not matter. Of course, from the religious perspective they do matter and, in the long run, they may lead to socially unacceptable consequences since they do adversely affect the perpetrators, which sooner or later may be manifested in an objectionable fashion. The priest’s statement seems to mean: if you do not want to be penalized by the state, do things in secret. However – what remains understood – keep in mind the omniscient and omnipresent God who not only rewards, but also punishes, if not now, then in the hereafter.

Morality and law

The existence of God may very well be a self-evident truth or the truth that can very easily be discovered through the harmony of creation, but the rules of conduct are not so evident. They require spelling out more or less obvious consequences of the attributes of God, and these consequences should be quite plainly formulated to be a clear guide for the Ophirians. These rules are primarily specified in two catechisms, one which has two parts, a moral catechism and civil catechism (1.931–947), and in a catechism of laws (1.947–953).

The moral catechism has to be learned by “each youth of whatever station.” It has 24 articles and it opens with a theological statement: “nothing comes from nothing. Think and you will see this truth that each thing has its cause and beginning, consequently, the makeup of the universe and your own makeup has to have a cause, and this cause is God.” It is quite interesting that Shcherbatov used here a cosmological argument for the existence of God with no reference to the argument from design that was used before. The second article lists God’s attributes with the remark that man cannot invent anything more perfect than God with these attributes. Most of the remaining articles are elaborations on or restatements and reformulations of Biblical verses. They include such admonitions as watch your tongue (#18, Eph. 5:3–4), do not lie (#10, Prov. 19:9), do not be vengeful (#19, Heb. 12:19), jealous (#23, Js. 3:16), lazy (#8, 2 Tes. 3:10), nor vain (#16, Prov. 8:13), keep secrets (#18, Prov. 20:19), do not be a glutton and avoid luxury (#11, Lk. 21:34, 8:14), listen to advice (#14, Prov. 12:15), be patient in the face of adversity

(15, Rom 12:12), do not do what is bad or dubious (#21, Prov. 3:7), treat everyone as your equal (#12; Js. 2:9), remember that actions not thought through are seldom good (#20), be merciful (#9, Mt. 5:7), be easy on someone else's faults and hard on your own (#17, Mt. 7:3–5). Among the articles, we find the reformulation of the golden rule – we should “wish for others what they would wish for themselves” (#7), “what you allow yourself [to do], you should also allow it to others” (#19) – and our duties to God: we receive everything from God and thus we should be thankful to Him (#3, #13, 1 Cor. 4:7); we cannot hide from God (#5, Ps. 139:3–4) and thus we should control our thoughts and deeds to not be ashamed before God (#6, 2 Tim. 2:15). There is a promise stating that acting in a way pleasing to God is beneficial and a blessing to us (#4, Prov. 3:1–2), and a short attempt at theodicy: what is good comes from God, what is bad is the result of your weakness (#22, Js. 1:17, Rom. 7:18–20). The catechism ends with the encouragement to make an account of the day each evening, thanking God for the good and asking Him to help you to avoid evil (#24, Mt. 6:13).

Importantly, the concluding article of the first catechism urges the youth to pray, basically, to not be led to temptation, very much as in the Lord's prayer. The providential character of God in the rational determination of His attributes is barely visible if at all, but in issues of morality, God becomes very close to daily life so that everyone can count on His help in leading a life in accordance to moral precepts. Shcherbatov, unlike most deists, was not satisfied with using divine judgment after death to enforce the rule of proper behavior in life, but saw God as constantly watching: God's omnipresence suggests His presence in this life, the presence of a caring divinity, not detached from human toil.

The second part of the catechism, a civil catechism, consists of 29 articles that partially overlap with articles already listed and concentrates on duties toward society. The youth learn here that people are born for a society and cannot live in isolation (#1, #3), but they are not slaves of society (#2). People should love and honor their parents (#4), their relatives (#5, #6, #27), and all citizens (#7, #10), including the old (#8), their fatherland (#9, #29), its laws (#11, #21, #25), their superiors and subordinates (#12, #23, #26). People should avoid luxury and not be lazy (#13), nor greedy (#19), be modest and quiet (#14), keep secrets (#15), be helpful (#16), not brag (#17), nor lie (#22), be just (#18), keep their word (#20), share their knowledge (#24), and properly bring up their children (#28); “in a word, in each situation remember that you are a man and a citizen and thus, because as a man, you need help of others in each situation, you also strive for being useful to others; and because as a citizen – all your virtue is based on the unity of society, give back to it for all the good that you received from it” (1.947).

The catechism of laws with its 22 articles opens with the statement that laws are indispensable in each country (#1) in order to punish bad deeds and reward good ones, so the citizen should obey them (#2) and know them (#22); there is no use in complaining about their burden (#3); blasphemy is treated as insanity (#4); citizens should love and honor their parents (#5) and authorities as appointed by God (#6, #7), since disrespect can be punished (#8, #9). Remaining articles state:

do not kill (#10), nor steal (#12, #13), avoid fights (#11), help the needy (#14), keep your promises (#15), do not go to court too hastily (#16), do not use tricks in trade (#17), nor in evading the law (#21), do not be severe toward your serfs (#18), do your job well (#19), divide inheritance among children according to the law (#20).

In the civic catechism and the catechism of laws, Shcherbatov managed to incorporate most of the decalogue (the seventh commandment is strangely missing, although elsewhere, bedroom laxity is severely condemned as leading to the corruption of morals in Ophir, 1.811) with a strong emphasis on acknowledging and honoring political and social structure (cf. Rom. 13).

The approach that we find in the fictional description of Ophir is also found in nonfictional works of Shcherbatov. In his “Reflections on legislation in general” (1785), he stated that morality should be the foundation of laws (1.377).¹⁰ All laws should have one goal, which is the general good (1.366). The laws should be made by a small group of virtuous people, reasonable, willing to work, having equal power and merit with the people of the court; each citizen should be able to give advice (1.367). The legislators should use the principle expressed by Syrach, that the beginning of wisdom is the fear of God (1:14). Fear of God prevents people from committing crimes that could not otherwise be detected, it directs them to the “path of truth” and establishes security of the ruler and the cohesion of society through the sacredness of oath. The laws “should agree with natural, divine laws,” otherwise they will not be obeyed (1.372). In Ophir, divine laws may be assumed to be expressed in the catechisms; they establish the framework for specific laws that should be as detailed as possible. And there is no shortage of such laws in Ophir.

The Ophirian laws are specific, almost to the level of the ridiculous. A way of life is legally prescribed to everyone: a kind of clothes that can be worn, how large a house should be, how many servants one can have, how many dishes and what kind of drinks one can have at the table, of what material crockery can be made, what kind of animals one can have, etc., etc. (1.859). For manufacturers, there is a law not to care too much about the appearance of faience china (by painting it) since it may increase prices and luxury (1.901). These laws are designed at maintaining social stability, and for Shcherbatov it means maintaining the same stratified system with exclusion to all social changes. For the nearly two millennia of Ophir’s existence, the country’s social system remained the same. And so Shcherbatov saw the solution in a rigid hierarchical system, with, incidentally, the likes of himself at the very top. This was the result of the conviction that inequality is a natural social state since there are no two people who are the same (1.222). Second, stability can be maintained by maintaining a high level of morality and that, in turn, can be done with fighting off the greatest enemy of morality – luxury. When luxury becomes accessible, morality declines, leading to the deterioration of economic and social stability of the country. This was a big issue in Ophir, in which laws were

¹⁰ That is, laws cannot be good when they are not based on morality [ШЧЕРБАТОВ 1935: 33–34].

designated to keep luxury down, and in Shcherbatov's bitter assessment of the situation in Russia in his *On the corruption of morals in Russia* (1787). Interestingly, since the work was written at approximately the same time as the *Journey*, the phrase "corruption of morals" can also be found in the latter work (1.796, 811). And thus, a stratified society committed to an unostentatious way of life seems to be the best social policy for Shcherbatov for society to continue with no danger of social upheaval. And, in Shcherbatov's mind, inequality is natural and thus a divinely appointed state of affairs, and modesty is the precept stemming from the Gospels. Social policy, then, has religious foundations.

Priesthood

A very curious feature of Ophir is the sacerdotal organization. Priests are elected from among the most virtuous citizens, three priests for one temple – one temple being in each district of the city – who take turns to read prayers in the temple, watch for the rights of citizens and for social burdens. All priests in the city are supervised by someone who also supervises the city police. There is also an arch-priest elected from among the priests; however, the election has to be confirmed by the emperor. Incidentally, the emperor has in his court advisor priests from each province to deal with social problems and to monitor his autocratic rule (1.805). Virtue appears to be the only qualification for the priesthood since no formal training is required; no degree from a seminary is needed. Pure priesthood duties (reading prayers) are light and the theology is self-evident, so no schooling is necessary (1.801). The only reward of a priest is the honor to bring prayers to God (1.807).

The connection of priesthood with the police is not incidental. The police uphold the law and thus the most virtuous people are elected for the job; for the supervisors of different districts, three people are chosen who also become priests (1.801). And so, all priests are policemen, even higher echelon policemen.

Policemen-priests have no reward either, since the service is easy and protects people from any hardship, although it appears that policemen-priests are involved primarily in matters of divorce and blasphemy (1.807–812). Other duties of the police – which seem to be executed by rank-and-file policemen – include, first, the care for the health of the people by checking freshness of merchandise, the daily inspection of health of the inhabitants of a particular district, and monitoring the purity of air and water; these tasks are performed with the assistance of physicians (1.812–814). Second, the police watch for the security of the streets by monitoring day watchmen and night watchmen, subduing unruly citizens, and assisting fire-fighters (1.814–817). Third, the police check for the good conditions, cleanliness, and lighting of streets (1.817–818); and finally, they play the role of fire inspectors – checking ovens and water containers used in case of fire (1.818–820).

The idea of policemen-priests is accepted by the narrator of the *Journey* with great enthusiasm: "I could not stop to wander about the wisdom of their faith and wisdom of the [sacerdotal] arrangement" (1.801). That this seems also to be the

opinion of Shcherbatov can be confirmed by his position about the church expressed in other works.

Peter I saw the Orthodox church as an enemy of his strongly pro-Western reforms. Using the opportunity of the death of the patriarch, he relied on the assistance of the archbishop of Novgorod, Feofan Prokopovich, to develop new system for the church. Under Peter's eye, Prokopovich wrote *The spiritual regulation* which set rules for the new organization of the church. In 1721, the patriarch was replaced with the holy synod, a college of 10 and later 12 clerics. The synod was approved by the Eastern patriarchs whereby it became canonically sound. The synod was controlled by a chief procurator appointed by Peter. The church was reduced to the role of an institution of a secular state, which considerably affected the spirituality of the church.

In "A discussion of the faults and autocracy of Peter the Great" (1782), Shcherbatov not even once raised the problem related to religion, in particular to the subjugation of the church to Peter's power. The article is just a long apologetic for his favorite tsar blaming, different faults of the tsar on the spirit of the time, poor education, the historical situation, the fact that some faults were not then considered to be faults, although he rather tepidly admits that the tsar's cruel behavior toward his sister and his son, and even participation in execution of those who were found guilty, is difficult to justify. In the *Corruption of morals in Russia*, Shcherbatov at first made Peter more spiritual than anyone else and thus the one who saw clearly the need for reform of the church. *The spiritual regulation* was the means of dealing with false and superstitious spirituality of the nation, in particular, false miracles and gatherings at shrines at crossways. However, spiritually, more harm was done than good: by suppressing superstitions, Peter suppressed all faith and thereby the foundation of morality [SHCHERBATOV 1969: 153–155]. Shcherbatov mentioned only the demise of faith through Peter's church reforms, he did not even mention the problem with the church becoming a department of the state. His silence about the 1721 reform and his (narrator's) enthusiasm about the situation of the clergy in Ophir indicate that he was a supporter of such a decision. He did not see anything wrong with the ecclesiastical organization as a tool of the secular government. A secular hand should reach the church from any level. He even said that no priests and sacristans should be appointed without agreement of the landlord of churches in their villages (1.294). Not only that, but he went even further by making priests policemen, not only in Ophir. In 1768, Shcherbatov proposed that the police be given authority in the sphere of morals, public health and private life [LENTIN 1969: 36].

Artem'eva indicated that the understanding of the function of the police espoused by Shcherbatov was not far from the views of his century, and she pointed to two now obscure authors, Joseph von Sonnenfels and Johann Heinrich Gottlob

Justi, who presented such views in their books which, were also translated into Russian.¹¹

Justi defined the goal of the police to be the maintenance of the relationship between citizens with the consideration of the common good, reconciling the wellbeing of families with what is best for society (§260) and this includes the care for cleanliness and order in cities, supervision of manufacturers, quality of food, quality of weight in commerce and care for avoiding disasters in the city (§261). The police also care for the moral state of the citizens (although Justi provides no details, §266) [JUSTI 1771].

However, religion should not be mixed with the law. And so, a wise sovereign should never include religion in his duties. Many moral virtues are different than political virtues, and so, the sovereign should not be forgiving – he should distribute justice equally (§106). Justi did not believe that atheists and deists should be penalized (§201). Religious laws should be distinguished from civil laws. The penalty prescribed by the latter is penance and the highest penalty should be exclusion from the church (§202). Although Justi tried to separate religion from government and police, he was not quite successful. He stated that laws come from reason, but the most important and highest law of reason is glorifying God (§175, cf. §190). If this is the highest rational principle, then, inevitably, all civil laws are based on it, and thus the principles of the police. Indirectly, then, the police is in the service of religion, but Justi quite forcefully would disagree with the concept of policemen-priest.

For Sonnenfels, the best and most effective way of forming morality is religion, and so, each citizen should “have a religion” (§63), and thus freethinking is a political crime and all citizens are required to prove their religious allegiance (§64) [SONNENFELS 1787]. “The right and obligation of the police to extend its care to the education of people in religious duties, to protect [people] from misuses [of religion], and to watch over the outer order of religious practices and ceremonies are derived from the necessity of religion also for temporal happiness of citizens and for the collective safety; ... thus the first thing about which the police should be concerned in this respect are sufficient and suitable priests” (§65).¹² With this theory, it was enough for Shcherbatov to make the next step and combine the police with the priesthood.

By having policemen-priests unpaid for their duties and, at the same time, elected from among the most virtuous citizens, Shcherbatov dreamt about a virtuous police force in which rank-and-file officers are controlled by higher ranking officers, who are virtuous priests. There is hardly a better solution for someone who thought that the corruption of morals is caused primarily by luxury. However,

¹¹ [АПТЕМБЕБА 1994: 52]. First edition of [Justi 1771] appeared in 1760 and its Russian translation was published in 1787; first edition of [SONNENFELS 1787] appeared in 1765–1767 and was translated into Russian in 1770.

¹² And these are duties of the police, according to Sonnenfels, in addition to being food inspectors, fire inspectors, health care, etc., just as in Ophir.

Shcherbatov's vision of combining clerical and police forces could become a bad dream if we remember the adage that it is power that corrupts. In Ophir, in which the emperor is more an example of a virtuous life, more of a figurehead than a real ruler,¹³ the policemen-priests can be severely tempted to misuse their power. Only their virtue would stand in the way. And different things can happen to virtue in different times of history, not only the Ophirian, testifies.

The immortality of the soul

A wise man once said – observed Shcherbatov – that civil laws can only prevent outward crimes; the belief in the immortality of the soul, in paradise and hell also prevents crimes in thoughts (2.340–341). If this statement had been all we had known about Shcherbatov's accepted view of immortality of the soul, he certainly could be ranked among the Machiavellians.¹⁴ However, the use of the doctrine of immortality is not the same as the validity of the doctrine itself and Shcherbatov was keenly interested in substantiating this doctrine.

According to Shcherbatov, the immortality of the soul is the most precious gift of our Creator (2.314) and thus we should not be afraid of death, but look forward to it, since death is really a resettlement of what constitutes soul's essence to a better state; it is the path to get nearer to the Supreme Being (2.308). However, our soul is blinded by its union with the body and cannot have a clear concept of its own immortality, and thus the fear of death creeps in. The tradition of "our sacred faith" is unambiguous about the immortality of the soul (2.307); however, some rational arguments may also be needed to overcome this fear of death.

In the *Journey*, one such argument is offered. God's justice leads the Ophirians to think that there is an immortal soul and punishment for bad deeds and reward for good deeds after death (1.804). The Ophirians use a moral argument that was quite popular in the eighteenth century. Wollaston wrote that "we may conclude the souls of men to be immortal from the nature of God," who is perfect and "He cannot but deal reasonably with all His dependants," and "the present state of mankind is unaccountable, if it has not some connection with another, and be not as it were the porch or entry to it" [WOLLASTON 1726: 199–200, 207]. Hartley stated that injustices found in the world "are the strongest argument for a future state, in which God may shew His perfect justice and equity" [HARTLEY 1749: v. 2, 388]. Samuel Johnson wrote as follows: "since the common events of the present life happen alike to the good and bad, it follows from the justice of the Supreme Being,

¹³ In the room of emperor's children there were 12 inscriptions on the wall including "not the nation for the tsar, but the tsar for the nation, because before there were tsars, there was the nation," "tsars are neither craftsmen, nor merchants, nor clerks and do not feel many needs which their subjects feel and thus they are unfitting to make laws by themselves," and "the tsar should be the first to obey the laws of the land, since he is a tsar by the law; by undermining their power, he undermines the obedience of his subjects to himself" (1.979–980).

¹⁴ This is all Rustam-Zade saw in Shcherbatov's interest in eschatology when she stated that Shcherbatov needed the belief in immortality for purely practical reasons, to educate man to induce him to better deeds and preventing bad ones [РУСТАМ-ЗАДЕ 1967: 34].

that there must be another state of existence in which a just retribution shall be made, and every man shall be happy and miserable according to his works" (*Adventurer* 120 (1753)). The moral argument was also one of the seven arguments that Shcherbatov offered in the dialogue, "A conversation about the immortality of the soul" (1788) in which he said that God's perfection points to His justice, to rewards and punishments after death, and thus, to the immortality of the soul (2.352). The remaining six arguments are: a mathematical proof; a proof from human feelings; a proof from the agreement of all nations; a proof from agreement of nearly all sages; a proof from the lives of those who profess the mortality of the soul; and a proof from the common sense of the first Christians (2.316–317).

Mathematical proof is a grandiose name in which mathematical method is meant, the proof that establishes axioms and derives consequences from them (2.317). In this sense, each rational proof is mathematical. But what Shcherbatov meant was taking sensory perceptions as axioms by which he showed the existence of the soul (primarily in the head, 2.322) and its immateriality rather than its immortality. But he also included under this heading the conviction that the soul has no parts, so it cannot disintegrate, and thus is immortal (2.323). The latter argument had already been used by Plato (*Phaedo* 78b–80b) and Descartes (synopsis to the second *Meditation* and much less decisively in replies to the second *Meditation*). Closer to home, the argument was also mentioned by Shcherbatov's countrymen, Zolotnitskii [ЗОЛОТНИЦКИЙ 1768: 164] and Kandorskii [КАНДОРСКИЙ 1796: 215, cf. 203–205, 208].

In the proof from feelings, Shcherbatov really concentrated on proving the abilities of the soul (memory, dreaming) and, finally, very briefly stated that the human desire for one's name to be remembered after death proves that the soul is immortal (2.333–334). This reduces to incomprehensibility the argument used in the eighteenth century. The argument really relies on God's perfection: as stated by Gastrell, the impossibility to set "bounds to our desires of living" and the human impulse to be famous indicate that "God hath appointed some other state for him. For it is impossible to conceive" that God "should give him capacities that could never be filled and inclinations and desires that could never be answered" [GASTRELL 1725: 13–14, 71]. Blacklock asserted that God would not "kindle and enlarge the desires of his creatures so far beyond proportion of sublunary good with any other view than to give their expectations a nobler aim; and to teach them that they were formed for eternity and unbounded perfection" [BLACKLOCK 1756: 224].¹⁵ Also, Shcherbatov's fellow countryman Anichkov used such an argument. Man strives for a perfect goal and cannot attain it in this life; this, surely, can be attained in future life, therefore, "our soul, undoubtedly, has to be immortal." It is unthinkable that the soul, the most perfect creation of perfect God, could turn into nothingness [АНИЧКОВ 1777: 107]. The argument is used by Zolotnitskii as the only argument, in his opinion, worth using [ЗОЛОТНИЦКИЙ 1780: 149–158].

¹⁵ See also, Johnson, *Adventurer* 120.

A proof from universality of the belief in immortality of the soul is just a list of various ancient cultures and culminates with the Old Testament (God is called the God of Abraham, Isaac and Jacob, and He would not call Himself God of what does not exist, 2.338–339) and the New Testament. Along the same lines, Shcherbatov provided a list of great thinkers who believed in the immortality of the soul. He admitted that there were great individuals, like the atomists, who denied immortality of the soul, who should not be believed, as Shcherbatov disarmingly stated, since “in reality, they feel that their statements are incorrect” because they want to be remembered, which proves that “there is in them, against their will, an unconquerable feeling of their immortality” (2.345). As it stands, the argument has virtually no convincing power. Why should a desire to be remembered point to immortality? At best, it points to the immortality of one’s name in human memory. To make the argument more cogent, it should be based on God’s perfection who so created man that he has a strong desire to be immortal at least in human memory, but this desire is, to use Shcherbatov’s laden expression, the result of their “poor logic blinding their reason” (2.347) and, in reality is the desire of one’s own immortality. In this, the argument becomes only a version of the argument from desire already presented by Shcherbatov.

The final argument comes from the first Christians, eyewitnesses of Christ’s life, death, and resurrection. They were primarily uneducated, simple people, who believed what they saw and confirmed it by their own death as martyrs, unafraid of dying for their faith, convinced of entering eternal life the way Christ did.

The arguments Shcherbatov offered were not original and, in his rendering, not always particularly forceful. If nothing else, they indicate that, for Shcherbatov, rational proofs were not merely intellectual exercises but rather confirmation of what “our sacred faith” teaches, in what Shcherbatov himself sincerely believed. As he said through one interlocutor of the dialogue, “with all eagerness I am attached to the faith in which I was born and brought up, but not merely by habit, but by confirming the tradition that I inherited from my parents and the church in which I was born by not a few reflections and investigations” (2.352).

Shcherbatov’s faith

How can we determine Shcherbatov’s own religious faith? Does the Ophirian theology express Shcherbatov’s own personal beliefs? This is not an easy question to answer and Shcherbatov was not always particularly helpful in that matter.

It seems that Ophir is to a large extent Shcherbatov’s literary experiment rather than a depiction of the civilization of his dreams. Its political and social system is an improved version of Russia. There are two major differences between Ophir and Russia, namely the military system and a religious system in respect to theology and church organization [ФЕДОСОВ 1967: 251]. The theology is based solely on human reason, with no sacred books, no revelation, no prophets, no miracles, in a word, the theology in the spirit of the eighteenth century. However, this theology can be accepted as part of the Christian faith. Whether Shcherbatov wished to see

religious systems like the one in Ophir materialized is at least doubtful. It seems rather that he wanted to see in his experiment how far he could go by combining a somewhat modified version of the Russian hierarchical society with rational religion. He was troubled by the state of Christianity in Russia, by the backwardness of theological education, by the extent of superstition among people [APTEMBEBA 1994: 42]. What would a society look like when its religion is stripped to the very minimum, to the minimum dictated by human reason alone? And if theology is simplified, then are theological education and theological seminaries really needed? The Ophirian experiment seems to suggest that a society can exist on rational religion alone. But it is doubtful that such religion was really to Shcherbatov's liking. Revelation accepted by simple faith seems to have been an indispensable element of true religion, and, as a Russian, he saw this truth in Orthodoxy with its apophatic theology where the limits of human reason are particularly pronounced. Ophir was an experiment that did not bring altogether desirable fruit, an experiment that better remain a utopia.

Shcherbatov's own spirituality was not of striking profundity or overwhelming grandeur, but it was certainly authentic, sincere, an expression of quiet faith. In fact, in the age of such strong libertine influences and the fashion with which rationality in religion was met, it is rather surprising that his religiosity was of any significant level. He was strongly influenced by the rational approach to matters of religion, but he did not turn against religion when it surpassed the ability of human reasoning. He promoted faith because it was useful for social stability, but this did not mean that he was above faith and wanted to use it only as a useful tool for social engineering. This can probably be best seen in his letters to his son Dmitrii. Most of these letters end with a blessing such as "I commit you to the love of God," and in a few letters blessing him and his fiancée, e.g., in Feb. 22, 1787, "may God end happily what you started ... and may He bless your marriage with His mercy, and may He send upon you all His mercies" [ЩЕРБАТОВ 1981]. Such tender words would not be quite fitting for the pen of an all-out rationalist who saw in religion only a tool for social stability.

Bibliography

- Anonymous 1699: *Der wohleingerichtete Staat des bisher von vielen gesuchten aber nicht gefundenen Königreichs Ophir*. Leipzig [reprint, Bern 1987].
- BAEHR 1991: Baehr S. L. *The paradise myth in eighteenth-century Russia: utopian patterns in early secular literature and culture*. Stanford.
- BLACKLOCK 1756: Blacklock T. *On the immortality of the soul: an essay* // Blacklock T. *Poems*. London.
- DERHAM 1713: Derham W. *Physico-theology or a demonstration of the being and attributes of God from His works of creation*. London 1720 [reprint, Whitefish 2007].
- DONNERT 1973: Donnert E. Michail Ščerbatov als politischer Ideologe des russischen Adels in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts // *Zeitschrift für Slawistik*. 1973, 411–421.
- GASTRELL 1725: Gastrell F. *A moral proof of the certainty of a future state*. London.
- HARTLEY 1749: Hartley D. *Observations on man, his frame, his duty, and his expectations*. London.

- JUSTI 1771: Justi J. H. G. Natur und Wesen der Staaten als die Quelle aller Regierungswissenschaften und Gesetze. Mittau [reprint, Aalen 1969].
- LENTIN 1969: Lentin A. Introduction // Shcherbatov 1969, 1–109.
- LESZCZYNSKI 1752: Leszczynski S. Entretien d'un Européen avec un insulaire du Royaume de Dumocala. Nancy 1981.
- MONNIER 1982: Monnier A. Une utopie russe au siècle de Catherine // Cahiers du monde russe et soviétique. 23 (1982), 187–195.
- MORGAN 1741: Morgan T. Physico-theology, or, a philosophico-moral disquisition concerning human nature, free agency, moral government, and Divine Providence. London [reprint, Whitefish 2003].
- ROUSSEAU 1782: Rousseau J. J. La profession de foi du vicaire savoyard. Fribourg 1914.
- SHCHERBATOV 1969: Shcherbatov M. M. On the corruption of morals in Russia. Cambridge.
- SONNENFELS 1787: Sonnenfels J. Grundsätze der Polizei [Handlung, und Finanzwissenschaft]. München 2003.
- VEIRAS 1675: Veiras D. The history of the Sevarambians: a utopian novel. New York 2006 [1675–1679].
- VOLTAIRE 1734: Voltaire F.-M. A. Traité de métaphysique // Voltaire 1877, v. 22.
- VOLTAIRE 1752: Voltaire F.-M. A. Extrait de la *Bibliothèque raisonnée* // Voltaire 1877, v. 23.
- VOLTAIRE 1769: Voltaire F.-M. A. Tout en Dieu // Voltaire 1877, v. 28.
- VOLTAIRE 1772a: Voltaire F.-M. A. Il faut prendre un parti // Voltaire 1877, v. 28.
- VOLTAIRE 1772b: Voltaire F.-M. A. Prières, *Questions sur l'Encyclopédie* // Voltaire 1877, v. 20.
- VOLTAIRE 1877: Voltaire F.-M. A. Oeuvres complètes. Paris 1877–1885.
- WAEAGEMANS 1985: Waegemans E. Zur Geschichte des russischen politischen Denkens: M.M. Ščerbatovs Reise nach Ophir // Slavica Gandensia. 77 (1985), 259–269.
- WOLLASTON 1726: Wollaston W. The religion of nature delineated. London.
- АНИЧКОВ 1777: Аничков Д. С. Слово о невещественности души человеческой и из оной происходящем ее бессмертии // Артемьева 1996, 89–108.
- АРТЕМЬЕВА 1994: Артемьева Т. В. Михаил Щербатов. Санкт-Петербург.
- АРТЕМЬЕВА 1996: Артемьева Т. В. (ред.) Мысли о душе. Русская метафизика XVIII века. Санкт-Петербург.
- ЗОЛОТНИЦКИЙ 1768: Золотницкий В. Т. Рассуждение о бессмертии человеческой души // Артемьева 1996, 158–167.
- ЗОЛОТНИЦКИЙ 1780: Золотницкий В. Т. Доказательство бессмертия души человеческой // Артемьева 1996, 149–158.
- КАНДОРСКИЙ 1796: Кандорский И. М. Наука о душе // Артемьева 1996, 168–219.
- КИЗЕВЕТТЕР 1900: Кизеветтер А. А. Русская утопия XVIII столетия // Кизеветтер А. А. Исторические очерки. Москва 1912 [reprint, The Hague 1955], 29–56.
- РУСТАМ-ЗАДЕ 1967: Рустам-Заде З. П. Жизнь и творчество М. М. Щербатова. Санкт-Петербург 2000.
- ФЕДОСОВ 1967: Федосов И. А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия: М. М. Щербатов. Москва.
- ЧЕЧУЛИН 1900: Чечулин Н. Д. Русский социальный роман XVIII века («Путешествие в землю Офирскую г. С. шведского дворянина», сочинение князя М. М. Щербатова). Санкт-Петербург.
- ЩЕРБАТОВ 1896: Щербатов М. М. Сочинения. Санкт-Петербург 1896–1898, v. 1–2.

ЩЕРБАТОВ 1935: Щербатов М. М. Замечания Щербатова на Большой Наказ Екатерины // Щербатов М. М. Неизданные сочинения. Москва.

ЩЕРБАТОВ 1981: Щербатов М. М. Писма Д. М. Щербатову // Сумкина А. И., Коткова С.И. (ред.) Памятники московской деловой письменности XVIII века. Москва, 61–91.

Резюме

Щербатов и Офирское богословие

Статья анализирует теологические и религиозные воззрения Щербатова, высказанные прежде всего в его *Путешествии в землю Офирскую* и в *Размышлениях о смертном часе*. Статья доказывает что Щербатов опирался на многие из аргументов, используемых в тогдашних теологических обсуждениях, относительно существования Бога и бессмертия души; однако, он был далек от принятия деизма и от уверенности только в разуме в делах богословия как это было обыкновенно в восемнадцатом столетии. Рационалистическое богословие, представленное и поддержанное жителями его утопической земли, это литературный эксперимент, чтобы наглядно продемонстрировать то, что социальная обстановка нуждается в таком богословии, но весьма маловероятно, что Щербатов желал бы видеть землю, на которой было бы реализовано Офирское богословие.

**НАПОЛНЕННАЯ ПУСТОТА
ЭССЕИСТИКА АЛЕКСАНДРА ГЕНИСА**

VÉRTES Judit

«Эссеистика – один из самых живых и быстро развивающихся жанров современной словесности» [Эпштейн 1987: 120] – заявляет Михаил Эпштейн, не только являющийся знатоком жанра эссе, но и сам написавший два толстых сборников в этом жанре. Категоричное заявление Эпштейна внушает мысль, что не заниматься эссеистикой – непростительное филологическое равнодушие, поскольку культура XX века насквозь эссеизирована. Это отчасти означает и то, что в XX веке практически все поэты, писатели так или иначе внесли свой вклад в жанр эссе, и обходить его, как нечто побочное по сравнению с главным руслом их творчества, было бы по меньшей мере несправедливо. Даже если мы не разделяем мнения Эпштейна, все же нельзя игнорировать все возрастающую роль эссе в современной атомизированной культуре, где все настоятельнее возникает потребность в синкретическом искусстве. В качестве такой интегрирующей силы может выступить эссе.

Поэтому, если мы хотим понять смену культурных парадигм 90-ых гг., нам стоит обратить на эссе более пристальное внимание. Под модным термином *смена парадигм* в данном случае понимается то, что литературоведение, процветающее практически на всем протяжении XX века, постепенно отходит на второй план, уступая место эссе и эссеистичной критике. Постмодернистское мышление упразднило прежний иерархический подход к культуре в целом, и к литературе в частности, и смыло представление о твердо установленном каноне, который спущен сверху некой инстанцией. Отмена представления о существовании какого-то ни было канона заставила пошатнуться позиции литературоведения, по сути своей являющегося авторитарной дисциплиной, направленной на господствующий канон. В момент слома всех прежних норм эссеизм многими был воспринят как выход, возможность уйти от дидактического, идеологизированного дискурса литературной критики; как форма, предоставляющая критику значительную свободу в выдвижении новых идей и новых аспектов рассмотрения той или иной проблемы. Оказалось, что есть жизнь после литературоцентризма.

Появились новые темы, которые были направлены на злободневные проблемы общественной жизни, как например, тема вины и ответственности за преступления сталинизма и прекращения оттепели, ставился вопрос о взаимоотношении высокой и массовой культуры, о допуске вульгарной лексики в сферу элитной литературы, частью дискурса стала религиозная тематика и тема бессмысленной войны в Афганистане, живо обсуждался вопрос сексу-

альности и морали, велись споры о том, что такое русский постмодернизм, предлагались новые критерии для периодизации русско-советской литературы. Либерализация тем привела к небывалому журнальному буму, что способствовало и либерализации жанров.

После перестройки в России мы наблюдаем настоящий расцвет жанра эссе, появляются профессиональные эссеисты, малоупотребительное слова 'эссе', 'эссеист' входит в речевой обиход. В биографии некоторых ученых, мыслителей, прозаиков, которые раньше были известны как культорологи, писатели, философы, фигурирует иноязычное слово 'эссе', 'эссеист', эквивалент которому очень трудно найти в русском языке. Валерий Шубинский предлагает слова *взгляд* и *нечто* вместо галльского эссе [ШУБИНСКИЙ 2001: 272], тем самым отсылая нас к XIX веку, когда они были широко распространены словами для обозначения тех критических заметок, которые в обилие плодились под пером Белинского и выходили на свет с завидной регулярностью. Это именно та традиция, к которой обратились многие (но не все) эссеисты после 90-ых годов.

Рамки данной статьи не позволяют по всей глубине рассматривать генезис русского эссе, но хотелось бы наметить направление дальнейших исследований. Сказать, что в советское время эссеистики как таковой не было, конечно, нельзя, однако следует сделать некоторые разграничения. Русско-советскую эссеистику необходимо разделить по крайней мере на две группы.¹ Одно направление – это общественно-гражданское, представителями которого являются революционные демократы XIX века, как Белинский, Чернышевский, Писарев, Добролюбов, Плеханов. Они видели свою миссию в защите интересов общества перед властью, и поэтому их критические заметки и рассуждения реагируют на тогдашнее состояние общества. У другого же направления корни уходят в философию и эстетику. Представители этого направления, к примеру Дмитрий Мережковский, Вячеслав Иванов и большинство символистов первого поколения и отчасти второго, не считали своей задачей рефлексировать на актуальные вопросы общественно-политического характера и не преследовали дидактических целей. Эссеистика же Михаила Эпштейна, Александра Гениса, Петра Вайля, Андрея Синявского, Татьяны Толстой и Виктора Ерофеева в русской критической традиции практически не имеет предшественников и вместе с тем представляет некий сплав двух вышеуказанных направлений.

Жанр эссе требует определенного типа личности писателя. В данной статье нам хотелось бы на примере эссеистики Александра Гениса проследить особенности этого жанра, тем более, что в литературной критике не уделяют должного внимания описанию специфического стиля, манере письма кон-

¹ Подобного рода квалификация носит, разумеется, упрощенный характер, и на данный момент её никак нельзя считать разработанной и до конца сформулированной.

кретных эссеистов. Чаще всего речь идет об идеях, выраженных ими, о содержании их эссе.²

Пафос частного

Сам Александр Генис признается во вступлении книги о Довлатове («*Последнее советское поколение*»), что «самое значительное метафизическое переживание связано с осознанием незначительности любого опыта» [ГЕНИС 2001б: 8]. Этим пафосом частного, если слово пафос вообще применимо к Генису, пронизана его эссеистика. Вслед за китайским теоретиком литературы Лю Се (Liu Xie) и Генис утверждает, что «пусть названо нечто незначительное – оно влечет за собой великие аналогии».³ Он словно культивирует индивидуальные переживания и тем самым на первый взгляд кажущаяся незначительность постепенно приобретает статус значительного. Абсолютизация детали и сугубо частного опыта в эссе странным образом не ведет к распаду, дроблению целостной картины мира, а наоборот, благодаря упразднению иерархической шкалы, осуществляется поистине демократическая установка. Генис формулирует это следующим образом: «Периферийное зрение автора, уравнивая в правах все элементы мироздания, делало сплошной ткань бытия» [ГЕНИС 2001б: 201]. Генис как бы смотрит одновременно и в телескоп и в микроскоп и поэтому видит мир целым в бесконечности частных случаев. Абсурд перестанет быть абсурдом, если мы вырвем его из цепочки частной истории и возведем его в масштаб вселенского.

Генис, как обычно эссеисты, имеет склонность к афористическим, лаконичным определениям и высказываниям. Так, например, свою книгу *Довлатов и окрестности* он назвал филологическим романом, а *Билет в Китай* гуманитарной прозой или лирической культорологией. Обе они написаны в легком жанре эссе, как определяет Липовецкий стиль Гениса [Липовецкий 2000: 351]. Интересна в этой связи эволюция слова 'филологический'. Можно только восхищаться Генисом, что отчасти благодаря ему это слово очистилось от таких синонимов как «книжный», «скучный», «заумный» и вновь приобрело первоначальное значение, т.е. «любовь к слову». Для Гениса эссе, гуманитарная проза (которой является его книга) также входит в категорию изящной словесности, с той оговоркой, что она небеллетристическая, но такая оговорка, хотя и дает определенную степень свободы, налагает и большую ответственность на её автора, по сравнению с автором чисто художественного произведения, поскольку он не может «говорить безответственные и недоказуемые вещи, как персонажи художественной литературы» и

² Приятное исключение – предисловие Михаила Эпштейна, написанное к книге Гениса *Иван Петрович умер*. Оно заслуживает отдельного анализа.

³ В своем знаменитом трактате «Резной дракон литературной мысли» китайский критик впервые утверждал, что литература не просто отзвук действительности, не машинное отображение ее. Она должна включить в себя элемент субъективности и в ней должно присутствовать индивидуальное начало. Напомним, что эта мысль была высказана в V веке, в Китае, что было тогда революционным, даже еретическим высказыванием.

не может «прятаться за спины вымышленных героев» [ГЕНИС 2001a:140]. В книге Гениса, как и следует ожидать от романа, автор и герой образуют не-расторжимое единство, они раскрываются в соотношении друг с другом.

Однако обратимся к одному из формальных признаков этого своеобразного романа тем более, что эта особенность является характерной чертой эссе в целом. Речь идет об афоризмах⁴.

Афоризм, часто сформулированный в виде парадокса, сгущает смысл сказанного до одной лаконичной фразы, которая таким образом не может развертываться во времени. Но если нет протяженности во времени, то нет и развития в сюжете. Таким образом, мы приходим к логичному выводу, что афоризм, помимо своей дидактичности, которая не является однозначным преимуществом романа, ещё и тормозит развертывание сюжета романа. Округляя сказанное, афоризм превращает линию в точку, после чего становится затруднительным продолжать ход действия. Условно называемый афористический пласт романа явно тяготеет к эссе, но Генис старается не злоупотреблять им⁵. Он нужен для того, чтобы приостановить слишком автоматизированный процесс чтения, что достигается неожиданным высказыванием, противоречащим общепринятым нормам. Афористичностью письма объясняется отсутствие союзных слов, связок, предложений-мостиков. С этим тесно связано другая сразу бросающаяся в глаза особенность генисовского письма, а именно обилие предложений со знаком тире⁶. Тире есть графический знак пропуска, отсутствия чего-то, оно, по словам самого Гениса, «соединяет края пропасти, которая разверзается между двумя мыслями. Не будь хлипкого мостика тире, писателю пришлось бы заполнять бездну содержанием до тех пор, пока читатель не переберётся на другую сторону» [ГЕНИС 2001a: 38]. Эллиптичность стиля Гениса сближает его с восточной эстетикой, и особенно с китайской живописью, которая не страдает европейским страхом пустоты, незаполненности полотна. Китайский пейзаж всегда оставляет место для пустоты, хотя эта пустота лишь кажущаяся. Она чаще всего означает или поверхность воды, или туманную даль, или снежный покров, или просто воздух.

⁴ Парадоксальным образом у Гениса резко негативное отношение к афоризму, который в его словаре является синонимом лозунга. Свою неприязнь он объясняет тем, что афоризм претендует на конечную правду и видит в нем компенсацию мнимой решительности.

⁵ Исключением может быть *Темнота и тишина*, большая часть которой состоит из афоризмов, но здесь мы имеем дело с воспроизведением восточного стиля письма – японского и китайского, в основном, конечно, китайского – и поэтому рассматривать её с позиций западного человека было бы неправильным. К этой книге я ещё вернусь в дальнейшем.

⁶ Открыв на любой странице книги Гениса, мы наткнемся на обилие предложений с тире. Мы проделали такой эксперимент и получилось следующее: «Самое ценное в традиционных обществах – сама традиция», «Суть традиции – преемственность», «Цель традиционной культуры – органично вписываться в круговорот времен...», «Пафос такой культуры – в регулярности», «И для белых, и для индейцев лакрос – игра...», «В центре нашей построенной на агонистических началах культуры – спор, поединок, единоборство», «В основе архаической культуры – ритуал...» И всё это на одной странице! [ГЕНИС 2001: 143]

Марк Липовецкий, большой ценитель генисовской эссеистики, говорит следующее: «Воссоздается раскрытое Генисом на примере Довлатова и его прозы динамическое равновесие между гиперреализмом и хаотическим, абсурдистским образом человеческих «окрестностей», усиленным субъективистской и как бы произвольной манерой письма» [ЛИПОВЕЦКИЙ 2000: 357]. Помимо всего прочего очень существенно здесь слово *как бы*. Оно не только делает относительным значение определения *произвольное*, но и наводит на мысль, что истинная суть скрывается как раз в противоположном значении. За произвольностью кроется очень четкая установка автора, продуманность и последовательность композиции. Стихийность композиции упомянутой книги Гениса лишь мнимая. А Татьяна Толстая даже упрекает его в том, что его проза слишком осмыслена и не впускает в текст высоко ценимую Генисом пустоту.⁷ Но это далеко не так. Эпштейн отмечает, что высокая степень жанровой свободы достижима лишь при наличии твердых внутренних законов, придающих единство многообразию эссе. Правда, эта фраза в дальнейшем не получает твердой теоретической обоснованности, остается нераскрытым, что именно подразумевает Эпштейн под твердыми внутренними законами. Однако есть много общего между выводами, сделанными Эпштейном о так называемых лирических отступлениях в романе в стихах *Евгений Онегин* (он называет их эссеизированной тканью романа) и стилем Гениса. Вспомним, что книга *Довлатов и окрестности* самим же автором характеризуется как роман и что она богата отступлениями. В этой «болтовне» Пушкин видел романную необходимость. Иногда складывается такое ощущение, что книга состоит из одних отступлений⁸, из которых все же четко вырисовывается и образ героя-писателя и образ автора. Но этот скользящий взгляд также присущ и эссе. Скошенный угол зрения, выставляющий тему как нечто побочное, есть по Эпштейну своеобразная характеристика жанра. Предмет эссе, который может быть предельно очерчен и конкретен, а также философски обширен, служит только поводом для самого разного рода размышлений. Лучшие эссе говорят всегда о большем, чем вынесенная в заглавие тема.

Амбивалентность жанра эссе кроется, по крайней мере у Гениса, в амбивалентности самой русской культуры, так остро осознаваемой Генисом. Генис пытается, и делает это виртуозно, найти связь между врожденной тягой русской культуры к пустоте, к абсурду и такой же мощной тягой к всеобъемлимости, цельности мировоззрения. Не случайно, что Гениса привлекает восточная культура, в первую очередь буддизм и даоизм, и вполне закономерно, что ему принадлежит тоненькая книжка под названием *Темнота и тишина*, являющаяся также апофеозом пустоты и включившаяся в себя переложение

⁷ www.ozon.ru/context/detail/id/194409/ (Толстая, Татьяна: Кот и окрестности. Общая газета 1999/8)

⁸ Ср. высказывание Гениса «литература является... искусством ненужных, лишних слов» (2001:38) и Вайля «в словесности только нюансы и интересные». (Интервью с Петром Вайлем, www.booknik.ru)

из Лао-цзы (Lao ce)⁹. Сама композиция и оформление книжки – на каждой странице короткое размышление о природе темноты и тишины – воссоздает, с одной стороны, эссеистическое мышление автора, а с другой – ту центроизбежную и центростремительную силу русской культуры, которая определяет ее движение. В этом отношении эссе имеет несколько точек соприкосновения с философией, ведь философия есть путь к очевидности, выявление ее, и одновременно осознание того, что очевидности нет и не может быть, поэтому объектом исследования становится сама амбивалентность, т.е. страстное желание найти твердые опоры и нереализуемость подобного желания. Этим объясняется то, что вместо знания выдвигается мнение, которое всегда допускает (со)существование других мнений и в отличие от знания, которое как бы заведомо дано, его надо только получить в готовом виде, мнение оставляет место для сомнения, и выкристаллизовывается путем проб и ошибок. Эпштейн дает очень удачную, лаконичную формулировку-определение сомнения. Он называет его совестью мнения. Это его осознание собственной неоконченности, относительности. Именно сомнение подталкивает нас тому, чтобы снова и снова взяв разбег, посмотреть на объект с другой точки зрения. Движение автора эссе поэтому не прямо направлено к исследуемому предмету. Он описывает концентрические круги, «проходит мимо самого предмета или по касательной к нему».

Противопоставляя знание мнению, мы приходим к известной дихотомии объективного и субъективного. В качестве объективного, конечно, выступает наука¹⁰ как нечто серьезное, основанное на неоспоримых фактах и тем самым единственно правильное. Из этого непосредственно вытекает, что эссе приписывается маргинальная роль, в качестве субъективного оно не может претендовать на высокий статус науки. Все, чем характеризуется наука, действительно и в случае эссе, только со знаком минус. Эссе рефлектирует на то, что оно любит или ненавидит, оно не имеет прагматической цели и не претендует на то, что подобно искусству, оно может творить из ничего.

Хороший эссеист одержим страстным желанием понять окружающий мир. Из этой фразы равно применимой ко всем деятелям искусства, вытекает несколько соображений. Во-первых то, что этот окружающий мир прежде всего, конечно, не предметен, не мертв, но одухотворён идеей о Другом в бахтинском понимании слова *другой*. То есть тем, без чего немислим никакой познавательный процесс, ибо только через другого можно осмыслить, определить себя. Генис, размышляя о своем котенке Геродоте, приходит к выводу, что «прелесть кота не в том, что он красивый или, тем более, полезный. Прелесть его в том, что он Другой. Только в диалоге с Другим мы

⁹ В этой связи особый интерес представляет собой китайский язык. Благодаря своей исключительной живописной письменности в ней больше, чем в других языках сохранилась цельность между отвлеченными понятиями и конкретными вещами. Здесь «чистое образотворчество» и «понятийное мышление» слито воедино.

¹⁰ Не случайно, что венгерское слово наука (*tudomány*) и знание (*tudás*) однокоренные, что можно сказать и относительно других языков, но там это не столь наглядно.

можем найти себя. Только выйдя за собственные – человеческие – пределы» [ГЕНИС 2001a: 299]. (Замечу, что в книге *Бахтин: Беседы с В.Д. Дувакиным* излюбленная кошка Бахтина во время интервью не раз вставляет свое «слово» и читатель становится «слушателем» очаровательной сцены диалога двух суверенно мыслящих существ.) Быть в непрерывном диалоге с Другим, стремление найти Другого и через него самого себя – вот чем проникнута эссеистика Гениса.

Библиография

- ГЕНИС 2001a: Генис, А. Билет в Китай. Санкт-Петербург.
ГЕНИС 2001b: Генис, А. Довлатов и окрестности. Москва.
ГЕНИС 1999: Генис, А. Иван Петрович умер. Москва.
ЛИПОВЕЦКИЙ 2000: Липовецкий М. Н. Критика как приём // Новое литературное обозрение, 2000. №4, 351–358.
ТОЛСТАЯ 1999: Толстая Т. И. Кот и окрестности // Общая газета 1999. №8. Online: www.ozon.ru/context/detail/id/194409/
ШУБИНСКИЙ 2001: Шубинский В. И. Взгляд и некто // Новое литературное обозрение, 2001. №6, 272–280.
ЭПШТЕЙН 1987: Эпштейн М. Н. Законы свободного жанра. Эссеистика и эссеизм в культуре нового времени // Вопросы литературы 1987. № 7, 120–152.

Abstract

The Full Emptiness Alexander Genis' essays

The present study makes an attempt to establish the connection between the boom of essays and the cultural atmosphere, which has recently developed on the basis of political transformations in Russia. The genre of essay which is the best reflection of this particular historical period, is characterized by free-thinking, subjectivity, propensity to paradoxical observations expressed in an aphoristic way. Essayism (Epstein's coinage) unites fragments of culture, but in doing so it leaves enough space for play, irony and reflection.

Since there is a certain type of author which the essay requires, it is through the work of Alexander Genis, master of essay-writing, that the author of the present study outlines the main features of the genre. In his analysis the author focuses on works such as *Dovlatov and Environs*, *Ivan Petrovich is dead*, *Ticket to China*, *Darkness and Silence*. The latter is Genis' tribute to Daoism with his reverence for the tiny details of the visible world. In spite of their variation, all the works of Genis have one common feature – unflagging attention to the Other, with whom Genis is in a continuous dialogue.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

**ЧУВСТВЕННОЕ ИСКУШЕНИЕ СЛОВ
БУНИН «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА. ЮНОСТЬ»**

HAJNÁDY Zoltán

La mémoire est d'essence corporelle
Paul Valéry

Русская литература имеет одно сильное идейно-идеологическое направление, в котором общественные идеи и нравственные нормы проявляются особенно характерно. Однако при этом имеется еще одна черта: интенсивное изображение чувственных явлений действительности, когда читатель подвергается воздействию чувственной аналогии понятия. Эта сторона русского романа прослеживается от Гоголя до Бунина и Пастернака, она состоит в стремлении открыть заключенную в рамки понятийного мышления жизнь для сил бытия. Понятийное мышление основано на языке, оно отражает не действительные отношения мира, а логические и грамматические правила. Рациональное знание по своей природе опосредованно, наши же чувства неопровержимы, потому что они исходят непосредственно изнутри нас. У нас нет ошибочных ощущений (за исключением бреда и галлюцинаций больного человека), а вот наши идеи и мысли всегда можно поставить под сомнение или опровергнуть. Русские писатели стремятся ввести читателя не только внутрь *душевных* переживаний – религиозное просветление, ощущение влюбленности, титаническое потрясение переживания смерти, – но и в такие *первобытные* переживания, которые мы чувствуем, ощущая запах, вкус или осязая что-либо. Они исходят из того, что искусство является выражением чувства, а *переживание* – один из важнейших способов познания жизни. Тем самым они словно хотят вычертить карту империи человеческой чувственности. Это «изумительная изобразительность, словесная чувственность, которой так славна русская литература», – пишет Бунин в *Жизни Арсеньева* [БУНИН 1984: 399]. Новосенсуалистское направление XX века было ответом сторонникам Декарта на преувеличение роли разума. Бунин вернулся к древней русской визуально-эмпирической культуре: к описанию видимого, слышимого, обоняемого и осязаемого. В своем романе он цитирует Гете, полностью соглашаясь с ним: «всякое искусство чувственно» (548). Бунин все сводит к ощущению света, звука, цвета и осязания, потому что, по его мнению, искусство обращено к чувствам, а ощущения связаны с материальным. Моделью мирозерцания, сконцентрированного на бытии, является видимая, слышимая и осязаемая вселенная. Взаимосвязываются такие поля действительности, которые имеют только отдаленное отношение друг к другу, по-

этому воздействуют на читателя силой сюрприза. Художественно используя взаимное пересечение и наложение явлений (*интерпенетрация*), Бунин является творцом *современного образного видения в русской прозе*. Различные импрессии и выражения чувств – магия цвета, литургия звуков, оргия запахов и вкусов, сенсбилизация осязания и синхронность всего этого – в романе Бунина, удостоенном Нобелевской премии, составляют, наверное, наисовершеннейшее образное единство, анализ которого и является целью настоящего исследования.

Не только прогрессивные идеи и мысли способны охарактеризовать эпоху, но и ее звуки, цветовая гамма, ароматы, вкусовой букет, которые глубоко коренятся в мире вкусов и мыслей данной эпохи. Зрение и осязание – элементы пластического *аполлонийского* искусства, слух, обоняние и ощущение вкуса – *дионисийского*. Вяч. Иванов писал: «Дионисийское начало, антиномическое по своей природе, может быть многообразно описываемо и формально определяемо, но вполне раскрывается оно только в переживании» [ИВАНОВ 1971: 46]. Однако между разнообразными сферами не проведена демаркационная линия: они дополняют и исправляют друг друга. Ощущения, полученные в одной области, могут быть распространены и на другие.

Плодотворное влияние друг на друга визуальных и акустических искусств несомненно. Например, Оскар Уайльд, Гарсиа Лорка, Есенин являются визуальными поэтами. Напротив, у Джойса и Мильтона решающий элемент – акустический, и Элиот связывает это с ослаблением у них зрения и со слепотой. По мнению Мережковского, «ясновидец плоти» Толстой обладал богатой визуальной силой воображения, а «ясновидец духа» Достоевский – утонченной аудитивной, что проявлялось в том, что его героев мы слышим, а толстовских почти видим глазами души. Человек погружен в мир, но и мир, воспринимаемый пятью органами чувств (зрением, слухом, осязанием, обонянием и вкусом), погружен в человека. Чувственный опыт приобретается человеком с помощью органов чувств, не чувственный – опытом души. Накапливается он посредством наблюдения над самим собой и другими. Однако для полноценных эстетических ценностей недостаточно совершенного функционирования 'внешних' органов чувств, необходимы еще 'внутренние' слух и видение. В этом скрывается объяснение того, что и ослепший может стать скульптором, а оглохший композитор может сочинять музыку. Внутренний опыт приводит в соприкосновение духовно-божественный мир с материально-земным бытием. Ощущения преобразуются когнитивным мышлением в *логос*, затем по правилам синтаксиса в богатые чувствами речь, предложения. Эмоции являются архаическим, первобытным языком, связывающим нас с прошлым, придают нашим переживаниям цвет и теплоту. Слова воспроизводят картины, звуки, вкусовые и осязаемые ощущения, а вместе с ними мысли, которые переживает читатель. Речь идет о классическом каноне пяти органов чувств в порядке уменьшения их роли. Среди наших чувств зрение является наиболее острым ощущением. Посредством его мы приобретаем восемьдесят процентов наших впечатлений. Ни одного из наших чувств на-

столько не распространено в закодированном виде в языке, как цветовое видение. Большая часть наших символических переживаний выражается с помощью визуальных форм и цвета. Гердер называл слух «средним чувством». За ним следуют ощущения более низкого порядка: вкус и осязание. Много времени понадобилось для того, чтобы русская литература включила в область эстетики ощущаемое вне визуально-аудитивной сферы. *Обоняние, вкусовые ощущения и осязание* вытеснялись из области искусства так долго потому, что вызываемые ими телесные ощущения наслаждения или отвращения считались физическим ощущением здоровья или недомогания, которые ассоциируются с вегетативной (животной) формой бытия. Взгляд, согласно которому эстетическое восприятие действительности возможно путем исключительно органов *зрения и слуха*, а роль остальных органов сводится к ощущению приятного или неприятного, а не эстетического, берет начало еще от Платона.

Большинство европейских писателей XIX века по возможности избегало всякого выражения телесности. Скудность непосредственных переживаний они стремились восполнить самоанализом (саморефлексией). Обнажение своих чувств считалось таким же неприличным, как и обнажение тела. Поэтому в романах большей частью отсутствовали непосредственность, спонтанность чувственного мира. Например, герои романов Джейн Остин владеют своими чувствами, постоянно контролируют самих себя, их действия и поступки рассчитаны. Ее персонажи, даже влюбленные, не прикасаются друг к другу. В лучшем случае допускается рукопожатие. Более интимные и решительные движения тела им не приходят в голову. Генри Джеймс даже утверждает, что английский писатель конца XIX века не посмел бы взяться за описание запахов, потому что запах в романе шокирует (*shocking*). Английских читателей поражало, что русские оказались более готовыми и способными к естественным человеческим контактам, нежели гораздо замкнутые представители западной цивилизации. Герои русских романов никогда не остаются без волнения чувств, всегда полностью отдаются сиюминутным чувствам (или какой-нибудь идее), которые пронизывают все их существо. Богатство выражения чувств героями русских романов, их интенсивность и органичная встроенность в характеры происходит отчасти потому, что в динамически изменяющемся, переходном обществе, когда упрочившиеся в ходе столетий жизненные формы дают трещину, а новые во второй половине XIX века еще не упрочились, раздражимость всех органов чувств выше, чем в статических и сбалансированных обществах, в которых иссякло полноводье чувств. Другая причина чрезмерного накала чувств героев романа заключается в том, что русский человек не привык отделять культуру от жизни, а воспринимает ее как часть жизни, как сосуществование. Общинная форма жизни в России оказалось более сплоченным единством, нежели городская. Русское мышление сосредоточено на жизни, не отдаленной еще от ее источников, оно сохранило жизненную силу, овладело тайнами животного и растительного миров, *сидерическими тайнами*. Деревенская Россия еще обладала

полнотою бытия, тогда как у европейских народов уже проявляется ее недостаток. Россия соприкасалась с природой, с живой жизнью более тесно, чем урбанизированные культурные народы, у которых жизнь вступила в окончательную свою стадию, а тематический круг искусства сузился до изображения жизни больших городов, до ощущения жизни городским человеком, до границ современного мира.

Бунин жил в эпоху распада старого мира и зарождения нового. С 1927-го по 1933-й год он написал единственный роман, «автобиографию вымышленного лица» (Ходасевич) о преходящности времени, о постоянной угрозе небытия, о памяти и писательском призвании. Несмотря на то, что речь идет об автобиографическом романе, все же нельзя провести параллель между автором и его героем, хотя искушение отождествить героя романа с его создателем велико. Бунин всегда говорил в романе о самом себе: то непосредственно, то скрываясь, в зависимости от намерения рассказчика и особенностей жанра. В то же время он говорил не только о себе, даже если изображал самого себя, но и о той эпохе, на почве которой стоял и творил. Он не шел вслед за Аксаковым и Толстым в хроникальное изображение патриархальной формы жизни русского дворянства. Но и не следовал традиции изображения деятельного героя, по которой наиглавнейшее стремление человека – вскрыть характер, а вместе с тем суть парадокса в поступке. Бунин характеризует молодого Арсеньева не его поступками: гимназию не закончил, о его работе в редакции «Голоса» едва ли что нам известно, как ничего мы не знаем и о том, чем занимался он в качестве «хранителя» библиотеки управы. Свободное пространство его поступков заключено в очень узкие рамки. Героя характеризуют скорее его воспоминания, впечатления, изменения в настроении, рефлексии. Преходящность жизни, хрупкость счастья, а вместе с ними вся красота воплощается в мозаике изображенных мелких, чувственных конкретностей. В романе используется не линейное ведение действия; разнообразные *эмоциональные времена и пространства* размещаются рядом друг с другом, прошлое, настоящее и будущее в них находятся в *интерактивной* связи друг с другом. Прошлое то и дело проникает в настоящее и обогащенное его опытом постоянно оказывает влияние на будущее. В памяти юноши родительский дом и поместье навеки срослись с мечтами о золотом веке. Бунин сложил этой утонувшей жизни и культуре прощальную симфонию. Батурино является *локусом* памяти праобраза Эдема. В мифопоэтическом толковании это как сад Рая, органическая форма совместного сосуществования Бога и человека, равновесие природы и культуры. Однако на социо-культурном фоне здесь присутствует вся Россия со своей барской культурой, вымирающими дворянскими гнездами, с превратившимся в миф потерянным раем. В одном из лирических отступлений наш герой размышляет: «Сколько заброшенных поместий, запущенных садов в русской литературе и с какой любовью всегда описывались они! В силу чего русской душе так мило, так отрадно запустенье, глушь, распад?» (400). На последний вопрос можно ответить так: потому, что они воплощают для русского человека эстетический универсум,

о котором он мечтает и к которому стремится. Беда только в том, что отражается не реальный, а желанный образ. Действительность по сравнению с ним безотраднa и удручающa: «Нет, это время несчастное, болезненно-чувствительное, жалкое» (340). «Подлинная жизнь была бедна» (365). Арсеньев мечтает о «полной жизни», но жизнь сама по себе была пуста. Желание бурной жизни было ничем иным, как жаждой сильных эмоций, «жаждой упоения жизнью», тоской по сущности. Бунин-Арсеньев воспринимает жизнь как поэзию, а поэзию как жизнь. Вдохновитель искусства – это ощущение недостатка, точнее то, что поэт ставит своим талантом на место недостатка. «Если писать о разорении, то я хотел бы выразить только его поэтичность» (522). Он рисует не действительный образ России, а такой духовный пейзаж, который сформировался в нем в ходе дистиллирования чувств из прочитанного и сформированного в мечтах. Но что же является действительностью? Она больше того, что воспринимается нашим разумом и чувствами или совершенно иная? По мнению Бунина, действительность – это «только то, что я чувствую. Остальное вздор» [ДОЛГОПОЛОВ 1985: 304]. Арсеньев совершает ностальгические путешествия в прошлое, в красиво звучащие древние города: Смоленск, Витебск, Полоцк. «Когда я наконец попал в действительный Полоцк, я, разумеется, не нашел в нем ни малейшего подобия выдуманному. И все-таки во мне и до сих пор два Полоцка: тот, выдуманный, и – действительный. И этот действительный я тоже вижу теперь уже поэтически» (543). Бунин-Арсеньев одновременно локальный патриот и космический поэт, воспевающий стихии мира. «Это стыдно, неловко сказать, но это так: я родился во вселенной, в бесконечности времени и пространства» (517)¹. Одно из измерений воображаемого мира – земное: цветущая южно-русская степь, тень и мрак лесной листвы, запах сырой земли. Другое измерение – небесная сфера: постоянно изменяющееся облачное небо с неизменным звездным небосводом. К его особенным свойствам относится восприимчивость к цвету и обостренное чувство к малейшим изменениям, происходящим со светом и воздухом. В романе автор признается: «Я весь дрожал при одном взгляде на ящик с красками, пачкал бумагу с утра до вечера, часами простаивал, глядя на ту дивную, переходящую в лиловое, синеву неба, которая сквозит в жаркий день против солнца в верхушках деревьев, как бы купающихся в этой синеве, – и навсегда проникся глубочайшим чувством истинно-божественного смысла и значения земных и небесных красок. Подводя итоги того, что дала мне жизнь, я вижу, что это один из важнейших итогов. Эту лиловую синеву, сквозящую в ветвях и листве, я и умирая вспомню...» (359).

Магия цвета является привилегией не только живописи, но и поэзии. Пейзажные описания Бунина таковы, словно рисованные картины: *ut pictura*

¹ См. дневниковую запись Бунина: «Я жажду жить и живу не только своим настоящим, но и своей прошлой жизнью и тысячами чужих жизней, современным мне и прошлым, всей историей всего человечества со всеми странами его. Я непрестанно жажду приобретать чужое и претворять его в себе» [Литературное наследство 1973: 386].

poesis. Понятийное мышление пробуксовывает во время восприятия природы, и только интуиция способна проникнуть в тайны Вселенной. У Бунина это достигается соединением красоты с проникновением ее в глубь вещей. Цель состоит в том, чтобы пробудить как можно больше мыслей и чувств при наименьшем использовании слов. Эта полная жизни картина – сама возвышенная простота, чистое созерцание, внушающие экзистенциальное ощущение жизни, ментальное спокойствие, непосредственность. Видимое и настроение располагаются рядом друг с другом. В них формируется единство созерцания и созерцаемого, знания и бытия. Чувства, вызываемые переживанием, не высказываются, а подразумеваются за счет *колорита*, игры светотени, цвета. Потому что искусство живописи есть не что иное, как искусство выражать невидимое через видимое. О методе живописания словами Бунин говорил своему племяннику Николаю Пушечникову следующее: «Ничто не дает такого наслаждения, как краски. Я привык смотреть. Художники научили меня этому искусству... Поэты не умеют описывать осень, потому что они не описывают красок и неба. Французы – Эредиа, Леконт де Лиль – достигли необычайного совершенства в описаниях» [ПАУСТОВСКИЙ 1982, 3: 334].

Философия природы Бунина показывает родство не только с французским импрессионизмом, но и с пантеизмом и японским хокку, требующими, чтобы в описании всегда было слово, намекающее на время года. Это слово называется *киго*. Пышное произрастание природы или же пустынная атмосфера являются не только рамкой, но и определяющей величиной в творчестве Бунина. *Жизнь Арсеньева* состоит из коротких глав в две-три страницы. Почти каждая из них начинается описанием погоды, соответствующей определенному времени года, которое не что иное, как тонкий намек на настроение персонажей, их душевное состояние, потому что «нет никакой отдельной от нас природы», потому что «каждое малейшее движение воздуха есть движение нашей собственной души» (499). В описании почти незаметен переход между конкретным, привязанным к месту, и вневременным, общим. Задача поэзии – прорваться сквозь узость взгляда и показать суть, скрывающуюся за природными явлениями, Потому что человек не только часть природы, но и духовный мир, возвышающийся над естеством. Однако суть Буниным не высказывается, она остается наполовину прикрытой. На это намекает многообразие в конце открытого предложения, как, например, в главе, действие которой происходит во время французской эмиграции. Однако невербальное столь же семантически, сколь и вербальное: «Я встаю и с трудом открываю дверь на балкон. В лицо мне резко бьет холодом, над головой разверзается черно-вороненое, в белых, синих и красных пылающих звездах небо. Все несется куда-то вперед, вперед... Я кладу на себя медленное крестное знамение, глядя на все то грозное, что пылает надо мной» (482). У Бунина не существует чисто природного измерения, потому что оно вместе с тем является и метафизическим. Сущность и явление имеют общее происхождение, только называются по разному. Мы можем на какой-то момент окунуться в глубину человеческого бытия, за мелочами которого можно увидеть по-настоящему

значительные вещи. Построено и упорядочено это таким образом, что философские слои располагаются глубже остальных, внутри структуры произведения, но просвечивают сквозь слои внешние. Здесь «каждая вещь суверенна и является уменьшенным образом мира. Она самодостаточна и не нуждается в том, чтобы ее постигали с помощью аналогий или иносказаний. Она целостна и завершена. [...] Каждая деталь у Бунина – драгоценна в своей конкретности и единственности – не только присутствует, но и свидетельствует. Свидетельствует о безграничной, мучительной, сладостной и непостижимой жизни» [СЛИВИЦКАЯ 1994: 75]. Бунин никогда не отходит далеко от жизни и действительности и в то же время способен подняться над конкретными фактами: в его тексте всегда имеется нечто, выходящее за рамки действительности и относящееся к глубоким философским прозрениям. Сознание воспринимающего колеблется между этими чувственными и оценочными слоями.

В жизни молодого Арсеньева эмоциональные моменты играют такую же важную роль, как и интеллектуальные. У него была не только превосходная зрительная, слуховая, но и осязательная, обонятельная, вкусовая память². Все пять органов чувств его функционируют безупречно. «Зрение у меня было такое, что я видел все семь звезд в Плеядах, слухом за версту слышал свист сурка в вечернем поле, пьянел, обонял запах ландыша или старой книги...» (405–406). Глазами он ощущает цвет, формы, небосвод, звезды, ушами слышит небесную гармонию и земные шумы, носом локализует ароматы и запахи, языком – вкусовые впечатления, осязанием ощущает шероховатость и гладкость и т.д. При описании сапожного крема цвет и запах играют свою роль: «черная, тугая, с тусклым блеском и упоительным спиртным запахом» (342). При описании блюда – вид, вкус и запах переданы совместно: «серые шершавые рубцы, один вид и запах которых поверг меня в трепет» (384). А в описании холмистого пейзажа параллельно идут видение и осязание: «белое шоссе без конца, голые серые долины впереди, голые серые ковриги близких и дальних вершин» (471) и т.д. Арсеньев не только видит глазами и слышит ушами, но втягивает в себя жизнь всеми пятью органами чувств. Его память консервирует инстинктивные ощущения органов чувств, а в ходе воспоминания они освежаются, отчасти дополняют друг друга. И все же имеется различие между *прожитой действительностью* (путь, проделанный вперед) и *рассказанной жизнью* (путь, проделанный назад). В юношеском восприятии уже ничего нельзя изменить, а при нарративной обработке это становится возможным как по значению, так и по толкованию. Две памяти рассказчика ведут диалог между собой и с читателем. Тем временем старое и новое знания и настроения приходят в конфронтацию. Здесь противопоставляются два времени – юноши и набирающего силы взрослого писателя, – и они дополняют друг друга. Рассказчик пишет о том, что в молодости интенсивно влияло на него, и что позднее он использует при построении нарративного идентифицирования самого себя. При этом важно, чтобы юный герой романа не

² См. об этом: [Ильин 1959: 40–46].

преувеличивал отдельные события, не придавал особого значения определенным голосам, цветовым оттенкам, запахам, предметам, лицам. В то же время многое из того, что недооценивается в юношеском восприятии, впоследствии под взглядом взрослого наполняется истинным значением.

Аналогией между вкусами, звуками, запахами, видимым и осязаемым Бунин достигает нового эстетического воздействия. Русский писатель – великий мастер слияния синекдохи и синестезии, когда определенные раздражители ощущаются не только соответствующими органами, но и другими: например, под воздействием вкусовых или звуковых раздражителей появляются видения в цвете и наоборот. Разного настроения картины, характеры или два неожиданных словосочетания ставятся рядом, и это противопоставление приводит к исключительному художественному воздействию. В совмещении и переносе с одного на другое звуков, цвета, запахов и вкусовых ощущений имеется некая более глубокая взаимосвязь, что французские символисты называли *корреспонденцией*. Приведем пример: «Так навсегда и соединилась для меня Лиза с этими первыми днями купанья, с июньскими картинами и запахами, – жасмина, роз, земляники за обедом, этих прибрежных ив, длинные листочки которых очень пахучи и горьки на вкус, теплой воды и тины нагретого солнцем пруда...» (433). Итак, распределим по чувственным зонам и упорядочим эти юношеские воспоминания, чтобы затем подивиться утонченности ощущений Арсеньева. В ходе воспоминания образ любимой девушки оплетен пятью впечатлениями окружающего ее мира: *зрелищем* летнего купания, *вкусом* земляники и листьев ивы, *запахами* цветов, *ощущением* кожей теплой воды. Наряду со зрением и слухом главными средствами передачи окружающей информации являются обоняние, осязание и ощущение вкуса. Первые три способны сообщить информацию об удаленных от нас вещах, последние – только посредством соприкосновения с телом. Бунин включает в сферу эстетики ощущения, выходящие за визуально-аудитивные рамки: обоняние, вкус, осязание. По его мнению, они представляют соматические воспоминания, которые мы несем во рту, в носу, на пальцах и которыми компенсируем недостаточность остроты ощущений. Все это необходимо для более прочного сохранения чувственных впечатлений, а следовательно – для укрепления памяти. Если подменить зрение другими органами чувств, то это будет означать замену оптических раздражителей другими. Одно дело видеть что-либо и другое – прикоснуться к нему, понюхать, попробовать на вкус. С помощью зрения невозможно определить то, что ощущается только посредством осязания, обоняния или пробования на вкус. Особенно это относится к женским прелестям: он «почувствовал ее знакомые, несказанно сладостные губы» (531). Весь женский мир у Бунина облачен атмосферой чуда, и в то же время есть в нем что-то угрожающее, ограничивающее свободу мужчины, сковывающее его творческие силы и даже уничтожающее его: «Я впервые в жизни так живо и чувственно ощутил все то особенное и ужасное, что есть в женских смеющихся губах, в детском звуке женского голоса, в округлости женских плеч, в тонкости женской талии, в том не передава-

емом, что есть даже в женской щиколке, что не мог вымолвить ни слова» (396–397).

Первой девушкой Арсеньева стала прелестная немочка по имени Анхен, затем судьба свела его с очаровательной, женственной Лизой Бибиковой, за ней следует горничная Тонька, воплощающая в себе телесно-чувственную страсть, но всепоглощающей любовью героя была Лика³. Роман полон женскими образами, к которым Арсеньев ощущает влечение. Одной из своих черт все они воплощают в себе общий прекрасный женский образ, принцип «вечной женственности». Влечение, вспыхивающее в мужчине при виде женского тела, предполагает прикосновения к нему. Взгляд удлиняется в сторону видимого, им хочется обладать. Слова будто заменяют наши пальцы или пальцы становятся удлинением слов. При помощи слов человек только в своем представлении может погладить кого-то, в действительности же не может прикоснуться. Прикасаясь, мы получаем иные ощущения, нежели взирая или слушая. Наши оптические органы чувств возбуждаются светом, осязательные – внешним прикосновением, теплом или холодом: «Разность горячих и прохладных мест ее тела потрясала больше всего» (538). Только в процессе прикосновения достигается непосредственность связи с другим человеком, ее взаимность и исключительность. Любой предмет, оказавшийся в соприкосновении с телом любимой женщины, становится частью этого тела, к которому Арсеньева страстно влечет: «Комната была полна ею, ее отсутствием и присутствием, всеми ее запахами, – ее самой, ее платьев, духом, мягкого халатика, лежавшего возле меня на валике дивана... В окно грозно синела зимняя ночь, за черными сучьями деревьев в саду сверкала звезда...» (509). Метонимической функцией наполняется ленточка, противосолнечный зонтик, перчатка и т.п. «Стал глядеть на другую, лежавшую рядом подушку, в которой еще оставался чуть слышный фиалковый запах ее темных прекрасных волос и платочка, который она, помирившись со мной, еще долго держала в руке; и вспомнив все это, вспомнив, что с тех пор я прожил без нее полжизни, видел весь мир и вот все еще живу и вижу, меж тем как ее в этом мире нет уже целую вечность, я, с похолодевшей головою, сбросил ноги с дивана, вышел и точно по воздуху пошел по аллее укусных деревьев к обрыву, глядя в ее пролет на купоросно-зеленый кусок моря, вдруг представивший мне страшным и дивным, первозданного новым...» (542). Пустоту одиночества и бездомности Бунин-Арсеньев хочет восполнить воспоминаниями. Однако, одиночество нельзя заполнить воспоминаниями, они только усугубляют его. Под воздействием воспоминаний пробуждаются затаенные инстинкты взрослого Арсеньева, способного снова воспринимать мир с юношеской свежестью. Он чувствует, что природа хочет что-то ему сказать, хорошее или плохое. Видимый и невидимый мир соединяются, предстают в одном време-

³ Лика — уменьшительно-ласкательная форма имени Гликерия, берет свое начало от греческого *glykos* — «сладкий». Однако, как испытывает Арсеньев, все сладкое имеет примесь горечи.

ни, но не сливаются. За образной речью значение скорее чувствуется, нежели понятийно улавливается. Символика природы выражает символику более высокого порядка. Время не только углубляет, но и изменяет даже цвета. На «золотом древе бытия» цвет молодости – зеленый (молодо-зелено), доминирует в главах романа, действие которых происходит в России, он намекает на свежую жизненную силу, надежду и счастье. В эмиграции же «древо жизни» деградирует до *уксусного дерева*, а зеленый цвет превращается в грозный и удручающий цвет медного купороса. Неожидаемые душевные изменения героев *эпифанически* проявляются одним словом, жестом или мимолетным воспоминанием из прошлого. То, чему Бунин учился у восточных философов и японских художников – это искусство пропуска, преднамеренно манипулирующее осколками, чтобы целое подразумевалось в них еще более суггестивно. Однако конечная суть невыразима и останется невысказанной. Так было со вставной новеллой о любви, как о магии молчаливого прикосновения. Память о любимой женщине, о Лике, живет в его подсознании, теснит душу, вырывается из глубины на поверхность. Непосредственно речь идет только о часах, проведенных в одинокой постели, и об одном сне. Небольшой фрагмент, но в нем – всё. «Недавно я видел ее во сне – единственный раз за всю свою долгую жизнь без нее. Ей было столько же лет, как тогда, в пору нашей общей жизни и общей молодости, но в лице ее уже была прелесть увядшей красоты. Она была худа, на ней было что-то похожее на траур. Я видел ее смутно, но с такой силой любви, радости, с такой телесной и душевной близостью, которой не испытывал ни к кому никогда» (558). Сон прорывает привычное, повседневное логическое мышление и освещает мир некой вечной истины. Часто в одной повседневной вещи, в наполовину сказанном или пропущенном предложении сплетаются скрытые нити образной системы: в пустом, лишенном сути бытии блеснет нечто существенное. Например, в *потере цвета*. Через символику цвета Бунин предсказывает трагический конец любви. Так любимый им *лиловый* цвет вдруг превращается в траурно-черный. Любовь у Бунина не организует мир, только повышает интенсивность бытия вещей. Присутствует скорее влюбленный, чем возлюбленная. Юношеская любовь Арсеньева не осуществляется, потому что поэтическое призвание он ставит выше. И все же она сопровождает его через всю жизнь: даже в пожилом возрасте она остается для него единственной святой вещью. В его романе наряду с процессом взросления мы можем проследить и за процессом становления писателя. Порою оброненное его отцом замечание намекает на то, чтобы сын приступил наконец-то к творчеству. «Призвание Алексея не гражданское поприще, не мундир и не хозяйство, а поэзия души и жизни. Да и хозяйствовать-то, слава богу, уже не над чем. А тут, кто знает, может, вторым Пушкиным или Лермонтовым выйдет?...» (407). Иногда его императивно подстегивает прочитанное или рукопись, опубликованная в известном петербургском журнале. Арсеньев порывает связи с женщинами, он чувствует, что любовная страсть мешает осуществлению его истинного призвания, сковывает творческие силы. Он говорит Лике, перефразируя слова Платона: «Бес-

смертные творят, смертные производят себе подобных» (543). Поэт Арсеньев выбирает вместо женщины музу, богиню духовного творчества, потому, что для него творящее слово, Логос, важнее силы зарождения (Эроса). *Генитальная* любовь атавистична и несет с собой смерть, поскольку деторождение неразрывно связано с рождением и смертью, и только духовная творческая сила, творчески претворенный Эрос гарантирует бессмертие личности. В творчестве мы хотели бы вернуть потерянное бессмертие, сходство с творящим Богом. Любовь у Бунина часто связана с изображением смерти. Он обладал не только утонченным чувством жизни, но настолько же утонченным ощущением смерти. В центре жизни у него всегда находится смерть, а в центре смерти жизнь, как черная точка (*инь*) посередине белого и белая точка (*ян*) в центре черного. В формировании судьбы Арсеньева и Лики излагается не только невозможность полноты жизни, но и трагическая безнадежность встречи друг друга двух асимметричных существ, мужчины и женщины, их трагическая обособленность. Это выясняется из следующего отрывка: «Мне стало казаться, что далеко не все благополучно в нашей близости, в согласованности наших чувств, мыслей, вкусов, а значит, и в ее верности: этот 'вечный раздор между мечтой и существенностью', вечную неосуществимость полноты и цельности любви я переживал в ту зиму со всей силой новизны для меня и как будто страшной незаконности по отношению ко мне» (498). Подобно своему герою Бунин не нашел в любви ключа к решению тайны счастья. Решение этой дихотомии занимало его и в поздних рассказах (*Темная аллея*), но окончательное решение так и не было найдено. Рассказы хранят в себе до конца тайну бытия и тайну «вечной женственности». По пронизательному наблюдению Ходасевича в любви Бунина интересует «ее непостижимая сущность (или та часть ее сущности), которая настигает, как наваждение, налетает Бог весть откуда и несет героев навстречу судьбе, так что обычная их психология распадается и становится на «обесмысленные щепки» или «обломки», крутящиеся в смерче. Не внешние, но внутренние события этих рассказов иррациональны, и характерно для Бунина, что такие иррациональные события всегда им показаны в реалистической обстановке и в самых реалистических тонах. Быть может, на этом контрасте тут у Бунина все и построено, из этого контраста все и возникает» [ХОДАСЕВИЧ 1998: 577–578].

Стоит присмотреться к *соносфере* бунинских текстов. Язык биографического романа богат не только цветом, но и воздействием звуков. Звучание слов приобретает завораживающее значение. В литургии звуков слышна глубокая, акустическая природа души. Слух Арсеньева так же напряжен, как и зрение. Он способен одновременно слышать множество вещей, видеть одновременно множество предметов. Мир звуков так же неисчерпаем, как и мир цветовых оттенков. В звучании имеются такие же сигнификантные различия, как и в цвете. Напряжение цвета является привилегией не только живописи, но и поэзии: переход от одного тона к другому приводит к контрасту звуковой окраски. Цвет чаще всего уточняется определением, звук — глаголом,

потому что цвет является атрибутом вещи, а голос – ее проявлением. Бунин был убежден в том, что все до одного тона звуковых колебаний вместе с комбинациями вкусовых ощущений и запахов можно изобразить во всех их оттенках. В описании осуществляется сочетание зрительного со слуховым и осязаемым миром: «смешливая синеглазая» (345), «новая, жестко-белая подушка» (416), «бархатно-фиолетовый» (419), «женщина с приторно-белым и томным лицом» (372), «гулко-полый голос» (449), «шурша по желтой щетке жнивья» (373) и так далее. Однажды Бунин сказал Пушечникову, что начиная писать о чем бы то ни было, прежде всего он должен «найти звук». «Как скоро я его нашел, все остальное дается само собой» [БУНИН 1964: 10]. У него можно найти любой естественный или искусственный тембр звука: резкий, приглушенный, раскатистый, визгливый, шипящий, мягкое звучание, щебетанье, трель. К этому присоединяется богатая палитра оттенков человеческого голоса, от плача до смеха, через которую мы вслушиваемся в душевное состояние говорящего человека, в его радость или печаль. По голосу можно составить представление о личности его носителя. «Язык Бунина прост, почти скуп, чист и живописен. Но вместе с тем он необыкновенно богат в образном и звуковом отношениях – от кимвального пения до звона родниковой воды, от размеренной чеканности до интонаций удивительно нежных, от легкого напева до гремющих библейских обличений, а от них – до меткого, разящего языка орловских крестьян» [ПАУСТОВСКИЙ 1982, 3: 335]. Бунин обращает внимание не только на живые звуки повседневности, но и на их музыкальные характеристики (пение птиц), потому что, по его мнению, только музыка способна проникнуть в тот мир высшего порядка, которому другой вид искусства может только подражать. «Станный, совершенно до толе неведомый мне, сладостно и мучительно возвышенный мир открывал он мне, мир, в который вступал я с восторженной и жуткой радостью при первых же звуках, чтобы тотчас же вслед за тем обрести тот величайший из обманов (мнимой божественной возможности быть всеблаженным, всемогущим, всезнающим), который дают только музыка да иные минуты поэтического вдохновенья!» (467–468). Такую же роль имеет сакральный звон колоколов за богослужением, трели соловья, кукование кукушки, к которому Арсеньев очень любит прислушиваться, потому что полагает найти схожесть своей судьбы с кукушкой, «тщетно весь свой век взыскующей какого-то заветного гнезда» (450). Колокольный звон и пение птиц, подобно музыке, обладают магической силой, побеждают пространство и время, проникают в бесконечность, трансценденцию, не покидая при этом эмпирический мир. Прекрасным примером этому может служить следующий отрывок: «Кругом, по всем кустам и чащам, сладко голосили и цокали соловьи, где-то далеко в дали мерно и настойчиво, как бы убежденная среди всех этих тщетных соловьиных восторгов в правоте только своей одинокой, бездомной печали, не смолкая куковала кукушка, и ее гулко-полый голос казался то ближе, то дальше, грустно и дивно чередуясь с еще более дальними откликами вечеряющего леса. И я ехал и слушал, потом стал считать, сколько лет нагадает

мне она, — сколько еще осталось мне всего того непостижимого, что называется жизнью, любовью, разлуками, потерями, воспоминаниями, надеждами...И она все куковала и куковала, суля мне что-то бесконечное. Но что таило в себе это бесконечное?» (449–450) «Зеленый» голос природы никогда не переставал звучать у Бунина, который был органически связан с многозвучным и многокрасочным соническим миром человека.

Музыка и звуки доставляют нашим ушам такую же радость, как для носа — запах аппетитной еды. Перейдем к анализу интерференции запахов и вкусов. Обоняние является одним из самых анимальных органов чувств, но у человека оно развито хуже других, тогда как у животных, например, обоняние — средство выживания. Функция обоняния взаимосвязана с его органом, с носом, находящемся на особом месте человеческого лица. Важность *физиономии* носа никто не подчеркнул лучше Бунина и Гоголя. Тонкость обоняния у этих писателей не уступает зоркости зрения и остроте слуха. Бунин четко различает все запахи, начиная от аромата антоновских яблок до резкого запаха навоза в конюшне, которые вызывают в его воображении детские впечатления. *Назальные (носологические)* мотивы (обоняние, нюханье, чихание, храп и т.д.) пронизывают все его творчество. Арсеньев был истинным художником запахов: его очаровывали ароматы. «У меня было такое обоняние, что отличался запах росистого лопуха от запаха сырой травы!» (427). Арсеньев располагает как позитивными, так и негативными переживаниями от запахов. Приведем несколько примеров из романа: «во дворе уже пахло холодеющей травой» (408), «скрипящие и пахнущие кожей ранцы» (384), «пахучие холодные шубы» (413), «с какой-то женственной роскошью пахло цветами» (396), «пронзительно-горькая утеха» (144). Когда он описывает квартиру, можно почувствовать, какие запахи распространяются в комнатах. Более того, даже у городов есть свой характерный запах, который выдает род занятий их жителей: «И какой пахучий был этот город! Чуть не от заставы, откуда еще смутно виден был он со всеми своими несметными церквями, блестевшими вдали в огромной низменности, уже пахло: сперва болотом с непристойным названием, потом кожевными заводами, потом железными крышами, нагретыми солнцем, потом площадью, где в базарные дни станом стояли съезжавшиеся на торг мужики, а там уж и не разберешь чем: всем, что только присуще старому русскому городу...» (379). Разбирая виды запахов, вряд ли можно согласиться с мнением Ежи Фарыно: «В отличие от многих других проявлений внешнего мира запахи почти не обладают в нашей культуре самостоятельной семантикой (или символикой)» [FARYNO 1980, 3: 231]. Бунин демонстрирует изумительную *дистинктивную* способность не только по отношению ко вкусовым ощущениям. В атмосфере романа господствуют не только цвета, звуки, ароматы, но и вкусы, пестрое расположение рядом друг с другом и комбинация которых, составляя контраст, завершается образным единством. Принятие пищи и утоление жажды тоже имеют свою живописную сторону. Приведем характерный пример, свидетельствующий о страстной любви к цвету, запахам и ароматам: «Мало было в моей жизни мгнове-

ний, равных тому, когда я летел туда по облитым водой бурьянам и, выдернув редьку, жадно куснул ее хвост вместе с синей густой грязью, облепившей его...» (348). Из следующей визуальной метафоры тоже можно сделать вывод, что речь здесь идет о гораздо большем, нежели о конкретных еде и питье, в ходе которых герои утоляют голод и жажду. Для них прием пищи является своего рода ритуалом, символизирующим ту простую истину, что человек неотделим от земли, так как во вселенной все едино. В буквальном смысле над первым рядом значения возвышается метафорический слой: «Подражая подпаску, можно было запастись подсоленной коркой черного хлеба и есть длинные зеленые стрелки лука с серыми зернистыми махорчиками на остриях, красную редиску, белую редьку, маленькие шершавые и бугристые огурчики, которые так приятно было искать, шурша под бесконечными ползучими плетями, лежавшими на рассыпчатых грядках... На что нам было все это, разве голодны мы были? Нет, конечно, но мы за этой трапезой, сами того не сознавая, приобщались самой земли, всего того чувственного, вещественного, из чего создан мир» (347–348). Это прекрасный пример того, когда описание демонстрирует то, что передается метафорически.

Сделаем выводы. В литературе 1920–30-х годов укрепляются неосенсуалистские направления. Писатели стремятся к тому, чтобы слова передавали суть вещей полностью, без остатка, чтобы субстанция мира не заслонялась, а открывалась. Они вернулись к повседневной, не символической, а материально-корпоральной природе слова. Увеличение поэтической роли *зрелища*, *звука*, *запаха*, *вкуса* и *обоняния* является символом интенсивной чувствительности русской литературы по отношению к бытию, что доставляют читателю множество витальных радостей. Бунин является не только романистом, использующим готовый язык, но и поэтом, воссоздающим язык. Его лексикон богат такими словами, которые образно выражают инстинктивность органов чувств. Обостренное зрение и слух, утонченные обоняние, осязание и ощущение вкуса, которыми он обладал, далеко превосходят границы повседневного человеческого опыта. Он не только четче по сравнению с обычным человеком видел и слышал весь цветовой спектр и всю музыкальную шкалу звуков, но он вторгался в такие области, подмечал такие тонкости и детали, которые просто немыслимо было бы ощутить без его помощи. Его целью было пробуждение органов чувств читателя для физического и метафизического видения-слышания мира. Он открыл нам глаза и уши, чтобы можно было увидеть и услышать то, что невидимо и неслышимо естественными органами чувств, но что достижимо посредством поэтического таланта великого мастера слова. Многогранный мир становится полностью доступным только благодаря привнесенному нам сверхестественному зрению. По мнению Федора Степуна у Бунина были не только орлиные глаза для дня, но и совиные для ночи, которыми он поистине все видел. Настоящим искусством Бунин считал то, которое проливает свет на золотое древо жизни и сохраняет человека от забвения бытия. Ведь иначе прервется традиция жизни и

вместо нее наступит теория бытия. Дело поэта одухотворить чувственное, а духовное сделать осязаемым.

Литература

- Бунин 1964: Бунин И. А. Избранные произведения. «Московский рабочий», Москва.
- Бунин 1984: Бунин И. А. Избранные сочинения. «Художественная литература», Москва. (Далее ссылки на это издание даются в тексте.)
- Долгополов 1985: Л. Долгополов. На рубеже веков. О русской литературе конца XIX – начала XX века. «Советский писатель», Ленинград.
- Иванов 1971: Иванов В. Собрание сочинений. Брюссель.
- Литературное наследство. Изд. «Наука», Москва. 1973.
- Ильин 1959: Ильин И. А. Иван Алексеевич Бунин // О тьме и просветлении. Мюнхен, ПАУСТОВСКИЙ 1982: Паустовский К. Собрание сочинений в 9-ти томах. «Художественная литература», Москва.
- САФРОНОВА 2000: Сафронова Э. И.А. Бунин и русский модернизм (1910-е гг.), Вильнюсский университет, Вильнюс.
- СЛИВИЦКАЯ 1994: Сливичкая О. П. О природе бунинской «внешней изобразительности». // Русская литература. № 1. «Наука», Санкт-Петербург.
- Степун 1998: Степун Ф. Иван Бунин // Встречи. Изд. АГРАФ, Москва, 1998.
- ХОДАСЕВИЧ 1998: Ходасевич Вл. Собрание сочинений // Книга для ученика и для учителя. И. Бунин. Избр. Проза. Критика и комментарии. АСТ ОЛИМП. Москва.
- FARYNO 1980: Jerzy Faryno Введение а литературоведение. Uniwersytet Śląski, Katowice.

Abstract

The Sensual Seduction of Words

In Russian literature social ideas and moral norms have always been prominent. However, another trend has also been present: the representation of intense sensual impressions, exerting an influence on readers through the analogy of sense. The increased poetical role of *sight, sound, smell, taste* and *touch* appears as a symbol of a keen sense of being in this Neo-Sensualist trend or Russian literature, which offers much vital pleasure to its readers. The different sensual impressions and emotional expressions – the magic of colours, the liturgy of sounds, the orgy of fragrances and tastes, the sensibility of touches, and the synchrony of all these – are combined into a most perfect imagery in Bunin's Nobel Prize-winning *The Life of Arsenev*, which is the subject of the present study. Bunin returned to the ordinary, non-symbolic, but rather materialistic and corporeal nature of words. He created *modern imagery in Russian prose*.

THE TRAGEDY OF NARCISSUS: DESIRE, IDENTITY AND NARRATIVE IN DOSTOEVSKY'S *DEVILS*¹

REICHMANN Angelika

The phenomenon of endless mirroring, which is so characteristic of “Stavrogin’s Confession”, is not limited to that relatively short section of Dostoevsky’s *Devils*. Originally a central metaphor of the Narcissus myth [OVID 1955: 83–87], it comes to function in Stavrogin’s self-narrative as a structural equivalent of the character’s Narcissism, and as such, it reappears in various forms throughout the entire novel. On the one hand, it surfaces in two phenomena related to psychological Narcissism: in the emphatic malfunctioning of the mother mirror in Stavrogin’s “case study” and in the extended network of doubles surrounding him. Analysed in the context of the Lacanian mirror stage [LACAN 2002: passim], both Stavrogin’s image reflected in the mother mirror and in the doubles’ (and lovers’) mythic narratives about his identity appear to be fundamentally rooted in the beholders’ desire. On the other hand, the metaphorical mirrors realised structurally in the multiple frames and “texts-within-the-text” [LOTMAN 1992: 112–117] of the “Confession” reappear in the mottoes and abundant allusions of the novel. While the former establish a set of metaphors which problematise the very nature of language and thus the definition of identity through narrative [BROOKS 1984: 33], the latter function as a means of “writing” and “reading” Stavrogin’s enigmatic identity for the characters of the novel. This intricate interrelationship of desire, mirror-image, language and narrative identity creates a textual world shaped along the pattern of the Narcissus myth, in which reaching authentic selfhood tragically, paradoxically

¹ The present study is the revised English version of the third larger section of the chapter on Dostoevsky’s *Devils* in my PhD dissertation written in Hungarian in 2005. As such, it is also the second sequel to the article “The Golden Age and Narcissus – The Explicit and Implicit Myth in ‘Stavrogin’s Confession’” published in *Slavica* XXXIV [REICHMANN 2005]. In my analysis I argue that the explicit myth of the Golden Age and the implicit myth of Narcissus appearing together in Stavrogin’s confession form such fundamentally contradictory, but still inseparable paradigms in the whole novel which facilitate a deconstructive reading of the entire text. Thus, the analysis of the short section of the text generally called “Stavrogin’s Confession” actually serves as the starting point and model for a deconstructive mythopoetic reading of the entire novel. The first sequel, [REICHMANN 2006] explores the recurrence of the Golden Age myth in the text of the novel, focussing on various mythic readings of Stavrogin as a solar hero and on the setting of *Devils* as a clear-cut antithesis of the idyllic mythic scenery.

Since the dissertation includes a separate chapter on the theoretical background of my analysis, this paper contains only short references to critical writings, but does not enlarge on their relationship and interpretation. The article has been completed with the assistance of the Eötvös Scholarship supplemented by a grant from the Hungarian Ministry of Education (OM).

and unavoidably equals the elimination of the self in death, the moment which alone can put an end to the endless chain of signification².

The Mirrors of Narcissus

According to Bakhtin characters of Stavrogin's type contemplate the reflection of their own psyche "in the mirror of the other's consciousness" [BAKHTIN 2002: 307]³. "Stavrogin's Confession" quite neatly supports this claim: while through the text of the confession he tortures himself with the observation of his textualised and therefore objectified and alienated self – to apply the terms of the mirror stage, his *imago* or ego ideal –, in the frame situation of his visit to Tikhon he both presumes to recognise the symbolic Father, an embodiment of Law and Language [LACAN 1981: 23], in his confessor and strives to project this image on him. This crucial moment of establishing one's identity through entering the Symbolic via identification with a mirror image or with the symbolic Father [EASTHOPE 1999: 61] is conspicuously repeated throughout *Devils*, though with an inverted scenario. It is Stavrogin, who becomes a mirror-image, the object of the others' desire and the sign of their ego ideal, with whom they desperately try to identify themselves. It is especially true with respect to his doubles, but since the mechanism of secondary Narcissism follows the pattern of the primary Narcissism related to the mirror stage [FÜZESEY 1993: 56–57], the phenomena of the mother mirror and Stavrogin's "love affairs" also fit into this paradigm: Varvara Petrovna obviously contemplates herself in her son, just like Liza and Marya Timofeevna, who create stories about Stavrogin in which they can play a role that satisfies their desire. A crucial moment of this mechanism is the point at which they substitute the "real" – and unknowable – Stavrogin with a text born from their own desire, so that they can cast the role of the symbolic Father, the Other on him and define their own identity with the help of his "mirror". In the case of the doubles temporality also plays a central role in this procedure: the mythic narratives functioning as the image of Kirillov's, Shatov's or Lebyadkin's Ideal-I⁴ obviously correspond to the signs of Stavrogin's earlier ego ideals, which he has alienated and shed as a snake sheds its skin⁵. In this sense Stavrogin's doubles really are his "emanations"

² This reading of the Narcissus myth was formulated by Julia Kristeva, who claims that it plays a special role in the formation of Western European subjectivity [KRISTEVA 1995: passim].

³ All translations from non-English sources are mine – A. R.

⁴ Cf. in detail [REICHMANN 2006: 141–146].

⁵ Cf. Mikhail Bakhtin's interpretation, according to which Stavrogin's narrative identities physically embodied in Kirillov and Shatov are actually the products of his own desire: "All of them [Shatov, Kirillov and Pyotr Verkhovensky] think that he spoke with them as a mentor speaks with a pupil; in actual fact he had made them participants in his own inescapable internal dialogue, in which he was trying to convince himself, not them. Now Stavrogin hears from each of them his own words, but with a firm and monologised accent. He himself can now repeat these words only with an accent of mockery, not conviction. He had not succeeded in convincing himself of anything, and it is painful for him to listen to people whom he has convinced. On this base Stavrogin's dialogues are constructed with each of his three followers" [BAKHTIN 1984: 260]. Nevertheless, as Szilárd's reading of

[BERDYAEV 1996: 519–520]. By the time of the story, however, in the course of a multiple mirroring procedure the doubles have become both the frozen mirror-images of Stavrogin's previous roles and beholders contemplating their own images in the mirror represented by Stavrogin. In comparison, Pyotr Verkhovensky's case is much simpler: his text is undoubtedly created only by his own desire and the object of his desire is literally Stavrogin's desire. Therefore his "idolisation" is much more reminiscent of Stavrogin's entangled love relationships⁶ and endows Nikolai Vsevolodovich with Narcissus' explicitly bisexual attraction [HOLMES 2001: 24]. The whole stuffy atmosphere of *Devils*, permeated with eroticism, aggression, hidden desires and their scandalous outbreaks, also evokes the myth of Narcissus. Owing to the intricate procedures of mirroring, the "empty centre" or "void" represented by Stavrogin, which is traditionally subject to moral condemnation as a demonic phenomenon⁷, can also be interpreted as a tragic case of extreme self-reflexivity – the tragedy of Narcissus.

Since primary Narcissism and the very emergence of the subject is related to the mirror stage and partly to the mother mirror, its analysis is chronologically the first step to the understanding of all later appearances of Stavrogin's Narcissism. Though references to Stavrogin's very early childhood are absent from the novel, some elements in his later development can be interpreted as the representations of this phase. They imply that due to a reversal of power positions and gender roles⁸ the mother mirror is embodied for Stavrogin in two characters: in Varvara Petrovna and Stepan Trofimovich. According to Iván Ignusz, the essence of the mother mirror is that "the mother contains the emotions projected by the baby like a vessel and thus the process of thinking is started 'about a thought without a thinker'". It results in internalisation which leads to the emergence of "psychic contents" related to Narcissism, "the self" or the "personal I". The notion of the "self" comes into being from a meaning of the "I", the sense that "we are personally ourselves and not someone else". The malfunction of the mother mirror takes place when the mother, because of her "depressive personality, cannot reflect the feelings of her baby" and "no emotions appear on her face at all" or "she can express only her own emotions" [IGNUSZ 1993: 81–82]. In *Devils*, instead of the normal functioning of

Devils clearly indicates, this interpretation cannot be accepted without reservations in Pyotr Verkhovensky's case [cf. SZILÁRD 2001: 27, 33].

⁶ Sergei Bulgakov and Nikolai Berdyaev seem to share the opinion that „all the [characters] of the novel, both men and women, are more or less in love" with Stavrogin [BULGAKOV 1996: 493; BERDYAEV 1996: 520].

⁷ The theologically based interpretation of Stavrogin as a demonic embodiment of non-being and emptiness is a crucial point of Dostoevsky's critical assessment. Several authors have argued for it in a more or less sophisticated and direct manner since the turn of the century [cf. BERDYAEV 1996: 521; BULGAKOV 1996: 492, 498; DOLININ 1996: 549] and very often it can also be discovered as a pivotal point of contemporary readings [cf. MELETINSKY 2001: 15–26; PRZYBYLSKI 2004b: 110–117; SZILÁRD 2001: passim].

⁸ Cf. „Dostoevsky has X-rayed sexual, moral, and religious abjection, displaying it as collapse of paternal laws. Is not the world of *The Possessed* a world of fathers, who are either repudiated, bogus, or dead, where matriarchs lusting for power hold sway?" [KRISTEVA 1982: 20]

the mother mirror, it is these two types of malfunction which are represented by Varvara Petrovna and Stepan Trofimovich, the surrogate father who behaves in an effeminate manner⁹. The chronicler gives a description of the appallingly cold relationship between Stavrogin and his mother in his childhood: "The boy knew that his mother loved him very much, but he hardly loved her at all. She spoke to him very little and rarely interfered with him in any way, but somehow he was always morbidly aware of her intense gaze fixed on him" (40)¹⁰. The mother's gaze is like a blank mirror; it does not reflect or transmit emotions, which is clearly shown by the emphatic lack of communication between her and the child. Instead, her painfully scrutinising look is singularly directed at Stavrogin, who, in his turn, reacts with a slightly paranoid psychic condition verging on illness. In contrast, when "his mother entrusted his entire education and moral development to Stepan Trofimovich" (40), she gave an opportunity to Stavrogin's tutor to pour all his emotions over the child, even in the dead of the night: "They'd throw themselves into each other's arms and weep" over the man's "wounded feelings" (40), which implies that the normal mirroring procedure is inverted and it is the child who reflects the adult's emotions. Through this rather sickly internalisation of a grown man's feelings – the chronicler actually assumes that "the tutor upset the pupil's nerves to some extent" (40) – the youth prematurely experiences a strange form of desire: "Stepan Trofimovich had succeeded in touching his young friend's deepest heart-strings and evoking in him an initial intimation, as yet undefined, of that eternal, sacred yearning which some chosen souls, once they've tasted and known it, never ever exchange for any cheap pleasure. (There are some devotees who value the yearning even more than the most radical satisfaction of it, if such a thing were to be believed)" (40-41). Since this "yearning" [„тоска" (27)], similarly to Narcissus' desire for his own reflected self, is insatiable, it is also a source of perverse satisfaction. These phenomena imply that in Stavrogin's case Varvara Petrovna and Stepan Trofimovich as parental figures exclude the possibility of the emergence of healthy Narcissism, although it would be essential for the establishment of "good self-esteem" (HOLMES 2001: 9-10). In fact, these malfunctioning mother mirrors call for an interpretation of Stavrogin's "case study" in terms of clinical Narcissism.

In a clinical context, Stavrogin's adult behaviour combines the elements of two types of Narcissism, which can be traced back to the representations of the "mother mirror" outlined above. In Holmes's interpretation the mythical Narcissus is a representation of a clinical form of Narcissism: he is the "oblivious Narcissist" who "appear[s] to have little understanding of others' feelings and ride[s] roughshod with [his] arrogant and self-serving ruthlessness. [He is] grandiose and exhibition-

⁹ Stepan Trofimovich's femininity is demonstrated most eloquently by his own hardly translatable blunder on the occasion of Varvara Petrovna's proposal for him to marry Dasha: „я... я никогда не мог вообразить, что вы решитесь *выдать меня... за другую... женщину!*" [DOSTOEVSKY 1996: 48, italics mine]. To top it off, he simply faints from the shock of such a suggestion.

¹⁰ The English quotations from Dostoevsky's novel are based on [DOSTOEVSKY 1958] and are indicated only by the page numbers in brackets.

istic" [HOLMES 2001: 23–24]. Holmes traces the origins of this behaviour, which might "involve [...] the absorption of some of the functions of the necessary Other into the self" (HOLMES 2001: 51), back to the "blank and unresponsive" mother mirror [HOLMES 2001: 48–49]. The grown-up Stavrogin appears to be a classic example of this type: he experiments freely with other people's feelings, he is incapable of emotional commitment, though he is an object of intense desire – for both men and women. The mentor's role, which he undertakes in his relationship with Shatov and Kirillov, can be interpreted as "the absorption of the function of the Other", even if he only tried to convince himself when verbalising his most contradictory teachings. The "unresponsive" mother mirror, the core of the problem, can be easily discovered in Varvara Petrovna's face. Nevertheless, as Holmes also points out, there are no strict division lines between the "oblivious" Narcissist and its inverse, the "hypervigilant" type, which is embodied in the myth by Echo. Her Narcissism gains expression in her extreme "sensitivity to rejection or criticism", her shyness and clinginess [HOLMES 2001: 19–20], which implies that in her case the mother mirror reflected not the child's, but the mother's feelings. As opposed to Narcissus's, Echo's behaviour is centred around the "projection" of the Other's role on the object of her clinging and caring [HOLMES 2001: 48–51]. In many respects Stavrogin, for whom Stepan Trofimovich acts out the role of a self-centred "mother figure", also reveals the characteristic features of this hypervigilant type. As his "Confession" shows, at the core of his voyeurism there is a fundamental insecurity and a painful dependence on the gaze of the other (Other), while his exhibitionism is coupled with a horror of becoming a laughingstock. His self-assurance is disclosed as a mask [SZILÁRD 2001: 31] whose primary function is self-defence¹¹.

The roles established for Stavrogin through the mother mirror are twofold: he is to fulfil others' Narcissistic desires either by realising their dreams or by being their audience. Just like Stepan Trofimovich, who was also Varvara Petrovna's "daydream" (13) earlier, he is to become everything she could not become: on his return from school "her son had now appeared before her almost in the guise of some new hope, or even in the aspect of some new dream. [...] many times she'd stare at her Nicolas unnoticed, pondering, trying to comprehend something" (45). In the Russian text the descriptions of the early mother-child relationship, of Varvara Petrovna's feelings for Stepan Trofimovich and of her new hopes related to Stavrogin are connected by exact textual repetitions: "мечта" [DOSTOEVSKY 1996: 12, 30] appears for both "daydream" and "dream", whereas "пристально" [DOSTOEVSKY 1996: 27, 30] is the adjective characterising her gaze or stare in both cases. It implies that for Varvara Petrovna the same emotion – realising her desires through the agency of others – is at stake all three times. And probably it is because

¹¹ The mask-like quality of Stavrogin's face, which is a recurrent argument for his demonic nature in Dostoevsky criticism, is far from being unambiguous. When Stavrogin, after four years of absence, returns to his hometown, the chronicler emphasises that his face can "no longer be said to resemble a mask", perhaps because there is "some new idea gleaming in his eyes" (192). A little later, however, the famous "wax figure" (242) simile occurs.

of the “Narcissistic wound” [HOLMES 2001: 19] caused by her son’s failure in this respect that she declares even before his death that “she has no son” (743). Stepan Trofimovich’s “yearning”, just like his constant need to pour out his emotions and test their effect on others, is probably only a part of his generally rather Narcissistic character, which (also) gains material expression in his playing the peacock in front of the mirror. In his one-man-show he needs an empathic (or empathic-looking) audience, a looking-glass – and this is what Stavrogin learns to play. As the two roles outlined here are the ones which Stepan Trofimovich and Varvara Petrovna play for each other, the grown-up Stavrogin’s behaviour also shows traces of the compulsion to repeat the patterns they have established. It is not by chance that Varvara Petrovna – though at that point absolutely mistakenly, projecting her own feelings on him [SZILÁRD 2001: 29] – “recognises herself in Nicolas” (202) during the scandal on his return. The feature that they really share, though, is their Narcissistic horror of laughter, since “There was nothing Varvara Petrovna feared as much as humour” (10). This might throw a new light on Tikhon’s claim that “there is strong inner, spiritual likeness” (454) between mother and son: Stavrogin’s mask-like face is exactly such a blank mirror as his mother’s, while his eyes only keep searching for his own image in the gaze of the other, like Stepan Trofimovich’s.

It is not surprising, that Stavrogin’s adult emotional relationships, in which his secondary Narcissism becomes manifest, evolve along similar patterns. As Léna Szilárd emphasises, “Stavrogin focuses the most intimate unconscious desires of his environment” [SZILÁRD 2001: 31]. While he himself seems absolutely self-centred and self-sufficient on the surface, the narratives formulated by the women in love with him are variations on the theme of desire, more exactly the desire to become the object of his desire: they are fundamentally wish-fulfilment fantasies shaped by the women’s own Narcissism. Marya Timofeevna’s constant daydreaming is certainly an expression of her Narcissism¹². Her often-mentioned little mirror and heavy make-up, which, what for her being a holy fool, really make her clown-like [PRZYBYLSKI 2004b: 111], are all the most palpable signs of her femininity – and Narcissism. She wants the prince of her dreams and thus the epiphanic scene in the chapter “Night” is also the staging of a major blow to her Narcissism. Similarly to the Narcissus myth, whose plot revolves around eyes – an organ of erotic desire – and seeing the object of desire [KRISTEVA 1995: 51–52], her meeting with Stavrogin is also about eyes and looks: about Stavrogin’s „penetrating gaze”, which „perhaps expressed aversion” (288), and Marya Timofeevna’s „lowered eyes” and „swift, comprehensive glances” (289). She either does not dare to face the mirror image Stavrogin shows her and therefore forbids the other to look at her, or expressedly orders him to do so (289, 291). Even the antonym of her central metaphor for Stavrogin, the “falcon gazing at the sun”, must be a “blind owl” (293) –

¹² “Marya Lebyadkina, who constantly remembers the moments she spent – or imagines to have spent – with ‘Prince Harry’, is the greatest example of Narcissistic behaviour in *Devils*” [FEHER 1972: 449].

blind, because it cannot or does not desire to see Marya Timofeevna, or it does not see her the way Marya Timofeevna wants it to. Because Stavrogin feels only shame when the cripple almost falls flat on the floor. And because although he makes a solemn promise to fulfil her desire and become her ideal listener ["every evening you can tell me stories as you did in Petersburg in those places you lived. I'll read books to you, if you like" (292)], he cannot and does not want to fulfil her greatest desire: he cannot desire her. The severeness of the Narcissistic wound is implied by the fact that Marya Timofeevna identifies her fall in the drawing-room and her noticing Stavrogin's shame as the moment of revelation (294), when she recognised Stavrogin's "real" character. The wound is only rubbed in when Stavrogin actually offers to hide her in Switzerland.

It seems rather more astonishing that Stavrogin is also unable to commit himself to the charming Liza, just like Narcissus, who cannot be seduced even by his most beautiful admirers [OVID 1955: 84] – though at a closer look the scenario is just the same. She also casts the role of "Prince Charming" on Stavrogin, partly in the fatal wish-fulfilment fantasy of her "romance", partly in its adaptation to contemporary high society circumstances: if Stavrogin cannot take her to visits in Moscow, if she cannot be a real high-society dame beside him, she does not need him at all. She had known all this, however, well before the fatal night, so it is highly probable that it is rather Stavrogin who finds the real reason for her desperate state in their final scene: "Last night she guessed somehow that I don't love her at all... it's something she knew all along, of course" (598). Liza's disappointment is also rooted in her inability to become the object of Stavrogin's desire – by the end of the novel, as she has foreshadowed in her hysterical scene in the drawing-room (208), she comes to share Marya Timofeevna's fate, which is clearly implied in her metaphorical and literal "fall" (604).

Darya Pavlovna is in manifest contrast with both other women, but exclusively because her dream – a story of self-abnegation and self-sacrifice – is the one which proposes for Stavrogin his only "authentic" role, the role of Narcissus. She almost becomes an apotheosis of silence in the novel, about whom Stavrogin claims that "he could never work out what she wanted" (309). Nevertheless, she still repeats one single desire of hers in their conversations: when all ends, Stavrogin should call her, and call her as soon as possible (308). Meanwhile, Stavrogin tramples on her self-esteem with the greatest ease, just like on her brother's, or like Narcissus on Echo's [OVID 1955: 84], whose role Darya Pavlovna is most likely to play. As a modern version of the nymph echoing Narcissus's words, she also functions as a mirror for Stavrogin, since "only in her presence could he speak about himself out loud" (753). Therefore Stavrogin, just like the mythic Narcissus, can call only her before his death, since the two other women's Narcissism clashes with his own „oblivious" Narcissism.

Similarly to the lovers' stories, the mythic narratives of Stavrogin's doubles¹³ – mirror images¹⁴ – about him are also shaped, though indirectly, by their own Narcissism and desire. Kirillov's, Shatov's, Lebyadkin's and (with some reservations) Pyotr Verkhovensky's cases may be interpreted as representations of the identification with the mirror image which takes place in the mirror stage. For them Stavrogin may be claimed to embody the Ideal-I they want to identify with, the person whose (earlier) narratives might be their means of self-definition and entry into Language – ultimately, their means to establish themselves as subjects. However, similarly to the *imago* in the mirror, which is actually only the alienated reflection of the child, Stavrogin's various narratives are also shaped in accordance with each double's Narcissistic desires. The term "negative Narcissism", which implies "a constant state of self-dissatisfaction" and "self-hatred", therefore the individual's permanent preoccupation with himself or herself [HOLMES 2001: 13], can be appropriately applied to Kirillov's, Shatov's and Lebyadkin's behaviour. Kirillov's political/philosophical suicide and Shatov's self-destruction, realised through self-humiliation and self-sacrifice, fall quite neatly into this pattern of self-hatred, actually the abjection of the self [KRISTEVA 1982: 19–20]. As Przybylski points out, "the fact that Kirillov takes on himself the sin of the organisation is rather of secondary importance. It only testifies to his exceptional self-hatred. What is more, Kirillov unconsciously also desires self-humiliation to a certain extent, because he considers mere existence an obscenity and absurd" [PRZYBYLSKI 2004a: 89]. Shatov practically confesses his love for Stavrogin, as if he wanted to provoke the humiliating answer: "I can't tear you out of my heart, Nikolai Stavrogin!" 'I'm sorry that I'm unable to love you, Shatov,' Nikolai Vsevolodovich said coldly" (269). As far as Shatov's generosity to his unfaithful wife is concerned, the chronicler must remark that „[h]e was chaste and incredibly bashful; he considered himself a terrible monster; he hated his own face and character; he compared himself to a freak" (640). Taking this into consideration, it is not surprising at all that Shatov embraces so voluntarily Stavrogin's Messianistic-Slavophile teachings with their underlying mythic narrative of Christian self-sacrifice. For Lebyadkin, the „poet", Stavrogin could be the ideal audience in Petersburg who did not ruin his image of himself, because this image, similarly to Stavrogin's character, also includes a desire for being laughed at: "He had immeasurable respect and admiration for his own poems, but also, because of a certain roguish duplicity in his nature, he also liked the idea that Nikolai Vsevolodovich was always amused by his verses and would laugh at them, sometimes splitting his sides" (280). In other words, he naturally accepts the Falstaffian role Stavrogin appoints for him. In general, these char-

¹³ Though the term „double" is another recurrent notion in Dostoevsky criticism, its use is far from being unified, moreover, it sometimes appears to be fairly confusing. Cf. [BAKHTIN 1984: 127–128; BULGAKOV 1996: 501–504; PRZYBYLSKI 2004b: 106–110; V. TÓTH 1994: 29, 50]. SZILÁRD uses the related Jungian term of the „shadow" pertaining to Pyotr Verkhovensky [SZILÁRD 2001: 36].

¹⁴ The close (metaphorical) relationship between the mirror image and the double has been established in several contexts, e.g. in psychoanalysis (WILDEN 1981: 162), ethnology [BEKE 1995: 92] and cultural semiotics [LOTMAN 1992: 112–117].

acters appropriate Stavrogin's earlier narratives of identity and accept the roles defined in them because the stories reflect their own desires – they are actually created by these desires to a great extent.

In contrast, Pyotr Verkhovensky *consciously* wants to create Stavrogin's narrative – and identity – to make him play a role that Verkhovensky himself is unable to fulfil [SZILÁRD 2001: 35]. It is his narrative which is most explicitly formulated by desire: while he is practically in love with the "idol" he has created, he wishes to make Stavrogin's desire – literally – the object of his own desire. It is not only in the chapter "Ivan the Tsarevich" that he promises to fulfil Stavrogin's most secret (and rather unknowable) desires ["Listen, tomorrow I'll bring you Lizaveta Nikolaevna. Do you want her? No? Why don't you answer? Tell me what you want and I'll do it. Listen, I'll give you Shatov if you like" (441)], but also on the fatal day following the festivities: "You're a free widower and could marry her tomorrow, couldn't you? She still doesn't know – allow me, I'll arrange everything for you" (597). As if Verkhovensky did not see that he is attempting the impossible: by that time Stavrogin's desires are directed exclusively on himself.

Since Stavrogin's earlier narratives, which the pupils/doubles have appropriated, are also created by their own desires, by voicing them they tell their "authentic" stories, even if indirectly. Kirillov, Shatov, Lebyadkin and Pyotr Verkhovensky equally "dance around naked" (267) before Stavrogin, as Shatov does not fail to notice, since by reciting his teachings or telling their self-created utopian dreams they reveal their most secret desires to him. However, Stavrogin does not or does not wholly acknowledge his earlier narratives as his own, and as for the role Verkhovensky offers to him, he refuses it twice. As his letter to Darya Pavlovna shows, he is "disgusted" by them (754), that is, in the process of his search for self-definition, he has cast out and alienated his earlier desires, which now fall under negation and are conceived as abject¹⁵. His doubles, like Narcissus, recognise themselves in the mirror-images presented by Stavrogin, whereas he himself is unable to identify with his alienated images embodied in his doubles – and find himself.

Therefore, the analysis of the phenomenon of the mother mirror, the lovers' wish-fulfilment fantasies and the doubles' narratives leads to the conclusion that most characters in *Devils* wish to interpret Stavrogin as the object of their desire and this results in the myths surrounding him. The formation of the individual variants, however, is crucially influenced by the characters' own Narcissism. For them Stavrogin, who appears in the "Confession" as Narcissus enchanted and enamoured with himself, functions rather as a silent and passive mirror.

Textual Mirrors – Writing and Reading Stavrogin

Since the characters of the novel primarily want – and suppose – to define their own identity through Stavrogin, they are almost obsessed with "reading" the cryp-

¹⁵ Cf. [KRISTEVA 1982: 1–8].

tic text of Stavrogin's identity, or actually with "writing" the text that would narrate it. Apart from the mythic stories most of them create, the former tendency also surfaces in the abundance of literary reminiscences related to Stavrogin. Allusiveness – one form of the "text-within-the-text" in *Devils* – evokes a work of art, maybe an entire genre as a frame of reference for interpreting him. The latter tendency is realised in "epidemic" graphomania, which results in the inclusion of texts written by a significant number of characters in novel, that is, in the conspicuous presence of another form of the "text-within-the-text" in *Devils*. These narratives show how the attempt to draw Stavrogin's portrait grows into an attempt to differentiate the nameless small town where most of the action takes place from the hundreds of similar settlements in Russia, and ultimately into an attempt to give an image of Russia herself – to define Russian national identity. Owing to the effects of the endless reflection produced by the numerous textual mirrors in *Devils* such an effort is inevitably doomed to failure. The novel, however, also demonstrates that the awareness of this futility is not an excuse for making no attempt at all: without the endless self-reflection embodied in the Narcissus myth consciousness itself cannot exist.

The deciphering of Stavrogin's identity is represented through the metaphors of reading and writing, which are associated with Shatov, Pyotr Verkhovensky and Varvara Petrovna. In the chapter "Night" Shatov metaphorically reads Stavrogin's earlier teachings, that is, his narrative identity: "Allow me to repeat your own fundamental idea at that time... Oh, only ten more lines or so, only the conclusion" (263), he begs him before starting his summary. The words "line" and "conclusion" definitely refer to a narrative, moreover, a written narrative. In Pyotr Verkhovensky's case writing, more exactly the writing of fictitious narratives is the fundamental metaphor of speech itself, as Stavrogin's words reveal: "I guess what kind of tale he [Pyotr Stepanovich] composed for you here. Compose he does, when he tells a story; he keeps an entire record office in his head. Observe that as a realist he's incapable of telling lies; truth is more important to him than the success of his tale... except, of course, for those particular circumstances when success is more important than truth" (206). In the Russian text Stavrogin uses the word „сочить” [DOSTOEVSKY 1996: 123] for his friend's verbal activity, which is both etymologically related to Shatov's „срочка”, i.e. „line”, and has a similar, but rather pejorative meaning as the English "compose", something like "scratch". Pyotr Verkhovensky's "artistic" creativity is a recurrent motif in the text on the level of metaphors. Fedor the convict is the first to remark about him that he "has an easy time of it because first he gets his own picture of a man and then that's what he always sees" (274). This sentence, however, is later (intentionally?) misquoted by the chronicler, who uses the verb „сочинит” [DOSTOEVSKY 1996: 223], meaning „compose, write” instead of Fedka's original „представит” [DOSTOEVSKY 1996: 162], loosely standing for „represent, imagine”¹⁶. This is particularly interesting, because Fedka's words are in quotation marks, so they are meant to be

¹⁶ In the English translation the two sentences (274, 383) are literally the same.

a literal quote. The use of this synonym results in a slight semantic shift in the direction of creation and writing (literary texts), since „сочинить” can equally mean “invent” or “compose a text or music”, though it is also used to mean “fib”, which relates it to the pejorative register associated with „строчить”. Therefore it represents Pyotr Verkhovensky as an author, not so much picturing or visualising, but actually creating people. The same semantic field is activated by the word „выдумал” [DOSTOEVSKY 1996: 260], i.e. „make up, invent”, which Pyotr Verkhovensky himself uses in relation to Stavrogin: “I invented you when I was abroad; looking at you, I invented it all. If I hadn’t watched you from my corner, none of it would ever have come into my head!” (448). The verb „сочинить” also occurs in Verkhovensky’s own words, at a rather significant moment: before entering the meeting of „our group” he asks Stavrogin to “compose his countenance” [“Сочините-ка вашу физиономию” (239)¹⁷], and in explanation he adds that he always does so himself. Similarly, Varvara Petrovna, Stepan Trofimovich’s metaphorical puppet-master, “composed (’сочинила’) his suit and the interior of his room” [SZILÁRD 2001: 29]. The implication is that in the world of *Devils* human faces, teachings, and ultimately identities are rather fictitious texts, which can be and on occasion definitely should be written – and read.

The writing and reading procedure, however, relies rather heavily on ready-made texts, which is best exemplified in Stavrogin’s case. Other characters in *Devils* read his identity through numerous allusions¹⁸, which evoke not only particular literary texts, but in some cases also entire generic traditions. Varvara Petrovna and Stepan Trofimovich formulate readings, which, due to their rather specific relationship, cannot really be differentiated from each other. They evoke both Prince Harry (Shakespeare, *Henry IV*) and Hamlet as reference points¹⁹, just as well as the genre of the medieval romance, since on the basis of Pyotr Verkhovensky’s tale of his relationship with Marya Timofeevna her mother characterises Stavrogin as “an eccentric”, who is “always lofty in his sentiments, noble and chivalrous” (206). Stavrogin, in his turn, must also have read the story of his life in Petersburg in the context of *Henry IV*, since – according to Verkhovensky – he used to refer to Lebyadkin “as his Falstaff” (196). Liputin mentions Stavrogin as one of “these lady-killers à la Pechorin” (108), and thereby places his character in the context of Lermontov’s *A Hero of Our Time*. The adjective “сердцеед” [DOSTOEVSKY 1996: 66], which literally means “heart-eater”, however, implies a rather vulgar reading of the demonic romantic hero, which focuses on his erotic, and probably also Gothic aspects. Liza’s desperate attempts to conceptualise Stavrogin include references to different genres, such as the (medieval) romance, the Gothic and operatic melodrama, while Marya Timofeevna’s imagination is equally suffused with mythic and folklore-like plots [REICHMANN 2006: 146–150]. Her narratives of Stavrogin, nev-

¹⁷ The English text here includes the expression “compose yourself” (DOSTOEVSKY 1958: 409), but the literal translation is much more suggestive, I think.

¹⁸ Szilárd even speaks of “templates” and “clichés” with reference to the alternative role models appearing in the novel [SZILÁRD 2001: 31–32].

¹⁹ About Shakespearean allusions in the novel cf. [KRINITSIN 2001: passim].

ertheless, are also related to medieval romance, as implied by the little booklet laid on her table, which is “a collection of light, edifying stories, for the most part set in the age of chivalry, intended as a Christmas present or for schoolchildren” (287).

The allusions incorporated in the chronicler’s text deserve special attention because they seem to have a prominent interpretive and authoritative status. He actually highlights at least two reminiscences by putting them into the position of chapter heading: the Shakespearean “Prince Harry” (40) and the Biblical/mythic “wise serpent” (168), which – according to Liputin – is originally applied to Stavrogin by Lebyadkin (106). Alexandr Krinitsin argues convincingly that the former allusion reflects an attempt to interpret “the outrages Stavrogin commits as a foreshadowing of his future heroic deeds”. He also points out, however, that the source of the analogy, Stepan Trofimovich, is a comic character, and Stavrogin’s acts ultimately disappoint the optimistic expectations implied in it. Therefore, the chronicler’s use of the reminiscence as a chapter title becomes inevitably ironic (KRINITSin 2001: 361). As far as the motif of the “wise serpent” is concerned, the inherently ambivalent metaphor and its related images feature in several narratives created about Stavrogin in *Devils*, to form the potential core of his practically deconstructive readings in criticism²⁰.

Apart from these two “prioritised” allusions, the chronicler repeatedly attempts to interpret Stavrogin in the context of literary texts and other phenomena of literary history. First of all, he represents him as a Romantic, demonic Byronic hero – partly to reinforce one metaphorical meaning associated with the “serpent” motif, that of the rebel against divine law and social norms. On the one hand, Stavrogin shows some of the general features of this type, such as a powerful sex appeal, mysteriousness, the potential for transgression and unforgivable sins, and an ambivalent, but rather demonic, dark beauty: “Our ladies were all mad about the new arrival. [...] Some people were particularly fascinated by the idea that his soul might harbour a fatal secret; others positively relished the notion that he was a murderer. [...] his bright eyes a bit too clear and serene, his complexion a bit too fair and delicate, his colour a bit too fresh and pure, his teeth like pearls, his lips like coral – he seemed to be a paragon of beauty, yet at the same time there was something repulsive about him” (43–44). On the other hand, the chronicler’s extended comparison of Stavrogin to L—n (216–217) evokes Lermontov’s figure directly, and *A Hero of Our Time* indirectly. Secondly, some elements of the Gothic, a typically Romantic genre, also feature in the chronicler’s text, just like in Liza’s reading. Thus, for example, the implied metaphor of the werewolf for Stavrogin’s character appears in such recurrent expressions as “bestial behaviour towards a woman of high society with whom he was having an affair” (41–42), “the wild beast suddenly unsheathed its claws” (44, 45)²¹, and finally “In another instant

²⁰ Cf. [SZILÁRD 2001: 35; REICHMANN 2006: 143–148].

²¹ While in the English text the same expression appears twice, originally it is a modified repetition: “вдруг зверь показал свои когти” [DOSTOEVSKY 1996: 29] and “зверь вдруг выпустил свои когти” [DOSTOEVSKY 1996: 30].

the poor old man would surely have died of fright, but the monster took pity and released his ear" (52). The excerpts above, as the last one most clearly shows, are mostly related to the "impossible outrages" Stavrogin "perpetrated" (45) in the small town and the chronicler's tone involves a fair share of irony in it. The same is implied by his bathetic story of Stavrogin's furious outburst in the prison and its outcome: after such most pathetic descriptions as "with unnatural strength he wrenched off the iron grating", suddenly "it turned out that he was suffering from an acute attack of brain fever. They took him home to his mother" (52)²². Characteristically for the ambivalent world of the novel quite a number of the roles the characters' and the chronicler's allusions appoint for Stavrogin seem to converge in rather romantic images – that of the chivalrous knight, the repentant youthful prince promising a virtuous king, or the demonic Byronic hero – which, on the one hand, are mutually exclusive, on the other are also undermined by the narrator's irony. Stavrogin's mysterious identity seems to discredit any reading relying on prefabricated clichés – and any attempt to create a narrative identity along these lines, for that matter²³.

²² Irony is much more obvious in the ending of the Russian original, which, instead of the neutral "to his mother", contains the rather childish and familiar „к мамаше" (DOSTOEVSKY 1996: 34).

²³ Katalin Kroó's analysis of Stavrogin's relationship with his "pupils", based on the exploration of the intertextual and metatextual levels of the text, arrives at a similar conclusion, though with a pronouncedly more "optimistic" evaluation of Stavrogin's suicide. She treats the pupils' characters as fundamentally textual phenomena, what is more, as a result of mistaken interpretative practices aimed at finishing Stavrogin's unfinished old text and giving its "true" representation. The pupils' failure is inevitable, since their interpretation, their representation does not have an "original", on the one hand, and their philosophical/ideological interpretative practices are based on ellipsis, on the other. She suggests that Stavrogin's – successful – attempts to round off his "old" story with a new ending are manifested in his "new", "personal" and "artistic" word: in the text of his "Confession" and in his suicide. She draws the conclusion that while Dostoevsky's novel demonstrates that the only escape from the suffocating enclosure of the "devil's space" is narration, the artistic word, textuality itself, the crucial texts in this respect are always equally connected to the motifs of the *devil* and *god*, to the moments of transgressing the threshold between the devilish and divine spaces. Therefore the narrative repeatedly "washes away" and "firmly establishes" the border between them, setting into motion a practically endless game of meanings which also dominates the metatextual level of the novel [KROÓ 2005: 227–261].

In a recent conference presentation ["Аспекты семантического опознавания текста в свете проблемы ложной репродукции и истинного завершения (По поводу платоновского интертекста в романе «Бесы»)"] Kroó focused on the potential authentic ending of Stavrogin's unfinished text again, which also means the re-writing of an old text with a new, different and better ending. She points out that the image of the Golden Age in the Platonic dialogues is an important pretext of "Stavrogin's Confession" from this respect, because the beginning and the end are identical in it and this fact solves the paradox inherent in the problem outlined above. The interpretation of this myth thus represents an alternative and definitely more authentic discourse in comparison with the pupils' futile philosophical approach. It goes without saying that this finding supports her earlier claim that Stavrogin's text embodies a shift from a philosophical discourse to an artistic discourse in the definition of identity [KROÓ–HORVÁTH 2007: 115–116].

Her interpretation and the present analysis, though they are based on different theoretical principles, seem to have lead – quite independently – to very similar conclusions. I would like to point out the emphasis of the current study on ambiguity and openness – factors which Kroó obviously also

Most characters' urge to tell their narrative results in an "infectious graphomania", an almost universal obsession with writing (literature) in *Devils*, which reaches probably its most sophisticated form in the chronicler's desire to write the novel itself. In the novel almost everybody has literary ambitions, or at least at crucial moments of their life they cannot resist a "compulsion" to write, an urge to turn from readers into authors. Reading and writing appears to be the same in the act of (self-)interpretation, most often it is a Narcissistic moment of heightened self-reflection. For example, Stepan Trofimovich is not only "passionately fond of writing" (12), but his lengthy poem and all his letters are only segments of his unstoppable lifelong verbiage, which is the most obvious evidence of his constant Narcissistic preoccupation with himself – his very essence. Lebyadkin's poems offer just another most evident example, though, as the chronicler's parody reveals, the texts created by Karmazinov, the professional writer, also contain nothing but self-adulation. Lembke writes a novel (now that he is forbidden to make a miniature Scottish kirk), Shatov has written an unreadably long letter to Stavrogin, Kirillov is overtaken by irresistible garrulousness when writing his suicide note – as if he, like Sheherezade, could remain alive only as long as he can narrate. Pyotr Verkhovensky forges a poem about himself in Herzen's name, so that his "noble character" (371-372) can be attributed to a sufficiently authoritative author. Stavrogin prints off three hundred copies of his confessional narrative, what is more, he wants to get it published in the newspapers, though he says to Darya Pavlovna "in annoyance, almost in disgust" that he "can't write" (308). The recurrent motif of "disgust" implies that for him writing, the desire for the textualisation and contemplation of his own alienated identity, has already become abject.

The literary ambitions Liza wants to realise with Shatov's help gain special significance because they actually outline the chronicler's *ars poetica*: as the consistent use of the genre of the chronicle shows, both Liza and the narrator of *Devils* aim to rewrite the (already discredited?) Grand Narrative of History [COBLEY 2001: 187–89, 232] through their alternative historiography. The documentary nature of Liza's project is rooted in the proposed technique: her annuals would be compiled from newspaper articles, i.e. they would be written in a manner which, similarly to the incorporation of generically fundamentally different texts in Menippean satire [BAKHTIN 1984: 13], would result in heterogeneous, "polyphonic" texts. The avoidance of any "tendentiousness" and insistence on "complete impartiality" (136) would vouchsafe for the equality of the individual "parts" or voices, though, as Shatov quite rightly points out, selection in itself is almost impossible without the suggestion of some tendency (136). All along, the aims of the "literary enterprise" are set in the metaphorical terms of drawing a portrait: it would "constitute an *outline* of Russian life", "express[...] the personal, moral life of the people, the *character* of the Russian nation", and it would be "a *picture* of the spiritual, moral and inner life of Russia" (135–136, *italics mine*).

takes into consideration –, which results in a less "optimistic" deconstructive reading of both "Stavrogin's Confession" and his suicide.

This picture of Russia is actually embodied in the narrative of *Devils* as the picture of a typical – and therefore nameless – Russian small town, more particularly as Stavrogin's personal portrait. Since the thematic scope of the novel practically corresponds to the one that Liza outlines – it includes “unusual incidents, fires, public subscriptions, all sorts of good and bad deeds, various pronouncements and speeches, perhaps reports about the flooding of rivers” (135) – *Devils* functions like a realisation of her plans. The “picture drawing” she envisions is carried out via the morphologically and etymologically established interrelationship of face, personality, being different and distinctive feature coded in the Russian language: the words expressing them (лик–личность–отличаться–отличие) all have the same root. Faces – and identities – are created by establishing a difference within the sign system, by signs, by texts. Accordingly, the chronicler attempts nothing but the retelling of a significant story – the creation of a difference, a sign – for the insignificant little town which is “completely undistinguished” (3) from the hundreds of similar settlements. That is, before Stavrogin disturbs its quiet life and introduces enough transgression and deviance into it to supply material for the creation of a plot²⁴. Therefore, it is Stavrogin's (narrative) identity which supplies a face and difference (“лик” “отличие”) for his „доселе ничем не отличавшийся город” [DOSTOEVSKY 1996: 7, italics mine]. By analogy, his narrative also becomes the text of the (undefinable) identity of Russia²⁵.

In contrast with official – scientific and objective – historiography the impelling power of story-telling for both Liza and the chronicler seems to be desire itself. Liza's “literary enterprise” may be only an excuse to approach Marya Timofeevna through Shatov. This, in turn, is obviously motivated by her desire to discover Stavrogin's mysterious past, to test the “feasibility” of her own wish-fulfilment fantasies centred on him, and ultimately to put together the image of a coherent identity – both for him and herself. Similar motives might be hidden behind the chronicler's enterprise, who tries to decipher and arrange into a meaningful story the mysterious events of the recent past to “work through” the unspeakable experience of the beloved woman's death – and maybe even more significantly, to come to terms with the figure of his “victorious” rival, Stavrogin, after a major blow to his Narcissism. The narrative of History is rewritten in *Devils* both as a compilation of journalistic pieces composed by a chronicler always lagging behind the events²⁶, and as a fundamentally Narcissistic project, a personal history focused on the “historisation” of the unconscious [LACAN 1981: 23] and desire.

²⁴ Peter Brooks suggests that “deviance and transgression” are essential for the emergence of a narratable plot, that is, for the creation of a narrative – and identity [BROOKS 1984: 54].

²⁵ About the relationship of narrative, identity, and especially national identity cf. [COBLEY 2001: 37–41].

²⁶ The parallel between the chronicler and a journalist is most convincingly established in [KARYAKIN 1989: 243–319]. Karyakin also suggests that *Devils* might have been written as “a conscious answer” to the publication of Tolstoy's *War and Peace* in 1869 [KARYAKIN 1989: 334]. Though he goes on to explore the implications of this hypothesis in moral terms, with respect to the underground type, his idea actually inspires a reading of *Devils* as a conscious answer to the *historical novel* as

Therefore the narrative and the metaphorical chain of signification can be brought to a closure only by Stavrogin's death – or maybe not even by that. Just like Narcissus, who keeps looking at himself even in the mirror of Styx, the river of the Underworld [OVID 1955: 87], Stavrogin also continues the process of endless reflection with his last words, his short suicide note. As an echo of the Narcissus myth, his short letter, in which he announces his suicide in his characteristically dry, ungrammatical and elliptical style, ends with the nuclear unit of solipsistic enclosure: "я сам" [DOSTOEVSKY 1996: 433]²⁷

Bibliography

- BAKHTIN 1984: Bakhtin M. Problems of Dostoevsky's Poetics. Minneapolis: University of Minnesota Press. Trans. Caryl Emerson.
- BAKHTIN 2002: Бахтин М. М. Дополнения и изменения к «Достоевскому» // Собрание сочинений. Том 6. Москва: Русские словари, 301–367.
- BEKE 1995: Beke L. Egy képzeletbeli múzeum // Café Babel. 1995. №18, 91–105.
- BERDYAEV 1996: Бердяев Н. А. Ставрогин // Сараскина Л. И. (ред.) «Бесы»: Антология русской критики. Москва: Согласие, 518–525.
- BROOKS 1984: Brooks P. Reading for the Plot. Design and Intention in Narrative. Cambridge, Massachusetts; London, England: Harvard UP.
- BULGAKOV 1996: Булгаков С. Н. Русская трагедия // Сараскина Л. И. (ред.) «Бесы»: Антология русской критики. Москва: Согласие, 489–508.
- COBLEY 2001: Copley P. Narrative. London and New York: Routledge.
- DOLININ 1996: Долинин А. С. «Исповедь Ставрогина» // Сараскина Л. И. (ред.) «Бесы»: Антология русской критики. Москва: Согласие, 534–559.
- DOSTOEVSKY 1958: Dostoevsky F. M. Devils. Oxford, New York: Oxford UP. Trans. M. R. Katz (ed.).
- DOSTOEVSKY 1996: Достоевский Ф. М. Бесы. Роман в трех частях // Сараскина Л. И. (ред.) «Бесы»: Антология русской критики. Москва: Согласие, 5–434.
- EASTHOPE 1999: Easthope A. The Unconscious. London and New York: Routledge.
- FEHÉR 1972: Fehér F. Az antinómiák költője (Dosztojevszkij és az individuum válsága). Budapest: Magvető Kiadó.
- FÜZESSÉRY 1993: Füzessey É. Lacan és az 'apa neve' // Thalassa 1993. №4, 45–61.
- HOLMES 2001: Holmes J. Narcissism. Cambridge: Icon Books.
- IGNUSZ 1993: Ignusz I. Az anyai tükrözés // Café Babel. 1995. №18, 79–89.
- KARYAKIN 1989: Достоевский и канун века. Москва: Советский писатель.
- KRINITSIN 2001: Криницын А. Б. Шекспировские мотивы в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф. М. Достоевского. Москва: МАКС Пресс, 356–370.
- KRISTEVA 1982: Kristeva J. Powers of Horror. An Essay on Abjection. New York: Columbia UP. Trans. L. S. Roudiez.

embodied in *War and Peace*. The whole section of Karyakin's essayistic book which is devoted to *Devils* and puts it in the context of reporting contemporary history [KARYAKIN 1989: 201–342] suggests the same idea.

²⁷ The English translation, with a bit of pedantry that normally characterises the chronicler – but not Stavrogin – supplies the missing verb: „I did it myself” (756).

- KRISTEVA 1995: Kristeva J. Nárcisz: az újfajta téboly // *Café Babel*. 1995. №18, 51–60. Trans. Babarczy E.
- KROÓ 2005: Кроо К. «Творческое слово» Ф. М. Достоевского – герой, текст, интер-текст. СПб.: Академический проект.
- KROÓ–HORVÁTH 2007: Kroó K., S. Horváth G. (eds.) 13th Symposium of the International Dostoevsky Society. F. M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues. Budapest: Tankönyvkiadó.
- LACAN 1981: Lacan J. The Language of the Self. The Function of Language in Psychoanalysis. Baltimore and London: The John Hopkins UP. Trans., notes and commentary A. Wilden.
- LACAN 2002: Lacan J. A tükör-stádium mint az én funkciójának kialakítója, ahogyan ezt a pszichoanalitikus tapasztalat feltárja számunkra // Bókay Antal et al. (eds.), A posztmodern irodalomtudomány kialakulása. A posztstrukturálisizmustól a posztkolonialitásig. Szöveggyűjtemény. Budapest: Osiris Kiadó, 65–69. Trans. Erdélyi I., Füzessey É.
- LOTMAN 1992: Лотман Ю. М. Культура и взрыв. Москва: Гнозис, Издательская группа Прогресс.
- MELETINSKY 2001: Мелетинский Е. М. Заметки о творчестве Достоевского. Москва: РГГУ.
- OVID 1955: Ovid. Metamorphoses. London: Penguin. Trans. Mary M. Innes.
- PRZYBYLSKI 2004a: Przybylski R. Az Antikrisztus halála // Pálfalvi L. (ed.) Az Antikrisztus halála – Lengyel esszék Dosztojevszkijről. Budapest: Napkút Kiadó, 79–94. Trans. Pálfalvi Lajos.
- PRZYBYLSKI 2004b: Przybylski R. Sztavrogin // Pálfalvi L. (ed.) Az Antikrisztus halála – Lengyel esszék Dosztojevszkijről. Budapest: Napkút Kiadó, 95–119. Trans. Pálfalvi Lajos.
- REICHMANN 2005: Reichmann A. The Golden Age and Narcissus – The Explicit and Implicit Myth in “Stavrogin’s Confession” // *Slavica*. 2005. №34, 147–164.
- REICHMANN 2006: Reichmann A. The Solar Hero’s Myth in Dostoevsky’s *Devils* // *Slavica* 2006. №35, 139–156.
- SZILÁRD 2001: Szilárd L. Dosztojevszkij. Az Ördögök és az analitikai pszichológia // Andrej Belij és az orosz szimbolista regény poétikája. Budapest: Széphalom Könyvműhely, 17–40.
- V. TÓTH 1994: V. Tóth L. Dosztojevszkij-hőstípusok. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó.
- WILDEN 1981: Wilden A. Lacan and the Discourse of the Other // Jacques Lacan. The Language of the Self – The Function of Language in Psychoanalysis. Baltimore and London: The John Hopkins UP, 157–312.

Резюме

Трагедия Нарцисса: желание, идентичность и нарратив в романе Достоевского «Бесы»

Настоящая статья посвящена психоаналитической интерпретации мотивов рассказывания истории и при том оформления нарративной идентичности в романе «Бесы». Она является третьей, конечной частью общей интерпретации романа и вторым продолжением статьи «Золотой век и Нарцисс – Явный и неявный миф в «Исповеди Ставрогина», который истолкует единичный текст таинственно молчащего Ставрогина в контексте нарративной идентичности как его опыт составления истории своей идентичности в форме явно присутствующего личного варианта общеизвестного мифа Золотого века. Пока «Миф солярного героя в романе Достоевского «Бесы» показывает как мотивы мифа о Золотом веке органически развиваются как мотивы солярного мифа в целом тексте романа, настоящий анализ освещает явления параллельные с бесконечной зеркальностью «Исповеди» и таким образом формирующие вариации центральной мифемы истории Нарцисса. В первой части анализа демонстрируется как нарциссизм Ставрогина и почти всех других характеров романа приводит к явлениям отражения между Ставрогином и его матерью, любовницами и двойниками и как этот нарциссизм как текстопорождающая сила оформляет нарративы идентичности Ставрогина – его учения и мечты его любовниц. Во второй части рассматриваются явления интертекстуальности – аллюзии и «тексты-в-тексте» – в романе как инстанции той же бесконечной зеркальности и как контексты «чтения и писания» Ставрогина. В конечном счете сам роман «Бесы» оказывается нарративом порожденным желанием понимать загадочную идентичность Ставрогина и нарративом, переписывающим официальную историю России как персональную историю этого желания.

**О РЕЛИГИОЗНЫХ И МОЛИТВЕННЫХ МОТИВАХ В ПОЭЗИИ ДЕКАБРИСТОВ
(НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ГЛИНКИ Ф. Н.,
РЫЛЕЕВА К. Ф., КЮХЕЛЬБЕКЕРА В. К.)**

Вальдемар ШМИДТ

Научи меня молиться,
Добрый Ангел, научи!
Дай моей молитве крылья,
Дай полет мне в высоту;
Дай мне веры безусловной
Высоту и теплоту!

Вяземский «Молитва Ангелу Хранителю»

В русской классической поэзии религиозная проблематика – неисчерпаемая тема. И эта тематика, интерес к ней поэтов во многом коренится во внутренних ощущениях и переживаниях человека. Внимательно вчитываясь в русскую классическую поэзию, поражаешься обилием в ней моральных, религиозных мотивов и сюжетов. Религиозные темы, библейские сюжеты, молитвенные мотивы в более конкретном выражении служили важным стимулом для творческого вдохновения деятелей русской поэзии. В рамках церковности и религиозности происходило развитие не только русской культуры, но также и русской литературы и поэзии в течение долгого времени. Религиозные мотивы в поэтическом наследии поэтов-декабристов – явление особое.

Тема „декабристы и религия“ совершенно не разрабатывалась, если не считать довольно многочисленных и безуспешных попыток отыскать в их среде атеистов. Поэтому совершенно беспочвенны попытки понимания поэзии декабристов в плане какого-то внерелигиозного содержания. Как справедливо писал КАРСАВИН: «Великой муки не побеждает ни смерть, ни безумие: ее побеждает поэзия, дитя отчаянья. Побеждая же муку, поэзия очищает поэта» [1991: 6]. Именно через это противостояние окружающей действительности выраженное в религиозно-поэтической, молитвенной форме, читатель с созерцательной душой ощущает сущность возвышающего и духовно-созидательного значения поэтического Слова [Мечом уст моих, 1994: 4]. В молитвенной поэзии поэтов-декабристов выражены тайны человеческого сердца, так как в молитвенном обращении к Богу человек никогда не лукавит и стремится максимально раскрыться [ЧИСТЯКОВ 2001: 10]. В декабристской поэзии действительно неисчерпаема тема молитвенных стихов. Надо отметить, что восприятие поэтами-декабристами проблем веры никогда не являлось простым, но к этим вопросам, несмотря на сложность и неоднозначность со стороны поэтов-декабристов, не было равнодушия. К тому же абсолютное

большинство поэтов-декабристов было глубоко верующими христианами. И даже не принимая иной раз формально церкви и ее обрядов, поэты-декабристы все равно оказывались потаенными христианами во всех своих поступках и нравственных устремлениях. Их убеждения во многом основывались и отвечали Христовым Заповедям. Религиозность поэтов-декабристов во многом определяла их высоко развитое нравственное чувство. [Декабристы и их время 1965: 7]. Иными словами, во всех симпатиях и антипатиях по отношению к религии большинство поэтов-декабристов проявляло самое искреннее и значительное внимание.

Характерно и то, что пути к вере у поэтов-декабристов были разными, но их характеризует одно: у всех поэтов-декабристов эти пути к вере, к осознанию величия Бога были извилистыми и не прямыми. У некоторых из них тяга к христианству, к пониманию содержания Библии, к вере проявилась уже в самых ранних фазах духовного развития. К числу таких поэтов-декабристов можно отнести Глинку Ф. Н. Вообще излюбленным жанром поэтов-декабристов было переложение псалмов, в которых они искали темы и образы, насыщенные злободневностью, революционным пафосом, в которых был призыв к божьему суду над несправедливостью, царившей на Земле. Псалом – благодарение человека Создателю. Благодарение, молитва, покаяние – вот другие названия псалма [ЖИРМУНСКАЯ 2006: 11].

Многие стихи поэтов-декабристов были пронизаны светом прочувствованной православной духовности. Дух христианского вероисповедания находит свое искреннее выражение в библейской и евангельской лексике в поэзии поэтов-декабристов. К типу молитвенных стихов можно отнести именно те стихи, в которых заключены просьбы, поиски защиты и сочувствия, поддержки, восхваления и восхищения, воспевание величия Творца, как единственного Создателя всего сущего. Главная функция молитвы заключается в ее влиянии на пробуждение нравственных начал у человека, формирует в нем стремление к духовной потребности в обращении к Богу, в своем покаянии перед ним. Для любого человека в этом обращении с молитвой к Богу заключен также его внутренний поиск утешения в скорбях своих. В молитвенном общении с Богом поэты-декабристы вдохновляются верой в то, что, обращаясь к Всевышнему, они чувствуют его близость и в них пробуждается уверенность, что Он слышит их молитву, что Он готов прийти на помощь и исполнить просьбу. Молитва, постоянно произносимая, соединяет нас, сближает с Господом, и эта постоянная молитвенная память о Господе Христе Спасителе становится стражем нашей внутренней человеческой жизни, оберегая наши мысли и чувства. Роль молитвы и в том, что, приближая нас к общению с Господом, как единственному Спасителю, она очищает нашу человеческую мысль и душу от назойливых, праздных помыслов. Молитва оказывает благотворное влияние на человеческую душу, и имеет ту ни с чем не сравнимую особенность, что она всегда находится в распоряжении человека. [Что такое молитва Иисусова 1938: 11–12]. В молитвенной поэзии поэтов-декабристов читатель проникается чувством и мыслью о бренности мира, его временном

пребывании в нем и совершенно по-иному воспринимает истинные ценности, и тем самым приходит к гармонии с Богом. В молитвенной поэзии декабристов скрыто глубокое чувство покаяния, которое заключает в себе внутреннюю духовную борьбу и ведет к признанию своей греховности и ничтожества, своего бессилия в том, что человек не способен что-либо сделать или совершить без помощи Божьей. Человек действительно ничтожен, если он вне Бога. И его ничтожество преодолевается лишь тогда, когда человек соединяется с Творцом, образ и подобие которого даны от рождения каждому [Христианская культура 1997: 32]. И в этом глубоком молитвенном покаянии кроется основа религиозно-нравственного содержания молитвенных стихов в декабристской поэзии. В поэтическом смысле молитва является наиболее ярким проявлением глубокого духовного выражения чувственных и эмоциональных особенностей человеческой души. Поэтическая молитва в большей мере несет в себе элемент чувственности в осознании трагичности окружающего нас мира, с большей силой раскрывает трагизм отдельной человеческой сущности, показывает основные моменты ее крушений и надежд. Исходя из этого, молитва является той самой ступенью, с помощью которой человеческая душа входит в новую действительность, в действительность жизни Духа [АРСЕНЬЕВ 1966: 11].

Изучение поэтического наследия декабристов, выраженного в молитвенной тематике, приобретает важное значение прежде всего в плане уяснения духовных основ в развитии русской поэтической культуры. Поэтическое наследие поэтов-декабристов, выраженное в молитвенной тематике, мотив молитвы в их духовной поэзии обращен прежде всего к самому высокому и заповедному, что есть в человеке, а именно к его душе. Религиозная и молитвенная лирика в поэзии декабристов своей искренностью, актуальностью, злободневностью противостоит любой жестокости, любому проявлению насилия. Она наполнена той чистоты, которая присуща истинному религиозному сознанию. Христианская религиозная идея чрезвычайно характерна для русского сознания, она переносится в сферу реальной жизни, а тем более в литературу и поэзию. Христианство, в том числе православие, обратило внимание на нравственную сторону жизни человека, поставив этику во главе всей философии. И эта христианская, православная этика была усвоена русским народом, в конечном итоге составив прочные нравственные основы народной жизни [Русская литература 1997: 138].

В русской литературе и поэзии XIX века религиозное начало явилось основополагающим, так как черпало свое вдохновение из источников своего христианского опыта. Особенно это проявилось во влиянии Библии, ее мотивов на развитие русской литературы, которое было всеобъемлющим. На основе Библии сформировался особый литературный язык, язык библейской символики. Священное Писание для многих поэтов-декабристов было именно тем фондом, из которого они черпали литературные мотивы для осмысления происходящего. Поэтому через всю классическую русскую поэзию XIX века прослеживается эта ее особенность в определенном нравственном, ду-

ховном настрое. И неслучайно по этому поводу Н. Арсеньев писал, что: «Через всю русскую классическую литературу XIX века красной нитью проходит проповедь жалости к страждущему ... и провозглашение великого достоинства человека, кто бы он ни был и к какой бы среде, к какому слою он ни принадлежал» [АРСЕНЬЕВ 1966: 256]. В XIX веке русская литература и поэзия полна тревожных предчувствий и во многом отражает настроения этого времени, во многом связанного, с реально окрашенным мотивом Апокалипсиса. Условия развития русской действительности XIX столетия безусловно заставляли поэтов и писателей искать особых путей в выходе из сложившейся ситуации в общественной жизни. Именно религиозные мотивы определяли эти поиски, влекли за собой обсуждение и осуждение прожитых и уже давно исчезнувших исторических моментов в российском обществе, определенных нравственных доктрин и своих каких-то личных переживаний. По мере усиления и углубления этих поисков в русской поэзии, обращение русских поэтов к теме Бога, Библии и религиозным мотивам все отчетливее приобретает характер защиты ими основ нравственности от разрушения, от насаждения под страхом смерти поклонения «живым богам» [Библия и русская литература 1995: 82].

Многие стихи поэтов-декабристов на религиозные и молитвенные темы характеризуются живым восприятием действительности, основанном на человеческих переживаниях. Ценность поэтического наследия декабристов выраженного в религиозных и молитвенных мотивах в том, что она в большей мере помогает понять нам русскую действительность изнутри. В этих стихах в религиозной форме проявился внутренний протест, корнящийся в гамме чувств и переживаний. В них заложен личный драматизм крушения идеалов и представлений их авторов при столкновении с бесчеловечностью в системе отношений сложившихся в обществе. Духовная лирика поэтов-декабристов глубоко пронизана религиозным чувством в мироощущении и уповании на Бога, как единственно возможного Спасителя во избежание трудных обстоятельств, и к тому же эти религиозные стихи являются во многом действенным средством в их душевном утешении. Размышляя о Боге и обращаясь к нему с поэтической молитвой, поэты-декабристы видят в нем вездесущность, чей удел — весь мир, вся Вселенная, а истинный образ его неуловим. Во многих стихах религиозные чувства и переживания написаны в форме непосредственных обращений к Богу, Богородице, к Ангелу-хранителю, то есть в форме молитвы. В них очень сильно и глубоко чувствуется мотив религиозного утешения, в котором многие поэты-декабристы просят Бога и Богородицу о силах для смирения. В поэтическом контексте жанр молитвы у поэтов-декабристов есть акт их прямого обращения к Богу, то есть момент в освобождении их души от разочарований окружающей их жизни, от бессмысленности всего человеческого существования. В основе этого акта лежит момент осознанного и реального богообращения, богопознания. Нелучайно Александр Мень в своем труде «Смертию смерть поправ» написал, что: «Молитва есть беседа души с Богом, общение с ним. Сила молитвы не во многих словах, а в искренности» [МЕНЬ 1990: 22]. Поэтическая молитва — это

тип умно-сердечной молитвы, то есть такой молитвы, которая есть внутренняя молитва, творимая в уме непрестанно, которая переходит в сердечную, ведущую к очищению души от различных видов страданий. Молитва у поэтов-декабристов – это их разговор с Богом, из которого они черпают веру, с помощью которой они очищаются, ограждаются и спасаются от невзгод и трудностей, окружающих их [СЛАВГОРОДСКАЯ 2006: 226]. Размышления в поэтическом жанре о молитве к Богу, обращение к нему – один из пластов „психологической лирики“, в которой отражены раздумья о значимости человеческой жизни, о ее важности. Для многих поэтов-декабристов характерно, что в понятии Бог для них заключено вечное Абсолютное бытие и глубокое нравственное начало. Для религиозных и молитвенных мотивов поэзии поэтов-декабристов характерен также момент действенного признания Христа, иными словами живой веры в Него. И эта вера возникает в их поэтическом творчестве, как непосредственное стремление через искреннее и постоянное их побуждение в осознании своего бессилия что-либо изменить в реальной действительности и смиряющей эту действительность. В смирении поэты-декабристы видят основу для своего нравственного возрождения. Эта мысль постоянно звучит в их духовной лирике. Многие поэты-декабристы перелагают молитвы, псалмы, заповеди, библейские мотивы. Обращая внимание на значение молитвы поэты-декабристы отмечают в своих стихах, что она очищает и укрепляет человека в его поисках, вселяет в него надежду, побуждает к сильному, самоотверженному поступку и в конечном итоге позволяет душе ощутить внутренний покой. Во многих молитвенных стихах поэты-декабристы погружаются в тайны своей души, которая тоскует о чем-то ином, и чувствуют глубокую неудовлетворенность [ШИРЯЕВ 1960: 25].

У каждого из поэтов-декабристов можно наметить определенную периодизацию в их отношении к Священному Писанию, к Богу, подвижникам. Конечно, эта периодизация во многом условна, но она позволяет проследить определенные этапы в формировании определенных взглядов того или иного поэта, его взглядов на молитву, Бога и роль их в жизни человека, жизни человеческого общества в целом. Однако их соединяет одна идея в обращении, в поэтической форме к молитве, толкованию евангельского текста, так как они все при этом представлены, как обыкновенные люди, испытывающие боль, страх, сомнения и переживающие внутреннюю борьбу. Рассмотрение мотивов религиозности, духовности в их поэтическом наследии влечет за собой непременно понимание общего развития русской литературы эпохи XIX века, и помимо всего этого является важнейшим аспектом в понимании той среды, в которой формировались мировоззренческие моменты в их творчестве. XIX век в русской истории и культуре поистине занимает особое место, открыв миру сокровища русской словесной культуры, большинство, из которых так и осталось невостребованными для современников XIX века. В действительности XIX век предвосхитил все основные идейные истоки и противоборства в русской общественной жизни, которые в полной мере проявились в XX веке [Русская литература 1997: 6]. Взаимоотношение между

сакральной силой и человеческой свободой образуют одну из основных композиций и тем в поэтическом наследии поэтов-декабристов. Для многих поэтов понятие Бог – это понятие Бога живого. В своих поэтических размышлениях, в молитвенных обращениях к Богу у них происходит единение с Творцом, что в конечном итоге и помогает многим поэтам пережить страдания и укрепиться духовно, прочувствовать свое единение с подобными себе. В своих духовных, глубоко лирических стихах поэты-декабристы представляют свой религиозный идеал, через посредство которого ищут высшей справедливости. К старшему поколению поэтов-декабристов, в поэтическом творчестве которых темы религиозности, молитвенной тематики нашли яркое выражение, можно отнести Ф.Н. Глинку (1786–1880). Внутренняя, прочувствованная божественная благодать православного вероучения щедро присутствует в большинстве стихотворений поэта. В его духовной, религиозной и молитвенной поэзии чувствуется глубокая вера в живого Бога, на которого уповает человек в процессе своей земной жизни. Глинка в своих духовных стихах раскрывает свое представление о понятии истинной справедливости, которая, по его мнению, может действительно только существовать на небесах, где царит святой Божий закон. Именно к небесам обращены взоры человека в своих молитвах и где он обретает душевное спокойствие. Религиозные, молитвенные стихи Глинки в основном – это переложения псалмов. В своем письме В.В. Измайлову¹ от 26 февраля 1827 года Глинка неслучайно напишет о своем понимании значения молитвы в жизни человека. «Ваше определение молитвы меня очень тронуло. Конечно, это тайное и заветное сношение между созданием и творцом: душа – странница земная, украдкой переговаривает со своим Отцом небесным!» [ГЛИНКА 1990: 476]. Мистическое и религиозное мировоззрение поэта глубоко раскрыто в его стихотворении «К душе». В нем Глинка затрагивает вечный вопрос о жизни и смерти, бренности человеческой жизни.

Когда, как сон, промчатся жизни годы,
Ты вспомнишь о стране блаженства и свободы,
Послыша ангела невидимого глас.
Смерть, острою взмахнув косою,
Узл крепкий жизни рассечет,
И в томной дряхлости, иль с свежеею красоею
Твой спутник труп, как цвет подрезанный, падет.
Он пал! А ты над ним молодою голубицей
В эфире блещешь и паришь
И на холодный труп глядишь,

¹ Измайлов Владимир Васильевич (1773–1830) – русский писатель, автор сочинения „Путешествие в полуденную Россию“

Как узник на свою темницу,
В отчизну милую призывный слыша глас.

[Глинка 1990: 455–456]

Завершая свое стихотворение, поэт с глубокой убежденностью верующего человека напишет, что вся человеческая жизнь подчинена единому и единственному закону, закону Творца.

Я Богу одному в душе моей послушен!
И Он, мой вечный Бог, в судьбах Своих велик!

[Глинка 1990: 457]

В своем стихотворении «Голос к Вышнему» поэт напишет:

Как я пленен спокойным небом!
Там свят, Создатель, Твой закон!
Туда наш глас, мольбы и стон!
Ты всех своим питаешь хлебом;
Ты Бог всего, Ты жизнь всему.

[Рифма 2005: 61]

Завершая это стихотворение поэт подчеркивает, что в человеческой жизни единственным утешением, спасением является терпение, вера и упование на Бога:

Я верю Господи! я чаю,
И верой грею сердца холод
ускай я жизнью скучаю,
Но для Тебя терпеть я рад!

[Рифма 2005: 61–62]

Та же мысль о святости и божественности небес, веры в помощь Творца, его вездесущность звучит в стихотворении Глинки «Желание неба». Здесь поэт прямо говорит о своем желании прийти к понятию Бога.

К Тебе, мой Бог! путей ищу,
И, бесприютный, трепещу
В сих бурях, в сей земной тревоге.

[Рифма 2005: 63]

Это стихотворение проникнуто глубокой христианской любовью к Богу, которая подобна дождю, проливающемуся на высохшую, пустую, безводную землю. Так и душа поэта подобна этой земле, жаждущей дождя, то есть любви Бога, которую он и проливает в человеческое сердце. В этом стихотворении поэт вновь рассматривает проблему жизни и смерти. В мыслях поэта заключен глубокий смысл, который коренится в том, что именно глубокая вера в Бога дает силы человеку преодолеть трудности земной жизни, ее скорби и легкость перехода его души в иной мир.

Как счастлив тот, кто храним тобой!
От силы он восходит в силу
И смело битву он с судьбой!
Он видит жизнь и за могилой.

[Рифма 2005: 63]

Те же мотивы поиска Бога, его участия в судьбе человека, глубина философского осознания смысла человеческой жизни высказано поэтом в стихотворении „Желание Бога“. Поэт сравнивает свое желание в познании величия Бога с жадой, которой, по его мнению, может утолить только лишь вера.

Как с пылкой жаждою елень,
Когда сгорает знойный день,
Склонив рога, бежит, усталый,
Глотать шумящие кристаллы
В берегах студеного ручья;
Так, истомясь, душа моя,
В пустынях знойных дольней жизни,
Летит к святой своей отчизне,
К Тебе, владеющий судьбой,
К Тебе, мой Боже, Боже правый!

[Глинка 1990: 460]

Для Глинка Бог – это всеобъемлющая любовь, к которой должен стремиться каждый человек. В „Голосе души“ поэт поднимает вопрос о христианском смирении. Глинка видит в смирении одно из главных качеств христианина. В мыслях, которые поэт высказывает в «Голосе души», смирение для него не есть рабское стремление быть униженным, наоборот, в смирении он видит тот важный момент в человеческой жизни, который влечет к осознанию своей нужности и полезности. Кроткость, смирение, но вместе с тем чувство собственного достоинства и осознание конечной правоты своего жизненного пути. Этот мотив присутствует во многих поэтических творениях поэта.

Благодарю Тебя, мой Бог!
Что ты смирил меня страданьем!
И, испытая испытанием;
Во мне меня земного сжег
Огнем чистительным небесным.

[Рифма 2005: 65]

В христианском смирении кроме этого поэт видит также примирение своих человеческих пороков, противоречий, свое слияние с Богом.

Я примирился сам с собою,
С людьми и с миром и судьбою.

[Рифма 2005: 65]

В своих молитвенных, религиозных стихах Глинка раскрывает свой личный акт покаяния перед Господом, который является глубоко религиозным. Во многих его стихах на духовную, религиозную тему чувствуется стремление поэта к богоискательству, так как Бог явился ему от разума, вступившего в борьбу с материализмом его человеческого сердца. И это богоискательство Глинки, конечно же и во многом является богоискательством индивидуальным, то есть его внутренним желанием прийти к Богу. В молитвенных стихах Глинка говорит также еще об одном качестве христианина терпении и страдании. Страдания, которые переносит христианин в своей жизни – эти страдания имеют смысл не ради своего собственного совершенствования, а ради другого человека. И это страдание принятое в духе веры, не отделяет нас от людей, а приближает к ним. Человек, не прошедший испытание Крестом, неспособен понять чужое страданье [Логос 1984: 27]. Глинка будучи глубоко верующим человеком в своем поэтическом творчестве постоянно обращается к молитвенной тематике, анализируя при этом религиозное учение из трудов отцов церкви [ГЛИНКА 1986: 319]. В поэтическом смысле для Глинки быть христианином значит иметь право выбора, которое дает Господь, то право выбора между добром и злом, которое раскрывает человеку возможность в его свободном решении прихода к вере в истинного, живого Бога. В стихотворении «Ты наградил» Глинка пишет об утешении, которое он обрел через страдания в вере.

Ты наградил за все мученья,
За горе дней, за грусть ночей;
И чистым платом утешенья
Отер все слезы от очей.

[Рифма 2005: 68]

В вере в Бога поэт видит истинную радость, через которую он ощущает прозрение, возвышение его внутренних душевных основ, ту благодать, которую дарует Господь глубоко верующему человеку, через которую в конечном итоге происходит его соединение и слияние с Богом. Поэт пишет:

Я позабыл былую муку
И все нападки бед и зла,
Когда, прозрев, увидел руку,
Которая меня вела ...

[Рифма 2005: 68]

В стихотворении «Ловители» Глинка вновь обращается к молитве, как действенному средству избежания земных скорбей. Поэт уверен, что его молитва достигнет Бога и на него изойдет божественная любовь.

Припал с тоской к земле сырой,
Как нищий, богу помолился -
И страх с души моей скатился

Огромной черною горой...
Нашла моя молитва бога,
Сошла к молящему любовь...

[Поэты-декабристы 1986: 49]

Это стихотворение проникнуто глубоким религиозным чувством. В нем поэт высказывает свою убежденность в том, что все окружающее есть создание Творца. Завершая обзор молитвенной тематики в поэтическом наследии Ф. Н. Глинки, хотелось бы остановиться еще на одном его стихотворении, в котором раскрыты глубокие религиозные чувства поэта. В стихотворении «Призвание» поэт в глубокой мольбе к Богу взывает к его спасительной силе, прося в своей молитве явиться в этот мир для свершения суда, который бы положил конец страданиям.

Явись к нам, Господи, явись!
Создатель! покажись созданью,
Перед детьми разоблачись
И положи конец страданью!

[Рифма 2005: 70]

В этом стихотворении Глинка с глубокой скорбью затрагивает вопрос об отчужденности среди людей и их глубоком неверии в могущество Бога.

Друг другу чужды и Тебе,
По дебрям носимся в пустыне, –
Усвой рассеянных себе,
Сбери нас во своей святыне.

[Рифма 2005: 70]

К плеяде поэтов-декабристов старшего поколения, которые уже в позднее время обратились к молитве можно также отнести К.Ф. Рылеева (1795–1826). В последние годы Рылеев написал разнообразные произведения, посвященные различным религиозным сюжетам и мотивам. Именно в его последних стихах вера Рылеева в Христа, как единственного утешителя и Спасителя в трудных жизненных обстоятельствах, является очень характерной чертой для его мировоззрения. И как писал Ю. Айхенвальд в своем труде «Силуэты русских писателей» «Судьба декабристов, и в частности Рылеева, особенно драматична именно потому, что большинство из них были глубоко религиозны» [АЙХЕНВАЛЬД 1994: 56]. Отношение Рылеева к религии до ареста можно охарактеризовать как деизм.

В своих «Воспоминаниях» Е. П. Оболенский рассказывает о спорах между ним и Рылеевым. Споры эти также касались различных религиозных вопросов [ВОРОНИЦЫН 1928: 44–45]. Рылеев пришел к осознанию искренней религиозности, находясь в заключении, и эта религиозность была для него во время его тюремной жизни источником утешения. Он пишет стихи, проникнутые христианским смирением и по содержанию глубоко мистические.

Проявление столь яркой религиозности у Рылеева, нужно искать в той обстановке, в которой находился поэт [КОТЛЯРЕВСКИЙ 1908: 175]. В своем стихотворении «Сердце человека» поэт напишет:

Как человек пред богом был прекрасен.
Во дни невинности своей!
Как был умом и прост и ясен,
Душою чист, свободен от страстей.

[РЫЛЕЕВ 1971: 346]

Появление стихов Рылеева в заточении в Алексеевском равелине Петропавловской крепости во многом и существенно отличается от написанных им ранее произведений. В них чувствуется раскаяние, тревога, душевные страдания и горечь осознания безвыходного положения. Поэт обращает внимание на значение молитвы и по его мнению она очищает и укрепляет человека, вселяет в него надежду, побуждает к сильному, самоотверженному поступку, позволяет душе ощутить покой.

Благий Отец ! Се час приходит мой !
Прославь меня, и сын тебя Прославит.
Ему дана святая власть Тобой,
Да в плоти Он жизнь вечную восславит.

[РЫЛЕЕВ 1971: 346]

В стихотворении в молитвенной форме чувствуются мотивы сомнений, грусти, разочарований. Замечательно, что религиозные настроения сочетаются в последних поэтических произведениях Рылеева с мотивами молитвенной исповеди и раскаяния [ПИСАРЕВ 1947: 226]. Находясь в одиночной камере, Рылеев в состоянии глубокой сосредоточенности размышляет о Боге, называет себя «сыном Божиим» [Христианская культура 1997: 37]. Рылеев среди поэтов-декабристов по праву выделяется своим особенным порывом к христианской мистике. В одном из стихотворений молитвенного характера чувствуется эта глубокая христианская мистичность Рылеева.

Ты прав: Христос Спаситель наш один,
И мир, и истина, и благо наше;
Блажен, в ком дух над плотью властелин,
Кто твердо шествует к Христовой чаше.

[РЫЛЕЕВ 1971: 103]

В своих воспоминаниях близкий друг Рылеева Оболенский вспоминал, насколько важно было в последние годы жизни поэта обращение к молитве. Оболенский пишет о письме, которое он получил от Рылеева. В этом письме Рылеев пишет о своем чувстве, которое он испытал при молении.

«Я молился, и кто может изъяснить тайну молитвы? Если можно уподобить видимое невидимому, то скажу: Цветок, раскрывший свою чашечку лучом солнечным, едва вопьет их в себя, как издаст благоухание, которое

слышно всем приблизившимся к цветку. Так уподоблено видимое невидимому – сила любви вечной, коснувшись души, согревает молитву, как благоухание, возносимое тому, от кого получило начало!» [Писатели-декабристы 1986: 107]. В религиозно-нравственном духе было выдержано не только это послание Рылеева к Оболенскому, но и его стихи, представлявшие в большей степени переложение библейских псалмов. Поэт полон в них мыслей о переходе в иной мир [ЦЕЙТЛИН 1955: 231]. В исследованиях, посвященных литературному творчеству К. Ф. Рылеева, многие авторы просто умалчивали или обходили стороной элементы религиозных представлений поэта. Но если проанализировать мысли, написанные Рылеевым в Петропавловской крепости, то невольно поражаешься глубине его религиозного мышления. В этих мыслях, изложенных поэтом в период его заключения в Петропавловской крепости, содержатся мысли и идеи глубоко религиозного по своим убеждениям человека. В своих мыслях Рылеев излагает через религиозное мировоззрение свой взгляд на развитие общества, на устройство русской жизни в целом, на организацию общественного порядка в России. В этих записках и размышлениях для поэта-декабриста нет сомнения, что высшая ступень жизни – Христос во плоти, а высочайшая любовь – Христос по духу. Он пишет: «Явление истинное по слову Евангелия, по духу свобода. Вот наш новый мир... Наш новый мир состоит из слов, как идей творческих; вечное основание их связь, существует и источник в груди нашей. Внутренняя жизнь есть Христос и поэтому единая, истинная, вечная» [МАСЛОВ 1912: 74–75]. Для поэта нет сомнения в значимости веры в Христа, как в Бога живого: «Слово внутренней жизни нашей есть глубокое смирение души, любящей Спасителя своего паче самого себя» [МАСЛОВ 1912: 76]. Характерны в этом смысле и его письма к жене, наполненные религиозными чувствами и настроениями. В своем письме от 14.01.1826 года Рылеев напишет: «Очень рад, мой друг, что ты подкрепляешь себя верою. Ты всегда была добрая христианка: бог тебя не оставит в горе твоём. Жди решительной минуты с надеждой на благость всемогущего... Бог видит душу мою» [РЫЛЕЕВ 1934: 503]. Во всех письмах, адресованных жене слышится призыв к покорности воле Божьей. Иногда это настроение в его письмах выливается в целую форму богословских рассуждений, он пишет жене. «О, милая душой подруга! О, милый друг, твой дух скорбит и мне скорбно стало, не нашел душе отраду. Кто же дух от тела различит? Христос. В нем Едином весь духовный мир, единый, истинный и вечный. Но где же он? В груди твоей. Нетленной плотию своей, он приобщил тебя духовной, беспредельной сущности своей, он приобщил тебя вечной любви, т.е. жизни Творца. В ней единой истина, спокойствие и благо... Ты любовью соединишься с миром физическим, временным; Христом ты должна соединиться с миром духовным, вечным, и соединив в себе два мира, подчинить себя любовью вечности. Вот, милый друг, предназначение наше. Мы должны любовью подчинить себя Христу физический мир и в нем, как в духовном мире, подчинить себя вечной любви. Богу ради Бога, по любви Христа» [КОТЛЯРЕВСКИЙ 1908: 177].

Мысли о спасительной роли молитвы и Господа отражена в письме Рылеева жене от 17.26.03. 1826 года, когда поэт пишет: «Мой милый друг, я жестоко виноват перед тобою и ею. Простите меня, ради Спасителя, которому я каждый день вас поручаю – признаюсь тебе откровенно только во время молитвы и бываю я покоен за Вас. Бог правосуден и милосерд, он Вас не оставит, наказывая меня» [РЫЛЕЕВ 1934: 506]. 13 июня 1826 года в очередном письме жене поэт подводит итог своих исканий Бога, при этом восхищаясь значимостью веры в осознании самого себя частицей великого творения. Поэт подчеркивает, что именно в вере он обрел душевное спокойствие в осознании своей участи. «О, милый друг, как спасительно быть христианином. Благодарю моего Создателя, что он меня просветил и я умираю во Христе. Это дивное спокойствие порукою, что творец не оставит ни тебя, ни нашей малютки. Ради Бога не предавайся отчаянию: ищи утешения в религии» [РЫЛЕЕВ 1934: 518]. В. К. Кюхельбекер (1797–1846) среди поэтов-декабристов оказался одним из немногих, кто уже в первой половине 1820 годов в своем творчестве приблизился к религиозной тематике и понятию православного мистицизма. В. К. Кюхельбекер занимает особое место в декабристской поэзии и прежде всего с точки зрения его богоискательства и с точки зрения его познания религиозности и веры. Поэт выделяется среди поэтов-декабристов своим особым взглядом значимости веры в Бога в жизни человека. Стихотворения Кюхельбекера на религиозные, молитвенные темы во многом характеризуются присутствием чувственного опыта самого поэта. Эти стихотворения пронизаны сознанием скоротечности времени, которое с каждым мгновением приближает человека к последнему часу, постоянно напоминает ему о его конце. В религиозной, молитвенной поэзии Кюхельбекера заложены глубокие духовные идеалы, которые во многом определяют содержание всей человеческой жизни: свобода, нравственность, вера в будущее. Эти духовные идеалы в духовной лирике Кюхельбекера теснейшим образом переплетались с идеями Священного Писания, его текста. Религиозные рассуждения поэта – это прежде всего его внутренние сомнения и искания в осознании им окружающего мира, как творения великого Творца. В своем стихотворении «Вечерняя молитва» поэт прямо говорит об этом.

Погаснул день: склонился мир к покою;
Открыли небеса
В бесчисленных светилах надо мною
Господни чудеса.

[Рифма 2005: 89]

Кюхельбекер чистосердечно верит, что его молитва дойдет до Бога, что она будет услышана.

Не взыйдет глас моих хвалений, Боже,
Господь и пестун мой!

С одра восстав, воззвал я-и моленью
Ты внял, Владыко сил!

[Рифма 2005: 89]

Путь Кюхельбекера к религии и вере, в отличие от многих поэтов-декабристов, шел иными путями, и прежде всего не через осознание национально-исторического прошлого. Он шел через осознание нравственное, так как голос совести всегда звучал в его душе и поэзии. Само изображение страстей человеческих часто звучало в духовной лирике Кюхельбекера. Грехопадение человека, о котором написано в третьей главе Книги Бытия, было для поэта не поэтической меркой, но реальностью внутреннего опыта. Есть у Кюхельбекера ряд стихотворений, на которые обычно не обращали внимания, хотя они очень важны для понимания религиозных взглядов поэта, раскрывающих его внутренние противоречия в поисках Бога. Приход Кюхельбекера к познанию религиозной истины произошел, прежде всего, путем покаяния, путем глубокого нравственного очищения. Лучшие, самые зрелые его творения глубоко созвучны религиозным убеждениям истинно верующего человека. Духовная, молитвенная лирика Кюхельбекера представляет характер поэта как человека глубоко верующего, для которого тайна Воскресения и божественного начала мира заключено в непосредственном влиянии силы Господа на все происходящее.

Без Тебя я слабый, хладный,
В грешной ли своей груди,
Свет могу обрести отрадный,
Свет надежный на пути
Из страны несовершенства
Ты (вождя иного нет),
В область вечного блаженства?
Ты мой вождь и щит и свет.

[Рифма 2005: 93]

Молитва здесь звучит, как выражение религиозного воображения, как вера в наличность существования Бога. Это стихотворение Кюхельбекера может быть отнесено к типу богопознания. В этом поэт видит залог не только возможности спастись за гробом, но и на земле. Среди первых стихотворений, написанных Кюхельбекером в ссылке, которая открыла длинный ряд годов его подневольной жизни, большинство, естественно связано с его новым положением арестанта, заключенного. Религиозный, молитвенный элемент в поэзии Кюхельбекера представлен не больше, чем в творчестве любого другого поэта-декабриста, его современника, да и появляется главным образом в последние годы его жизни, в период его сибирской ссылки. Религиозные воззрения Кюхельбекера-узника в большей мере теперь обращены на упование на милость божью и несомненно определяют характер его духовной лирики. Кюхельбекер в своих поздних рассуждениях, мыслях о Боге очищается

от сомнительных напластований, и итогом его духовных исканий становится преодоление духовного эгоизма, и через это преодоление поэт находит пути к религиозному покаянию. В поздний период его творчества размышления о Боге становятся более зрелыми, осознанными, глубокими. Обращаясь к конкретным произведениям поэта, можем увидеть, что они разнообразны по своим темам, и по содержанию, а также по своим мировоззренческим установкам. У Кюхельбекера духовная лирика основывается на общехристианских началах. Вообще для позднего творчества Кюхельбекера характерна тема безверия, которую поэт остро переживает. Кюхельбекер в поэтическом контексте прозревает все тайные и явные проявления безверия и его воздействия на человеческую жизнь. В творчестве поэта чувствуется уныние, порожденное чувством греховности, сопряженной с мученическими ощущениями скорой гибели и незнанием, где обрести спасение. Тема спасения так же является одной из главных и основополагающих тем в творчестве Кюхельбекера. И поэт чувствует, что спасение – во Христе. Он – Спаситель. Основу мировоззрения поэта составляют идеи, что незнание пути к спасению есть незнание Христа. И именно незнание Христа, его неприятие рождает страшное состояние человека, влекущее за собой духовное опустошение и в конечном счете одиночество. Незнание Христа есть безверие. Путь к вере от безверия, путь к спасению есть смысл религиозно – духовных переживаний Кюхельбекера. В понимании Кюхельбекера человек подавлен величием Божиим, величие Бога, как Творца всего сущего, открывается ему, т. е. человеку, в изумительных чудесах. Поэт утверждает, что смирение человека перед волей Господа ведет к пониманию премудрости Богом данной, дающей надежду на помощь и заступничество Господа. Хотя поэт и прямо не говорит в своих поэтических изысканиях о подлинном месте человека в мире, но все-таки из его размышлений на эту тему следует, что человек должен занять достойное место отведенное ему в творении Господа. Покорность Божьей воле исходит из осознания поэтом того момента, что человек духовно несовершенен из-за своей немощи перед Создателем. Поэт размышляет, что только смиренный, терпеливый, беззлобный человек получит все от Господа, тем самым поэт осознает свое бессилие, понимает, что он грешник, «раб, ничего не стоящий». Главная мысль стихов религиозного содержания Кюхельбекера – это упование на Бога, воплощение истины, обращение к нему за духовной поддержкой, способной поднять человека над земными, а значит временными страданиями. В своих духовных стихах Кюхельбекер развивает идею непосредственного личностного контакта индивида с Богом. Религиозные стихи Кюхельбекера воссоздают в его образе как поэта и человека перспективу дальнейшего его существования, стремление через духовную поэзию оказать свое влияние на других. Если учесть важность и значимость поэтических изысканий Кюхельбекера о Боге и его роли в жизни человека, для формирования человеческого мировоззрения, то нет никаких сомнений, почему и насколько актуальна эта тема. Именно в стихе проявляется его духовная свобода, во многом приоткрывая тайну бытия. В стихах Кюхельбекера религиозного содержания чув-

ствуется его внутренний мир, мир его переживаний, корнящихся в сознании поэта, в котором в свою очередь пробиваются первые ростки религиозного сознания. В поэтическом творчестве Кюхельбекера религиозность выступает как прием, с помощью которого выражаются недоступные желания поэта и человека в свете чудесного мира, в котором действительно все осуществимо, хотя и основывается на неразрешенности противоречий между миром, в котором живет человек и миром, созданным в его воображении – божественном мире. Религиозные мотивы в поэтическом наследии Кюхельбекера во многом заставляют задуматься над вопросом о сущности внутренней тайны человека, которая, по мнению поэта, есть прежде всего тайна самого себя, вследствие чего он в большей мере и есть предмет собственного, постоянного самопознания. И тайна человека рассматривается поэтом во взаимосвязи с тайной, которая определяется Богом. Иными словами человек является посредником между Богом и миром. Духовная лирика Кюхельбекера выражает в большей мере те чувства человеческой души, при которых человек с прискорбием осознает негативный момент отпадения от веры в Бога или же, наоборот, его стремление к воссоединению с Творцом. О В. К. Кюхельбекере в этом плане написано очень мало, и если имеются таковые исследования, то в большей степени они рассматривают его творчество в рамках гражданко-го пафоса и непримиримого осуждения поэтом самодержавия. Однако в его творчестве есть и стремление представить богатство, красоту, гармонию мира, величие природы, всей вселенной через мудрость, могущество и вездесущность Творца этого мира – Создателя совершенной природы, и эти размышления пронизывают многие стихи Кюхельбекера.

Своеобразие религиозности Кюхельбекера как поэта и человека по сей день не стало предметом тщательных исследований, да религиозность поэта отмечена прежде всего его религиозными исканиями, сомнениями. В последекабристский период, Кюхельбекер в своем творчестве обращается к поискам религиозного идеала, через посредство которого ищет высшей справедливости, приходя постепенно к мысли о Боге, тем самым объясняя, что через его посредничество как великого Творца может быть устроено справедливое общество на Земле [КЮХЕЛЬБЕКЕР 1967, 1: 26]. В его поэтическом творчестве так же нашло отражение переложение духовных библейских стихов, созданных во славу Господа. В своем стихе «Молитва» (первая половина 1830 годов), в основе которого лежит акт реального богообращения и богопознания в художественном, поэтическом смысле, когда Кюхельбекер говорит:

Прибегну к Господу с мольбою
Небесного взыщу Отца:
Не дай мне, боже, пасть душою.

[КЮХЕЛЬБЕКЕР 1967, 1: 89]

В его поэтической молитве ощущается, несомненно, православное мироощущение, ошибиться в котором невозможно. В поздний период в стихах Кюхельбекера заметно тяготение к глубокой философии. Это чувствуется

в тех его созданиях, где он обращается к религиозному осмыслению действительности. Молитвенный настрой сочетается в них с некоторой оригинальностью его религиозных воззрений [ДУНАЕВ 2003: 58].

Молитва – это диалог с Богом и поэтому мощный источник истинного знания. И помимо всего молитва есть собственно та сила, которая направлена на преобразование духовности и жизненных ориентиров человека. Акт моления каждого человека, его обращение с молитвой к Богу происходит по-своему, не одинаково, даже повторяя специальные молитвы. В поэтическом контексте молитва Кюхельбекера и его обращение к Богу безусловно есть момент освобождения его души от разочарований в этой жизни, от бессмысленности существования.

Душа моя не есть не поле
Иссохшее в тяжелый зной?
О боже, боже мой, доколе
Отвергнут буду я тобой?

[КЮХЕЛЬБЕКЕР 1959: 288]

В «Молитве узника» (первая половина 1830 годов) Кюхельбекер вновь обращается к молитвенному тексту, посредством которого он обращается к Богу:

Руку прости над моею темницей
Господи! Сирую душу мою
Ты осени милосердной десницей!
Господи! Боже! К тебе вопию.
О мой спаситель, заступник и Бог,
С неба внимает молитве смущенной:
Милостив он, он отчески строг...

[КЮХЕЛЬБЕКЕР 1979: 288–289]

Эта каноническая молитва Святому Духу стала в буквальном смысле глубинным криком души Кюхельбекера. Христианское мирочувствование Кюхельбекера в конце жизни, судя по всему, поэт находит для себя в разрешении мучительной проблемы смысла творения и мирового зла. Молитвенные, религиозные стихи поэтов-декабристов безусловно свидетельствуют о их глубиной религиозности, о том что тема общения с Богом в их творчестве непреходяща и в ней заложен интерес к осознанию мира, как творения Господа.

Литература

- АРСЕНЬЕВ 1966: Арсеньев Н. О жизни Преизбыточествующей. Брюссель.
АЙХЕНВАЛЬД 1994: Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. Москва.
Библия и русская литература 1995: Библия и русская литература. Хрестоматия. Составитель Качурин М. Г. СПб.
ВОРОНИЦЫН 1928: Вороницын И. П. Декабристы и религия. Москва.
ГЛИНКА 1990: Глинка Ф. Н. Письма к другу. Москва.
ГЛИНКА 1986: Глинка Сочинения. Москва.

- ДУНАЕВ 2003: Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература в XVIII–XX веках. Москва.
- Декабристы и их время 1965: Декабристы и их время. Отв. ред. Бокова В. М. Москва.
- ЖИРМУНСКАЯ 2006: Жирмунская Т. Ум ищет Божества. Библия и русская поэзия XVIII–XX веков. Москва.
- КАРСАВИН 1991: Карсавин Л. П. Поэма о смерти. Ленинград.
- КОТЛЯРЕВСКИЙ 1908: Котляревский Н. Рылеев. СПб.
- КЮХЕЛЬБЕКЕР 1959: Кюхельбекер В. К. Избранные произведения. Ленинград.
- КЮХЕЛЬБЕКЕР 1979: Кюхельбекер В. К. Путешествия. Дневник. Статьи. Ленинград.
- Логос 1984, № 41–42, 27
- Мечом уст моих 1994: Октябрьский переворот в опальной поэзии. Поэты Новой Петербургской волны. Сборник стихов. СПб.
- МЕНЬ 1990: Мень А. Смертью смерть поправ. Минск.
- МАСЛОВ 1912: Маслов В. И. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев.
- Поэты-декабристы 1986: Сборник стихов. Москва.
- ПИСАРЕВ 1947: Писарев К. Жизнь Рылеева. Москва.
- Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. Т. 2, 1986. Москва
- Русская литература XIX века и христианство. 1997. Под общ. ред. Кулешова В. М. Москва.
- РЫЛЕЕВ 1971: Рылеев К. Ф. Полное собрание стихов. Ленинград.
- РЫЛЕЕВ К. Ф. 1934: Москва–Ленинград.
- Рифма обращенная к Богу. 2005: Антология русской молитвенной поэзии. Поэтические молитвы XIX век. Автор-составитель Гороховский В. М. СПб.
- СЛАВГОРОДСКАЯ 2006: Славгородская Л. Защита от зла православными методами. Ростов-на-Дону.
- Христианская культура 1997: Пушкинская эпоха. Редактор-составитель Лебедева Э. С. Вып. XIV. СПб.
- ЦЕЙТЛИН 1955: Цейтлин Н. Г. Творчество Рылеева. Москва.
- Что такое молитва Иисусова по преданию православной церкви. 1938. Сердоболь.
- ЧИСТЯКОВ 2001: Чистяков Г. «Господу помолимся». Москва.
- ШИРЯЕВ 1969: Ширяев Б. Религиозные мотивы в русской поэзии. Брюссель.

Abstract

Religious and Prayer Motifs in the Poetry of the Decembrists

The topic of prayer was very common in the Russian literature of the 19th century. This motif, which appears in the poetry of Glinka, Ryleev, and Kuchelbecker has not yet been studied in detail. The author of this essay points out how prayer as a motif appears in the works of these writers. Religious topics and prayers in their works continue the traditions of Russian spiritual poetry.

ДЕМОНИЧНОСТЬ И ИКОНОЛОГИЧНОСТЬ В РАССКАЗЕ ГОГОЛЯ *ПОРТРЕТ*

REGÉCZI Ildikó

«высокое сознание искусства... стремится вечно к богу.
Но есть минуты, темные минуты...»

(Гоголь *Портрет*)

1.

Единство *Петербургского цикла* само по себе ставит ряд вопросов (рассказы были объединены не Гоголем, то, что эти пять рассказов — *Невский проспект*, *Нос*, *Портрет*, *Шинель* и *Записки сумасшедшего* — считаются одним целым — это скорее дань литературоведческой традиции), но согласно с выбранной нами темой тематическое единство рассказов является очень важным. Кроме наиболее очевидной связующей точки цикла — топонима Петербург, превращающегося в иррациональное, — связь между рассказами создается и на уровне композиционного плана, и в мотивах. Искусство, и в его масштабах, прежде всего, живопись, личность художника и сам портрет, например, играют заметную роль в нескольких рассказах петербургского цикла, а в двух произведениях — *Невском проспекте* и в анализируемом мной *Портрете* — становятся структурообразующими.

Жанровое определение, данное в заглавии, — портрет — обуславливает особенность рассказа, ставя его на грань живописи и литературы. Заглавие произведения — это портрет, фигурирующий в рассказе, и название жанра рассказа Гоголя. Рассказ не только описывает картину (и в этом он близок таким произведениям XIX века, как *Неизвестный шедевр* (1832) Бальзака, *Ильская Венера* (1837) Мериме или *Овальный портрет* (1842) По), но и сам дает ряд точных портретов (модели, автора и, позднее, художника-владельца). Рассказчик поднимает вопрос о жанровой принадлежности портрета, толкуя о разных формах исторической живописи:

«...постигнул, почему простую головку, простой портрет Рафаэля, Леонардо да Винчи, Тициана, Корреджио можно назвать историческою живописью и почему огромная картина исторического содержания все-таки будет *tableau de genre*, несмотря на все притязанья художника на историческую живопись» [ГОГОЛЬ 1977: 163].

Из вышесказанного видны представления автора, связанные с портретом: внешнее реальное изображение лица недостаточно для художественного завершения. В рассказе в отдельных портретах — в равной мере живописном и

литературном — как раз этот плюс дает возможность преступать границы, возможность создавать связи между текстами, характеризующимися разными типами кодов. Важность этого подчеркивается множеством и разнообразием встроенных в сюжет элементов картины. В начале произведения мы видим, с одной стороны, собственно полотна в картинной лавочке на Щукином дворе (пейзажи, портреты), а с другой — такие художественные изображения (жанровые картины, состоящие из движений лакея, солдата, торговки, кавалеров), которые реконструируются в процессе восприятия. В последнем случае, напоминая жанровые картины *Невского проспекта*, описание мобилизует такой творческий тип и жанр художественного произведения, которые появляются перед нами не как соответствующие действительности, но все-таки включающиеся в процесс создания художественного значения, так как подготавливают толкование портрета и как полотна, и как литературного портрета.

В центре *Портрета* находится завораживающий портрет, моделью для которого послужил бывший ростовщик из Коломны, «старик с лицом бронзового цвета, скулистым, чаклым» [ГОГОЛЬ 1977: 124]. Экфрасис¹ в начале рассказа, то есть визуальное описание полотна и его эффекта, подробнее всего останавливается на описании глаз:

«...глаза... просто глядели, глядели даже из самого портрета, как будто разрушая его гармонию своею странною живостью» [ГОГОЛЬ 1977: 125]

Подчеркивание взгляда, связь портрета с миром нарушает композицию и ее структуру, будто предвещает подчинение картины другой задаче, стоящей за искусством.² Владельцем завораживающего портрета становится Чартков, художник, подающий большие надежды, имя которого состоит в этимологической связи со словом «чаровать». Чартков — в соответствии со своим именем — очаровывается картиной. Тонким намеком на единство сущности ростовщика и Чарткова, на превращение последнего в жертву может служить символичность места жительства обоих. Коломна (где живет ростовщик) и Васильевский остров (квартал Чарткова) в топографическом плане имеют похожее значение. Обе части города являются периферийными, далекими от современного, искусственно созданного центра, незащищенными (во время петербургского наводнения больше всего эти районы пострадали от стихийного бедствия и здесь было больше всего жертв) частями города Петра, поэтому и выступают как среда обитания маленького человека. (В поэме Пушкина *Медный всадник* Евгений, «маленький человек», жертва, тоже живет

¹ В связи с темой см. [HAN 2004].

² Портрет молодой девушки в рассказе *Оvalный портрет* По оживляется путем видения, зрения. В истории, напоминающей случаи с привидениями, картина становится завораживающей благодаря ее совершенной правдоподобности, а за этим скрывается тот факт, что при написании полотна жизненная сила модели как бы перешла в творение художника. Глаза играют важную роль также в истории Мериме (*Ильская Венера*), где взгляд античной скульптуры Венеры ужасающе действует на зрителя, так как скульптура создавала эффект иллюзии действительности, жизни.

в Коломе.) Значит, сущность Чарткова как бы предопределяет тот факт, что он попадает под влияние картины. Но речь идет не только о художественном эффекте, но и о проникновении реальности, стоящей за картиной, или, даже, реальности картины, в будни Чарткова. Пересечение границы происходит и на метафорическом уровне: владелец неимоверно живых глаз ночью покидает картину, ходит взад-вперед по комнате и оставляет тот сверток золота, который становится началом изменившейся жизни Чарткова и его отказа от своих художественных принципов. Сверток появился из рамы картины, поэтому у Чарткова возникает мысль — в знак благодарности сделать золотую раму для картины. Текст, уже перед куплей картины, изображающей ростовщика, указывает на ценность и важность рамы, когда владелец картинной лавочки хочет уговорить Чарткова, чтобы тот купил другие картины:

«Или вот зима, возьмите зиму! Пятнадцать рублей! Одна рамка чего стоит» [ГОГОЛЬ 1977: 123–124].

Причисление рамы к эстетической ценности картины, более того подмена ею эстетической ценности — уже в начале рассказа придает раме особое семантическое значение. По функции рама картины похожа на обложку книги или пьедестал скульптуры. Она выступает в роли разделительного знака разных кодовых систем (текста и внетекстовой реальности), которые традиционно относят к сфере не-текста. Лотман, рассматривая специальную риторическую конструкцию «текст в тексте», касался и вопроса актуальности границ. По его мнению, упругость границ, изменение структуры (перелом, происходящий в традиции), усиливает роль игры, и вызывает способность к вмещению разного восприятия форм реальности [ЛОТМАН 1981: 3–18]. И в этом случае начинается игра между понятиями текст-не-текст, что для «воспринимателя» усиливает условный характер текста, а для действующего лица — Чарткова — обозначает страшную реальность.

Рама, традиционно отделяющая созданную реальность от реальности восприятия, здесь выполняет как раз обратную функцию — устанавливает связь между двумя видами реальности. Вскоре выясняется и качество этой связи:

«...чей бы ты ни был дедушка, а я тебя поставлю за стекло и сделаю тебе за это золотые рамки» [ГОГОЛЬ 1977: 137].

Стекло и золото являются выражением холодной материальности; Чартков, желая этими материалами намеревается покрасить и обрамить картину, будто хочет сохранить и зафиксировать реальность картины в материальной форме. Художнику кажется, что он может господствовать над образным миром, и заодно ему хочется обеспечить невозможность повторного нарушения границы. При этом Чартков не учитывает, что в картине действуют демонические силы. Нарратор по-разному усиливает демоническую атмосферу портрета. Картина оживает при свете луны. Рассказывая о случившемся, повествователь трижды упоминает необычный световой эффект — лунный

свет, изменяющий и контуры комнаты.³ Темный тон портрета, который наполняется жизнью только при лунном свете, действует противоположно по сравнению с иконой — стремящейся уловить обожествленную реальность. И если связь с божественной сферой происходит при свете⁴ и сама икона тоже «как светлое, проливающее свет видение, открывается» [ФЛОРЕНСКИЙ 1972: 102], то в портрете происходит оживление тени, темной стороны.⁵ Именно поэтому портрет не становится переходом к настоящему духовному опыту, вовлекает зрителя не в живую реальность, а излучает свою — мертвую. О том, что реальность портрета относится к низшей сфере, свидетельствует и цвет картины: коричневатое, темное лицо и постоянная связь с золотом (в описании полотна мы сначала замечаем позолоту *рамы*, но можем думать также и о золотых червонцах), которую можно понимать и как признак материального мира и овеществленной действительности.⁶

Кроме того, когда картина начинает двигаться, Чартков находится на грани сна и яви, что тоже может предвещать переход в другую сферу, проникновение в мнимое пространство. А предыстория картины, которую мы узнаем впоследствии, освещает и то, что полотно было создано и оживлено в результате собственно языческого ритуала (ростовщик так хотел позаботиться о своей дальнейшей жизни).⁷ То, что средневековая теория живописи приписывала Богу (воздействие картины) и что Возрождение считало инвенцией художника, здесь попадает в круг влияния портретной модели. Инвенция модели дает тот плюс, от которого картина оживает, то есть создается полностью безбожное творение. Таким образом, когда ростовщик выходит из рамы, демоническое содержание картины отмечается и на уровне действия. Пусто-

³ «Сияние месяца, озаривши комнату, упало и на него (*т. е. на портрета*) и сообщило ему странную живость» [Гоголь 1977: 129].

«Свет ли месяца, несущий с собой бред мечты и облекающий все в иные образы, противоположные положительному дню, или что другое было причиною тому, только ему сделалось вдруг, неизвестно отчего, страшно сидеть одному в комнате» [Гоголь 1977: 130].

«Свет месяца озарял комнату, заставляя выступать из темных углов ее где холст, где гипсовую руку, где оставленную на стуле драпировку, где панталоны и нечищенные сапоги» [Гоголь 1977: 132].

⁴ П. Флоренский цитирует в своей работе об иконостасе стихотворение Лермонтова *Молитва*:

«Я, Матерь Божия, ныне с молитвою

Пред Твоим образа ярким сиянием» [ФЛОРЕНСКИЙ 1972: 102.; выделено И. Р.]

⁵ «в иконописи ему (*т. е.: слову «тень»*) нет места: иконописец этим темным делом не занимается и теней, конечно, не пишет. ... иконописец изображает *бытие*, а даже *благобытие*, тень же есть не бытие, а простое отсутствие бытия, и изображать таковое, т. е. характеризовать чем-то положительным, каким-то присутствием, наличием бытия, было бы коренным извращением онтологии.» [ФЛОРЕНСКИЙ 1972: 138.; выделено И. Р.]

⁶ Применение золота на иконах, наоборот, — каноническое; служит для улавливания световой глубины, далекой от чувственного опыта [ФЛОРЕНСКИЙ 1972: 126–131].

⁷ В картинной антропологии Ганс Бельтинг древнюю функцию визуального медиума (маски умерших, скульптуры, надгробные памятники) доводит до культа умерших неолитических обществ, что основывается на амбивалентности отсутствия и присутствия, прошлого и настоящего: превращена в видимое тайна отсутствия [BELTING 2003: 252].

та, «ничего», бессубстанциональность, отталкиваясь от фольклора, в русской литературной традиции однозначно связываются со злой, нечистой силой.⁸

На основе механизмов влияния демонического в дальнейшем происходит целый ряд удвоений. Вначале Чартков от неожиданной радости разговаривает сам с собой:

«...я... могу быть славным художником. Так говорил он заодно с подсказывавшим ему рассудком; но изнутри раздавался другой голос, слышнее и звонче» [ГОГОЛЬ 1977: 137].

Обращение к себе, а потом вырывающийся изнутри новый голос — первый этап раздвоения (разрыва) личности.⁹ Художник переселяется на Невский проспект, который — в отличие от Васильевского острова — воплощает искусственность и декоративность в петербургском контексте¹⁰ и заодно выражает то, что Чартков показывает себя другим, носит маски («переодевался несколько раз в день в разные утренние костюмы, завивался ... занялся украшением всеми возможными средствами своей наружности» [ГОГОЛЬ 1977: 146–147]), то есть становится демонизированной личностью.¹¹ Выражением маска — говорит Флоренский — «отличается нечто подобное лицу, похожее на лицо, выдающее себя за лицо и принимаемое за таковое, но пустое внутри как в смысле физической вещественности, так и в смысле метафизической субстанциональности» [ФЛОРЕНСКИЙ 1972: 93]. Как раз подобное отсутствие личности отражается в произведениях, созданных Чартковым в его изменившемся положении. Символическое отражение этого — нарисованный им на основе когда-то написанной им головы Психеи портрет, который «было личико... совершенно идеальное, холодное, состоявшее из одних общих черт, не принявшее живого тела» [ГОГОЛЬ 1977: 144]. Неодухотворенность заметна и в порядке в его мастерской. С этим тесно связано изменившееся кредо Чарткова как художника:

«Уже начинал он верить, что ... вдохновенья свыше нет и все необходимо должно быть подвергнуто под один строгий порядок аккуратности и однообразья» [ГОГОЛЬ 1977: 148–149].

Событие, выводящее его из состояния спокойного равнодушия, — это просьба высказать свое мнение о работе старого друга-художника.

«Чистое, непорочное, прекрасное, как невеста, стояло пред ним произведение художника. Скромно, божественно, невинно и просто, как гений, воз-

⁸ Дьявольскую сторону гоголевских героев под таким углом рассматривает Д. С. Мережковский в известной работе: *Гоголь и черт* (1906).

⁹ Похожая постепенность заметна в другом произведении *Петербургских повестей* — в *Записках сумасшедшего*, а также в повести *Двойник* Достоевского, в которой наблюдается сильное влияние Гоголя.

¹⁰ О театральности Петербурга см.: [ЛОТМАН 1984: 30–45].

¹¹ Первоначальное значение личины — маска, ларва. Слово ларва (лат. *lārva*) имеет значения еще злой дух, призрак, скелет.

носилоь оно над всем. Казалось, небесные фигуры, изумленные столькими устремленными на них взорами, *стыдливо опустили прекрасные ресницы*. ... Но властительней всего видна была сила создания, уже заключенная в душе *самого художника*» [ГОГОЛЬ 1977: 148–150; выделено И. Р.]

Увиденная картина имеет такую метафизику, от которой Чартков давно уже отошел и в качестве ответа на которую нужно было бы написать картину на тему «отпавшего ангела» [ГОГОЛЬ 1977: 152], которую, однако, создать Чартков не способен. Взаимо-переход дважды кодированных систем (портрет ростовщика, потом картина старого друга и мир текста вне этого) и их параллельное существование основывается на зеркальном отражении. Чартков увидит в них свое второе (демоническое или ангельское) Я, свою «расколотую» личность, которую он уже не в состоянии воссоздать заново, соединить. Раздвоение личности Чарткова отражается и на уровне наррации, характеризующейся в дальнейшем расколотостью, и в двойственности разделяющихся (по терминологии Бахтина), перекликающихся друг с другом голосов.

2.

Гоголь делит свое произведение на две главы, границей которых выступает трагическая концовка истории Чарткова. Вторая часть знакомит нас в *рамочной структуре* фактически с предысторией. На аукционной распродаже вещей одного из богатых любителей искусств (что является и повторением начала первой части — со множеством картин — то есть, фактически, *двойной рамкой*) появляется художник Б., чтобы рассказать историю создания картины, изображающей ростовщика. Сделанная явной двойственностью конструкции в Петербургском цикле может считаться общепринятым правилом. В *Невском проспекте* (истории Пискарева и Пирогова), в повести *Нос* события будничной и фиктивной действительностей представляют собой две параллельно идущих истории, а в *Шинели* и *Записках сумасшедшего* мы можем следить за событиями из двух ракурсов (с точки зрения чиновника и среды). Полярность сюжета этих произведений, дихотомия и напряжение внешней и становящейся все более доминантной внутренней, фиктивной реальности героев говорят о нерешительности нарратора и о соблюдении им дистанции, аналогично в *Портрете* повествователь хочет оставаться вне истории, что только подтверждается фигурой рассказчика, появляющейся во второй части.

Аукцион, где звучит рассказ художника Б., показывает картину разломанности и хаоса:

«Множество карет, дрожек и колясок стояло перед подъездом дома... Китайские вазы, мраморные доски для столов, новые и старые мебели с выгнутыми линиями, с грифами, сфинксами и львиными лапами, вызолоченные и без позолоты, люстры, кенкеты — все было навалено, и вовсе не в таком порядке, как в магазинах» [ГОГОЛЬ 1977: 154–155].

Это своеобразный натюрморт, который создается в невероятной какофонии («толпа ... хлопотала о чем-то наперерыв», [ГОГОЛЬ 1977: 156]). По функции эта картина адекватна описанию, напоминающей живописное произведение в начале первой главы. В эпике Гоголя мы часто встречаем похожие натюрморты, так как по сравнению с изображением окружающей среды в романах Западной Европы 19-го века (где среда является материализованным отображением характера героя), у Гоголя роль материальной среды значительно возрастает. В его произведениях во многих случаях и герои нивелируются на уровне предметов (например, в форме опредмечивающих сравнений). Таким образом, описания предметов и действующих лиц часто — и без тематизации бытия внутри картины — обладают своеобразной картинностью.

В дальнейшем мы можем прочесть историю модели картины, узнавшую путем экфрасиса. То есть Гоголь будто заново пишет портрет, в рамках возможностей литературной формы вновь рисует фигуру ростовщика, благодаря чему мы получаем литературное отражение картины, появившейся в первой части. В силу более широких рамок вербальности перед нами раскрываются дальнейшие демонические атрибуты портретной модели. Неясная идентичность ростовщика («какой именно был он нации: индеец, грек, персиянин, об этом никто не мог сказать наверно» [ГОГОЛЬ 1977: 159]), его чуждость, его внешние особенности («запаленное лицо», «страшный цвет его, большие, необыкновенного огня глаза», «нависнувшие густые брови» [ГОГОЛЬ 1977: 159]) обозначают дьявольский характер фигуры, что однозначно выражается в описании его жизненного пути: данные им в кредит деньги всегда заставляли должника совершать злые поступки. В характеристике персонажа особую роль играет страсть (в противоположность бесстрастным жителям Коломны [ГОГОЛЬ 1977: 157] в нем горела страсть [ГОГОЛЬ 1977: 163]), которая является одновременно связующим элементом между портретом ростовщика и — как антитеза — портретом художника. Ведь художник-самородок, фантазию которого воодушевляют, в первую очередь, «христианские предметы» [ГОГОЛЬ 1977: 164] и который силой своей «благочестивой веры» [ГОГОЛЬ 1977: 164] может изображать на лицах возвышенное выражение, живет также своеобразной страстью, как и ростовщик.¹² Именно поэтому художнику, отцу Б., предоставляется возможность написать картину. На его избранность, как и на избранность Чарткова указывало несколько обстоятельств.

Талант художника (необходимый для точного воспроизведения лица) — главное предварительное условие просьбы ростовщика. Свою задачу художник выполняет отлично, настолько отлично, что портрет выражает и своеобразную онтологию, что подчеркивается совершенным изображением глаз. На выделенную роль глаз указывает также фразеология текста. «Есть... что-то демонское в глазах» [ГОГОЛЬ 1977: 167] — замечает одно духовное лицо о

¹² «Это был художник ... одно из тех *самородных* чуд, которых часто современники чествуют обидным словом «невежи» и которые не охлаждаются от охулений и собственных неудач, получают только новые рвения и силы ... » [ГОГОЛЬ 1977: 163; выделено И. Р.].

более позднем произведении художника. В иной раз друг художника (в связи с портретом ростовщика) восклицает: «отдай его уж лучше мне, если он тебе до такой степени *колет глаз*» [ГОГОЛЬ 1977: 167; выделено И. Р.]. Дьявольски удачный портрет основывается на точном отображении *лица*. После того, как художник оторвался от портрета, он вступает на новый путь познания, ищет пути изображения созерцаемого вечного смысла, *лица*.

Противостояние ростовщика и художника — если применять введенное Бахтиным понятие в связи с поэтикой Достоевского — мы можем воспринимать и как два отдельных голоса, так как они показывают одну и ту же идею (роль и значение лица) с разных сторон. За дьявольским голосом ростовщика сразу же с триумфом раздается глас христианского смирения, который после «искушения» (написания картины о дьяволе) звучит еще сильнее. Вследствие этого обновления творческий путь художника начинает двигаться в сторону иконописи. Аскетическая подготовка живописца к созданию своего творения, его обращение к молитве, как к помощи, ведение кистью по картине по внушению Бога, святая благодать, отражающаяся в картинах, и окружающая картину тишина — воспроизводят основные принципы теологии икон. Помимо этого, для подчеркивания полного преображения, рассказчик, художник Б., описывает как фигуру иконы и своего отца, живущего монашеской жизнью:

«Но как же я изумился, когда предстал предо мною прекрасный, почти божественный старец! И следов измождения не было заметно на его лице: оно сияло светлостью небесного веселия. Белая, как снег, борода и тонкие, почти воздушные волосы такого же серебристого цвета рассыпались картинно по груди и по складкам его черной рясы и падали до самого вервия, которым опоясывалась его убогая монашеская одежда...» [ГОГОЛЬ 1977: 170–171]

Душевная гармония, белый цвет, живописность волос, складки одежды характерны для методов иконописи.¹³ Художник, похожий на святых из икон, делится с сыном, художником Б., своим кредо. Это кредо по структуре напоминает слова из Евангелия Матфея: «Блажен избраннык» [ГОГОЛЬ 1977: 171]. Определение сути художественного произведения состоит в следующем: душевная чистота художника есть необходимым условием для создания произведения, таящего в себе «намек о божественном, небесном рае» [ГОГОЛЬ 1977: 171] и заставляющего издавать «чудные звуки успокоения» [ГОГОЛЬ 1977: 171]. А страсть — которая раньше наполнялась демоническим содержанием — преобразуется в «тихую небесную страсть» [ГОГОЛЬ 1977: 171]. При этом он не забывает, что хотя искусство «стремится вечно к богу. Но есть минуты, темные минуты...» [ГОГОЛЬ 1977: 171].

¹³ Флоренский в своей работе о теологии иконописи отдельную главу посвящает изображению одежды в традиции иконописи. Здесь можно прочесть следующее: «... достаточно взглянуть на иконные складки, чтобы определить дату иконы и понять дух времени, на ней отразившийся» [Флоренский 1972: 125].

3.

Принципы творчества, звучащие из уст художника, отражают и взгляды автора — Гоголя — на искусство.¹⁴ Основные художественные принципы Гоголя хорошо прослеживаются по сборнику *Выбранные места из переписки с друзьями*, вышедшему в свет в 1847 году и вызвавшему большую бурю (западники — особенно Белинский — критиковали Гоголя, но даже славянофилы считали слишком преувеличенным религиозное благоговение писателя). Нравственно-философские письма Гоголя совершенно однозначно — по сравнению с предыдущими его произведениями — раскрывают христианские взгляды писателя, с наивной верой говорят о необходимости христианской миссии внутри общества и о духовном возрождении, идущем вслед за этим. Залогом внутреннего духовного возрождения Гоголь видел также искусство, два вида которого — русский театр и поэзию — писатель проанализировал в отдельных письмах. Главнейшими задачами театрального представления, по мнению писателя, было ознакомление зрителя с «небесными истинами христианства», «подымать выше все высокие чувства в человеке» [ГОГОЛЬ 1978.1: 233–243]. В эстетических принципах Гоголя и раньше замечалось стремление к моральному очищению через драматические или эпические произведения. В пьесе, появившийся после премьеры *Ревизора* (первый вариант был создан в 1836 г. и вышел в свет в 1842 г.) *Театральный разъезд* смех получает новое измерение, с помощью которого пустота и мелочность жизни наглядно вырисовываются (благодаря силе карикатуры) и всё это приносит успокоение для души человека [ГОГОЛЬ 1983: 325]. В одном из лирических отступлений *Мертвых душ*, (вышедшей в 1841 г.) смех также является «высоким лирическим движением» [ГОГОЛЬ 1978.2: 125]. Значит, главный формирующий принцип Гоголя — это двойственность смеха и «незримых, неведомых ... [миру] слез» [ГОГОЛЬ 1978, 2: 125],¹⁵ своеобразный «положительный», «чистый», «возвышенный» смех, который — по словам Бахтина — отрицает «мир видимости и очевидности» во имя неожиданности и основной непредвиденности правды [БАХТИН 1973]. По мнению Бахтина, гоголевский смех похож на смех в народной культуре и на карнавальное искусство, но всё это не отрицает, а скорее подтверждает предположение, что — в согласии с основными принципами живописи, звучащими в *Портрете* — Гоголь и в литературном произведении искал возможность указать на трансцендентность.

¹⁴ Гоголь в рассказе видел своеобразную *ars poetica*. На это указывает и то, что первый вариант произведения (написанного в 1833–1834 гг. и изданного в 1835 г. в сборнике *Арабески*) был намного серьезнее переработан для издания сборника, чем другие произведения *Петербургского цикла*.

¹⁵ Эта двойственность с точки зрения многих литературоведов (Шевырев, Слонимский) родственна немецкому романтизму, ближе юмору Жана Поля «с двойным обдумыванием» действительности (что заметно и в смешивании сфер реальности и фантастики). Относительно истоков гоголевского комизма, кроме подхода со стороны немецкой эстетики, в конце 60-х — начале 70-х годов появились и другие теории — теории Бахтина и его ученика Кожина.

Народная культура и основные принципы христианства выступают источниками высокого искусства и в тех частях *Выбранных мест*, где говорится об особенностях русской поэзии.¹⁶ Искусство, основывающееся на этих принципах, по мнению Гоголя, достигло расцвета в лирике Пушкина, который между отвлеченным идеализмом Жуковского и погружением Батюшкова в осязаемую действительность олицетворял золотую середину [ГОГОЛЬ 1978, 1: 343]. Анализируя Пушкина, писатель выделяет как раз те элементы, которые подчеркивал при описании художника в рассказе *Портрет*: Пушкина, с одной стороны, характеризует точность наблюдения, то есть способность реалистического изображения, а с другой — умение улавливать «высшую сторону» творенья бога [ГОГОЛЬ 1978, 1: 344].¹⁷ При этом Гоголь отмечает, что Пушкин в своих произведениях отражал не свою личность, «метался он сам в чаду страстей, [но] поэзия была для него святыня — точно какой-то храм» [ГОГОЛЬ 1978, 1: 346]. С этой точки зрения, Пушкин творит в противоречии с иконописцем, в произведениях которого проявляется духовный опыт, вытекающий из его аскетической жизни. Пушкин — по Гоголю — будто пропускает свою внутреннюю жизнь сквозь призму, его творение очищает его, придает ему возвышенную духовность (как бы утверждает его личность), что в конечном счете сближает писателя с иконописцем.

Подводя итоги, мы можем отметить, что взгляды автора *Портрета* во многом совпадают со взглядами художника из рассказа и, таким образом, иконотеологическими взглядами Флоренского.¹⁸ Всё это не мешает писателю продемонстрировать в конце рассказа вместо доминантности голоса отца, придерживаясь внутренних законов искусства, двойственность, амбивалентность. Согласно рамочного построения, портрет исчезает с глаз присутствующих, которые теряются, не зная, имели ли они дело со сновидением или «явью». Мы выходим из одной кодовой системы и попадаем не в текст с другой кодировкой, а во внелитературную среду (или в текст, продолжающийся в другом месте) удаляется портрет, сама демоничность. Таким образом Гоголь на высоком уровне удовлетворяет ожидание того, чтобы литературный портрет — вместо отражения целого — предоставил читателю «радость завершения картины» (замечание И. Ф. Мармонтеля).

¹⁶ Соединение души русского народа и правды христианства — это один из постулатов славянофилов.

¹⁷ Гоголь цитирует произведение Пушкина *Поэт и толпа* (1828), в последних строчках которого стихотворение отождествляется с молитвой.

¹⁸ Существовала глубокая преемственность между Флоренским и Гоголем, так теолог в своей апокалиптической по тону книге *Столы и утверждение Истины*, вышедшей в свет накануне мировой войны, кроме библейских традиций (писем апостола Павла), отталкивался также от религиозных писем Гоголя.

Литература

- БАХТИН 1973: Бахтин М. М. Искусства слова и народная смеховая культура (Рабле и Гоголь). Наука, Москва.
- ГОГОЛЬ 1977: Гоголь Н. В. Российские повести и рассказы. Советская Россия, Москва.
- ГОГОЛЬ 1978.1: Гоголь Н. В.: Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь, Н. В. Собрание сочинений. т. 6. Художественная литература, Москва.
- ГОГОЛЬ 1978.2: Гоголь Н. В. Мертвые души. Мастацкая літаратура, Минск.
- ГОГОЛЬ 1983: Гоголь Н. В. Повести. Драматические произведения. Художественная литература, Ленинград.
- ЛОТМАН 1981: Лотман Ю. М. Текст в тексте // Труды по знаковым системам. Т. 14. Тарту.
- ЛОТМАН 1984: Лотман Ю. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. Т. 18. Тарту.
- ФЛОРЕНСКИЙ 1972: Флоренский П. Иконостас. Москва.
- BELTING 2003: Belting, H. Kép-antropológia. Képtudományi vázlatok. Kijarat, Bp.
- HAN 2004: Han Anna, Hetényi Zsuzsa (ред.). Литература и визуальность. Studia Russica XXI. Bp.

Abstract

The Demonic and the Iconic in Gogol's Short Story, "The Portrait"

Beyond the increasing irrationality of the topographical setting, i.e. St. Petersburg itself, there are quite a few other important thematic and motive-based correlations that interweave the pieces of Nikolai Gogol's short story cycle *Petersburg Tales*. On some of the short stories painting appears as art, the figure of the painter emerges as an artist, and the author presents the genre of portrait painting itself. "The Portrait" focuses on an actual portrait with a magic force to it, and builds the narrative about its creator around this focal point. The combination of the appearance of the portrait as a literary and pictorial form and the ability of language to express itself through images results in a special interaction, in the course of which the painting actually comes to life. However, this enlivenment immediately triggers clearly demonic effects; it results in the splitting of the protagonist's personality and leads to the appearance of the double. From this point on, this duality can be easily followed in the narrative. I believe that one of the separate voice (part)s gives expression to the significance of the painting made according to the iconic principle as well as to the metaphysics of icon painting (as if it were an antithesis of the devilish portrait of the usurper), which I wish to prove on the basis of an icono-theological essay written by Pavel Florensky. At the same time, this voice part also echoes Gogol's artistic credo, something that becomes palpable in the context of his other writings *Dead Souls*, *Leaving the Theater after the Presentation of a New Comedy* and *Selected Passages from Correspondence with My Friends*.

LITERACKIE OWOCE POLSKO-WĘGERSKICH KONTAKTÓW W EPOCE RENESANSU

VÁRNAI Dorota

Doba renesansu to niewątpliwie okres żywych kontaktów między reprezentantami renesansowej kultury umysłowej i literatury Polski i Węgier. Należy stwierdzić, iż kierunek wzajemnych wpływów w przeciągu XV i XVI wieku nie zawsze był jednakowy. Zależał od sytuacji historycznej, politycznej obu krajów oraz wynikających z niej zmiennych warunków i możliwości rozwoju kultury. W drugiej połowie XV wieku na Węgrzech otoczenie wybitnego wodza, pogromcy Turków, Jánosa Hunyadięgo, a następnie jego syna Macieja Korwina otwarte było na przyjęcie nowych prądów humanistycznych, płynących z południa Europy. Przyczyniła się do tego także pochodząca z Włoch królewska małżonka. Dwory węgierskich władców skupiły w owym czasie wielu wybitnych Włochów – humanistów, wraz z którymi na Węgry dotarły nowe prądy. Już w pierwszej połowie XV wieku na dworze Zygmunta Luksemburczyka osiadł Pier Paolo Vergerio, twórca podwalin humanizmu na Węgrzech, nazywany z tego też względu „ojcem humanizmu” węgierskiego. Również na dworze Macieja znaleźli się wybitni Włosi, m.in. Antonio Bonfini, Pietro Ransano, Galeotto Marzio, Filip Buonaccorsi – Kallimach, osiadły w Polsce. Maciej, dzięki odwiedzającym Budę Włochom zgromadził słynną bibliotekę, posiadającą bogate zbiory dzieł humanistycznych. W takiej sytuacji Polacy, którzy trafili w tym czasie na Węgry (gdy w ich kraju dominowały jeszcze tendencje średniowieczne), mieli okazję zetknąć się z wszelkimi przejawami nowej kultury, co z kolei zaowocowało w Polsce.

W XVI wieku sytuacja odwróciła się. Na Węgrzech, gnębionych konfliktami wewnętrznymi oraz stałym zagrożeniem tureckim, czego rezultatem był podział kraju na trzy części, z braku jednolitego centrum naukowego i kulturalnego, rozwój kultury stracił na dotychczasowym rozmachu, a nawet wręcz został zahamowany. W dodatku w wyniku ciągłych walk znaczna część dotychczasowego dorobku kulturalnego uległa zniszczeniu. W tym okresie ważna rola w kulturze węgierskiej przypadła Siedmiogrodowi. Podczas gdy na Węgrzech rozwój kultury wolniej, w Polsce kultura renesansowa zaczyna dochodzić do szczytu. Dwór Zygmunta Starego i jego włoskiej małżonki, Bony, staje się dworem renesansowym, przyciąga włoskich artystów, Akademia Krakowska kształci studentów z wielu krajów, prężnie rozwijają się drukarnie. Jest to okres, kiedy spragnieni wiedzy i kultury Węgrzy, nieposiadający własnej wszechnicy zaczynają masowo wyjeżdżać na zagraniczne uczelnie, między innymi do Krakowa. Tu również pojawiają się pierwsze druki węgierskie. Można więc stwierdzić, iż Polska niejako oddała swe długi, wspomagając w pierwszej połowie XVI wieku rozwój kultury węgierskiej.

Duże znaczenie dla „wymiany kulturalnej” w epoce renesansu miały również czasy Stefana Batorego, kiedy to znów kultura węgierska miała okazję oddziaływać na Polskę.

Osobiste kontakty Polaków z Węgrami nie pozostały bez śladu, wywarły różnoraki wpływ również na działalność twórczą pisarzy, humanistów polskich i węgierskich. Poniżej spróbujemy zebrać najważniejsze następstwa literackie, które wynikły ze spotkań polsko-węgierskich.

Kontakty literackie miały najrozmaitsze formy. Na pierwszym miejscu wymienimy inspiracje personalne, bodźce pozaliterackie skłaniające pisarzy do tworzenia dzieł literackich. Kallimach w życiorysie Grzegorza z Sanoka, który znalazł się na Węgrzech w orszaku Władysława Warneńczyka, twierdzi, iż pisywał on utwory poświęcone wysokim duchownym z Wielkiego Waradynu. Mikołaj Lasocki, przebywający na dworze Jana Hunyadięgo, a później Jánoša Vitéza wygłosił we Włoszech w 1448 roku słynną mowę, w której zwrócił się do papieża Mikołaja V o pomoc dla Węgier w pokonaniu niebezpieczeństwa tureckiego. Maciej z Miechowa napisał podręcznik o tym, jak należy zachować się w razie zarazy, a uczynił to ponoć na prośbę węgierskiego przyjaciela. Ważka jest także rola Pawła z Krosna, jaką odegrał poprzez propagowanie w swych wierszach tematyki węgierskiej, jak również poprzez swoją działalność edytorską, którą prowadził z inspiracji bogatego rodu Perényich. Ten wędrowny humanista, magister Akademii Krakowskiej, w 1508 roku w strachu przed zarazą opuścił Polskę i przybył na Węgry, gdzie przebywał na różnych dworach magnackich, m. in. w Wielkim Waradynie u Stanisława Thurzona, a przede wszystkim związał się z potężnym magnatem i mecenasem, Gáborem Perényim. Pobyt ten zaowocował twórczością poetycką Pawła z Krosna, jakkolwiek nie należy on do najwybitniejszych poetów. Interesować nas może ze względu na utwory o tematyce węgierskiej, wiersze okolicznościowe, panegiryki, którymi składał dzięki swojemu węgierskiemu mecenasowi za opiekę. Przebywając na dworze Gábora Perényiego w Szöllös, napisał szereg, głównie drobnych utworów, które poświęcił swoim węgierskim protektorom, i z których powstał zbiór wydany w Wiedniu w 1509 roku: *Panegyrici et alia carmina*. W tomie tym znajdują się dwie pochwały św. Władysława (Szent László), króla Węgier i patrona Polski, a także pierwszego z mecenasów poety, Stanisława Thurzona. Jednym z jego utworów jest epitalamium na ślub Zygmunta I z Barbarą Zápolyą, który miał miejsce w 1512 roku. Maria Cytowska wykazała [ŚLASKI 1973a: 157], że epitalamium to, oraz dołączony do niego wiersz skierowany do biskupa poznańskiego Jerzego Lubrańskiego zawierają wiele aluzji do elegii i panegiryków Janusa Pannoniusa, którego wiersze Polak na pewno dobrze znał i cenił, o czym dobrze świadczy fakt, dzięki któremu Paweł z Krosna na pewno zasłużył sobie na uznanie (głównie ze strony Węgrów), a mianowicie rozpoczęcie cyklu edycji wierszy Janusa Pannoniusa. Po powrocie do Polski Paweł utrzymywał korespondencję z Perényim, w wyniku której zrodził się pomysł wydania wierszy Pannoniusa. Z jego wierszami mógł się zetknąć poeta w Wielkim Waradynie albo też na dworze Perényiego. Mógł także dotrzeć do tekstów Pannoniusa w Krakowie. Pierwszy tomik wierszy węgierskiego poety, przygotowany do druku przez Pawła

z Krosna wyszedł w Wiedniu w 1512 roku. Był to panegiryk dedykowany przez poetę włoskiemu nauczycielowi: *Silva panegyrica ad Guarinum Veronensem, praeceptorem suum*. Panegiryk ten Paweł opatrzył dedykacją skierowaną do Perényiego, w której pisze również o samym autorze wydawanego tomiku. [ŚLASKI 1973a: 163] Edycją wierszy Janusa Pannoniusa Paweł z Krosna rozpoczął długą tradycję wydań utworów tego poety. Warto jeszcze dodać, iż kolejne wydanie wierszy pannońskiego poety miało miejsce w niedługim czasie, w 1513 roku w Bolonii. Jego wydawcą był Węgier, Sebestyén Magyi, krakowski uczeń Pawła z Krosna, którego prawdopodobnie łączyła z mistrzem bliska przyjaźń. Przypuszczalnie dzięki pomocy swojego ucznia dostał się Paweł na dwór Perényiego. Na Węgrzech Magyi jeszcze raz odwdzińczył się swojemu polskiemu nauczycielowi, kiedy w obecności Pawła i „licznego zastępu baronów” [ŚLASKI 1973a: 159] wygłosił jego wiersz, skierowany do kasztelana budzińskiego, Istvána Batorego. Po wyjeździe na studia do Bolonii Magyi nadal utrzymywał kontakty ze swoim nauczycielem. Po ukazaniu się wiedeńskiego tomiku Pannoniusa, przedrukował z niego tekst panegiryku, uzupełnił kilkoma innymi utworami poety i dołączył własny wiersz polecający. W ocenie poety pannońskiego poszedł dalej niż jego mistrz, dla którego Pannonius był doskonałym wcieleniem poety uczonego, a dla Magyiego był poetą nie tylko uczonym, a także znakomitym, który prześcignął wszystkich twórców współczesnych, nawet starożytnych. Paweł z Krosna pisze, że Janus Pannonius przeniósł Muzy na Węgry, Magyi natomiast, że „Muzy, osiadłe nad Dunajem, są bardziej urodziwe i wymowne niż ongiś u Rzymian” [ŚLASKI 1973a: 164].

Na tym tradycja wysławiania najwybitniejszego poety węgierskiego owych czasów, zainicjowana przez Pawła z Krosna nie zakończyła się. W 1518 roku w Krakowie u Wietora wyszedł kolejny zbiór epigramatów Pannoniusa, zawierający 43 utwory – największy wydrukowany wówczas zbiór wierszy tego poety. W 1512 roku współpracował z Pawłem z Krosna Adrianus Volphardus, którego kontakty z Polakiem zachęciły do dalszej pracy nad spuścizną Pannoniusa. W rozmaitych zbiorach rękopisów odnalazł wiersze Pannoniusa, które następnie w trzech tomikach wydał w Bolonii w latach 1522–1523. Jak więc widać, Paweł z Krosna w niemałym stopniu przysłużył się kulturze węgierskiej, rozpoczynając cały ciąg wydań dzieł wielkiego węgierskiego poety, a także inicjując szereg wypowiedzi interpretacyjnych, które były coraz częstsze i coraz bardziej pochwalne.

Innym przykładem dzieła powstałego w wyniku inspiracji personalnych jest wydany w 1527 roku w Krakowie, w słynnej oficynie Wietora utwór *De conflictu Hungarorum cum Turcis ad Mohatz verissima descriptio*, poświęcony bitwie pod Mohaczem (1526) pióra Istvána Brodaricsa, wykonany na zamówienie Zygmunta Starego, w którym węgierski humanista opisał przebieg bitwy. Również dużo dzieł, w tym wiele prac historiograficznych, powstało na zamówienie Stefana Batorego.

Poza utworami zainspirowanymi osobistymi kontaktami pojawiły się w literaturze polskiej i węgierskiej utwory bądź fragmenty utworów, związane tematycznie z Węgrami czy z Polską. Mowa tu o polonicach i hungaricach, które częste były w dziełach historiograficznych np. u Jana Długosza, Kallimacha, Macieja z Miechowa czy Łukasza Górnickiego. Obok historiografii wspólne tematy pojawiały się

także w poezji i prozie okolicznościowej, pisanej po łacinie, jak również w języku polskim i węgierskim. Tematu dostarczały wydarzenia historyczne: bitwa pod Warną, pod Mohaczem, upadek Budy. Wśród dużej ilości hungariców niekoniecznie wartościowych literacko, znajdują się również utwory o wysokim poziomie artystycznym. Zaliczyć można do nich utwory Klemensa Janickiego, poety, który podczas pobytu w Padwie poznał się z pochodzącym z Koszyc węgierskim humanistą Janem Antoninem. Spotkanie to zaowocowało później przyjaźnią i dalszymi kontaktami w Polsce, nie mówiąc o tym, że autor elegii *O sobie samym do potomności* wspomina węgierskiego przyjaciela także w swoich wierszach (*Elegia VII*), a w *Elegii VIII* z wielkim współczuciem opisuje tragiczny upadek Budy, podstępem zajętej przez Turków.

Do hungariców należy także wydany prawdopodobnie w 1541 roku utwór przypisywany Stanisławowi Gąsiorowskiemu Kleryce, *Pieśń o posiedzeniu i o zniewoleniu żalosnem ziemie węgierskiej...*, zwana inaczej *Cantio de Hungaria occupata*, która zachowała się również w kilku kopiach rękopiśmiennych, a do niektórych z nich dołączono także nuty. Z okazji częstych małżeństw polsko-węgierskich powstawały epitalamia. Takie epitalamium napisał między innymi jeden z pierwszych polskich poetów nowołacińskich, Andrzej Krzycki, z okazji ślubu Zygmunta I z Barbarą Zápolyą. Okazję tę uczcił napisaniem epitalamium również Paweł z Krosna, a także inny z polskich poetów nowołacińskich, Jan Dantyszek. Zarówno Krzycki, jak i Dantyszek przewinęli się przez Węgry (Krzycki nawet kilkakrotnie, spotkał się też w Krakowie z węgierskim erasmianistą Jakabem Piso), co pozostawiło ślady w ich wierszach. Pierwszej żony Zygmunta I, pochodzącej z Węgier dotyczyły również żale napisane przez Krzyckiego po jej śmierci (1515) – *Deplo ratio*. Dantyszek, oprócz wspomnianego epitalamium, opisał podróż króla Zygmunta do Presburga w 1515 roku, którą odbył, by spotkać się ze swoim bratem Władysławem, królem Czech i Węgier. Oprócz tego znajdziemy w dorobku Dantyszka utwór napisany pod wrażeniem klęski Węgrów pod Mohaczem: *Silva de calamitatibus*, który jest wezwaniem do całego świata chrześcijańskiego, do papieża i do cesarza o wystąpienie przeciw Turkom.

Falę wierszy wywołały czyny wojenne Macieja Korwina i Stefana Batorego. Zresztą z Batorym związana jest bardzo duża ilość wierszy, wychodzących także spod pióra największych poetów takich, jak Jan Kochanowski czy Mikołaj Sęp Szarzyński, który na przykład w *Pieśni VII*, tak oto wychwala dzielność i wielkość węgierskiego króla, któremu wielkości nadała nie tylko korona, a sama jego natura:

Ale szczęście przeżrane iż ma każda strona,
Tu Cię Bóg wniósł, gdzie jeszcze nie próżna obrona
Dzielność twoja być może, Królu niezmierzony,
Królu i z twej natury, nie tylko z korony!

[SĘP SZARZYŃSKI 1997]

W polskiej tradycji literackiej znalazł również miejsce Bálint Bakfark, z którym nawet wiąże się przysłowie polskie. Ten zdomowiony w Polsce, zwany przez Polaków Walentym Bekwarkiem albo Węgrzynkiem, kompozytor i lutnista przy-

był z Węgier (Siedmiogrodu) na dwór Zygmunta Augusta (wcześniej bywał także na dworach austriackich, francuskich i włoskich), długie lata przebywał w Krakowie, Poznaniu i Wilnie. W Polsce ożenił się i uzyskał nawet szlachectwo. W swojej twórczości kompozytorskiej wykorzystywał motywy polskiej muzyki ludowej. W Polsce dobrze był znany jego utwór, zadedykowany polskiemu królowi *Harmóniarum musicarum*, który wydrukowano w Krakowie. Jeden ze zbiorów jego dzieł napisanych na lutnię ukazał się drukiem również tutaj w 1565 roku (wcześniejszy zbiór wydrukowano w Lyonie w roku 1552). Bekwark musiał być osobą dobrze znaną i lubianą przez Polaków, sławna także musiała być jego gra na lutni, skoro tak wielki poeta polskiego renesansu, jak Jan Kochanowski utrwalił jego imię w swoich fraszkach:

O Bekwarku

By lutnia mówić umiała
Tak by nam w głos powiedziała:
„Wszyscy inszy w dudy grajcie,
Mnie Bekwarkowi niechajcie!”

[KOCHANOWSKI 1978]

W innej fraszce, choć o frywolnej treści, Kochanowski znowu powołuje się na wyjątkowość Bekwarka w swoim mistrzostwie, a ostatnie zdanie fraszki żyje jako przysłowie do dzisiaj:

O gospodyniej

Proszono jednej wielkimi prośbami,
Nie powiem o co, zgadniecie to sami.
A iż stateczna była białogłowa,
Nie wdawała się z gościem w długie słowa,
Ale mu z mężem do łaźniej kazała,
Aby mu swoją myśl rozumieć dała.
Wnidą do łaźniej, a gospodarz miły
Chodzi by w raju, nie zakrywszy żyły.
A słusznie, bo miał bindasz tak dostały,
Żeby był nie wlaźł w żadne famurały.
Gość poglądając dobrze żyw, a ono
Barzo nierówno pany podzielono.
Nie mył się długo i jechał tym chutniej:
Nie każdy weźmie po Bekwarku lutniej.

[KOCHANOWSKI 1978]

Dla literackich związków polsko-węgierskich niezwykle ważny jest fakt, że w czasie panowania Batorego (a także za czasów Zygmunta Augusta i później, Zygmunta III Wazy) pojawił się w Polsce kilkakrotnie Bálint Balassi, największy poeta węgierskiego renesansu, poeta, który stworzył węgierskojęzyczną poezję wysokiej

klasy. Jego kontakty z polską kulturą były różnorakie i wielostronne, pobyty poety w Polsce odniosły niemały wpływ na jego twórczość – miłosną, a także religijną.

Z osobą Balassiego związany jest do pewnego stopnia poeta polski, poeta-żołnierz – Adam Czahrowski – który w 1588 roku, po klęsce Maksymiliana Habsburga pod Byczyną, jako jego zwolennik uciekł z Polski na Węgry. Spędził tu niemało czasu, bo aż dziewięć lat, biorąc udział w częstych w owym czasie walkach z Turkami w pogranicznych twierdzach Węgier. Rezultatem pobytu na Węgrzech jest tomik wierszy *Treny i rzeczy rozmaite*. W czasie swojego pobytu na Węgrzech Czahrowski przypuszczalnie zetknął się z Bálintem Balassim, a spotkanie to pozostawiło istotne ślady w jego twórczości.¹ W tomie swoim umieścił Czahrowski m. in. wiersze, opisujące walki Węgrów z Turkami, co stanowiło temat pasjonujący podówczas wielu czytelników, temat aktualny, wiersze te były więc poczytne. Węgry wydane na łup turecki budziły wśród Polaków żywe zainteresowanie i w XVI wieku wielokrotnie stawały się tematem rozmaitych dzieł literackich. Zbiór wierszy poety–rycerza zawiera utwory, z których można zrekonstruować losy, biografię autora, a także węgierski szlak bojowy, którym toczyły się walki z Turkami, i którymi kroczył autor tomiku. Są tu także pisane prozą przypowieści, czyli bajki zasłyszane w zamkach pogranicznych w ciągu dziewięciu lat służby na kresach węgierskich, na przykład od Ferhata beka czy od pojmanego sługi tureckiego. Interesujące są wiersze, w których Czahrowski nie szczędzi słów pochwały załodze węgierskiej, broniącej Egeru (nazywa ją „ziarnem ludzi” wybranych), którą wyróżnia spośród wielorakiego zbiorowiska rycerzy różnych nacji.

Ze względów politycznych musiał też uciekać ze swojej ojczyzny, z Węgier, István Illésházy. Był to jeden z najbogatszych magnatów węgierskich, wykształcony polityk, poeta i pamiętnikarz, należący do stronnictwa antyhabsburskiego. W 1602 roku, po wyroku wydanym na niego przez Habsburgów, znalazł schronienie w Polsce. Tutaj spod jego pióra wyszedł jeden z najpiękniejszych wierszy węgierskiego renesansu: *Ferendum et sperandum*, który jest śladem związków polskich i węgierskich neostoików, prawdopodobnie związanych z Zamościem. Illésházy w sposób typowy dla stoickiej filozofii pisze o niestałości Fortuny, podobnej do szkła, które łatwo się tłucze, o nietrwałości dóbr ziemskich, o przemijaniu. Wie jednak, że po złych chwilach nadejdą dobre:

¹Temat Balassiego i Czahrowskiego poruszyła autorka niniejszego artykułu w następujących publikacjach: Adama Czahrowskiego przygoda z Węgrami. In: Multikulturalitás, nemzetek identitás, kisebbségek, Magyarországon és Lengyelországon. Nyelv – Irodalom – Kultúra. Szerk. Fórián Éva, Debreceni Egyetem, Szlavisztikai Intézet, Lengyel Nyelv és Irodalom Tanszék, Debrecen 2004, 179–189. „Wędrowniki” pewnego wiersza Bálinta Balassiego w literaturze staropolskiej. In: Lengyelek és magyarok a XVI. Századi Európában. Balassi Bálint és Báthory István kora. Tanulmányok a 2004. április 27–28-án Krakkóban megrendezett nemzetközi konferencia anyagából. Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 2004, 265–276. Balint Balassi w świetle polsko-węgierskich badań komparatystycznych. Polskie drogi Balinta Balassiego. In: Interkulturális kommunikáció: nyelvi és kulturális sokszínűség Európában, Eötvös Loránd Tudományegyetem, Bölcsészettudományi Kar, Lengyel Filológiai Tanszék, Magyar Tudományos Akadémia, Modern Filológiai Társaság, Budapest 2006, 172–178. Kilka uwag o wzajemnych wpływach w polskiej i węgierskiej literaturze epoki odrodzenia. In: Studia Slavica, Vol. 52, Academiae Scientiarum Hungaricae, Budapest 2007, 431–440.

Mint nap eső után, úgy bánatim után örömmim megújulnak.
(Tak jak słońce po deszczu, tak po mych smutkach przyjdą i radości.)

Na przełomie XVI i XVII wieku, u schyłku renesansu więzi kulturalne były jeszcze dość żywe. Z jednej strony dalej współdziałali ze sobą polscy i węgierscy zwolennicy reformacji, szczególnie arianie. Obok nich byli również w kontaktach ze sobą przedstawiciele rozpoczynającej swoją działalność kontrreformacji. Trzykrotnie przebywał w Siedmiogrodzie, w Kolozsvarze Jakub Wujek, autor katolickiego przekładu Biblii na język polski. Przez pewien czas działał tam jako rektor kolegium i podobno znał język węgierski [ŚLASKI 1977: 183]. W Krakowie natomiast odbywał studia Miklós Telegdi, pisarz i polemista religijny. Tłumacz literatury religijnej, Gergely Vásárhelyi wstąpił do zakonu jezuitów w Wilnie. W latach 1587–1589 przebywał w Krakowie Péter Pázmány, najwybitniejszy na Węgrzech przedstawiciel kontrreformacji, jezuita, wybitny kaznodzieja i pisarz, założyciel pierwszego, trwale działającego, uniwersytetu w Nagyszombat (1635).

W tym okresie drogi Węgrów w Polsce związane są z postępującą kontrreformacją i prowadzą coraz częściej na północ Polski, do Braniewa, ośrodka polskich jezuitów. Bálint Balassi, który w 1590 roku był po raz ostatni w Polsce, zatrzymał się w kolegium jezuickim w Braniewie. Jest to okres konwersji poety, kiedy to napisał cykl słynnych wierszy religijnych. Węgrów przyciągały również ośrodki protestanckie. W gdańskim gimnazjum uczył się wybitny pisarz późnego renesansu Márton Csombor Szepsi, podróżnik i autor pierwszego obszernego opisu podróży w języku węgierskim (*Europica varietas*, 1620), w którym opisując Polskę, narzeka między innymi na rozwiązłość i brak moralności Polaków: „Mieszkańcy Polski są zadufani w sobie i chętni, dumni, porywczy i lubieżni, a mimo to bardzo jedni dla drugich życzliwi, miłosierni dla ubogich i szczerzy obrońcy swej wiary.” [CSOMBOR 1961: 11], a gdańskiemu magistratowi zarzuca skąpstwo. W toruńskim gimnazjum natomiast odbywał nauki autor interesującej rozprawy o stylach, Valentinus Fabricius Trapoldensis Transilvanus.

Interesujące są także dedykacje dzieł renesansowych. Węgierski poeta nowołaciński i wybitny humanista, János Zsámboky – zwany Joannes Sambucus – który w 1559 roku wydał w Padwie obszerny zbiór poezji Janusa Pannoniusa, zadedykował go Marianowi Leżeńskiemu, kanonikowi krakowskiemu, ze względu – jak twierdził – na żywe zainteresowanie Polaka wierszami Pannoniusa. [ŚLASKI 1973b: 62]. Sam Zsámboky zresztą obeznany był z piśmiennictwem polskim, miał w swojej bibliotece wiele dzieł polskich, m.in. dzieła Andrzeja Ciesielskiego, Leonarda Goreckiego, Stanisława Hozjusza, Kopernika, Marcina Kromera, Jana Łaskiego, Orzechowskiego i Jana Zamoyskiego.

Takich dedykacji polsko-węgierskich w okresie renesansu było zresztą sporo. Paweł z Krosna, jak już wcześniej wspominaliśmy, wiedeńskie wydanie tomiku Janusa Pannoniusa poprzedził listem skierowanym do swojego węgierskiego patrona, Gábora Perényiego. Perényiemu i Thurzonom poświęcono większość węgierskich druków wydanych w Krakowie. Liczne dedykacje kierowane były do Jana Zygmunta Zápolyi i Stefana Batorego. Piotr Statorius-Stojeński, autor najstar-

szej gramatyki polskiej z 1568 roku, zadyedykował ją osiadłemu w Polsce Węgrowi, przyjacielowi Jan Kochanowski, Andrzejowi Dudyczowi.

W literaturze polskiej XVI wieku pojawia się szczególnie rodzaj nawiązywania do spraw węgierskich. Są to tzw. przykłady węgierskie – exempla. Mają one poprzez ukazanie tragicznego losu Węgrów niejako wstrząsnąć Polakami, którzy „oślepli” i nie widzą, iż kroczą drogą prowadzącą do upadku Polski. Drogę tę Węgrzy już przebyli, więc ucząc się na ich przykładzie Polacy powinni otrząsnąć się i pilnować swojego największego dobra – „tonącego statku” – którym jest ojczyzna. Tak więc przykłady węgierskie stanowiły dla Polaków przestrożę przed upadkiem kraju. Przykłady te zajmują dużo miejsca w ówczesnym piśmiennictwie polskim. Występowały w traktatach politycznych, pismach publicystycznych, w polemikach świeckich i religijnych, w kaznodziejstwie oraz pracach moralistyczno-dydaktycznych. Węgry ukazywano jako państwo niegdyś wielkie, które jednak wskutek „nierządu wewnętrznego” i „wielkich zrad” [ŚLASKI 1977: 186] musiało upaść. Pisarze wskazywali przyczyny upadku Węgier w zależności od swojej przynależności społecznej i religijnej oraz celu wymowy. Tak więc publicyści szlacheccy, związani w owym czasie ze szlacheckim ruchem egzekucyjnym szukali przyczyn klęski w samowoli i nadużyciach magnaterii węgierskiej. Pisarze religijni dopatrywali się tego w braku jedności religijnej. Publicyści okresu bezkrólewia o upadek państwa obwiniali obce dynastie królewskie. Przykłady węgierskie, które nie zawsze były całkowicie wierne rzeczywistości historycznej miały jeden główny cel: służyć za przestrożę Polakom. Exempla takie znajdziemy u wielu wybitnych twórców XVI wieku, zaniepokojonych o przyszłość Polski i zaznajomionych z tragicznymi losami sąsiedniego kraju, m. in: u Jana Kochanowskiego, Łukasza Górnickiego, Stanisława Orzechowskiego, Andrzeja Frycza Modrzewskiego, Jan Dymitra Solikowskiego, Marcina Bielskiego, Jan Januszowskiego czy Piotra Skargi. Piotr Skarga w swoich Kazaniach sejmowych, przytacza przykład upadku wielkości Węgier, którego przyczyną jest, według polskiego kaznodziei, szerząca się na Węgrzech reformacja, brak jedności wiary katolickiej. Oto jego obraz:

„Patrzcie na upadki królestw, które od Kościoła ś. i jedności religiej ś. odpadły, jako popustoszały! Patrzcie na bliską sąsiedzką ziemię Węgrów, niegdy bogatych i możnych! Na ono złote jabłko królestwa ich, jako na obleciały dom, jako na dąb, z którego liście opadły, jako na ogród uschły bez wody!.. Lud w niewolą pobrano, szlachtę wybito, zamki popsowano, na drugich Turczyn co dzień się więcej wzmacnia, a co dzień ziemię i wszystko psuje.

Spytajcie wedle Pisma: „czemu tak Pan Bóg uczynił ziemi tej, co to za gniew niezmierny jego?” I odpowiedzą Wam: „Bo opuścili zmwę Pańską, którą miał z ojcy ich. Służyli cudzym bogom, których ojcowie ich nie znali. Dlatego zapalił się gniew Pański przeciw ziemi tej i wprowadził to przeklęctwo na nie. Tak jest zaprawdę.” – potwierdza dotychczasowe stwierdzenia kaznodzieja, chcąc przekonać swych słuchaczy – „Póki na jedności wiary ich królestwo stało, póty się mocno bronili i tureckie wojska samym okrzykiem imienia Jezus porażali. Jako ojcowską świętą wiarę porzucili i obcych bogów, i inszych Chrystusów z ludem do ziemi swej naprowadzili, padło na nie przeklęctwo. Nie Turcy u nich kościoły popusto-

szyli i wielkie biskupstwa pogubili, ale oni sami. I dlatego ich też, żal się Boże, pogubił Pan Bóg. I teraz, gdy się nie nawracają, ale bardziej twardzieją, gubić ich nie przestaje. Tegoż się i wy bójcie, a z fundamentu szczęścia i błogosławieństwa królestwa swego nie zstępujcie, to jest z religiej katolickiej, w której królestwa Chrystusowi służą, a on im mocnym Bogiem zawsze na obronę ich zostaje.” [SKARGA 1995: 91–92]. Przykłady węgierskie są w literaturze polskiej dość liczne, świadczą o znajomości dziejów południowego sąsiada, często też uderzają swoją ekspresją i silnym zaangażowaniem uczuciowym pisarzy polskich, którzy z pewnością liczyli na skuteczność przytaczanych przykładów, dotyczących kraju sąsiedniego, często odwiedzanego przez Polaków i, podobnie jak Polska, traktowanego jako przedmurze chrześcijaństwa, którego zadaniem dziejowym jest obrona zachodniego świata przed tureckim pogaństwem.

Również Stefan Batory, który z wielkim zaangażowaniem kierował powierzonym mu krajem, znał dobrze sprawy swojej ojczyzny i przestrzegał Polaków przed podobnym losem: „Wskutek niezgody i niegodziwości ludzkiej zginęło już wiele krajów. Oto, powiadam, przykładem moja ojczyzna, sąsiednie Węgry, które były bogate i kwitnące, miały zarówno dużo wojska i wolności, a jednak popadły w niewolę, ponieważ ludzie troszczyli się tam o swe własne korzyści, a nie o interes państwa” [FELCZAK–FISCHINGER 1979: 32]. Dobrze musiał poznać i znać Polaków, podobnie jak wielu wybitnych pisarzy, poetów polskiego renesansu, którzy wytykali podobne wady narodowi polskiemu? Czy głos Piotra Skargi nie grzmiał zarzucając Polakom prywatę, nawołując o opamiętanie i ratunek dla „tonącego okrętu”? Inne słowa Batorego również wskazują na dobrą znajomość obywateli nowej ojczyzny: „*Polacy, mimo męstwa, naród płochy, wytrwałości nie ma, zabawę woli niż pracę*”. Te same zarzuty znajdujemy np. u Kochanowskiego.

Przytoczmy też słowa nieznanego autora polskiego, który w swojej „*Pieśni o Węgrach*” pochodzącej z około 1560 roku przedstawił Polakom tragiczny los niegdyś potężnych Węgier, wskazując, że dawniej dumni ze swojego bogactwa Węgrzy potracili majątki, rodziny, a co więcej – wolność. A śpiewano tę pieśń być może ku przestrodze:

Pieśń o Węgrach

Mieścić bogaci Węgrowie
złota dosyć w pogotowie,
którzy swój stan pyszno wiedli,
już dziś w niewolej usiedli.

Uciśnieni z każdej strony,
pobrano im dziatki, żony,
potracili swe (i swe) i mienie,
wpadli w okrutne więzienie.

Wszyscy tam osierocieli,
już nie mają przyjacieli,

już mąż nie ogląda żony,
zawieziona w cudze strony.

[FORRAI 1956]

Za kolejną płaszczyznę, na której uwydatniły się kontakty i wpływy literackie, można uznać tłumaczenia utworów polskich na język węgierski i odwrotnie. Z pewnością nie są one tak liczne, jak tłumaczenia z łaciny czy z włoskiego, ale warto o nich wspomnieć, gdyż stanowią jedno z ogniw łańcucha, łączącego dwa bratnie narody. Przekłady miały oczywiście różny charakter, spotykamy się z tłumaczeniami wiernymi, wolnymi, a także parafrazami.

Wśród tłumaczeń na język węgierski największą część zajmują kalendarze polskie. Choć nie należą one do literatury wysokiego lotu, odegrały jednak dużą rolę w piśmiennictwie węgierskim.

W 1527 roku z krakowskiej drukarni Wietora wyszedł pierwszy kalendarz, napisany w języku węgierskim: *Calendarium magyar nyelven* (*Kalendarz po węgiersku*), którego autorem był István Székely. Węgierskie kalendarze tego okresu zawierały prognozy pogody, zapisy wydarzeń historycznych, a także zamieszczano w nich rozmaite wiersze. Są one więc cennym źródłem, wzbogacającym wiadomości dotyczące historii kultury. W dodatku stanowią szczególnie dział w historii polsko-węgierskich kontaktów, ze względu na to, iż wzorem dla kalendarzy węgierskich były druki polskie, w wielu przypadkach tłumaczone na język węgierski. Na karcie tytułowej kalendarzy węgierskich najczęściej widnieje nazwisko autora, którym okazuje się jakiś pisarz pochodzący z Krakowa.

Kolejny znany kalendarz węgierski łączy się z nazwiskiem jednego z wybitnych prozaików węgierskich, Pétera Bornemiszy, który wydał w Wiedniu u Rafała Hoffhaltera-Skrzetuskiego przetłumaczony na język węgierski i opracowany przez siebie kalendarz Tomasza Piotrkowczyka na rok 1562, o długim tytule: *Kalendárium es az áegh forgasabol való igaz itiletek Ky az Craccai Tiotroconi Thomas szerzese szerind fordítaték magiara, Pesti Bornemissa Péter deák által. Az edes iduoezitoe Vrunck Jezus Christus szuletesenek M.D. LXII. Esztendeire. Az felséges Chazarnak engedelmeboel niomtata Raphael Hofhalter...* (*Kalendarz i prawdziwe wyroki boskie, które według krakowskiego Thomasa Tiotroconi przełożył na węgierski Péter Bornemissa z Pesztu. Roku Pańskiego MDLXII za zgodą Miłościwego Cesarza wydrukował Raphael Hofhalter...*) [CSAPLÁROS 1943].

W przypadku kalendarzy istotny jest nie tylko fakt tłumaczenia tekstów polskich na język węgierski, ale i to, iż zawierają one szereg cennych danych, wiele interesujących wiadomości dotyczących sąsiednich krajów, w tym także i Polski. W jednym z kalendarzy, wydanym w 1527 roku, na przykład aż trzy rozdziały zajmują się polską tematyką – *Némely országnak szerencséről, legelőszőr is Krakoról, Nagy Lengyelországáról i Nagy Litvánia főhercegségről* (O szczęściu niektórych państw, najpierw o Krakowie, o Wielkiej Polsce i o Wielkim Księstwie Litewskim).

Warto jeszcze wspomnieć, że już najdawniejszy z autorów kalendarzy węgierskich, István Székely, umieścił w swoim kalendarzu wiersze zawierające nazwy mie-

sięcy oraz prognozę pogody. Wiersze te, jak zakłada Imre Kovács, albo napisał Székely na podstawie polskich lub łacińskich minucji, albo też zostały przetłumaczone.

Kalendarze opierające się na polskich wzorach powstawały na Węgrzech jeszcze w pierwszej połowie XVII wieku. Znany jest m. in. kalendarz wydany w 1621 roku w Nagyszombat, który jest tłumaczeniem tekstów krakowskiego doktora Sdakowskiego oraz pochodzący z połowy XVII wieku kalendarz krakowskiego astronoma Damjana Pajckiego, zadedykowany Jerzemu Rakoczemu, który w 1651 roku wydrukowano jeszcze raz, z przeznaczeniem specjalnie dla Węgrów. Wiadomo, że od 1578 roku do końca wieku co roku wychodziło tłumaczenie kalendarzy polskich, a często miały one nawet po kilka wydań.

Obok kalendarzy trzeba wspomnieć inny jeszcze przekład. W 1531 roku wydano w Polsce utwór wróżebny pt. *Fortuna*, którego autorstwo, czy może redakcję, przypisuje się Stanisławowi Kleryce. Był to zbiór czterowersowych wróżb z rzutów kostką, dobranych do rozmaitych okoliczności, jak na przykład wybór zawodu, służby czy małżonka. *Fortuna* nawiązywała do średniowiecznych tradycji, ale autor jej poszedł dalej, gdyż stworzył tekst żartobliwy, satyrycznie traktujący poszczególne środowiska (dworskie czy kościelne) czy stany (np. dochowny lub małżeński). Utwór ten w tłumaczeniu na język węgierski ukazał się na przełomie XVI i XVII wieku. Miał on na Węgrzech dość długi żywot, gdyż wydano go w Budzie jeszcze w 1868 roku – a było to szesnaste wydanie – a i potem jeszcze przerabiano go i adaptowano, przetłumaczono go nawet na język niemiecki.

Poza tymi przekładami zainteresowaniem odbiorców węgierskich cieszyły się teksty religijne, psalmy oraz pieśni kościelne. Tłumaczenia takich tekstów zapoczątkował najwybitniejszy liryk węgierskiego renesansu, Bálint Balassi. Przetłumaczył on, dość swobodnie *Psalm LXVII* z psalmów Jakuba Lubelczyka. Później chętnie i często tłumaczono na język węgierski psalmy Jana Kochanowskiego i pieśni Artomiusza Krzesichleba. Przekłady polskich psalmów i pieśni pojawiały się anonimowo, a w XVII wieku często były przedrukowywane w protestanckich zbiorach.

Do Polaków również docierały przekłady tekstów węgierskich. Cyprian Bazylík przełożył z łacińskiego oryginału utwór Miklósa Oláha o wodzu Hunów, Attyli. *Historyja spraw Atyle, króla węgierskiego* została wydana w Krakowie w 1574 roku. Musimy też dodać, że ten właśnie polski przekład był podstawą późniejszego tłumaczenia na język białoruski, o czym warto wspomnieć, gdyż jest to jedyne dzieło humanistyczne w literaturze białoruskiej, a w dodatku jest przykładem „wędrówki” tekstów po Europie, tym razem w nietypowym kierunku – z Węgier poprzez Polskę na wschód. Warto jeszcze wspomnieć pewną pomyłkę, na którą zwraca uwagę András Zoltán [ZOLTÁN 2001], i którą niesłusznie powtarza wiele źródeł, a mianowicie, jakoby *Historyja spraw Atyle* miała być przekładem dzieła Kallimacha, opatrzonego podobnym tytułem. Pochodzenie źródła, po które sięgnął Cyprian Bazylík, wyjaśnił w 1886 roku w jednej ze swoich prac Aleksander Brückner, który porównując równoległe partie tekstów jednoznacznie wykazał autorstwo Miklósa Oláha.

Należałoby jeszcze wspomnieć o kontaktach trójstronnych, kiedy to pisarze polscy i węgierscy sięgali do tych samych źródeł, najczęściej włoskich. Jan Ślaski stawia pytanie, czy podobieństwa, które można wykazać w poezji polskiej i poezji Bálinta Balassiego nie są być może rezultatem tych samych wzorów włoskich. Tak jak dziejopisarze, Székely i Bielski, sięgnęli być może do tych samych źródeł, co przyniosło w rezultacie podobne wyniki. Być może słynny incipit Muzy – „Sobie śpiewam a Muzom” – Jana Kochanowskiego pochodzi z tego samego źródła, do którego nawiązał Janus Pannonius w epigramacie *In Vitum* – „Írok a Múzsáknak, s magamért dalolok” (Piszę do Muz, i sobie śpiewam) [ŚLASKI 1977: 190]. Problem, czy w przypadkach tych można mówić o bezpośrednim oddziaływaniu, czy też o wspólnych źródłach nie został jeszcze jednoznacznie rozstrzygnięty.

Na podstawie powyższego widać, że kontakty osobiste i literackie między polskimi i węgierskimi twórcami w dobie renesansu były szczególnie częste i wielorakie. Podłożem tych więzi było z pewnością sąsiedztwo obu krajów, polityka dynastyczna prowadzona przez oba państwa, i co z tego wynika, szerokie kontakty polityczne między obu krajami, a także niewątpliwie podobne uwarunkowania społeczno-polityczne.

Bibliografia

- CSAPLÁROS 1943: Csapláros István, *A lengyel irodalom Magyarországon*, Budapest.
- CSOMBOR 1961: Csombor M., (Szepsi Csombor Márton), *Podróż po Polsce*. tłum. J. Ślaski, Spółdzielnia Wydawnicza Czytelnik, Warszawa.
- FELCZAK–FISCHINGER 1979: Felczak W., Fischiger A., *Polska – Tysiąc lat przyjaźni – Węgry*. Wspólne wydanie Corvina, Budapest i KAW, Warszawa.
- FORRAI 1956: Forrai M., *Öt évszázad kórus(a, ai)*. Budapest.
- KOCHANOWSKI 1978: Kochanowski Jan, *Dzieła polskie*. Opracował Julian Krzyżanowski, Państwowy Instytut Wydawniczy, Warszawa.
- MIKULSKI 1947: Mikulski Tadeusz, Adam Czahrowski z Czahrowa. Portret literacki. Kraków. (Przedruk w: T. Mikulski, *Rzeczy staropolskie*, Wrocław 1964).
- REYCHMAN 1969: Reychman Jan (red. wersji polskiej), *Studia z dziejów polsko-węgierskich stosunków literackich i kulturalnych*, Budapest.
- SĘP SZARZYŃSKI 1997: Sęp Szarzyński Mikołaj, *Poezje*. Wstęp i opracowanie Janusz S. Gruchała, Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych Universitas, Kraków. Pieśń VII.
- SKARGA 1995: Skarga Piotr, *Kazania sejmowe*. Opracował Janusz Tazbir przy współudziale Mirosława Korolki. Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław – Warszawa – Kraków.
- ŚLASKI 1973a: Ślaski Jan, Janus Pannonius i Polacy. // *Literatura staropolska i jej związki europejskie*. Red. J. Pelc. Wrocław. VII. Międzynarodowy Kongres Sławistyczny
- ŚLASKI 1977: Ślaski Jan, *Literatura staropolska a literatura starowęgierska*. // *Literatura staropolska w kontekście europejskim. Związki i analogie*. Red. T. Michałowska i J. Ślaski, Warszawa – Wrocław.
- ŚLASKI 1973b: Ślaski Jan, *Perspektywy komparatystyczne w studiach nad piśmiennictwem Polski i Węgier doby Renesansu*. In: *Przegląd Humanistyczny* z. 3.

ZOLTÁN 2001: Zoltán András, Callimachus vagy Olahus? Egy régi tévedés nyomában // Hungaro-Slavica 2001, Studia in honorem Iani Bańcerowski, redigit István Nyomárkay, ELTE, Szlav és Balti Filológiai Intézet, Budapest.

Abstract

The “Fruits” of Hungarian-Polish Literary Relations in the Renaissance

Hungarian-Polish relations were abundant during the Renaissance, manifesting themselves not only in the political sphere, but being significant also in the realms of culture and literature. Literary contacts were realized in different ways. We can talk about personal inspiration, when literary works were born out of someone's influence or upon someone's request. Works with Polish or Hungarian themes were common in both literatures and especially in Polish literature so were the so-called “exempla”, in which Polish writers presented the tragedies of Hungarian history with the aim of calling their contemporaries' attention to the need of protecting the homeland. Finally, several excellent translations were prepared of both Polish and Hungarian works.

„INNOŚĆ”, „OBCOŚĆ” I „WROGOŚĆ” KALWINISTÓW W JĘZYKU I LITERATURZE POLSKIEJ XIX I XX WIEKU

I. D. MOLNÁR

Nasze studium to przegląd pojedynczych wyrazów i związków różnego rodzaju wyrazów języka polskiego, oznaczających kalwinistów lub ludzi lub przedmiotów związanych z nimi. Więcej zajmujemy się elementami świata przedstawionego polskich powieści i dramatów, czyli obrazem literackim ewangelików reformowanych w Polsce. Analizujemy poglądy kalwinistów, idee tych postaci i szukamy znaczeń tego obrazu dla autorów i dla dzisiejszych czytelników interesujących nas dzieł literackich. Dlatego wybraliśmy właśnie wieki XIX i XX, ponieważ wcześniej, w epoce oświecenia także w Polsce nastąpiła laicyzacja całej sfery umysłowej: poczynawszy od tych czasów społeczeństwo względnie przeważająca część pisarzy nie przypisywała decydującego znaczenia przynależności religijnej ludzi.

Sądzymy, że temat ten jest wart uwagi nie tylko z punktu widzenia Polaków. Przecież, pozostając przy wspólnocie europejskiej, nie we wszystkich państwach naszego kontynentu, a właściwie w ich opinii publicznej, języku i literaturze pięknej można zaobserwować taki stosunek przeważającej większości wyznawców lub sympatyków jednej religii czy kościoła do wiernych czy sympatyków mniejszościowych religii lub małych kościołów, który dominuje w Polsce. Można go określić – zresztą nie tylko w wieku XIX i XX – trzema terminami naraz: „inność”, „obcość” i „wrogość”.

Tego ostatniego terminu nie używaliśmy w pierwszej, węgierskojęzycznej wersji tej rozprawy [D. MOLNÁR 2006], teraz zaś używamy w ślad za тезami Мieczysława Dąbrowskiego, w których czytamy: „Na tle uwag dotyczących państwa narodowego można sformułować tezę (...), iż każda mniejszość – narodowo-etniczna przede wszystkim, ale i seksualna, i kulturowa, i religijna – postrzegana jest jako element inny, obcy lub nawet wrogi (...) inność związana jest z zaciekawieniem, ale i w zasadzie stosunkiem tolerancyjnym, a czasem nawet przyjaznym. Inny nie musi stać się od razu przyjacielem, ale też nie jest postrzegany jako zagrożenie. Obcość sugeruje sytuację dystansu, usunięcie poza krąg doświadczeń kolektywnego *my*, brak akceptacji, wyrażanej głośno lub tylko gestem czy zachowaniem, niechęcią. Stosunek ten przy pewnych sprzyjających okolicznościach (brak miejsc pracy na rynku, zadrażnienia na tle religijnym itp.) przeradza się we wrogość. Wrogość uwalnia podmioty z konieczności zachowywania politycznej poprawności (...), pozwala na ujawnienie i demonstrowanie jawnej niechęci, prowadzi do zbrodniczych czynów” [DĄBROWSKI 2005: 11].

W odniesieniu do „inności”, „obcości” i „wrogości” jako terminów językoznawstwa wykorzystujemy zdanie Janusza Bańcerowskiego, który opierając się

na studiach Angeliki Wenzel (*Stereotype in gesprochener Sprache*, München, 1978) i Elżbiety Zawadzkiej (*Stereotypy i uprzedzenia a nauczanie języków obcych*, in: Grucza, F. & Chomicz-Jung, K. [red.], *Problemy komunikacji interkulturowej*, Warszawa, 1996) pisał: „Stereotypy przywołują także takie kategorie, które ułatwiają nam orientowanie się w bardzo złożonej rzeczywistości obiektywnej z tym, że poprzez sprawdzenie akceptacji lub odrzucenia danego kolektywu lub grupy społecznej przyczyniają się do określenia, wzmocnienia i obrony naszej własnej pozycji (...) mogą być objawem takiego dążenia charakterystycznego dla człowieka, który odróżnia własną grupę od innych, i to odróżnienie opiera się zawsze tylko na korzyściach jednokierunkowych. W procesie socjalizacji powstają grupy »MY« i »ONI«. Kategoryzacja rodzaju »MY« i »ONI« odzwierciedla ten proces myślowy obrony własnej, który umożliwia określenie naszego własnego miejsca w danym kolektywie, do którego należymy. Temu towarzyszy także odpowiedni zbiór aksjologiczny języka. Stereotypy w rozumieniu psychologiczno-społecznym często odzwierciedlają tę niepewność i bojaźń, które polegają na tym przekonaniu, że możemy utracić własną tożsamość zapewnioną przez przynależność do grupy »MY«, i wskutek tego doprowadzi ona do ukształtowania takiej postawy, która jest kierowana przeciw innemu, obcemu” [BAŃCZEROWSKI 2004: 60–61].

Jak wiadomo, w państwie polsko-litewskim w XVI wieku liczna rzesza szlachty przyjęła kalwinizm. Jego wyznawcami byli także Czesi, którzy szukali schronienia na ziemiach polskich. Większość wiernych kościoła luterańskiego stanowili od początku Niemcy, głównie mieszczenie. Przeważająca część wyznawców dzisiejszego kościoła ewangelicko-augsburskiego w Polsce stanowią Polacy niemieckiego pochodzenia lub żyjący tu Niemcy. Wśród arian (unitarian) najwięcej było Polaków, ale w drugiej połowie XVII wieku wypędzono ich ze swojej ojczyzny. (Uciekli oni do Siedmiogrodu.) W wyniku kontrreformacji (rekatolizacji) polscy szlachcice oraz ich poddani odrzucili kalwinizm, natomiast począwszy od wieku XVI aż do XIX – dzięki wyjątkowej w Europie tolerancji religijnej, do której podobna istniała tylko w Siedmiogrodzie – osiedliła się w Rzeczypospolitej Polskiej masa Czechów, Francuzów, Holendrów, Niemców, Szkotów, różnojęzycznych Szwajcarów oraz Włochów, których większość zasilila szeregi wiernych wyznania ewangelicko-reformowanego. Dołączyli się do tego kościoła później także Żydzi. Wskutek kontrreformacji znacznie wzrosła liczba rzymskich katolików i ta sytuacja nie zmieniła się także po końcu XVIII wieku, po zlikwidowaniu samodzielnego państwa polskiego. W dużej mierze z powodu uznania kalwinistów za obcych i nawet wrogich po II wojnie światowej pozostał na ziemiach polskich „minikościół” ewangelicko-reformowany, co z naszego punktu widzenia nie ma znaczenia, ponieważ na razie wiemy tylko o znacznie dawniejszych środkach językowych oraz utworach literackich powstałych w większości przed 1939 rokiem, poruszających temat współżycia kalwinistów i katolików. (Nie bierzemy pod uwagę wierszy poetów znanych tylko w wąskim kręgu czytelników czasopism ewangelickich, przede wszystkim warszawskiej „Jednoty” ewangelicko-reformowanej.)

Prawda powiedzenia „Polak to katolik” – ze znakiem zapytania w końcu, nie przypadkowo, tytuł książki Andrása Dománya, byłego korespondenta Radia i Telewizji Węgierskiej w Warszawie – jest po II wojnie światowej bezsporna. Między wojnami światowymi w Polsce, do której należały duże terytoria dzisiejszej Ukrainy, Białorusi i Litwy, już trzecia czwarta część, w połowie lat 1980. zaś – według statystyki kościelnej – 95% ludności stanowiły katolicy, a nowy leksykon szacuje liczbę polskich obywateli ochrzczonych jako katolików na około 90 i jako ewangelików augsburskich na blisko 100 tysięcy [DOMÁNY 1987: 10, 12; Encyklopedia 1996:317]. Kościół ewangelicko-reformowany w Polsce według różnych źródeł liczy 3-4 tysiące wiernych [DĘBOWSKI 2002: 2].

Także przysłowia i powiedzenia wyrażające myślenie ogółu dowodzą, że nie wszyscy wierzący są katolikami. Zasłużony historyk literatury i kultury, Julian Krzyżanowski (1892–1976), mając na uwadze rolę tych związków frazeologicznych, odgrywaną w dalekiej przeszłości, dziwił się, że udało mu się zebrać tylko następujące przysłowia o ewangelikach reformowanych, powstałych prawdopodobnie w XVI–XVII wieku: „Pusto jak w kalwińskim kościele” i „Przeznaczenie nie minie – taka wiara w Kalwinie”. Wyrażają one tylko inność i obcość a nie wrogość. Pierwsze mówi o tym, że w kościołach ewangelicko-reformowanych brak obrazów i rzeźb świętych, a drugie bierze na cel naukę wielkiego założyciela religii o predestynacji, przeciw której jako pogładowi ograniczającemu wolną wolę człowieka ongiś rezolutnie walczyli teologowie katolicy [KRZYŻANOWSKI 1994, I: 255–256].

My nie uważamy za znikomą liczebność polskich przysłów i powiedzeń odnoszących się do kalwinistów, przecież wybitny badacz reformacji w Polsce, Janusz Tazbir wymienia ich jeszcze dwa i to wyrażające „wrogość”. Używano je w czasie rekatalizacji w XVII wieku, kiedy drastycznie zmniejszyła się liczba protestantów oraz na pewno także później: „Lutry, kalwiny – bezbożne syny” i „Gorszy niż luter/kalwin” [TAZBIR 1993: 60]. Zaskakujące jest, że tych powiedzeń nie zanotował Saeul Bogumił Linde (1771–1847), autor olbrzymiego, wielotomowego słownika języka polskiego, wydanego na początku XIX wieku. Przyczyną tego może być i to, że jego autor należał do kościoła ewangelicko-augsburskiego. Zaskoczenie jest tym większe, jeżeli bierzemy pod uwagę, według Lindego ile wyrazów pochodzi z nazwiska założyciela religii, z rzeczownika *kalwin* ‘kalwinista’, który już w końcu XIX wieku nie miał ujemnego odcienia znaczeniowego. Natomiast na negatywny ładunek emocjonalny wskazuje wyraz (z)*kalwinić się* ‘zostać kalwinistą’: „Pewien jestem, że moi synowie w Anglii ani się lutrzają, ani zkalwiniają; i tylko co jest dobrego u Anglików przejmają” oraz *kalwiństwo* ‘wiara kalwińska’: „Fałszywie nas kalwiństwem i luteranstwem potwarzają” (ostatni wyraz oznacza: ‘oczerniają’) [LINDE 1856, II: 296]. W tym ostatnim wyrazie oraz zdaniu wyraża się także wrogość.

Widzimy, że często razem wymienia się ewangelików reformowanych i augsburskich, co w języku później oraz dla literatury pięknej także jest charakterystyczne. W tym studium staramy się ograniczyć do analizy obrazu kalwinistów.

Według tzw. „Słownika warszawskiego” wydanego na początku XX wieku, więc zawierającego głównie polskie słownictwo poprzedniego stulecia, przy hasle *kalwinista* jako pełnowartościowy synonim figuruje postać *kalwin*. Ich znaczenia nie kwalifikuje: ‘zwolennik nauki Kalwina, reformowany’. Pierwsze znaczenie hasła *kalwin* natomiast jest identyczne ze znaczeniem wyrazu *kalwinista*, i jako jeden z przytoczonych przykładów tu znajdujemy pierwsze przysłowie podane przez Krzyżanowskiego. Z drugiego zdania cytowanego z utworu literackiego powstałego w 1844 roku możemy wyczytać, że pewien człowiek reformowany jest nie tylko inny lecz także gorszy, choć trudno myśleć o nim jako o wrogu: „Gdyby nie kalwin, zrobiłbym go, panie kochanku, infulatem ołyckim” [Słownik 1902, II: 212].

Jeżeli nie wyrywamy powyżej przytoczonego zdania z kontekstu, ale bierzemy pod uwagę odpowiedni akapit *Pamiętników kwestarza* Ignacego Chodźki (1794–1861), pisarza-szlachcica wówczas bardzo popularnego, lubiącego opowiadać anegdoty, okazuje się, że wspomniany kalwinista to nader porządný człowiek, który hojnie ugascza księcia Radziwiłła i jego żonę [CHODŹKO 2003: 101].

Według najobszerniejszego słownika języka polskiego zredagowanego przez Witolda Doroszewskiego (1899–1976), przygotowanego w połowie XX wieku wyrazy *kalwin* i *kalwinista* mają jednakowe znaczenie: ‘zwolennik nauki Kalwina’ – bez ujemnego znaczenia. Tego dowodzą liczne cytaty, żaden z których – i to jest zastanawiające – nie pochodzi z utworów beletrystycznych. To samo odnosi się do następujących wyrazów pochodnych: do przysłowka *kalwinistycznie* oraz do przymiotników: *kalwinistyczny* ‘zgodny z zasadami kalwinizmu’ i *kalwiński* ‘odnoszący się do kalwinizmu, kalwinistów; wyznania reformowanego’, do rzeczowników: *kalwinizm* i jego wersji uznanej za przestarzałą *kalwiństwo*. Jeden z cytatów po dwu powyższych hasłach, fragment listu znanego w całej Europie poety romantycznego, Adama Mickiewicza (1798–1855) natomiast świadczy o tym, że w jego epoce niektórzy uważali wiarę kalwińską za gorszą od katolickiej i odnosili się do tej pierwszej wrogo: „Twoje kalwiństwo nie robi cię w moich oczach ani czarniejszym, ani straszniejszym.” Przy wyrazie *kalwinka*, postaci rodzaju żeńskiego *kalwina* brak przykładów [DOROSZEWSKI 1961, III: 484–485]. Odpowiednie hasła jedno- i trzytomowych słowników języka polskiego, wydane po 1970 roku nie zawierają kwalifikatorów, więc nie wskazują na ujemne odcienie znaczeniowe. Na pewno tylko częściowo można to przypisać mniejszej objętości tych słowników, przecież w literaturze pięknej wielokrotnie czytamy o negatywnych cechach ewangelików reformowanych.

Następne zdanie z cytowanego już utworu Chodźki, nawiasem mówią katolika – zdanie księdza rzymskokatolickiego o pewnym złym doktorze uważającym siebie za filozofa – wyraża zarówno inność jak i obcość w stosunku do protestantów oraz – przynajmniej w żartobliwej formie – nawet wrogość: „– Oj, ani luter, ani kalwin, ale gorszy od nich wszystkich – odpowiedział ksiądz Joachim – bo to przekłety heretyk, bezbożnik... To nie Niemiec, ale Francuz i nie doktor wcale” [CHODŹKO 2003: 133].

Dramatopisarz, także katolik Adam Bełcikowski (1839–1909) nie wykazał większego zainteresowania zagadnieniami wiary. Jednak w swojej komedii histo-

rycznej pt. *Dwaj Radziwiłłowie* (1869), przedstawiającej rywalizację miłosną dwóch członków rodziny litewskich Radziwiłłów stanowiących w XVI–XVII wieku podparę reformacji, konkurent starający się o rękę panny daremnie tak twardo mówi o inności swego zwycięskiego krewnego: „Ty jesteś owcą zbłąkaną, odszczępieńcem od prawego kościoła, jesteś kalwinem jednym słowem. Twoje to nieszczęście, żeś się nim urodził, lecz pomyśl, czy godziłoby się, żebyś najdroższe istoty wciągał za sobą w przepaść (...) Ba, przecież żona idzie za mężem i ulega jego wpływowi. Żenić się z nią, byłoby to kusić jej duszę, nadwątląć wiarę, strącać w otchłań! Jeżeli ją kochasz, nie powinienes się z nią żenić” [Bełcikowski 1871: 56]. O wrogości nie ma tu mowy.

Bełcikowski tylko mimochodem poruszył sprawę stosunku Polaków do kalwinizmu na początku rozpowszechnienia tej religii, popularny w Polsce Józef Ignacy Kraszewski (1812–1887) natomiast „po raz pierwszy w naszej literaturze wprowadził temat reformacji do powieści, przy czym *Powrót do gniazda* jest utworem w całości poświęconym temu zagadnieniu” – czytamy w *Nocie wydawniczej* do tego utworu powstałego w 1875 roku [KRASZEWSKI 1986: 217]. Nie mamy wątpliwości, że poglądy narratora wszechwiedzącego są poglądami autora. Odnosi się on do protestantyzmu a w tym do kalwinizmu z wrogością, podkreślając jednocześnie przede wszystkim jego obcość, ale w wypadku niepolskich postaci także inność. Natomiast nie odczuwamy wrogości w stosunku do głównego bohatera, Janusza. Młody magnat pojechał do Wittenbergi, żeby się kształcić, tam został zwolennikiem „nowinek religijnych”, prawdziwej, nieskażonej religii – jak na polskiego szlachcica przystało, kalwińskiej – i zakochał się w Frydzie, mieszczce niemieckiej, córce złotnika tworzącego arcydzieła, który otrzymał szlachectwo od swego cesarza. Ani nowa wiara ani przedmiot tej miłości nie są do przyjęcia dla ojca Janusza, wojewody, który bez większego wahania zrywa z synem wszelkie kontakty. Zgadza się z autorem *Wstępu* innego wydania powieści w tym, że pisarz sympatyzuje z ojcem – zresztą anachronicznym w połowie XVI wieku, przecież reformacja przyciągała wówczas tłumy i nie powodowała konfliktów rodzinnych –, a czytelnik z synem [KRASZEWSKI 1947: X–XI].

Inne postaci utworu, które wypowiadają się o sprawach religijnych, także są wrogo nastawieni do protestantów. Kasztelan potępia i polskich patronów kalwinistów, którzy nie występują w utworze: „– Wiadomość, że w Niemczech herezji siła powymyślali, a myśmy byli i chcemy być prawowiernymi synami kościoła. Dość już nam parszywych owieczek Niemcy napuściły, mamy już i Radziwiłłów, i Zborowskich, i Górków naszych, a innych siła” [KRASZEWSKI 1986: 50].

Zwolennicy nowej religii to ludzie z wielkimi wadami i grzechami. Narrator-pisarz odnosi się do nich, czyli w ogóle do protestantów wrogo, ponieważ są to „oszuści, wykołajeńcy, w najlepszym wypadku chwiejni, słabi”, nie mają własnego zdania, wśród nich jest wielu obcych, w Polsce, której interesów nie biorą pod uwagę, szukają schronienia albo własnej korzyści [KRASZEWSKI 1947: X–XI]. Pastor Zaranek najpierw intrygował na księży katolickich, donosił o nadużyciach, poduszczał przeciwko nim ich własnych parafian. Potem razem ze swym pomocni-

kiem „namówiwszy ludzi siłą a mocą kościoł parafialny (...) zajęli, księdza z niego wyrzucili, obrazy i ołtarze wyrugowali” [KRASZEWSKI 1986: 62].

Stało się to możliwe dzięki bratu wojewody, mającemu zawód pisarza, który „zdolniejszym się zdał, żywszym daleko, ruchliwym wielce, umysłu bystrego – lecz mu na cnotach i statku braterskim cale zbywało” i który przyczynił się do wysłania Janusza po naukę do Niemiec. „Pisarz to bardzo pochwalał, ciekaw i on był nowinek religijnych i z apostołami nowej nauki chętnie biesiadował, rozprawiał, często nawet się godził w rzeczach wielu. Jednak gdy przyszło z Kościołem zerwać (...), pisarz się cofał i temperyzował, tak jak bardzo wielu naówczas z wyższego duchowieństwa i panów, którzy z protestantami sympatyzować się zdawali, przecież za nimi za daleko pójść nie chcieli” [KRASZEWSKI 1986: 60–61] – mówi narrator-pisarz. Pod tym względem różni się on od młodszego brata i wielu innych postaci polskich, ale jest raczej sympatyczny dla autora powieści i tym bardziej dla czytelnika. Dlatego trudno się zgodzić z wymienioną już opinią, według której możemy się odnosić do niego nawet wrogo, ponieważ jego poglądy są chwiejne, źle gospodaruje i otacza się z bezwartościowymi ludźmi. Czytamy o nich potępiające zdania także w innych fragmentach książki.

Dowodem słuszności naszego stanowiska może być fragment rozmowy pisarza z Januszem, świadczący o tym, że Kraszewski, zawsze gruntownie znający przedstawioną przez niego epokę dążył do obiektywnej oceny zjawisk społecznych i wydarzeń przeszłości: „U mnie już zbór nowy w Zalesiu, namnożyło się ich wszędzie: w Poznaniu, w Lesznie, w Krakowie, w Wilnie; duchownych z sobą mamy wielu (...) – Prawdę rzekłszy – dodał – niewiele oni wszyscy warci i lepsze-gom się zastępu dla prawdy spodziewał. Dotąd samo śmiecie i oszarpańcy jej służą, tacy, co się z kucharkami poženili lub co by radzi bezkarnie suknię kapłańską szarzać” [KRASZEWSKI 1886: 77]. W innym miejscu utworu narrator podobnie charakteryzuje Pana pisarza, który nigdy nie przyznał się do ostatecznego zerwania z kościołem katolickim [KRASZEWSKI 1986: 95]. Nic dziwnego, że ten magnat, rozumiejący i popierający Janusza, wyraża nadzieję, że z głowy synowca wywie-trzeje nowa religia i ojciec przebaczy synowi porzucenie wiary przodków i miłość do mieszczyki Niemki.

O dążeniu do obiektywizmu autora zamiast wyrażenia wrogości może nas przekonać następująca partia narratorska: „W tej chwili reformacja zajmowała umysły wszystkich, a w Polsce zaś stawiała się rzeczą mody o dobrego tonu, znamieniem jakiejś wyższości; witano więc tu postów nowej ewangelii, czystej, z honorami i ciekawością rozgorączkowaną (...) Z jednej i drugiej strony walka rodziła szaty i fanatyzmy. Świetne i piękne osobistości reformatorów, szczerze szukających światła w procesie ducha, z przekonaniem o potrzebie nadużyć ludz-kich, z nieświadomością tego, że mogli prawa boskie obalić, w mniejszości wszę-dzie i u nas naówczas w niewielkiej liczbie się znajdowały; główny żołnierz tego zastępu nowatorów składał się z najdziwniejszego zbiorowiska: z niedokończonych studentów, z głów zawichrzonych myślami niejasnymi, ze zmęczonych kar-nością mnichów, co zrzucili habit w krzaki, z zapaleńców upijających się własnymi słowy, marzycieli i awanturników czepiających się każdej wyprawy, w której się

hałas i wrzawa obiecywała” [KRASZEWSKI 1986: 135]. Mając na myśli całość powieści doświadczamy dystans pisarza, dzielący go od protestantyzmu w ogóle, ostry krytycyzm zarówno wobec inności jak i obcości, ale wrogość wyraża się w utworze rzadko.

Warto jeszcze zwrócić uwagę na charakterystykę obcości, sformułowaną przez niemieckiego złotnika mieszkającego w Krakowie, dowodzącej bezstronności narratora-pisarza: „Gdybyście nawet rodem i bogactwy dorównali temu domowi, którego potomek córkę waszą kocha, przepaść jest między nimi a nami. Oni nas, my ich nie zrozumiemy nigdy: obyczaj, wiara, wszystko was dzieli. Albo wy się musicie wyrzec tego, czym żyliście i byli, lub on. Ofiara wielka, jeśli nie nad siły” [KRASZEWSKI 1986: 186]. Autor żałuje, że ta ofiara – ucieczka zakochanych z Polski – zrealizowała się. Jedną z przyczyn tego jest to, że Polska straciła ich oraz po dwudziestu latach także ich syna.

Kalwinista Teodor Tripplin (1813–1881), niezasłużenie zapomniany pisarz-podróżnik nie oceniał ewangelików reformowanych czy kalwinizmu na terenach polskich, ale pisząc o swoich wrażeniach z ówczesnych Węgier uczynił wzmianki na ten temat. To co jest ściśle związane z tą religią jest inne, mianowicie lepsze niż u katolików. W swojej książce *Wycieczki po stokach galicyjskich i węgierskich Tatrów* (1856) zauważa, że we wszystkich poznanych miejscowościach kościoły katolickie są okazalsze, ale kalwińskie schludniejsze [TRIPPLIN 1856: 78–96]. Ta drobna wzmianka nie zasłużyłaby na uwagę bez jego późniejszych myśli o takiej inności. W tomie 4. *Wspomnień z ostatnich podróży* (1878) wspomina o tym, że poznana przez niego inteligentna węgierska arystokratka chodząca na msze katolickie lubi rozmawiać o religii tylko z bardziej wykształconymi pastorami protestanckimi [TRIPPLIN 1878, IV: 128]. O odrodzeniu się narodu węgierskiego po klęsce z roku 1849 w walce przeciwko Austrii pisze w wyniku gruntownych przemyśleń: „I to wszystko robi się, odbywa i dzieje bez wszelkich intryg jezuickich, gotowych zawsze do zawładnięcia każdym zdrowym życiem, obudzającym się w narodach dążących do pokoju i do zasłużonego pracą szczęścia. Szlachta okazała się tutaj prawdziwie patryotyczną, (...) wyzuła się ona z wszelkiej pychy, z wszystkich kastowych przesądów dla dobra ogólnego (...) Prawda, że część wielka tej szlachty należy do kościoła postępowego, krępować i spaczać się niedającego, a wiernego zasadzie, że wszyscy ludzie są braćmi i dziećmi jednego Boga” [TRIPPLIN 1878, IV: 136]. Autor idealizujący reformowanych widocznie nie wiedział o tym, że ich było znacznie mniej niż katolików. Wysoko oceniając dobry stan rolnictwa, przypisuje to w dużej mierze pracowitości i moralności protestantów, ponieważ uwaga ta dotyczy okolicy, gdzie żyło wielu kalwinistów [TRIPPLIN 1878, IV: 187].

Gorliwy katolik Henryk Sienkiewicz (1846–1916), laureat nagrody Nobla, w swojej powieści historycznej *Potop* (1884–86) wypowiada jednoznacznie złą opinię o protestantach, wśród nich kalwinistach, popierających Szwedów, którzy w połowie XVII wieku rozpoczęli wojnę przeciwko Polsce. Wszyscy protestanci są więc wrogami zarówno dla narratora-pisarza jak i – zgodnie z jego zamiarem charakterystycznym dla własnego okresu literackiego, czyli uczenia i wychowania

rodaków – odbiorców. Opinia twórcy przedstawiającego początek wojny jest kategoryczna: „nie brakło dysydentów pragnących triumf swój choćby na grobie ojczyzny uświęcić” [SIENKIEWICZ 1961, I: 155].

Do obozu reformowanych należy hetman wielki Janusz Radziwiłł, którego zwolennicy napadali na katolików oraz ich kościoły. Kalwinistą jest jeden z pierwszych zdrajców ojczyzny, magnat Radziejowski i wielu innych arystokratów. Jeden z wojowników uważa Janusza Radziwiłła za lepszego od innych: „Kalwin książę jest, ale przecie wiary prawdziwej dla błędów nie porzucił, jeno się w nich urodził. Nigdy on nie zostanie ani Kromwelem, ani Radziejowskim, ani Opalińskim” [SIENKIEWICZ 1961, I: 223]. Twórca także później stawia go – jednego z najważniejszych mężów stanu Rzeczypospolitej – wyżej, widząc w nim na początku walki decydującej o wyniku wojny nie tylko zawziętego wroga: „Gdy przez mury doszła wieść o oblężeniu Częstochowy, Radziwiłł, kalwin, zląkł się i przestraszył już nie wyszedł więcej z jego duszy, właśnie wtedy, po raz pierwszy, dostrzegł te tajemnicze fale, które wstawszy, miały pochłonać Szwedów i jego; wtedy najście szwedzkie wydało mu się (...) świętokradztwem, a karą niezawodną. Wtedy (...) spadła zasłona z jego oczu i ujrzął odmienioną twarz ojczyzny, już nie matki, ale karzącej królowej” [SIENKIEWICZ 1961, II: 457].

Narrator-pisarz czasami stara się łagodzić wrogość – w przewiecieństwie do uczuć kreowanych przez niego postaci: „Ktoś puścił nagle wieść, że różnowiercy, mianowicie kalwini, sprzyjają Szwedom i gotowi są przy pierwszej sposobności przejść do nieprzyjaciół. Co więcej, wieści tej nie zaprzeczyli ani pan Szlychting, ani panowie Kurnatowscy (...) również kalwini, ale ludzie szczerze ojczyźnie oddani. Sami owszem potwierdzili, że różnowiercy tworzą osobne koło i zmagają się ze sobą pod wodzą znanego warchoła i okrutnika pana Reja, który za młodu służąc w Niemczech jako ochotnik po stronie luterskiej, wielkim był Szwedom przyjacielem (...) – Zdrajców karmimy! Żmije karmimy, gotowe kąsać łono rodzicielki! – wołała szlachta (...) – W pień ich! (...) Wyrwać kąkol, bo inaczej zginemy wszyscy” [SIENKIEWICZ 1961, I: 171–172].

Evangelicy reformowani – zresztą razem z luteranami – względnie ich religia jest więc w *Potopie* przede wszystkim inna, oprócz tego gorsza niż katolicy i ich wiara, i jednocześnie – w drugiej, miejscami może w pierwszej kolejności – są oni także obcy i wrogami narodu polskiego. Wypowiadają to najbardziej sympatyczne, zarazem fikcyjne i główne postacie utworu. „– Ciekawa to persona i pilnie mu się przypatrujcie. Wojownik wielki i rycerz jeszcze większy, ale nie masz w nim za grosz Polaka. Z cudzoziemska się nosi i po niemiecku albo zgoła po francusku gada” [SIENKIEWICZ 1961, I: 211] – charakteryzuje Michał Wołodyjowski księcia Bogusława Radziwiłła. „Pełno tu [w Kiejdanach, – I. D. M.] zawsze szlachty i panów, a czasem aż z obcych krajów przyjeżdżają, bo to jest stolica heretyków (...), którzy tu pod osłoną Radziwiłłów bezpiecznie swoje gusła i praktyki zabobonne odprawiają (...) A to co... bierzecie za kościół o czterech wieżach, to jest zbór helwecki, w którym co niedziela Bogu bluźnią – a tamto kościół luterski. Myślicie zaś, że tu mieszczanie Polacy albo Litwini – wcale nie! Sami Niemcy i Szkoci, a Szkotów najwięcej” – słyszymy także z ust Wołodyjowskiego. „– Dziwno mi to,

że piorun tego zboru helweckiego nie zapalił” [SIENKIEWICZ 1961, I: 216–217] – replikuje Zagłoba.

Różni protestanci (wśród nich wypędzeni później do Siedmiogrodu arianie), o których najczęściej jest mowa jako o jednej grupie, są jednoznacznie inni, gorsi, nie wszyscy są obcy, ale czytelnik raczej zawsze odnosi się do nich z wrogością. Cytatów można byłoby mnożyć. Dla prawdy powinniśmy zaznaczyć: w powieściach społecznych i psychologicznych Sienkiewicza nie słyszymy głosów krytykujących kalwinistów i innych protestantów względnie ich religii czy kościoła.

Moglibyśmy pomyśleć, że od początku XX wieku, od czasu „modernizmu” społeczeństwo polskie, przynajmniej inteligencja i tym bardziej pisarze nie głoszą poglądów podkreślających różnice religijne wśród ludzi. Utwory beletrystyczne jednak nie wydają się dowodzić tego, prawda, rzadko starają się akcentować te różnice. Jedno jest pewne: licznych pisarzy także w XX stuleciu interesowały rozbieżności, sprzeczności przejawiające się w dziedzinie wiary religijnej.

W utworach Kazimierz Glińskiego (1850–1920) i bardziej znanego Adolfa Nowaczyńskiego (1876–1944), wskrzeszających postać wybitnego pisarza, luteraнина a później kalwinisty Mikołaja Reja (1505–1569): w powieści *W Babinie* (1903) względnie w komedii *Jegomość Pan Rey w Babinie* (1906) znaczącą rolę odgrywają kalwiniści. Natomiast niewiele uwagi poświęcają konfliktowi katolików i protestantów, inności tych ostatnich, wśród nich reformowanych. W rozdziale V. utworu Glińskiego Jan Firlej, autentyczna postać, radzi młodemu mnichowi, żeby nie bał się swego przełożonego, Lismanina – także postaci historycznej –, ponieważ on pośredniczy między zwolennikami a przeciwnikami kalwinizmu. W komedii Nowaczyńskiego w słowach pewnego zakonnika wyraża się jednak także wrogość: „Belzebub nagłowicki posiał swój kąkol” oraz że: „Dragon nagłowicki, luterski [więc jeszcze młody – I. D. M.] apostoł z piekła, co swe życie w żarciech, w karciech i na rymowaniu a szczebiotaniu trawi?” [NOWACZYŃSKI 1906: 24, 35].

Podobnie ma się rzecz z o wiele późniejszą sztuką Ludwika Hieronima Morstina (1886–1966) o podobnej tematyce, pt. *Polacy nie gęsi* (1952). Powstała ona w okresie „socrealu”, kiedy sprawy religijne były niechętnie widziane przez władzę polityczną i należało krytykować katolicyzm. Za wymowny dowód poprzedniego uważamy uwagę autora, umieszczoną w wyliczeniu Osób dramatu: „Andrzej Trzeciecki Młodszy, przyjaciel Reja, (...) kalwin, przedstawiciel najbardziej otwartej i postępowej wersji reformacji nastawionej na wszechstronne kontakty osobiste z ludźmi różnych przekonań i wyznań.” Wierność historyczna wymaga jednak, żeby autor, choć mimochodem, podkreślał „inność” nowych wówczas poglądów religijnych i społecznych Reja i wskazał nawet na wrogi stosunek choć jednej postaci sztuki, Kasztelanowej. Ona dwukrotnie przestrzega go: „że cię spalą na stosie, jak będziesz harcował bezbożnie”; „Chłopów na księży buntujesz, z Kościoła drwisz, świętości nie szanujesz, na osoby duchowne bezpiecznie plujesz, siejesz gorzenie, heretyku poganinie” [MORSTIN 1990: 108, 122].

Nowaczyński więcej uwagi poświęcił inności zawziętego kalwina Stanisława Stadnickiego (1551–1610) i jego otoczenia w swoim dramacie *Smocze gniazdo Albo wybawienie dyabła z szlacheckiej opressyi* (1904). Natomiast bardziej intere-

sował go swój główny bohater jako samowolny magnat i awanturnik polityczny, więc nie jako wróg z powodu swych przekonań religijnych. Świadczą o tym opinie licznych postaci utworu. Zaciekle i wzajemna waśń katolików i ewangelików reformowanych przejawia się w wypowiedziach przedstawicieli obu obozów, ale Stadnickiego wcale nie tylko z powodu swej przynależności religijnej nazywają „Diabłem Łańcuckim”.

Znaczenie inności kalwinizmu wzmacnia to, że liczne i to ważne postacie utworu również są wyznawcami lub przeciwnikami kościoła ewangelicko-reformowanego. Do tych pierwszych należy starosta Jan Szczęsny Herbut, o którym wiemy także z tekstu utworu, że był pisarzem. On zresztą ze swoją powściągliwością budzi raczej sympatię albo przynajmniej respekt innych, nawet księży katolickich. Wszyscy używają na określenie swoich wrogów wyrazów: „papista” i „jezuicki”. Dla Stadnickiej nawet bliski krewny męża, starosta przemyski jest „psubratem katolickim” [NOWACZYŃSKI 1905: 134]. Zawzięcie krytykują lub atakują Stadnickiego jego wrogowie – arystokraci, których skrzywdził pod względem materialnym. Anna Opalińska zadowala się wypowiedzeniem tego, że nie przystoi nawet swarzyć z kalwinkami, jej mąż, starosta Łukasz Opaliński natomiast mówi – śmiało, bo już na rozprawie sądowej „diabła” uważanego za wroga publicznego –: „który dziesięć! Decem kościołów Bożych bezcześcił, Hostye Święte z nich! (...) powyrzucał, sprofanował!... który srebra kościelne pozabierał, wśród szyderstw blasfemiów strasznych pozrywał chorągwie i obrazy Matki Boskiej a Królowej Korony Polskiej, a cyborja siekerami tłuc kazał! Praw ludzkich i boskich contemp-tor!”. Podobnie piętnuje go inna postać utworu, księżna Anna Ostrogska [NOWACZYŃSKI 1905: 193]. (Chytry zwolennik „Diabła”, Węgier Bela D’Almassy – może osoba autentyczna – na pewno również jest ich współwyznawcą.)

Powieść kalwinisty Pawła Hulki-Laskowskiego (1881–1946), potomka czeskich imigrantów pt. *Porucznik Regier* (1927) zasadniczo różni się od wszystkich interesujących nas dzieł tym, że polemizując z katolicyzmem mówi o kalwinizmie własnego czasu, czerpiąc z aktualnych doświadczeń polskich. Teoretycznie powinniśmy mieć do czynienia tylko z przedstawieniem inności, jednak autor podkreśla obce pochodzenie ewangelików reformowanych w Polsce za pomocą nadania niemieckiego nazwiska swemu bohaterowi tytułowemu lub innego pochodzenia nazwisk kilku innym osobom (Joergens, Gruner, Rade, Marini, Janson), choć nie wszystkim kalwinistom. Pisarz znajduje jednak okazję, żeby ustami swych postaci powiedzieć: nie polskie albo obce nazwiska decydują o polskości.

Regier, z zawodu nauczyciel gimnazjalny, jako oficer walczył w I wojnie światowej i wojnie bolszewicko-polskiej o niepodległość ojczyzny, został nawet ranny. On i jego krewni uważają się za „prawdziwych” Polaków. Dla Regiera protestantyzm początkowo wydawał się nawet czymś obcym. Jednak on oraz inni kalwiniści nie zgadzają się z innością o charakterze teologicznej, przypisywaną im przez katolików: z poglądem o ascezie protestanckiej, z opinią o ich samotności duchowej i z tym, że odczuwają brak pośrednika między Bogiem a wiernymi, twierdząc, że kapłan tylko przeszkadzałby w bezpośrednim obcowaniu z najwyższą istotą. Kolejka Regiera, Joergens, który chce go wciągnąć do pracy nad odnowieniem ich życia

zborowego rozbitego przez wojnę, za pomocą argumentów wziętych z historii Polski i stolicy apostolskiej zwraca mu uwagę, że: „Tutaj polskość i katolicyzm to dla wielu jedno i to samo. Na szczęście nie dla wszystkich.” Regier, szukając idei narodowo- i państwowotwórczej reaguje sceptycznie: „(...) byłoby coś warte dopiero wówczas, gdybyśmy mieli dla narodu coś lepszego od katolicyzmu, coś co odpowiadałoby lepiej całej strukturze psychicznej ludu polskiego. Katolicyzm to dyscyplina, szeregowiec nie umie myśleć i nie musi myśleć, gdy myślą za niego generałowie...” [HULKA-LASKOWSKI 1927: 64]. Początkowo, w przeciwieństwie do gorliwego, wojującego kolegi uważa, że demokrację oraz wolność sumienia i badania może gwarantować konstytucja a nie kościoły.

Według innego kolegi Regiera, katolika Rutkowicza (który potem przechodzi na protestantyzm) lud jest ciemny i nic nie wie o istocie polskości, którą zastępuje dla niego katolicyzm. Dla mas polskich prawosławie jest rosyjskie, protestantyzm zaś niemiecki. Jednak nie on spowodował wielkich zmian w przekonaniach religijnych Regiera. Nastąpiły one pod wpływem lektur wielkich reformatorów polskich oraz – poglądów katolickich wieszczów narodowych. Silnym impulsem do przekształcenia jego postawy było to, że z powodu przynależności do wspólnoty ewangelicko-reformowanej nie otrzymał posadę w jednym z warszawskich gimnazjów oraz że jego ukochana a potem żona po poznaniu nauki Kalwina o predestynacji zbliżyła się do kalwinizmu i przez to do niego. Regier, dawniej zamierzający przyjąć katolicyzm, chce uprawiając publicystykę walczyć o swoją polskość i swoje wyznanie.

Na jego przekonania wywiera wpływ także akcja biskupów katolickich pragnących zapobiec wprowadzeniu cywilnego ustawodawstwa małżeńskiego i rozwodów oraz konsekwencje przyjętej potem ustawy. Dotyka ona siostrzenicy Regiera, której małżeństwo zawarte w kościele protestanckim z katolickim mężczyzną zostaje uznane za nieważne – mimo że on zostawił żonę i dziecko, zapominając o opiece nad nimi. Kobieta, wyciągając gorzki wniosek, wrogo – i to jest wyjątkiem w literaturze polskiej XX wieku – odnosi się do kościoła katolickiego: „Ci, co unieważnili jej małżeństwo, są potomkami duchowymi tych, którzy chcieli unieważnić reformację polską, Modrzewskiego, Ostroroga, Prelekcje Paryskie Mickiewicza [pisarza katolickiego! – I. D. M.] i wiele innych rzeczy” [HULKA-LASKOWSKI 1927: 341]. Jej brat – student teologii ewangelickiej – mówi o potomkach tych, którzy wyróżnili hugenotów, a ostatnie słowa głównego bohatera pogrzebianego w swym pesymizmie tak kończą powieść: „– Wszystko po staremu...” [HULKA-LASKOWSKI 1927: 353].

Warte uwagi są jeszcze rozważania Regiera na temat życia i gospodarowania – nie w Posce, tylko w protestanckich państwach północnych i katolickich południowych –, które przypominają poglądy zawarte w książce Maxa Webera pt. *Die Protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus* (1904). Podobnych poglądów nie ma w innych utworach pisarzy polskich: „Na południu człowiek staje się zależnym od przyrody (...), na północy człowiek czuje się zależnym wyłącznie od swojej własnej działalności i przemysłowości. Stąd wypływają konsekwencje także w dziedzinie wartości moralnych, a przede wszystkim w dziedzinie religii. Czło-

wiek północy sam staje wobec wiekuistej zagadki i okiem ducha spogląda w nią nieustraszenie, człowiek południa pozostawia ją innym, a sam zadawalnia się wiarą w tych innych ludzi” [HULKA-LASKOWSKI 1927: 353]. Regier powołuje się później na francuską książkę statystyki porównawczej: „W życiu gospodarczem ujawniła się przewaga protestantyzmu w całej pełni, w nauce podobnie” [HULKA-LASKOWSKI 1927: 263].

W latach 50. i także 60. wieku XX liczni pisarze polscy chętnie wybierali tematy historyczne. W dużej mierze było to wyrazem ucieczki od rzeczywistości polityczno-społecznej oraz omijaniem obowiązujących przepisów ówczesnej polityki.

Tomy *Wójt wolborski* (1954) i *Astrea* (1956) Anny Kowalskiej (1903-1969) zostały wydane potem razem jako *Wójt wolborski. Powieść o Fryczu-Modrzewskim* (1963). Tytułowy bohater przedstawiony jest – zgodnie ze źródłami – jako zwolennik reformowania kościoła katolickiego. On prawie do końca swej działalności dąży do pogodzenia „nowinek religijnych” z katolicyzmem. Właśnie dlatego jest to jednoznacznie „pozytywna” postać. Jego przekonanie do końca pozostaje sprzeczne z poglądami reformatora Jana Łaskiego, którego działalność rzadko jest poddawana krytyce badaczy dziejów kościoła ewangelicko-reformowanego. Prawda historyczna wymaga, żeby pisarka kreowała świat powieściowy, w którym główną rolę gra inność poglądów religijnych i społecznych w stosunku do kościoła katolickiego. Wiele uwagi poświęca ona także obcości, przecież w tym świecie występują liczne postacie cudzoziemców, wśród nich Bracia Czescy, którzy znaleźli schronienie w Polsce. Autorka nie przemilcza także wagi ostrej walki polskich czynników przeciwko reformatorom: „(...) Rzym zażądał, żeby [biskup – I. D. M.] Uchański oczyścił się z zarzutów stawianych mu przez kapitułę krakowską. Kapituła oskarżyła go, że przyjaźni się z heretykami i broni herezji. Synod piotrkowski (...) zamiast dać mu sposobność do oczyszczenia się z zarzutów, wzbronił mu uczestnictwo” [KOWALSKA 1963, I: 70–71].

Protestanci są inni i jednocześnie gorsi, są wrogami dla większości postaci. Nawet sympatyk reformacji, Jan Tarnowski, wielki hetman koronny, mówi do dostojników katolickich: „Według praw naszych możecie sądzić herezję w senacie wspólnie z nami, na widoku całej Polski, (...) polskimi, nie rzymskimi prawami” [KOWALSKA 1963, I: 281]. Zawzięty wróg Modrzewskiego, Józef Gaska, niewykształcony donosiciel mówi, że trzeba byłoby spalić „antychrysta” na stosie i autentyczna postać, Alojzy Lippomano, legat papieski myśli podobnie, ponieważ: „(...) z Anglii, z Włoch, z Niemiec, ciągną do Polski heretycy (...) Panowie polscy pisują listy do Kalwina jak do swego ojca. Sam król otacza się heretykami (...) Spaliłby ich, gdyby mógł, ale nie mógł. Na razie przeprowadził śledztwo” [KOWALSKA 1963, II: 355, 357].

Ta myśl nuncjusza powtarza się i później. Oczywiście jest i biskup (Drohojowski), który ratuje Modrzewskiego, nie mówiąc o świeckich antagonistach katolickich i raczej rzymskich metodach zwalczania protestantów: Ciesielski, klnąc na nuncjusza, jest, przynajmniej w słowach, podobnie zawzięty [KOWALSKA 1963, II: 272], potem zaś radzi reformatorowi jawne zerwanie z kościołem papieskim.

Wartością powieści Kowalskiej jest konfrontacja najrozmaitszych poglądów i postaw, w których przedstawieniu nie zawsze mogła się opierać na dokumentach. Narrator tak charakteryzuje innego legata rzymskiego: „Kamil Mentuati nie był też zdolny do fanatyzmu. Po prostu brzydził się Lutrem, Kalwinem i całym plebsem mniejszych sekciarzy, którzy usiłowali zeszpecić świat” [KOWALSKA 1963, II: 415]. Podobną opinię o obcych zwolennikach reformacji wyrażają i Polacy, na przykład rozmawiający z Modrzewskim kanonik Rajski [KOWALSKA 1963, II: 472].

W końcu rozczarowany Frycz Modrzewski widzi w synodzie różnowierców demonstrację złej woli i nieprzejednania. Zaskakuje go całkowity rozłam w kościołach protestanckich oraz oziębla wyniosłość, z jaką traktuje go czołowa postać kalwinistów polskich, Krzysztof Trety. Rozważając najważniejsze przesłanie utworu powinniśmy myśleć o konieczności opierania się na udokumentowanej biografii autora *De republica emendanda* oraz na fakcie, że polski protestantyzm został zepchnięty, co prawda nie w XVI wieku, na drugi plan.

W latach pisania swej powieści Kowalska prawdopodobnie nie chciała i nie mogłaby podkreślać znaczenia triumfu katolicyzmu w Polsce. Nie zrobiła tego także Hanna Malewska (1911–1983), zaliczana do „pisarzy katolickich”, przestrzegająca obiektywizmu historycznego w „powieści dokumentarnej” [TOMASIK 1992: 852] pt. *Panowie Leszczyńscy* (1961).

Autorka, która i tym razem przeciwstawia kulturę jako jedyną szansę scalenia naszych niepewnych doświadczeń niemożliwości rozpoznania procesów historycznych. Dlatego w akcji odgrywają rolę XVII-wieczni literaci Leszczyńscy: Andrzej, Rafał i Samuel oraz wybitna postać kalwińskiego nauczania i wychowania, działający także w Wielkopolsce Morawianin, Jan Amos Komeński (Komenský/Comenius). Nie tylko on i nauczyciel geografii Jonston są obcy, ale wcale nie gorsi, bo: „W Leszno (...) Rafał Leszczyński, jak i jego ojciec kładł duże pieniądze. Wracali mu się one od zapobiegliwych Czechów, Ślązaków, Niemców, zbiegłych i wciąż jeszcze chroniących się przed katolickim cesarzem-despotą. Ale też dawano w rodzinie Leszczyńskich (...) na bursę dla ubogich żaków gimnazjum, na drukarnie (...); a brało się wzajem naukę czystą (...) oraz podziękę – głośną w protestanckim świecie – od owych ludzi, co rzucili swój dom i swój kraj dla wiary. (...) Leszczyńscy razem z przysięgniętymi egzulantami stworzyli coś, co ewangelicy europejscy uważali za oazę na pustyni czy kwitnącą wyspę broniącą się przed naporem bałwanów” [MALEWSKA 1961: 35].

Mamy tu do czynienia z polemiczną wobec Sienkiewicza wizją kultury polskiej okresu kontreformacji, przedstawiającą formowanie się światłej myśli politycznej [CZERMIŃSKA 2000, I: 407]. Jest to czas, kiedy członkowie rodu Leszczyńskich zmieniają swoją wiarę na katolicką, ale są dumni z tradycji „heretyckich”. Nie powoduje to na ogół konfliktów w magnackiej rodzinie, o czym wiedzą i postronni, wśród nich także Radziwiłłowie. Komeński miał o nich i o innych protestantach krytyczne zdanie, uważając „dosyć naiwnie i bardzo pobożnie, że Radziwiłłom więcej chodzi o wojnę i sławę niż o losy ewangelickiej strony w całej Europie” [MALEWSKA 1961: 56]. Krytykował on także słabą obronę wiary przez swego pana, któremu „Katolicy zarzucali coś wręcz przeciwnego” [MALEWSKA 1961: 65].

Czechowi trudno było zrozumieć, że dla wojewody Rafała Leszczyńskiego i innych członków rodu milsza była niebezpieczna wolność, niż bezpieczna niewola Rzeczypospolitej. Leszczyńscy reprezentowali raz interesy ojczyzny, raz własne. Zwycięstwo Polaków nad Szwedami i w ich szeregach nad najemnikami niemieckimi powoduje zniszczenie Leszna i jego wartości, za co odpowiedzialny jest i Komeński zmuszony do ucieczki, o czym wiemy z historii.

Oblicze protestantyzmu bardzo się zmieniło w Polsce, czyli obcość szybko przeszła w inność – można wyczytać między innymi z następujących fragmentów narratorskich: „Bogusław zastanawiał się wtedy więcej niż kiedy bądź w życiu nad religią (...) może my jednych i drugich, i jezuitów i dysydentów, urabiamy tu trochę po swojemu, trochę na nasz obraz i podobieństwo?”; „Jeśli zaś chodzi o *meritum*, Pan Bóg jest dostatecznie mądry, żeby nie dopatrywać się istotnej różnicy między roztrząsaniem oraz tezami rzymskimi i przeciwnymi” [MALEWSKA 1961: 124, 129].

Szóstemu Rafałowi na Lesznie udaje się pogodzić mieszkańców gniazda rodu, w Polsce panuje – w przeciwieństwie na przykład do Imperium Habsburgów – względna wolność religijna, z tolerancją wobec wrogów jest gorzej. „Dziwne swoją drogą, że Polacy tak nie lubią Rakuszan i tak mają im za złe (...) los Czechów i Morawian, buntowników przecież i heretyków, oraz skłonni są uznawać roszczenia Węgrów [dodajmy: ich części, i to z powodu szansy na odzyskanie niepodległości – *I. D. M.*], do tego stopnia bezbożnych, że lepsza im protekcja Turka niż cesarza” [MALEWSKA 1961: 253].

Dla autorki utworu z odległej perspektywy historycznej mało ważne są dawne walki religijne, czyli przedstawienie wrogości niż owoce całego protestantyzmu: „Wychowanie człowieka... Czy wiesz, że o Amosie Komeńskim będą pamiętać, gdy o nas wszystkich zapomną? Przegoniliśmy go, potem i arian wygnaliśmy precz, a teraz siorbiemy własny żur na własnym kwasie” [MALEWSKA 1961: 407]. Interpretując zamiar pisarki musimy jednak dodać, że rozmówca wspomnianego powyżej Leszczyńskiego już nic nie wie o wielkim pedagogu. Nie wykluczamy jednak innego, równoległego zamiaru autorki: jako twórca zaliczana do tzw. pisarzy katolickich mogła chcieć także zmniejszyć rolę walczącej reformacji w Polsce.

Najpóźniej powstały tekst o interesującej nas tematyce to dramat historyka Jerzego Besali (1951), nosi tytuł *Spowiedź króla* (1987). Według autora sztuka „oparta jest o autentyczne wydarzenia na Sejmie 1606 roku”, na którym „Kwestie wolności, tolerancji, zgody narodowej, wierności dla doktryny katolickiej bądź pluralizmu wyznań i postaw spletały się w węzeł” (BESALA 1987:5) – podobnie jak w analizowanych dziełach napisanych po I wojnie światowej. W dramacie tym występują kalwiniści – autentyczne osoby: poseł sandomierski Piotr Gorajski, wspomniany już Stanisław „Diabeł” Stadnicki i poseł województwa poznańskiego Marcin Broniewski, brat czeski. Obec pochodzenie tego ostatniego nie ma znaczenia, więc jesteśmy świadkami tylko inności przede wszystkim zwolenników Kalwina oraz wrogości wobec nich. Posłowie: katolicki, prawosławny oraz Gorajski, ba, nawet radykalny, nieokiełznany Stadnicki są zgodni co do potrzeby pokoju religijnego. Luteranka Anna Wazówna namawia swego brata i króla, żeby on

w obronie całości Rzeczypospolitej uchwalił prawo do swobody wyznań. Władca jest skłonny uczynić to, ale na niego wpływ kaznodziei Piotra Skargi, dla którego wszyscy protestanci są wrogami, okazuje się silniejszy.

Tworzący w XIX stuleciu Ignacy Chodźko, Józef Ignacy Kraszewski, Adam Bełcikowski i Henryk Sienkiewicz wychowali się w duchu katolicyzmu, którego istota zawiera się w powiedzeniu: Polak to katolik, kalwinista, nawet polski zaś jest inny, słabo albo wcale nie tolerowany przez większość. Sprawę komplikuje fakt, że napisali oni utwory o tematyce historycznej, więc musieli uwzględnić udokumentowane fakty albo przynajmniej tradycje polskiej historiografii. W podobnym duchu zostały wychowane dwie powieściopisarki urodzone przed I wojną światową. Zainteresowały się po 1945 roku dawną przeszłością kalwinistów w Polsce, czego nie można powiedzieć o pisarzach epoki Młodej Polski. Ich oraz w latach „socrealizmu” Ludwika Hieronima Morstina – za wyjątkiem Adolfa Nowaczyńskiego w dramacie *Smocze gniazdo* – zafascynowała postać Mikołaja Reja i to przede wszystkim jako najwybitniejszego twórcy renesansu i tylko jakby mimochodem ewangelika reformowanego.

W XIX wieku, biorąc pod uwagę tylko krótsze fragmenty kilku interesujących nas utworów, Kraszewski i, jeszcze dobitniej, Sienkiewicz rysował jednoznacznie niekorzystny obraz o ewangelikach reformowanych, o ich inności i obcości. Oceniali ich wraz z innymi protestantami, co cechuje wszystkich pozostałych autorów. Zdumiewające jest, że polscy pisarze katolicki lub socjalizowani w duchu, który możemy uznać za katolicki także w XX stuleciu starali się wskrzeszać tylko kalwinizm (i protestantyzm) odległych epok. Nie wykluczamy, że świadczy to o ich tolerancji, tym bardziej, że wydaje się nam: pisarze tego wieku nie odczuwali antypatii wobec garstki kalwinistów własnego czasu, których obcość także nie inspirowała ich do przedstawienia w utworach literackich. W obu wiekach dominuje wyrażenia inności.

Pozycje kalwinizmu swoich epok rozważali tylko dwaj twórcy, którzy sami byli wiernymi kościoła ewangelicko-reformowanego, z tym, że u Tripplina mogliśmy uwzględnić tylko pewne fragmenty utworów. Hulka-Laskowski to jedyny znany nam pisarz polski, u którego głównym tematem powieściowym (i publicystycznym) jest kalwinizm, w którym widzi więcej wartości niż w katolicyzmie rozumianym jako religia narodowa. Ostro krytykował nie religię katolicką, lecz kościół katolicki i splecony z nim państwo.

Zdajemy sobie sprawę z tego, że stosunkowo nieliczne teksty beletrystyczne, zwłaszcza utwory tylko dwóch pisarzy kalwinistów nie upoważniają nas do wyciągnięcia jednoznacznych wniosków. Łatwiejsza jest sytuacja z interesującymi nas środkami języka polskiego. Odpowiednie, także niezbyt liczne wyrazy i ich związki zatraciły ujemne odcienie znaczeniowe dopiero w XX stuleciu.

Literatura

- BAŃCZEROWSKI 2004: Bańczerowski, Janusz, Etnonímák mint sztereotípusok a magyar és a lengyel nyelv frazeológiai kapcsolatainak és közmondásainak tükrében. // Fórián, Éva (red.), Multikulturalitás, nemzeti identitás, kisebbségek Magyarországon és Lengyelországban, Debrecen, 60–71.
- BELCIKOWSKI 1871: Belcikowski, Adam, Dwaj Radziwiłłowie. Komedja w V aktach, Kraków.
- BESALA 1987: Besala, Jerzy, Spowiedź króla, „Dialog” (Warszawa), nr 2.
- CHODŹKO 2003: Chodźko, Ignacy, Pamiętniki kwestarza, Kraków.
- CZERMIŃSKA 2000: Czermińska, Małgorzata, Malewska, Hanna, // Hutnikiewicz, Artur & Lam, Andrzej (red.), Literatura polska XX wieku. Przewodnik encyklopedyczny, T. I, Warszawa.
- D. MOLNÁR 2006: D. Molnár, István, A reformátusok „mássága” és „idegensége” a XIX–XX. századi lengyel nyelvben és irodalomban, // Nagy, Sándor (red.), Interkulturális kommunikáció: nyelvi és kulturális sokszínűség Európában, Budapest, 40–46.
- DĄBROWSKI 2005: Dąbrowski, Mieczysław, Problematyka mniejszości narodowo- etnicznych, kulturowych i seksualnych w literaturach słowiańskich po 1989 roku, // idem (red.), Literatury słowiańskie po roku 1989, T. IV, Warszawa, 7–21.
- DĘBOWSKI 2002: Dębowski, Tomasz, Zarys myśli społecznej Kościołów protestanckich w Polsce w latach 1945–1996, Wrocław.
- DOMÁNY 1987: Domány, András, Aki lengyel, katolikus, Budapest
- DOROSZEWSKI 1961: Doroszewski, Witold (red.), Słownik języka polskiego, T. 3, Warszawa.
- Encyklopedia 1996: Encyklopedia Polski, Kraków.
- HULKA-LASKOWSKI 1927: Hulka-Laskowski, Paweł, Porucznik Regier. Powieść, Warszawa.
- KOWALSKA 1963: Kowalska, Anna, Wójt wolborski. Powieść o Fryczu Modrzewskim, T. I–II, Warszawa.
- KRASZEWSKI 1986: Kraszewski, Józef Ignacy, Powrót do gniazda. Powieść z podań XVI wieku, Warszawa.
- KRASZEWSKI 1947: Kraszewski, Józef Ignacy, Powrót do gniazda. Opracowała Pietrusiewiczowa, Jadwiga, Warszawa
- KRZYŻANOWSKI 1994: Krzyżanowski, Julian, Mądrej głowie dość dwie słowie, T. 1, Warszawa.
- LINDE 1856: Linde, Samuel Bogumił, Słownik języka polskiego, T. 2, wyd. 2, Lwów.
- MALEWSKA 1961: Malewska, Hanna, Panowie Leszczyńscy. Powieść, Kraków.
- MORSTIN 1990: Morstin, Ludwik Hieronim, Polacy nie gęsi, // idem, Dramaty wybrane, T. III, Kraków.
- NOWACZYŃSKI 1906: Nowaczyński, Adolf, Jegomość Pan Rey w Babinie. Świecka krotofiła w trzech sprawach, Kraków.
- NOWACZYŃSKI 1905: Nowaczyński, Adolf, Smocze Gniazdo Albo wybawienie dyabła z szlacheckiej opresji, Warszawa.
- SŁOWNIK 1902: Karłowicz, Jan & Kryński, Adam & Niedźwiedzki, Władysław, Słownik języka polskiego, T. 2, Warszawa
- TAZBIR, 1993: Tazbir, Janusz, Reformacja w Polsce, Warszawa
- TOMASIK 1992: Tomasiak, Wojciech, Powieść // Brodzka, Alina & alii (red.), Słownik literatury polskiej XX wieku, Wrocław–Warszawa–Kraków.

TRIPPLIN 1856: Tripplin, Teodor, Wycieczki po stokach galicyjskich i węgierskich Tatrów, Warszawa.

TRIPPLIN 1878: Tripplin, Teodor, Wspomnienia z ostatnich podróży, T. IV, Warszawa.

Abstract

“Otherness”, “Strangeness” of Calvinists and 19th and 20th Centuries

The article discusses several aspects of ethnic and/or religion minority problems. The author first analyzes words and phrases of the Polish language which refers to Calvinism, its followers and objects related to it. The study focuses on the components of the world as presented by Polish novels and dramas: the literary image of the members of the Reformed Church in Poland, where the Counter-Reformation won a decisive victory in the 17th century. The author analyzes their ideas and search for the meaning of this image.

The relevant words and phrases lost their unfavorable shades of meaning only in the 20th century. In the previous century J. I. Kraszewski and H. Sienkiewicz (later a Nobel-prize winner) expresses unequivocally negative views on the “otherness” and “strangeness” of Calvinists and the hostility against them. 20th century Polish writers, A. Kowalska and H. Malewska among them, who were attached to Catholicism, depicted Calvinism of the remote past. “Otherness” manifests itself mainly in the 19th and 20th centuries.

There were only two authors, believers of the Reformed Church, who dealt with the Calvinism of their own time. P. Hulka-Laskowski saw more values in his religion than in the Polish national Catholic community.

ZMIANA PARADYGMATU KOMUNIKACYJNEGO WPROWADZENIE DO ROZWAŻAŃ NAD MODELEM WSPÓŁCZESNYCH NARRACJI POWIEŚCIOWYCH

Maria WOŹNIAKIEWICZ-DZIADOSZ

Początek lat dziewięćdziesiątych w polskim życiu literackim objawił się jako okres dyskusji na temat kondycji polskiej literatury i jej sytuacji w nowych warunkach polityczno-społecznych. Przemysław Czapliński, rekapitułując wyniki licznych ankiet inicjowanych przez znaczące pisma kulturalne („Kresy”, „Arka”, „NaGłos”, „Czas Kultury”, „Res Publica Nowa”, „Teksty Drugie”, „Kultura” paryska), wskazał na dwie zasadnicze perspektywy postrzegania zjawisk literackich ostatniej dekady: jako uzasadnianie tezy o kontynuacji i zamykaniu wcześniejszych konwencji artystycznych w dziełach „mistrzów” (Różewicza *Plaskorzeźba*, Symborskiej *Koniec i początek*, Herberta *Elegia na odejście* czy Kapuścińskiego *Imperium*) oraz jako próby poszukiwania „przełomu” w twórczości pisarzy nowej formacji (Tomek Tryzna, Jerzy Pilch, Olga Tokarczuk, Andrzej Stasiuk), nieobciążonej „dworskimi” lub opozycyjnymi serwitutami. Czapliński zwraca uwagę na wyłaniający się z owych kwestionariuszy paradoksalny obraz nowej rzeczywistości, zmiany dotyczą bowiem okoliczności zewnętrznych wobec literatury: gustów masowego odbiorcy, roli pisarza i społecznego rezonansu jego dzieł przy braku utworów, które można by uznać za „przełomowe”, bowiem – jak sądzi autor *Świata podrobionego*, „początek jawi się w tych dyskusjach jako seria powrotów” [CZAPLIŃSKI 2003: 37], co pozwala mówić o „zmierzchu paradygmatu” literatury [JANION 1996:]. Te powroty to przede wszystkim podejmowanie dawnych, dobrze czytelniczo oswojonych konwencji fabularnych autobiografizmu i powieści inicjacyjnej, traktowanych pastiszowo bądź ironicznie, które to praktyki John Barth określił jako „literaturę wyczerpania” w sensie wykorzystywania (wyczerpywania) możliwości konwencji już istniejących [BARTH 1983].

Z perspektywy końca dekady oraz początków XXI wieku dostrzegalne stały się jednak przemiany zachodzące w obrębie trzech podstawowych typów uwarunkowań literatury: poetyk, idei oraz rynku i wszystkie one mają związek – to jest główna teza moich rozważań – z nową dla sztuki słowa sytuacją komunikacyjną i nowym dla niej kontekstem kulturowym.

Charakterystyczne wydają się te głosy dyskutantów (Henryka Markiewicza, Edwarda Balcerzana czy Jacka Trznadla), które zwracają uwagę na nową dla literatury sytuację komunikacyjną, jaka wytworzyła się u progu lat dziewięćdziesiątych: pojawienie się rynku jako stymulatora twórczości, która staje się produktem, atrakcyjnym lub nie, dla odbiorcy-konsumenta oraz wzrost roli mass mediów, konkurencyjnych wobec literatury, zarówno w sferze idei, jak też rozrywki. Ten ostatni

czynnik skutkuje przede wszystkim pozbawieniem literatury monopolu na przekazywanie wartości zbiorowych i jej wycofywaniem się w obszary prywatności bądź podejmowaniem wyzwania filmu i TV w sferze działań ludycznych.

Jak podkreślają badacze zajmujący się problemem [por. HOPFINGER 2002, WELCH 2002], miejsce sztuki w obszarze społecznych relacji zmieniło pojawienie się telewizji. Dalsze XIX-wieczne wynalazki techniczne – takie przekązniki, jak aparat fotograficzny, fonograf, radio i kinematograf – traktowane były jako urządzenia utrwalające i upowszechniające sztukę, ale i aspirujące do tworzenia dzieł sztuki w ramach swych technicznych uwarunkowań (fotografia, artystyczne gatunki radiowe, film), powiększając znacznie liczbę muz tradycyjnych. Ponadto funkcjonowały w środowisku komunikacyjnym zdominowanym przez formy pisemne, co oznaczało, że wszelkie narracje werbalne i niewerbalne odnoszone były do modelu komunikacji właściwego literaturze i jej zmieniających się konwencji. Telewizja natomiast, korzystając z dorobku artystycznego przeszłości, od początku określiła się jako medium wielofunkcyjne i egalitarne, co w konsekwencji stworzyło telewidzowi niemal nieograniczone możliwości wyboru między różnorodnymi, wielojęzycznymi i heterogenicznymi przekazami oraz szansę budowania mniej lub bardziej świadomie własnego programu – tekstu o granicach każdorazowo wyznaczonych przez odbiorcę-użytkownika.

Realne, bo wręcz obligatoryjne uaktywnienie odbiorcy, dokonuje się jednak w obszarze wielopoziomowego i sieciowo kształtującego się nieustannie hipertekstu – równocześnie i zarazem potencjalnie istniejącego repertuaru przekazów pod każdym względem zróżnicowanych, pozbawionego przestrzennych granic systemu internetowych odsyłaczy, które stanowią program dla poszukiwania informacji, a także tworzenia własnego tekstu organizowanego na doraźny użytek „surfera”.

Umożliwione przez telewizję i proponowane przez Internet sposoby dostępu do przekazu, nie zawsze werbalnego, zmieniają radykalnie „środowisko komunikacyjne” – subtekst, który za Zbigniewem Bauerem można określić jako „falę nośną” wszelkich komunikatów [BAUER 1999], jako swoisty, nieskodyfikowany „nadsystem” odniesienia dla tekstów ukształtowanych w ramach innych przekązników niż telewizja i Internet, z właściwymi dla nich możliwościami wypowiedzi. Chodzi tu jednak nie tyle o coraz doskonalszą technikę przekazów multimedialnych, ale o rodzaj współczesnego „communitas”, o kształtowanie przez nie podstaw naszych wyobrażeń i sądów o świecie – to, czego nie przekaże telewizja i czego nie znajdziemy w Internecie, po prostu nie istnieje [WELCH: 471–472]¹ – a także o utrwalane przez telewizję, zwłaszcza jej pasma reklamowe i wideoklipy, sposoby ukazywania rzeczywistości i jej obrazy – reprezentacje. Rzeczywistość jest coraz wyraźniej modelowana według zasad mediów, poddaje się ją na przykład wymogom szybkiego cięcia obrazowości, rytmicznej sekwencyjności. Dla tzw. przeciętnego odbiorcy świat staje się zlepek obrazów medialnych i własnego doświadczenia,

¹ Autor przypomina tu efektowne ironiczne sformułowania Karola Kneusa: „Na początku była prasa, a potem powstał świat”, zaktualizowane przez Guntera Andersa w r. 1956 w związku z inwazją medium telewizyjnego: „Na początku był przekaz, dla niego pojawił się świat”.

również postrzeganego poprzez interpretacyjny filtr telewizji. Wolfgang Welsch swoją hipotezę dotyczącą zatarcia granic między realnością a symulakrem opatruje wprowadzie znakiem zapytania, ale zwraca uwagę na to, że różnica w sposobach rozumienia obu typów informacji staje się coraz mniej wyraźna na skutek traktowania medialnych modeli symulacyjnych jako odnoszących się do tzw. „realu”.

Istotą tej zmiany wydaje się porzucenie linearności, charakterystycznej dla komunikacji pisemnej, na rzecz nowej synchronicznej przestrzeni politekstowości, opartej na odmiennych relacjach między odbiorcą-użytkownikiem, nadawcą – najczęściej zwielokrotnionym – i komunikatem-patchworkiem. Niejednorodny gatunkowo, wielotematyczny i wielopoziomowy tekst złożony z relacji o zdarzeniach, komentarzy autorskich, wypisów z innych dzieł, nierzadko też rysunków i fotografii, sprawia wrażenie raczej składanki niż całości. Tym bardziej, że w przypadku utworów literackich istnieją w nim wyraźne odniesienia do gatunków pozaartystycznych. Pomijając „oswojone” już przez tradycję literackie przetworzenia takich dokumentów osobistych, jak list, dziennik, autobiografia, nową sytuację komunikacyjną stwarzają odwołania do form wypowiedzi użytkowych, jak encyklopedia, słownik, podręcznik, kalendarz, które nie tyle czytane są „od deski do deski”, ile wykorzystywane zgodnie z doraźnymi potrzebami odbiorcy, a ich lektura z natury swojej bardziej przypomina działania internetowego surfera niż czytelnika powieści.

Oddziaływanie subtekstu komunikacyjnego, kształtowanie się nowego modelu przepływu informacji zdaje się potwierdzać dwie głośne tezy Marschala McLuhana: pierwszą, dotyczącą roli przekąźnika jako nie tyle naturalnego wehikułu znaczeń, ile systemu operacyjnego zmieniającego doświadczenie kulturowe, a zatem i sposób rozumienia komunikatu – „przenośnik jest przekazem” i drugą, stwierdzającą kres „galaktyki Gutenberga” [MCLUHAN 2001], ery kultury pisma i podstawy zachodniego racjonalizmu, ustępującej holistycznej komunikacji bezpośredniej.

Efektowne sformułowane kanadyjskiego uczonego, apologety popkultury, jak nazwał go Jonathan Miller w *Sporze z McLuhanem* [MILLER 1974], nie oznacza likwidacji form pisemnych, a zwłaszcza książki czy szerzej – literatury. Jak przekonuje Umberto Eco [ECO 540], „pojawienie się nowego środka przekazu nie tylko nie zabija poprzedniego, ale zawsze uwalnia go od takich czy innych serwitutów, a także zmienia jego miejsce w hierarchii współczesnych mu systemów informacyjnych” [ECO 540].

Z wywodząca się z rozważań McLuhana teza medioznawców o hipertekstach jako powrocie do holistycznego modelu kultury, cechującego komunikację oralną, polemizuje Zbigniew Suszczyński dowodząc, iż w hipertekście, a także w Internecie obraz całości amorficznej i nieprzewidywalnej wymyka się użytkownikowi-surfrowi, który wytycza w nim jedynie okazjonalne własne ścieżki, a sytuacja ta bliższa jest czytelnikowi „Biblioteki Babel”, której figurą jest koło bez wyznaczonych wyraźnie granic i pozbawione centrum, do którego bardziej jednak przysta-

wałoby określenie labiryntu-kłącza [Por. ECO 1988, RYBICKA 1977]². Rozważania Suszczyńskiego zmierzają do stwierdzenia, że hipertekst więcej ma wspólnego z kulturą pisma niż z „oralną pełnią egzystencji” i należy go traktować jako zwielokrotnioną Bibliotekę [SUSZCZYŃSKI 535 i nast.].

Zgadając się zasadniczo z wywodami autora na temat analogii Borgesowskiej „Biblioteki Babel” i „ogrodu o rozwidlających się ścieżkach” z hipertekstem, postrzegabym te relacje nie tylko jako możliwość przekraczania linearności pisma, ale przede wszystkim jako oddziaływanie hipertekstowego modelu kłącza na narracje literackie i nowe sposoby budowania ich spójności. Skrajnym przykładem może być powieściowy eksperyment Jarosława Nowakowskiego *Koniec świata według Emeryka* opatrzony podtytułem *Liberatura*, który to neologizm przywołuje semantycznie zarazem literaturę i wolność (*liberation*) – uwolnienie się od liniowego porządku książki. *Liberatura* jest bowiem tekstem istniejącym wyłącznie w nterecie i zorganizowanym sieciowo, w którym autorskie odsyłacze stanowią propozycję wielu różnych lektur, scalania na wiele sposobów autonomicznych fragmentów narracji.

Kształtowanie tekstu jako repertuaru wielorakich możliwych uporządkowań zmienia w sposób radykalny status przedstawionej w nim rzeczywistości: postaci, przedmiotów, czasoprzestrzeni i przede wszystkim logiki – czy też raczej jej braku – ich wzajemnych relacji, uwyrażnia ich możliwościowy i umowny sposób istnienia niekorespondujący z empirią. Kaźdorazowo komentowany w metatekstowej warstwie narracji świat przedstawiony staje się tworem metafikcyjnym zarówno w tym sensie, że w narracji nie dochodzi do ustabilizowania jego właściwości i naczenia jako „rzeczywistości, której status nie zostaje w obrębie fikcji podważony” [ŁEBKOWSKA 1998: 91], jak i w tym, że tracąc odniesienie do jakiegokolwiek realności pozatekstowej i uzasadniając kaźdorazowo swoją ontologiczną samowystarczalność staje się symulakrem w znaczeniu, jakie temu pojęciu nadaje Jean Baudrillard: „Symulacja [...] jest generowaniem, przy pomocy modeli, nierzeczywistej i pozbawionej oparcia w realności – hiperrealności [...], można się obejść bez racji, przestał bowiem istnieć, jako ideał bądź negatyw, punkt odniesienia. Wystarczą operacje. A peracyjność nie jest realnością [...] [BAUDRILLARD 1997: 176].

Symulakrum unieważnia świat aktualny przede wszystkim w jego holistycznym wymiarze uporządkowanej i zrationalizowanej całości, zastępując go mnogością różnorodnościowych fragmentów informacyjnej telematycznej terażniejszości, repertuaru, który daje się mniej (telewizyjny zapping) lub bardziej (internetowy surfing) świadomie zestawiać w luźne okazjonalne układy. Użytkownik telewizora lub komputera, wyznaczający sobie własne obszary informacyjnych przekazów, funkcjonuje zatem w radykalnie przekształconych relacjach między

² Jako przykłady tekstów-kłączy autorka przywołuje powieści Małgorzaty Tulli *Sny i kamienie*, Bronisława Wildsteina *Brat*, Marka Andermana *Gra na zwłokę*, Manuela Gretkowskiej *Kabaret Metafizyczny*, Tadeusza Konwickiego *Wniebowstąpienie*.

instytucjami nadawczo-odbiorczymi w efekcie „wieloskładnikowej komunikacji” z komputerem [KLUSZCZYŃSKI 505].

Pojawienie się w latach dziewięćdziesiątych nowych mediów uwyraźniło dokonującą się w wieku XX degradację twórcy jako jednego z elementów procesu powstawania dzieła. Kategoria autora traci sens nie tylko w odniesieniu do sztuki multimedialnej z jej wielopoziomową strukturą: hardware’u (fizycznych – elektronicznych nośników przekazu), software’u (programu) oraz artware’u (koncepcji artysty) i wetware’u (produktu interaktywnej postawy odbiorcy dokonującego wyborów w ramach możliwości programu) [KLUSZCZYŃSKI 506]. Także w mediach tradycyjnych, zwłaszcza w filmie i telewizji, przemysłu szczególnie lekkiego, jak ironicznie określił je Edgar Morin w roku 1956, dzieło powstaje w wyniku współdziałania twórcy z wyspecjalizowanymi realizatorami jego elementów składowych oraz jego ukształtowania technicznego, a także kompromisów wpisanych niejako w system funkcjonowania instytucji i jej zrjonalizowanych standardów dostosowanych do oczekiwań masowego odbiorcy. „W owych gałęziach sztuki, które obejmuje kultura przemysłowa, odradza się w pewnym sensie dawny kolektywizm pracy artystycznej” – pisze autor *Esprit du temps*. Jednakże w procesie produkcji zatracą się „możliwość identyfikacji [autora] ze swoim dziełem, czyli wyrażanie się poprzez nie, ustalenia w nim swoich własnych wartości transcendentnych” [MORIN 571].

„Sztuka przemysłowa” wytwarza zatem szczególną warstwę inteligencji twórczej o niejednoznacznych relacjach z dziełem-produktem, którego autorstwo staje się kwestią dyskusyjną.

W dokonywanych przez medioznawców analizach funkcjonowania mediów uderzające wydaje się synonimiczne traktowanie dzieła i produktu, w której to praktyce językowej uwyraźnia się fakt, że rynek włączył się jako istotny element nowego paradygmatu kulturowego. „Wraz z postępem technologicznym rynek stał się najlepszym sposobem na produkcję kulturalną” [TAYLOR – WILLIS 2006: 126].

Urynkowanie wszelkich kulturowych przekazów postawiło autora w sytuacji dwuznacznej i paradoksalnej. Tracąc bowiem na terenie sztuki prerogatywy jedynego kreatora dzieła, nagłaśnia on swoją obecność w przestrzeni społecznej, grając wystylizowanym według potrzeb konsumenckich wizerunkiem własnym. W subtekst komunikacyjny włączają się więc teksty reklamowe, okołartystyczne: spoty, bilbordy, wideoklipy, czaty, narzucające, poza konsumpcyjnymi czy politycznymi schematami ideologicznymi, także kody ikoniczne oraz językowe, i utrwalające normy zachowań medialnego targowiska.

Opisany bardzo skrótowo nowy model kulturowy, wynikający ze zmiany celów i podstaw komunikacji społecznej, traktuję jako kontekst, jeden z możliwych modeli interpretacyjnych dla najnowszych zjawisk powieściowych, które najbardziej lapidarnie można ująć jako:

1. Odejście od strukturalnej zasady kształtowania powieści jako całości o stałych powiązaniach między jej elementami, zastępowanej konstrukcjami

- skupieniowymi względnie seryjnymi o zmiennych konfiguracjach wewnętrzz tekstowych;
2. Unieważnienie świata aktualnego jako odniesienia dla narracji i budowanie kontekstu w relacjach z innymi działaniami, nie tylko literackimi, co w konsekwencji zmienia ontologiczny status świata przedstawionego, fundowanego wyłącznie na kreacyjnych, kuglarskich gestach autorskiego podmiotu narracji;
 3. Manifestację podmiotowości narracji i narratora specyficznie wykorzystującego strategię autobiografizmu. Polega ona bowiem nie na budowaniu w utworze określonego wizerunku własnego, ale na negocjowaniu go w procesie narracji, w której podsuwane są czytelnikowi różne, często sprzeczne możliwości wyboru jego roli, niepoddające się uzgodnieniu;
 4. Ostentacyjny „artyzm” czyli ujawnienie sztuczności zarówno fikcjonalnego świata, jak i autotelicznych działań podmiotu ujawniającego zastosowane konwencje i zapożyczenia;

Uaktywnienie czytelnika-odbiorcy i użytkownika tekstu, który poza tradycyjną oczywistą rolą idealnego (modelowego) deszyfranta kodów artystycznych i znaczeń wpisanych w utwór – staje się współtwórcą samego tekstu, w tym sensie, że musi go poddać własnym procedurom porządkującym, tj. zorganizować rozproszone sekwencje narracyjne w centryczne układy skupieniowe lub seryjne, co w konsekwencji skutkuje zmianą paradygmatu gatunkowego powieści. Przestaje ona być skodyfikowaną strukturą, możliwą do opisanie w kategoriach relacji wewnętrz- i międzypoziomowych [Por. BARTHES 1966], a staje się formą procesualną, poddawaną wielorakim uporządkowaniom nieostatecznym.

Wskazane zjawiska, jako pewne tendencje niesystemowe i rozwiązania eksperymentalne poszczególnych autorów (Leopold Buczkowski, Tadeusz Konwicki, Andrzej Kuśniewicz, Teodor Parnicki, żeby przywołać pisarzy najbardziej znaczących), obecne były w narracjach powieściowych od lat siedemdziesiątych XX wieku i opisywane przez odniesienie do tradycyjnych struktur powieściowych w kategoriach przekształceń układów fabularnych [Zob. WOŹNIAKIEWICZ-DZIADOSZ 1988, OWCZAREK 1999]. W perspektywie nowej, kształtowanej przez media sytuacji komunikacyjnej uwybraźniły się jako zmiany paradygmatyczne i realizacje medialnego modelu narracyjnego przekazu artystycznego.

Literatura

- BARTH 1983: Barth J. *Literatura wyczerpania*. Warszawa // Lewicki Z. *Nowa proza amerykańska*. Warszawa 1996.
- BARTHES 1966: Barthes R. Wstęp do analizy strukturalnej opowiadań (przeł. R. Handke wg: R. Barthes, *Introduction a l'analyse structurale des recits*, „Communications” 1966, nr 9), // *Studia z teorii literatury*. Archiwum przekładów „Pamiętnika Literackiego” I, pod red. M. Głowińskiego i H. Markiewicza, Wrocław 1977.

- BAUDRILLARD 1997: Baudrillard J. Precesja symulaków (fragment książki *Simulacreset simulation*), przeł. T. Komendant // *Postmodernizm. Antologia przekładów*, pod red. R. Nycza, Kraków.
- BAUER 1999: Bauer Z. Ryszarda Kapuścińskiego reportaż antymedialny. // *Poetyka i pragmatyka gatunków dziennikarskich*. Pod red. W. Furmanka i K. Wolnego-Zmorzyńskiego. Reszów.
- CZAPLIŃSKI 2003: Czapliński P. Świat podrobiony. Krytyka i literatura wobec nowej rzeczywistości. Kraków.
- ECO 1988: Eco U. Zapiski na marginesie „Imienia róży”. // Eco U. *Imię róży*. Przeł. A. Szymanowski. Antologia. Warszawa.
- ECO: Eco U. Nowe środki masowego przekazu a przyszłość książki (*I nuovi mezzi di comunicazione e il destino del libro*), przeł. A. Szymanowski. // *Nowe media w komunikacji społecznej w XX wieku*. Antologia.
- HOPFINGER 2002: Hopfinger M. Sztuka i komunikacja: sygnały zmiany całej kultury. // *Nowe media w komunikacji społecznej w XX wieku*. Antologia, projekt i redakcja naukowa Hopfinger M. Warszawa.
- JANION 1996: Janion M. *Zmierzch paradygmatu (1990–1992)*. Warszawa.
- KLUSZCZYŃSKI: Kluszczyński R. W. Sztuka multimediów. // *Nowe media w komunikacji społecznej w XX wieku*. Antologia, s. 505.
- ŁEBKOWSKA 1998: Łebkowska A. Fikcja jako możliwość. Z przemian prozy XX wieku. Kraków.
- MC LUHAN 2001: McLuhan M. *Galaktyka Gutenberga (The Gutenberg Galaxy. The Making of Typographic Man)*, // McLuhan M. *Wybór tekstów*, przeł. E. Różalska, M. Stokłosa, Poznań.
- MILLER 1974: Miller J. Spór z McLuhanem (Marshall McLuhan). przeł. Bogucka A. M. Warszawa.
- MORIN: Morin E. *Przemysł kulturalny (fragment książki Esprit du temps)*. Przeł. Frybesowa A. // *Nowe media w komunikacji społecznej XX wieku*.
- OWCZAREK 1999: Owczarek B. *Poetyka powieści niefabularnej*. Warszawa.
- RYBICKA 1977: Rybicka E. *Labirynt: temat i model konstrukcyjny. Od Berenta do młodej prozy*. // *Pamiętnik Literacki 1977.z. 3*.
- SUSZCZYŃSKI: Suszczyński Z. Hipertekst a „Galaktyka Gutenberga”. // *Nowe media w komunikacji społecznej XX wieku*. Antologia.
- TAYLOR – WILLIS 2006: Taylor L, Willis A. *Medioznawstwo. Teksty, instytucje i odbiorcy (Media Studium. Texts, Institution and Audiences)*, przeł. M. Król, Kraków.
- WELCH 2002: Welch W. *Sztuczne raje. Rozważania o świecie mediów elektronicznych i o innych światach*. // *Nowe media w komunikacji społecznej w XX wieku*. Antologia. Projekt i redakcja naukowa Hopfinger M. Warszawa.
- WOŹNIAKIEWICZ-DZIADOSZ 1998: Woźniakiewicz-Dziadosz M. *Obrzeża formy powieściowej*. Lublin.

Abstract

Changes in the Communication Paradigm Preliminary Considerations on the Model of Narrative in the Modern Novel

The paper states the case for the changes of the model in the Polish novel at the turn of the 20th century which are the result of the transformation in social communication paradigm taking place at the same time. The transformation is due to the dominating role of media technology, especially TV and the Internet, and the emergence of market mechanisms that provide stimulus for artistic creations, including literature. The new form of non-linear narratives in the novel, made up from more or less autonomous sequences of texts, demands active participation from the addressees – re-shaping the traditional temporal sequence into spatial ordering, configuration and rearrangement of the material that is given into clusters and sequences organized around characters, motifs or problems. This kind of experiencing the text reveals great similarity to making use of multi-channel or multi-media TV messages (zippering or channel hopping) or internet messages shaped by the Web (surfing). In such a context the author becomes the one who creates different meanings in his text, and one who changes the traditional role of the reader from someone who decodes meanings into the one who co-authors both the text itself and its senses. The position of the author is marginalized also by the marketplace which makes the work contingent upon the expectations of mass audiences, the tastes they have and their manner of perceiving reality, both of which are largely shaped by the media.

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ОБЗОР СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ НА УКРАИНЕ

Интерес к изучению языковой ситуации на Украине возник в Институте славистики Дебреценского университета параллельно с появлением студентов из Закарпатья. Как известно, эти студенты с детства являются билингвами, так как в их семьях, благодаря смешанным бракам, зачастую используют два языка: украинский и венгерский, венгерский и русский и т. д. Вскоре, под влиянием общественного окружения или школы, молодые закарпатцы усваивают еще один язык – третий. Их языковое поведение существенно отличается от языкового поведения венгерских монолингвов, изучавших русский как иностранный: на всех уровнях их языковой деятельности оставляет свой след явление языковой интерференции.

Чтобы понять процессы речевой деятельности данных студентов (что может позже служить дидактическим целям в обучении русскому) и для научного описания природы и системности самых характерных современных языковых изменений в русской речи закарпатцев, авторами статьи (по жанру *review article*) разработан конкретный научно-исследовательский план.¹ По этому плану будут изучены записи спонтанной устной речи и письменные эссе данной группы учащихся на свободные темы (письма к друзьям о летних каникулах, рассказ о свадьбе знакомого, пересказ определенной телепередачи и т. п.).

При исследовании языковых изменений на материале вышеупомянутых текстов будет применяться комплексный подход, поскольку изучаемые языковые явления интерференции происходят на фоне Карпатского языкового ареала, сложившегося исторически на протяжении нескольких веков. Таким образом, должны учитываться результаты славянского исторического языкознания и ареальной лингвистики (см. [РОТ 1967]), избранные статьи Бернштейна (см. [БЕРНШТЕЙН 2000]) для отмежевания старых явлений интерференции от новых. Необходимо будет вовлечь в исследование теоретические результаты исследований билингвизма (см. [БЕРТА 2006]) и конкретные итоги исследования венгерско-украинского и украинско-венгерского билингвизма (см. [РОТ 1972]).

Исследование также должно опираться на современные теории и методы контактной лингвистики, в первую очередь, на модель «кодокопирование» [ЙОХАНСОН 2002]. Модель кодокопирования может применяться успешно в том случае, если хорошо известны этническая основа и социальное расслоение всех контактирующих языков. С этой целью перейдем к непосредственному изучению современной языковой ситуации на Украине, опираясь, в пер-

¹ Исследование поддерживается венгерским фондом ОТКА, № 68568 К.

вую очередь, на монографию Б. Ажнюка (см. [АЖНЮК 1999]) и на отдельные публикации из Интернета.

1. Историко-культурная детерминированность гетерогенности украинского общества

Как известно, путь к государственности Украины был долгим и тернистым. Китай во все века и при всех идеологиях был и остается Китаем. Земли Украины до недавних пор были яблоком раздора разных этносов и, зачастую, абсолютно разных культур. «С XIV в. Киевские земли оказались в зависимости от разных государств: в степи господствовали ордынцы, Закарпатье захватила Венгрия, Северная Буковина была оккупирована Молдавией, Галиция – Польшей, а самая большая ее часть (Киевщина, Волынь, а позже – Подолье и Северская Украина) была подчинена Великому княжеству Литовскому... Со середины XVII в. Украина попала в зависимость от Московского государства и на протяжении почти трех с половиной столетий не имела самостоятельного развития, а была составной частью Российской и Австрийской империй, а в XX в. ее части входили в состав СССР, Польши, Венгрии, Чехословакии и Румынии», – свидетельствуют украинские ученые [Стратегії 2002]. Таким образом, автохтонному этносу – полянам – пришлось в процессе исторического развития пережить несколько этапов чужеземной экспансии. Мы не станем здесь оценивать причины вторжений и нравственность мотивов завоевателей-экспансионистов, пусть этим занимаются историки, отметим лишь следующее: данная ситуация принципиально повлияла на этносостав украинского народа, обусловив его трансформацию в сторону гетерогенности. С другой стороны, этому способствовали переселенцы, которые с разных причин и в разное время покинули свою историческую родину и обосновались на территориях, входящих в состав современной Украины. Как результат, по данным переписи 1989 года, на Украине, кроме украинцев, проживают: русские (11, 3 млн.), евреи (486, 3 тыс.), белорусы (440 тыс.), молдаване (324, 5 тыс.), поляки (219, 2 тыс.), венгры (163, 1 тыс.), болгары (233, 8 тыс.), румыны (134, 8 тыс.), крымские татары (около 266 тыс. на 1999 год), а также греки, армяне, немцы, гагаузы и другие представители национальных меньшинств [Стратегії 2002]. Все они составляют неотъемлемую часть украинского народа, и, в то же время, выступают носителями и хранителями своих национальных ценностей – языка, культуры, религии, традиций.

2. Украина в свете языковых конфликтов

Непростая история и неоднородный этносостав украинского народа, к сожалению, до сих пор провоцируют внутрисоциальные конфликты, главным из которых есть языковой. Долгие годы русификации, проводимой сначала Российской империей, а потом СССР, принесли свои плоды: значительная часть населения оказывает стойкое сопротивление внедрению украинского языка в культурно-деловую жизнь страны, требуя при этом закрепления за

русским языком статуса государственного. И дело тут отнюдь не в многочисленности русского этноса (20% от общего числа, украинцев – 78% [Стратегії 2002]), а, по большому счету, в деформации национального сознания многих автохтонных украинцев, для которых «русскость» ассоциируется с безопасностью, элитарностью, профессиональной востребованностью, коммуникативной комфортностью. Рабство редко проходит бесследно, но самое страшное рабство – духовное. Известен не один факт, как родители украинцы настаивали на освобождении своих детей от изучения украинского языка «по состоянию здоровья». К счастью, в последнее время ситуация начала потихоньку выравниваться. Молодые украинцы, хоть и не так интенсивно, как хотелось бы, шаг за шагом освобождаются от комплекса национальной неполноценности. Этому способствует, как общая политика страны, так и проблески национально-культурного возрождения.

Что касается вопроса о государственном статусе русского языка на Украине, то на данном этапе развития страны он не совсем своевременный: vitalность русификаторской политики в украинском обществе, хоть и не так агрессивна, до сих пор сильна. Принятие подобного закона реанимировало бы архетипы и комплексы недалекого прошлого, что, в конечном итоге, привело бы либо к расколу страны, либо к тотальной прогрессирующей ассимиляции украинского этноса. «...Принцип культурного равноправия в постколониальных странах, – как справедливо отмечает американский историк Анна Процик (Цитировано по [МАСЕНКО 2001]), – идет, прежде всего, на пользу бывшей имперской культуре... По существу этот принцип есть ни чем иным, как коварным внедрением культурного дарвинизма, или, в некоторых случаях, культурного геноцида». Впрочем, что касается именно «культурного равноправия», то в этой области на Украине мало что изменилось с советских времен. Как показывают исследования [МАСЕНКО 2001, ШТУРНАК 2001], русский язык по-прежнему продолжает доминировать в культурной жизни страны: на телевидении, радио, в прессе и даже на издательском рынке художественной литературы. В этом контексте говорить о дискриминации русскоязычного населения, на наш взгляд, не совсем корректно. Прежде не мешало бы достичь хотя бы относительного равноправия для украиноязычной аудитории. Возможно со временем, когда Украина возвратит себе почти утраченное языковое лицо, вопрос о государственном статусе русского языка будет решен положительно, но в данной ситуации говорить об этом слишком рано.

Еще одной болевой точкой Украины есть т. наз. русинский язык, который в самой стране (на академическом уровне) трактуется как лемковский диалект, а за ее пределами, скажем, в Словакии, Польше, Венгрии как четвертый восточнославянский. Вполне очевидно, что эту проблему нельзя решать опрометчиво, поскольку она может существенно поменять языковую (а возможно и не только языковую) карту Европы. Вопрос о русинском языке в настоящий момент находится в стадии изучения, остается надеяться, что он не принесет очередного раскола в многоэтничное украинское общество.

С падением железного занавеса и обретением независимости Украина столкнулась с еще одной языковой проблемой – функционированием двух вариантов украинского литературного языка: материкового (базирующегося на поднепровских говорах и т. наз. киевском правописании 1933 года) и диаспорного (основанного на синтезе поднепровских и галицких говоров и харьковском правописании 1929). Желание диаспорной Украины противопоставить себя советской в свое время было настолько сильным, что между двумя формами украинского языка образовалась глубокая пропасть: иногда журналистам при цитировании даже приходилось делать «переводы» с одного украинского на другой. На данный момент отчуждение между двумя Украидами заметно снизилось, что детерминировало поиск путей сближения. В общем, ситуация ведет к переходу диаспоры на материковый языковой стандарт [АЖНЮК 1999: 402], но, надо отметить, что за переходный период (который еще не закончился), многие диаспорные нормы (світлина, летовище, двірець) активно внедрились и утвердились на их исторической родине [ПОНОМАРІВ 2001: 79]. Более того, в 1999 году была даже предпринята попытка разработки компромиссного правописания [НІМЧУК 2004], которая вызвала широкую дискуссию, но, в конечном итоге, так и не получила официального признания. Впрочем, некоторые языковеды (например, Л. Масенко) активно используют это правописание в своей языковой практике по сей день. Дело, как говорится, вкуса.

В данной главе мы наметили только основные языковые конфликты Украины. На самом деле, разумеется, их гораздо больше, наверное, почти столько, сколько этносов проживает в стране. Но суть не в конфликтах, а в их решении. Главное – решать их так, чтобы представители всех этносов, и всех социальных групп не с обречением, а с гордостью воспринимали себя частью украинского народа.

3. Специфика украинской языковой интерференции

Богатая языковая карта Украины, а также соседство со многими странами – Россией, Белоруссией, Венгрией, Польшей, Румынией, Молдовой, Словакией детерминируют многовекторность ее языковой интерференции. Если смотреть по регионам, то в Крыму наиболее яркой будет русско-татарская интерференция, в Галиции – украинско-польская, в Полесье – украинско-русская, украинско-белорусская, в Буковине – украинско-молдавская. Языковая интерференция в Закарпатье – вообще редчайший феномен. Это удивительное переплетение венгерского, украинского, русского, румынского, немецкого, словацкого языков.

Все же, самой масштабной на Украине есть интерференция украинского и русского языков – результат далеко не только тесных языковых контактов, но и планомерной советской политики, направленной на слияние близкородственных языковых структур. Данная интерференция, на наш взгляд, реализуется посредством двух видов: на базе украинского и на базе русского языков.

Ареал их распространения, по большому счету, не ограничен, в разном процентном соотношении и при некоторых региональных отличиях они охватывают практически всю страну.

С другой стороны, в связи с частой и иногда массовой эмиграцией украинцев назревает серьезная потребность в изучении диффузности украинского языка за пределами страны. Речь идет об украинско-английской, украинско-немецкой, украинско-испанской интерференциях. Исследование Б. Ажнюка *Мовна єдність нації: діаспора й Україна* (1999) частично проливает свет на этот вопрос, но до полного его изучения еще очень далеко.

4. Направления исследований

Теоретическая лингвистика

Главной темой, проводимых в этой отрасли исследований, есть осмысление явления «суржик», т. е. непосредственного продукта интерференции. Как известно, термин «суржик» заимствован лингвистами из сельскохозяйственной отрасли, где он употребляется для номинирования смеси различных зерен (пшеницы и ржи и т. д.). Во втором, переносном значении суржик – это «объединенные искусственно, без соблюдения норм литературного языка элементы двух или нескольких языков, нечистый язык» [СУМ 1978: 854].

На наш взгляд, это определение несколько устарело. Во-первых, суржик (в его украинско-русском ответвлении) уже давно вышел за пределы «элементов», он все больше и больше приобретает качеств устойчивой языковой структуры, чего-то на образец «третьего языка», что, кстати, подтверждают и опросы его носителей, рассматривающих свой язык не как русский, и не как украинский, а как третий. С этим решительно не согласна Л. Маленко, считающая суржик нестабильной системой: «Даже наименее подверженный изменениям грамматический скелет языка в суржике расхлябан и плавучий. А уже фонетические варианты слов настолько отличаются в индивидуальных проявлениях, что остается проблематичной сама возможность определения четких фонетических характеристик этого субъязыка» (Цитировано по [СЕРБЕНСЬКА 2001]). Утверждая подобное, исследовательница не учла, что суржик (пока еще!) не претендует на звание нормированной языковой структуры, а что касается его вариативности, то украинский язык в целом (вместе с территориальными и социальными диалектами) тоже вариативен, что, собственно, не мешает ему быть языком. Практика свидетельствует: суржик вариативен, но не бессистемен, иначе он бы не вызывал такой тревоги у лингвистов. Стоит ли бороться с нестабильным, почти эфемерным явлением? В. Радчук подчеркивает, что суржик «возникает упорядочено, это тоже язык» (Цитировано по [СЕРБЕНСЬКА 2001]). Во-вторых, это явление вряд ли можно однозначно считать искусственным, «это все-таки живая модель нового языкового образования, одна, как подчеркивает Царук, из типичных лингвистических мутаций» (Цитировано по [СЕРБЕНСЬКА 2001]). Безусловно, его внедрению в социальную жизнь определенно способствовали и

многочисленные указы русских царей, тормозящие развитие украинского языка, и советских вождей. Все же, будь оно абсолютно искусственным, оно бы так органично не прижилось. Политика лишь разжигала естественные языковые процессы. Можно сказать, что интерференция между русским и украинским языками насаждалась во многом насильственно (политика языкового сближения), но развивалась вполне естественным путем, что привело, в конечном итоге, не только к «трансформации» украинского, но и русского языка (вспомним «едь», «звонит», «из Урала», гортанный [г]), правда не в такой ужасающей степени. Интересно, что русскоязычных украинцев (даже при условии их русских корней) в Москве и в Петербурге достаточно быстро распознают.

Помимо этого, надо заметить, что пытаюсь постичь предусловия возникновения суржика, украинский истеблишмент почему-то забывает о своей вине. Многочисленные правописные реформы, языковые дискуссии, отсутствие четкой языковой политики, качественных, современного уровня учебников по украинскому языку для начинающих, а также незавершенность украинской терминологической системы (попытки украинизировать медицинскую и военную терминологию потерпели убедительное фиаско и, в первую очередь, по вине слишком рьяных и нежизнеспособных нововведений, а что касается современных высоких технологий, то тут, естественно, вся надежда на английский язык) не способствуют росту языковой культуры. Народ устал от всего этого и говорит так, как ему удобно. Можно предположить, что если в ближайшее время ситуация не изменится кардинальным образом, то, возможно, в скором будущем придется проводить очередную языковую реформу.

К сожалению, искусственными уже давно в Украине выглядят литературные языки. Большинство людей неплохо владеют и русским и украинским, но стесняются их употреблять, используют суржик, чтобы выглядеть более искренне, «своими». Суржик, как показывают исследования, проник даже в среду образованных людей – на радио и телевидение [МАСЕНКО 2001; ШТУРНАК 2001]. «В битве за языковое первенство выбор, в общем, ограничивается двумя языковыми стандартами – украинского или русского языка, – пишет М. Флаер (Цитировано по [МАСЕНКО 2004]). – Но пока они состязаются за роль высокого языка в Украине, роль низкого исполняет украинско-русский суржик. За последние пять лет в этой функции он стал своеобразным языковым пристанищем для отчужденных бунтарей, тех, кто идет против норм общественных условностей, пусть это представители молодежной культуры, криминальный элемент, военные или осознающая свой социальный статус модная тусовка». Анализируя эту цитату, Л. Масенко [МАСЕНКО 2004] обвинила исследователя в том, что он отождествил суржик с социальными диалектами. Интересно, какой именно социальный диалект объединяет речевую деятельность такого широкого спектра: от языка военных до языка модных тусовок. М. Флаер, на наш взгляд, всего лишь хотел подчеркнуть «альтернативность» суржика, что вполне соответствует действительности.

Таким образом, можно подвести итог. Из всего вышеупомянутого очевидно:

1. одной из наиболее распространенных языковых интерференций в Украине есть двусторонняя украинско-русская;
2. термином «суржик» в украинской лингвистике обозначают преимущественно русифицированную форму украинского языка, хотя, судя по определению и современной практике (см. исследование Б. Ажнюка) данное явление не имеет четкой привязанности к определенному языку и, стало быть, может употребляться при номинировании результатов любой интерференции;
3. суржик на основе украинского языка все больше приобретает качеств устойчивой языковой структуры. Суржик на базе русского не так далеко ушел от своего литературного стандарта. Иными словами, в первом случае мы имеем уже почти отдельный, новый язык, а во втором – основательно исковерканный украинизмами, но, все же, русский;
4. Оба суржика – результат факторов как естественных, так и навязанных политикой, идеологией.

Интересно, что похожая ситуация произошла с украинским языком в Америке, правда в интерференцию с украинским включился не русский, а английский язык. Дети, а тем более, внуки и правнуки украинских эмигрантов постепенно теряют украинский язык, что отображается не только в разговорной речи, но и в языке прессы. «Поэтому в скобках, – пишет Б. АЖНЮК [1999: 284], – в кавычках или параллельно в тексте наводятся широкоупотребляемые «простонародные» соответствия литературных слов (своеобразный перевод на суржик, или с суржика, чтобы ни у кого из читателей не осталось сомнений, о чем идет речь)».

Это дает все основания говорить, что есть два этапа языковой интерференции. На первом из них язык трансформируется лишь частично, а на втором – основательно, с тенденцией к образованию нового языка.

Стилистика

Пытаясь определить место суржика на языковой карте страны, Л. Масенко пришла к выводу, что он представляет собой так наз. форму нелитературного просторечья [МАСЕНКО 2004]. М. Флаер характеризует его как «низкий язык» в противовес «высокому» литературному (Цитировано по [МАСЕНКО 2004]). М. Сриха видит в суржике «промежуточный субязык», что исполняет роль переходного этапа в ассимиляции украинского языка русским (Цитировано по [МАСЕНКО 2004]), а О. Сербенская трактует этот феномен как «больной язык», к которому, по мнению исследовательницы, надо относиться как к больному, с пониманием и сочувствием [СЕРБЕНСЬКА 2001]. В языке украинской диаспоры, как видно из работы Б. Ажнюка, он (конечно, не в украинско-русском инварианте, а, в первую очередь, в украинско-английском) играет абсолютно идентичную роль, т. е. роль посторечья, кото-

рое в стилистической иерархии рядом с разговорной (имеющей лишь отдельные вкрапления диалектизмов и макаронизмов) и литературной формой занимает самую нижнюю ступень [АЖНЮК 1999: 295]. В любом случае, как видим, суржик – явление ненормативное, а, значит, противоречащее языковой культуре.

Практическая стилистика

В этой связи следует отметить работы филологов-практиков, издающих пособия и словари по культуре речи. Сюда можно отнести *Українсько-російський словник наголосів* [КАЛАШНИК–САВЧЕНКО 1997], который корректирует акцентологические навыки билингвов, словарь *Антисуржик* [АНТИСУРЖИК 1999], помогающий преодолеть последствия языковой интерференции, а также справочники комплексного типа [ПОНОМАРІВ 2001, ЄРМОЛЕНКО–БИБИК 2005], в которых представлены рекомендации по правильному словоупотреблению, словообразованию, словоизменению, произношению (например, главные акцентологические нормы или употребление фонем г и ґ). Особое место в этих изданиях обычно занимают словарики русско-украинских книжных оборотов, а также анализ наиболее распространенных речевых ошибок, в том числе и обусловленных языковой интерференцией. Работа Б. Ажнюка также вмещает практическую часть, где на материале обширного печатного материала проанализировано влияние романских языков, а также некоторых славянских (например, польского, словацкого, русского и, кроме того, материкового украинского) на речевую практику украинской диаспоры.

Из исследований лингвистов-практиков видно, что языковая интерференция охватила собой практически все уровни языка: фонетический, грамматический, словообразовательный, лексический и даже фразеологический. Устойчивые выражения часто калькируются с одного языка на другой без особого учета языковой специфики (чего стоят только кальки с русского *приймати участь, розмовляти на українській мові, займатися реставрацією*, употребляемые вместо нормативных украинских выражений *брати (взяти) участь, розмовляти українською мовою (по-українськи), працювати над реставрацією* и т.д.).

Своеобразным ноу-хау последних лет есть интерференция между «двумя» украинскими языками – диаспорным и материковым. Если все эти процессы пустить на самотек, то вскоре сольются воедино все суржики, образовав, таким образом, настоящее украинское эсперанто. Противостоять этому (безболезненно) можно лишь одним способом – воспитанием населения в русле языковой культуры.

Социолингвистика

Прежде чем перейти к анализу исследований данного направления, на наш взгляд, стоит напомнить, что почти все современные украинцы, проживающие, как в Украине, так и за ее пределами (кроме тех, что живут вдали от цивилизации), являются, как минимум, билингвами. Это, естественно, обу-

славливает специфику их языкового поведения. Если языковое поведение монолингвов всегда прогнозировано, то в данном случае все зависит от ряда факторов: воспитания, ситуации, этикета, места речевой деятельности и т. д. Например, кого-то слишком «патриотичные» родители приучили в пределах страны (общины) говорить принципиально по-украински (или по-русски) независимо от того, понимают его или нет (достаточно типичное поведение для украиноязычного Львова и русскоязычного Донецка), иной всегда переходит на язык собеседника, подчиняясь требованиям этикета. «Обычно говорю по-украински, разве если говорю с этими молодыми, так они все говорят по-английски, и я к ним говорю по-английски, потому что есть такие, что плохо понимают. А с теми, что понимают, – по-украински», – объясняет респондент (Цитировано по [АЖНЮК 1999: 202]). В одной ситуации билингв чувствует себя более комфортно, говоря на украинском языке (дома), а в другой (в транспорте) – на русском [АЖНЮК 1999, КУЗНЕЦОВА 2001]. Интересно, что сны, грезы билингвов в основном отображают их языковую действительность («Моя романтика – так только по-украински, об артистических делах – очень часто думаю по-американски; воспоминания юных лет, Львов могут быть по-польски» (Цитировано по [АЖНЮК 1999: 140])), но иногда люди все же не в состоянии определить, на каком языке они видят сны (это «какой-то абстрактный язык», «другая семиотика» [АЖНЮК 1999: 140]) или думают. Монолингвы, скорее всего, над такими вопросами даже не задумываются.

Что касается языкового поведения украинцев как этноса, то тут прослеживается четкий конфликт желаемого с реальностью. В менталитете украинского народа язык – это национальный код, духовное естество нации, связующая сила, которая объединяет живые, ушедшие и будущие поколения [АЖНЮК 1999 – 158]. Отход от родного языка – «увечье, отступничество, грех» [АЖНЮК 1999 – 153]. Это – теория. А практика, действительность, как уже говорилось, – билингвизм. Билингвизм – это преимущество и одновременно трагедия украинского народа, поскольку внедрялся он насильственно, свыше. Билингвизм американских украинцев тоже вынужденное состояние. Гонимые голодом, войнами, революцией, репрессиями люди просто вынуждены были оставить родную страну и, по возможности, интегрироваться в новую жизнь. В обоих случаях, как в советской Украине, так и в эмиграции украинский язык был отодвинут на вторые роли, задний план, что чуть было не спровоцировало его полное вытеснение: «Как известно, билингвизм преимущественно есть временным явлением, которое вытесняется монолингвизмом господствующего языка» [АЖНЮК 1999: 28]. С каждым новым поколением, свидетельствуют исследователи [АЖНЮК 1999, КУЗНЕЦОВА 2001], в билингвальной семье ведущую роль перенимает на себя тот язык, который имеет большую практическую ценность. Особенно ярко это отображается в общении между братьями и сестрами. С родителями дети могут говорить на родном языке, а между собой на языке среды проживания [АЖНЮК 1999: 187–190]. Еще больше эта тенденция усиливается при вступлении в смешанный брак.

Впрочем, украинской диаспоре удалось привить детям пиетет к родной речи. Среди эмигрантов 95% считают своим родным языком исключительно украинский, а среди тех, кто родился в эмиграции – 51%. 5% опрошенных и во втором случае – 36% считают, что у них два родных языка – украинский и английский [АЖНЮК 1999: 127–128]. Такой высокий уровень национального сознания – отличительный признак украинской диаспоры, которая, вопреки всем процессам, происходившим на Родине, решительно и упорно боролась за сохранение украинской идентичности, считая данную борьбу своим моральным долгом. Исследования показывают, что для украинцев больше, чем для других наций язык есть ключевым моментом этнической принадлежности [АЖНЮК 1999: 41]. Это еще раз доказывает, что индифферентность к родному языку в самой Украине – явление искусственного происхождения.

Билингвизм внес свои коррективы даже в деятельность церкви. В Украине он привел к расколу православия, а за рубежом – к вынужденному проведению богослужения на двух языках [АЖНЮК 1999: 239].

При всем этом, украинцам удалось все-таки сохранить свой язык не только для истории, но и для будущего. Интерес к языку растет одновременно с интересом к самой Украине. Поэтому дети, имеющие украинские корни, но с рождения считающие себя американцами, канадцами, немцами, уже не по родительскому принуждению, а по собственному желанию посещают субботние школы. У прагматичной молодежи появилась хорошая мотивация: посетить страну своих предков, найти лучшую работу и т. д. [АЖНЮК 1999: 158].

Как видим, билингвизм может быть проклятием, а может благословением. Все зависит от причин его возникновения.

Психолингвистика

Фактически все исследования, проведенные и в Украине, и за рубежом, свидетельствуют, что билингвизм и, тем более, эквILINGVизм улучшают социальную адаптацию, повышают карьерную и профессиональную востребованность человека, но при этом ухудшают его психическое здоровье. По мнению Б. Ажнюка, знакомство и самоидентификация индивида с другой культурой могут привести его к конфликту с собственной культурной идентичностью: «Чувство человеческой идентичности во многих украинцах диаспоры имеет отчетливые признаки структурированного раздвоения: с одной стороны социальное измерение, организованное и рациональное, с другой – личностное: энтропия души, психо-эмоциональные комплексы и волнения, связанные с ними, этно-культурные ощущения и т. д. [АЖНЮК 1999: 116]. Билингвам часто очень трудно определить свою национальность и родной язык. Тут надо заметить, что наличие двух понятий «гражданство» и «национальность» немножко упрощает в этом плане самоидентификацию, а вот на вопрос о родном языке ответить намного труднее. Сразу следует встречный: «А что Вы имеете в виду?» И правда:

- 1) первый язык в жизни;
- 2) материнский язык;

- 3) язык рода от дедов-прадедов, генетико-антропологическое наследство;
- 4) язык, с которым человек идентифицирует себя в аспекте культурного наследия;
- 5) язык, с которым человек сохраняет эмоциональную связь;
- 6) язык, в котором человек чувствует себя наиболее комфортно.
- 7) язык страны, лояльным гражданином которой есть данный человек [АЖНЮК 1999: 122].

Более того, как показывает опрос, проведенный среди представителей украинской диаспоры, достаточно большой процент участников (45% из группы, рожденных в Украине, и 90% из группы, рожденных за пределами страны [АЖНЮК 1999: 127–128]), предполагают, что у человека может быть два родных языка.

Два родных языка, две национальности... Это прекрасно, но лишь до тех пор, пока в реальном мире между ними нет конфликтов, иначе социальная драма превращается в личностную.

Говоря о билингвизме, исследователи вплотную подходят к вопросу внутренней диглоссии, которая проявляется не только на уровне самоидентификации [АЖНЮК 1999: 116], но, зачастую, даже на уровне переключения языковых кодов [АЖНЮК 1999: 144]. Изучив данный вопрос, Б. Ажнук пришел к выводу, что «языковое раздвоение» присуще билингвам на начальных стадиях усвоения второго языка (пока идет внутренний перевод с одного языка на другой), а в конечном итоге – формируется *metaego* (концепция Ренцо Титоне), которое координирует и дисциплинирует языковое поведение человека [АЖНЮК 1999: 144–145]. Люди, досконально владеющие двумя и больше языками, либо утверждают, что они думают «понятиями», которые моментально (без посредства) озвучиваются на нужном языке [АЖНЮК 1999: 145], либо считают, что все определяется ситуацией: на каком языке говорят, на таком и думают [Ажнук 1999: 148]. Переключение языковых кодов, как показывает исследование, может совершаться и сознательно, и спонтанно, иногда даже без каких-либо ощутимых причин и мотивов, внутри фразы или предложения [АЖНЮК 1999: 146].

Внутренний (как и внешний) языковой дискурс человека обусловлен многими факторами: местом пребывания (дома, на работе), темой раздумий (личная жизнь, политика), характером (поток сознания, молитва), инерцией предыдущего коммуникативного акта [АЖНЮК 1999: 134].

Иногда языковые коды переключаются лишь на мгновение, что способствует макаронизации языка. Причины таких «сбоев» разные: незнание слова, желание что-либо подчеркнуть, выделить, придать экзотическую окраску речи, либо же просто отдается предпочтение той лексеме, что с каких-нибудь причин (широкий синонимический ряд, присутствие в других языках) более устойчиво прижилась в сознании [АЖНЮК 1999: 336–337].

Как видим, принимая в себя другой язык, человек принимает еще один мир. Это обогащает, расширяет кругозор, дает новые горизонты для самореализации, но, в то же время, разрушает целостность сознания и внутренней языковой системы.

При изучении данной темы ученые использовали различные научные *методы*: анкетирование, интервьюирование, сопоставление существующего речевого материала с литературными нормами, моделирование интерферем, метод свободных ассоциаций и т. д.

Литература

- АНТИСУРЖИК 1994: Антисуржик. Вчимося ввічливо поводитись і правильно говорити (за ред. О. Сербенської). Львів: Світ.
- АЖНЮК 1999: Ажнюк, Б. Мовна єдність нації: діаспора й Україна. Київ: Рідна мова.
- БЕРНШТЕЙН 2000: Бернштейн С. Б. Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. Сборник статей. Москва.
- БЕРТА 2006: Bertha Csilla, A kétnyelvűség. alapkérdései. Nemzeti Tankönyvkiadó, Budapest.
- ЄРМОЛЕНКО–БИБИК 2005: Єрмоленко С. Я., Бибик С. П., Сологуб Н. М., Сюта Г. М., Чемеркін С. Г. Довідник з культури мови. Київ: Вища школа.
- ЙОХАНСОН 2002: Lars Johanson, Contact-induced Change in a Code-copying Framework // Language Change. The Interplay of Internal, External and Extra-Linguistic Factors. Ed. by Mari C. Jones, Edith Esch. Contributions to the Sociology of Language. Editor Joshua A. Fishman. Mouton de Gruyter, Berlin, New York, pp. 285–313.
- КАЛАШНИК–САВЧЕНКО 1997: Калашник В. С., Савченко Л. Г. Українсько-російський словник наголосів. Харків: Каравела.
- КУЗНЕЦОВА 2001: Кузнецова, Т. Мовна поведінка білінгвальної сім'ї. Online. Available: http://www.novamova.iatp.org.ua/htm/radchuk/tum/lang_conf_22.htm. Date of Access: 07 November 2007.
- МАСЕНКО 2001: Масенко, Л. Стає маразмом «навіки разом». (Про лінгвокультурне змішування). Online. Available: http://www.novamova.iatp.org.ua/htm/radchuk/tum/lang_conf_12.htm. Date of Access: 07 November 2007.
- МАСЕНКО 2004: Масенко, Л. Суржик як соціолінгвістичний феномен. Online. Available: <http://www.ji.lviv.ua/n35texts/masenko-surzhyk.htm>. Date of Access: 07 November 2007.
- ПОНОМАРІВ 2001: Пономарів, О. Культура слова. Мовностилістичні поради. Київ: Либідь.
- РОТ 1967: Рот А. А. Особенности взаимодействия языков и диалектов Карпатского бассейна и венгерско-украинская языковая интерференция // Studia Slavica Academiae Scientiarum 13: 247–268.
- РОТ 1972: Рот А. А. Вопросы билингвизма (на материале венгерско-украинского и украинско-венгерского двуязычья в Закарпатье // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungariae 22: 47–94.
- СЕРБЕНСЬКА 2001: Сербенська, О. Суржик: «нижня мова», безлад чи мовна патологія? Online. Available: http://www.novamova.iatp.org.ua/htm/radchuk/tum/lang_conf_17.htm. Date of Access: 07 November 2007.

- СУМ 1978: Словник української мови (в 11 томах, за ред. акад. І. К. Білодіда та ін., 1970–1980). Том дев'ятий. Київ: Наукова думка.
- Стратегії 2002: Стратегії розвитку України: теорія і практика (за ред. О. С. Власюка). Online. Available: : <http://www.niss.gov.ua/book/strateg2/index.htm>. Date of Access: 07 November 2007.
- Німчук 2004: Німчук, В. Доля проекту нової редакції «Українського правопису». Online. Available: <http://pravopys.vlada.kiev.ua/pravopys/pozytyv/Nimchuk1.htm>. Date of Access: 07 November 2007.
- ШТУРНАК 2001: Штурнак, О. Мовлення на каналах українського телебачення (УТ–1, УТ–2, 1+1) у контексті українсько-російських мовних взаємин. Online. Available: http://www.novamova.iatp.org.ua/htm/radchuk/tum/lang_conf_23.htm. Date of Access: 07 November 2007.

К. АДЯГАШИ, Т. ИВАШКЕВИЧ

**SZÉKELY GÁBOR. EGY SAJÁTOS NYELVI JELENSÉG, A FOKOZÁS.
(УСИЛЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА КАК ОСОБОЕ ЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКА).
BUDAPEST, 2007. 144 p.**

Книга Г. Секея представляет собой монографию с охватом широкой семантической области: усиление значения слова, проявляющееся не только в собственно усилении (*холодный* → *очень холодный*, *холодный* → *ледяной*), но и в ослаблении значения (*холодный* → *едва холодный*, *холодный* → *прохладный*), без сравнения или в сравнении со значением другого слова (*холодный* → *холоднее, чем...*). Именно эта «полная парадигма» выражения в языке усиления значения слова и составляет непосредственный предмет данной книги, в отличие от предмета книги, вышедшей ранее Székely 2001, посвященной (как теперь уже можно сказать после выхода второй книги) «неполной парадигме» – только собственно усилению.

Как и полагается в монографии, при обсуждении каждого вопроса, относящегося к предмету книги, в каждой главе, в каждом разделе) излагается «история вопроса», – анализируется литература, на выводах из которой автор обычно и начинает свои рассуждения. Эта литература большая, см. библиографию в конце книги. Это прежде всего литература, изданная в Венгрии, а затем – литература, изданная в России. И надо заметить, что работы, опубликованные в России имеют для Г. Секея важное значение. Это прежде всего работы московских семантиков: Жолковский, Мельчук [1967], Апресян [1974], Убин [1995], Сущинский [1997].

Исследует свой предмет Г. Секей на материале четырех языков – венгерского, русского, немецкого, английского. Однако Г. Секей подчеркивает, что его целью является не сопоставление языков с точки зрения выражения в них усиления значения слов, а – чтобы глубже разобраться в самой проблеме. Ниже, обсуждая эту проблему, как она выступает в книге Г. Секея, мы используем только русский материал.

1. Предмет описания. Разъяснению предмета описания в книге посвящена 1-ая глава, которая, в связи с этим, оказывается вводной.

Г. Секей начинает 1-ую главу с обсуждения вопроса о степени сравнения (усиления) прилагательных (*теплее, теплейший, более теплый* и т.д.). Г. Секей считает, что эту грамматическую категорию усиления значения прилагательного надо включить в «широкую парадигму» усиления значения в языке, являющуюся в основе своей лексической парадигмой. Дело в том, что грамматические средства усиления значения прилагательного являются по существу лексическими средствами. Надо сказать, что раньше к тому же пришли авторы академической «Русской грамматики» (Русская грамматика 1980, т. 1, с. 526), квалифицировав, во-первых, слова *более, самый* как самостоятельные лексемы, а сочетания *более теплый, самый теплый* – как лексические сочетания, назвав, во-вторых, суффикс *-ейш-* словообразовательным. Правда, суффикс *-ее-*, все же, квалифицировали как грамматический, а вместе с ним – слова типа *теплее* – как грамматическую форму сравнительной степени прилагательного.

Далее, имея в виду парадигму усиления значения, Г. Секей пишет, что не все слова могут в нее входить – «усиливать» свои значения. С этой точки зрения они делятся на две части (независимо от принадлежности их к частям речи): 1) слова с возможным усилением своего значения (*правиться, красивый, много* и др.), 2) слова, значения которых усилить невозможно (*сидеть, дом, сельский, десять* и др.). Что касается усиления значения слова в сравнении со значением другого слова, то это характерно (считает Г. Секей) прежде всего для прилагательных.

Обсуждаются в 1-ой главе и терминологические вопросы, которые оказались совсем не простыми. Так, термин «усиление» имеет два смысла: 1) общий смысл – для называния как усиления, так и ослабления значения; 2) частный смысл – называет только усиление значения слова.

В связи с тем, что усиление значения может быть как «в сравнении» со значением другого слова, так и «вне сравнения», то Г. Секей употребляет терминологию следующим образом: сначала описывает «несравнительное» усиление и «несравнительное» ослабление, а затем – «сравнительное» усиление и «сравнительное» ослабление. По нашему мнению такое употребление терминологии можно упростить: сначала описывать просто «усиление» (глава 2) и просто «ослабление». А затем, когда добавляется еще одно значение, с которым сравнивается первое значение, употреблять уже терминологию: «сравнительное» усиление, «сравнительное» ослабление.

В 1-ой главе Г. Секей перечисляет также способы выражения усиления значения слова: 1) синтаксический способ (*теплый* → *такой теплый, как...*), 2) лексико-аналитический (*теплый* → *абсолютно теплый*), 3) лексико-синтетический (*теплый* → *горячий*). Точно так же выражается и ослабление значения: Почти каждый из этих способов усиления и ослабления значения

может быть: 1) без сравнения с другим значением и 2) в сравнении с другим значением (*теплый* → *теплее, чем...*). В результате полная парадигма выражения степеней значения слова получается достаточно широкой.

Характеризуются в 1-ой главе и существующие словари усилительных словосочетаний: УБИН 1995, СУЩЕВСКИЙ 1997, Szekely 2003. Г. Секей замечает, что все эти словари описывают «неполную парадигму» усиления значения слова. См., например, описание слова *бежать* в словаре Сущинский 1997: БЕЖАТЬ – быстро, во весь дух, стремглав, стремительно и т.д.; мчаться, нестись. Описывается только два способа выражения усилительного значения: бежать → бежать быстро (аналитический способ), бежать → мчаться (синтетический способ). Г. Секей ставит своей задачей создание словаря с описанием «полной парадигмы» выражения усиления значения слов. В последней, 6-ой главе он предлагает образцы словарных статей такого, «полного» словаря. В течение же 2-5-ой глав он всесторонне обсуждает эту проблему.

2. Усиление значения слова: синтаксический способ. Во 2-ой, самой большой главе Г. Секей подробно описывает усиление значения слова в узком смысле (собственно усиление) – без сравнения со значением другого слова.

Первый способ выражения усиления значения слова – синтаксический, например: *волновался* → *так волновался, как (студент на экзамене)*. Помимо усиливаемого слова и усилительного местоимения *так*, в выражении принимает участие и синтаксическая конструкция с союзом *как*, которая наполняет содержанием местоимение и вместе с ним составляет синтаксический способ выражения усиления значения слова *волновался*. Ср.: *Так волновался!* – здесь (пишет Г. Секей) тоже имеет место синтаксический способ выражения усиления, только конструкция *как студент* выступает в нулевом виде. Ср. еще: *А волновался!* – это тоже синтаксический способ усиления значения слова *волновался*, но в нулевом виде выступает здесь также и местоимение *так*.

Однако только первая позиция в рассматриваемой конструкции, а именно усиливаемое слово, является лексической позицией: в качестве переменных в этой позиции выступает лексика почти неограниченного состава. Вторая (усилительное слово *так*) и третья (союзная конструкция) позиции – грамматические (синтаксические). Традиционно эта конструкция описывается в грамматике под названием сложноподчиненного предложения со значением меры и степени (Русская грамматика, 1980, т. 2, с. 494 и далее).

Поскольку Г. Секей имеет своей задачей описание «полной парадигмы» усиления значения слов, то он включает в свое описание и грамматические, в данном случае синтаксические средства выражения усиления значения.

3. Усиление значения слова: лексико-аналитический способ. Второй способ выражения усиления значения слова – лексический способ. Он состоит в том, что к ключевому слову присоединяется еще одно слово – слово-усилитель, в результате чего получается словосочетание, которое и называется усилительным, например: *бить* → *беспощадно бить*. При каждом ключевом слове усилительных слов может быть много: *бить* – *беспощадно, нещадно*

но, *зверски* и т. д., но не любое число, что как раз и составляет ту область, которая описывается не в грамматике, а в словаре – в словаре усилительных словосочетаний, см.: УБИН 1975, СУЩЕВСКИЙ 1997, SZEKELY 2003.

Затем Г. Секей, по отдельности, характеризует – с семантической точки зрения – ключевые и усилительные слова в словосочетании.

Ключевые слова Г. Секей разносит сначала по частям речи, а затем, «внутри» каждой части речи, – по семантическим группам. Например, глаголы имеют следующие семантические группы слов: «физическое действие» (*бежать* быстро), «физического чувства» (*простудился* сильно), «позитивного действия» (*любить* страстно), «негативного действия» (*простудился* сильно) и т.д.

Примерно так же классифицирует Г. Секей и усилительные слова: «пространство» (*бесконечно* красивая), «время» (*необычно* красивая), «качество» (*изумительно* красивая), «позитив» (*изумительно* красивая) и т.д.

После этого Г. Секей «сочетает» семантические классы ключевых слов с семантическими классами усилительных слов, представляя эту сочетаемость в виде таблицы (с. 48–50).

4. Усиление значения слова: лексико-синтетический способ. Как раз лексико-синтетический способ непосредственно соответствует лексической функции Magn, о которой писали Ю.Д. Апресян, И.А. Мельчук, И.К. Жолковский и на которых ссылается Г. Секей. Значением функции Magn является не словосочетание (*бить* -> *зверски бить*), а отдельное слово, именно: Magn (*бить*) = *дубасить*. Ср. другие лексические функции: Copv (*любить*) = *нравиться*; Subj (*сочинять*) = *автор*; Obj (*сочинять*) = *стихи*; Caus (*дом*) = *построить* и т.д. [АПРЕСЯН 1974]. Некоторые из этих функций могут быть грамматическими, в том числе и Magn (*красивый*) = *красивее*.

Значением функции Magn должен быть синоним по отношению к аргументу функции (ключевому слову): *бить* = *дубасить*. Правда, это должен быть синоним особого рода: он должен быть «сильнее» по значению, чем первое слово. Проверкой этого может быть использование слова *очень*, например: *дубасить* = *очень бить*; значит, *бить* = *дубасить* именно та синонимия, которая составляет синтетический способ усиления значения слова *бить*.

Второй синоним может быть также и фразеологизмом: *бить* = *битьем бить*; словом, производным от первого слова: *бить* = *избивать* и др. Г. Секей описывает это достаточно подробно.

В целом же, синтетическое выражения усиления значения слова можно рассматривать производным от аналитического выражения (анализ предшествует синтезу), - что находится в соответствии с концепцией Г. Секея о расширении парадигмы усиления значения.

5. Ослабление значения слова. Ослабление значения слова (предмет 3-ей главы) – дальнейшее расширения парадигмы усиления значения слова. Если до этого (во 2-ой главе) усиление значения было собственно усилением, то теперь, с включением в парадигму также и ослабления значения, усиление

значения приобретает широкий смысл. Г. Секей пишет, что обычным усиительным словом является слово *очень* (*красивая* → *очень красивая*), а обычным ослабительным словом – *менее* (*красивая* → *менее красивая*).

Ослабление имеет менее развитую систему средств выражения, чем собственно усиление значения, но, тем не менее (считает Г. Секей, располагает теми же самыми средствами, что и собственно усиление.

Пример **синтаксического** способа передачи ослабления значения: *храбрый* → *храбрый как заяц*. В конструкции ослабления значения нет собственного ослабительного местоимения, каким, например, является *такой* в усиительной конструкции. Поэтому (пишет Г. Секей) к местоимению *такой* надо добавлять отрицание *не*, в результате получается ослабительный элемент *не такой*, который разъясняется придаточным предложением: *храбрый* → *не такой храбрый, как его друг*.

Пример **лексико-аналитического** способа передачи ослабления значения: *хороший* → *относительно хороший*, где *хороший* – ослабляемое слово, а *относительно* – ослабительный элемент.

Автор характеризует составные части ослабительного словосочетания с точки зрения принадлежности их к семантическим группам лексики, – точно так же, как он характеризовал выше усиительные словосочетания. После этого Г. Секей «сочетает» семантические группы ослабляемых слов с семантическими группами ослабительных слов (точно так же, как он это делал в отношении усиительных словосочетаний). Если, например, ослабляемое слово – «качество» (*хороший*), то в роли ослабительных слов (пишет Г. Секей) может быть: «количество» (*менее хороший*), «мера» (*умеренно хороший*), «отношение» (*относительно хороший*) и т.д. Если ослабляемое слово – «действие» (*бежать*), то ослабительными словами могут быть: «время» (*бежать медленно*), «качество» (*бежать слабо*), «отношение» (*бежать относительно*) и т.д.

Лексико-синтетический способ ослабления значения слова состоит в том, что заданное (ключевое) слово заменяется другим словом, которое находится с первым словом в синонимическом отношении, причем в таком, когда второй синоним «слабее» по значению первого синонима, например: *бежать* → *ползти*, *быстро* → *слабо*. Замена в обратном направлении означает лексико-синтетический способ усиления значения: *ползти* → *бежать*; *слабо* → *быстро*. Синонимы в обоих случаях часто не являются точными. Г. Секей их называет квазисинонимами.

Кроме «синонимического» способа выражения ослабления значения есть еще «словообразовательный» способ, когда второе слово образуется от первого посредством уменьшительных, уничижительных суффиксов: *толстая* → *толстенькая*. Это отношение тоже можно «переворачивать», получая усиление значения слова: *толстенькая* → *толстая*. Соответственно усиление значения (синтетическим способом) можно получать с помощью увеличительных суффиксов: *толстая* → *толстуящая*.

Г. Секей постоянно подчеркивает тесную связь ослабления значения с усилением. Лексический материал тоже на каждом шагу свидетельствует об этом, например: *тонусенькая* <—> *тонкая* <—> *толстенькая* <—> *толстая* <—> *толстушая*.

6. Усиление и ослабление значения слова при отрицании. В 4-ой главе Г. Секей рассматривает разные виды отрицательных конструкций с точки зрения возможности усиления или ослабления в них значения слова.

Одним из видов отрицания Г. Секей считает антонимию, в которой сопоставленные по значению слова отрицают друг друга: не могут быть одновременно истинными или ложными, например: *больной* – *здоровый*. Каждое из этих двух значений может усиливаться (*больной* → *очень больной*, *здоровый* → *по-настоящему здоровый*) или ослабляться (*больной* → *немного больной*, *здоровый* → *почти здоровый*). Эти однократные усиления-ослабления можно выстраивать друг за другом в многократное усиление-ослабление, получая в начале и в конце цепочки антонимы, например: *больной* <—> *немного больной* <—> *почти здоровый* <—> *здоровый*.

Глаголы существования *есть* – *нет* тоже отрицают друг друга. Но с помощью модальных усилительных и ослабительных слов можно усиливать и ослаблять значение каждого из этих слов, например: *есть* → *определенно есть* (усиление); *есть* → *вряд ли есть* (ослабление); *нет* → *определенно нет* (усиление); *нет* → *скорее всего нет* (ослабление).

Таким образом, и в такой своеобразной антонимии, как *есть* – *нет*, слова могут усиливаться-ослабляться, но – с участием модальных слов, выражающих отношение говорящего к значению.

Двойное отрицание, например *Не видел ничего*, представляет собой иное явление, чем антонимия. Это не что иное, как усиленное отрицание, где *не видел* – ключевое слово, а *ничего* – усилительное слово. В итоге: *не видел* → *не видел ничего* – аналитический способ выражения усиления значения.

Есть еще усиленное отрицание, достигаемое с использованием усилительного элемента *вообще* (*не*), ср.: *красивая* → *вообще красивая* (усиление); *красивая* → *вообще не красивая* (ослабление). *Вообще* (*не*) – тоже модальное слово.

Г. Секей специально пишет о таких модальных словах, как *несомненно*, *действительно*, *правда*, *точно* и др., которые усиливают утверждение или отрицание, например: *(не)красивая* → *несомненно (не)красивая*.

Таким образом, материал 4-ой главы несомненно свидетельствует о еще одной возможности расширения парадигмы усиления (ослабления) значения слов.

7. Сравнительное усиление значения слова. В 5-ой главе Г. Секей дальше расширяет парадигму выражения усиления значения слова в языке. В конструкцию с усилением вводится значение второго слова, с которым усиливается значение заданного слова сравнивается – в отношении степени (количества) значения. У значения заданного слова эта степень должна быть выше, чем у значения сравниваемого слова. Ср.: 1) усиление значения без

сравнения: *красивая* → *очень красивая*; 2) усиление значения того же слова, но в сравнении с значением второго слова: *красивая* → *такая красивая, как Клара*.

Г. Секей настаивает на 3-х степенях сравнительного значения: 1) исходная степень (см. пример выше); 2) средняя степень: *красивая* → *красивее, чем Клара*; 3) высшая степень: *красивая* → *красивейшая из всех*.

Точно так же, как значение прилагательного (см. выше) усиливается и значение наречия, например: 1) *красиво* → *так красиво, как всегда*; 2) средняя степень *красиво* → *красивее (чем всегда)*; 3) высшая степень: *красиво* → *наикрасивейшая (из всех)*.

В прилагаемых в книге (в 6-ой главе) образцах словарных статей Г. Секей предлагает сравнительное усиление значения существительных и глаголов описывать иным образом. Пример описания существительного: *траур* → *такой траур, как...* (исходная степень); *траур больше, чем...* (средняя степень); *траур наибольший, чем...* (высшая степень). В роли усилительного слов при существительном выступает слово *такой* (исходная степень) и некоторые прилагательные (*большой*) в грамматической форме степеней сравнения.

Выражение сравнительного усиления глагола: *упал* → *упал так, как...* (исходная степень); *упал сильнее, чем...* (средняя степень); *наисильнейшим образом упал* (высшая степень). Здесь в роли усилительного слова выступает слово *так* (исходная степень) и грамматические формы сравнения некоторых наречий (*сильно*).

Последние два примера свидетельствуют, что средства выражения сравнительного усиления значения существительного и глагола только в той части являются грамматическими, которая касается образования степеней сравнения прилагательных и наречий. Однако выбор самих прилагательных и наречий обусловлен их лексической сочетаемостью с существительными и глаголами. Кроме того, не все существительные и глаголы могут выступать усиливаемыми (ключевыми) словами. Поэтому в этой части сравнительного усиления значения средства выражения являются несомненно лексическими, которые описывать надо в словаре, - дополняя их всякий раз грамматическими указаниями. Так именно и решет вопрос Г. Секей.

8. Сравнительное ослабление значения. Средства выражения сравнительного ослабления значения слова тоже являются прежде всего грамматическими. Пример сравнительного ослабления значения прилагательного: *красивая* → *менее красивая, чем Клара* (средняя степень); *наименее красивая из всех* (высшая степень). Здесь ослабляемым словом является *красивая*, а ослабительным – *менее, наименее*; слово, с которым сравнивается ослабляемое слово, - *как Клара (все)*.

Пример сравнительного ослабления значения глагола: *забывал* → *меньше забывал, чем другие* (средняя степень); *в наименьшей степени забывал, чем*

все (высшая степень). Здесь значение глагола ослабляется посредством добавления ослабительных слов *меньше, наименьшим образом* – при сравнении со значением второго слова (*Клара, все*).

Таким же способом ослабляется и значение существительного, например: *траур* → *меньше траура, чем всегда* (средняя степень), при условии, если *меньше* не относится к глаголу (ср. *меньше было траура, чем всегда*); высшая степень: *наименьший траур*...

По сравнению со сравнительным усилением значения (см. выше) сравнительное ослабление значения менее разнообразно, прежде всего из-за ограниченного состава ослабительных слов (*менее, меньше, наименьшим образом* и др.).

Г. Секей снова подробно обсуждает вопрос о том, надо ли в парадигму усиления и ослабления значения, которая является лексической категорией, включать степени сравнения прилагательных, составляющих грамматическую категорию. Г. Секей решает, что – надо, чтобы расширить парадигму усиления значения. И с этим следует согласиться. На первый план вполне можно выдвинуть понятие «усиление значения» (родовое понятие), сделав понятия «лексического» и «грамматического усиления частными (видовыми) понятиями.

Тем более, что в самой грамматике грамматическая область усиления значения уже почти «расформирована», см., например, Русская грамматика 1980, в которой суффиксы степеней сравнения прилагательных названы словообразовательными, а вспомогательные слова *более, самый* и др. (аналитический способ образования грамматических степеней сравнения прилагательных) признаны самостоятельными лексемами.

9. Усиление и ослабление значения в системе. В 6-ой, последней главе Г. Секей все средства выражения усиления значения слов, рассмотренные в предшествующих главах, суммирует в виде таблицы (с. 119).

Усиление: Синтаксический способ Лексико-аналитический способ Лексико-синтетический способ	Усиление в сравнении: Лексико-аналитический способ Лексико-синтетический способ
Ослабление: Лексико-аналитический способ Лексико-синтетический способ	Ослабление в сравнении: 1. Лексико-аналитический способ

Эту таблицу Г. Секей называет «механизмом», «парадигмой», «моделью», «ментальным словарем» (с. 118–121). Под влиянием когнитивной лингвистики Г. Секей полагает, что говорящий, когда порождает усилительное словосочетание, может пользоваться подобной таблицей как «полным механизмом». По его мнению, говорящий, видя, например на дереве яблоко, начинает, в соответствии с этим механизмом, с усиления значения слова: *красное* → *такое красное, как...* (синтаксический способ), *очень красное* (аналитический способ), *прекрасное* (синтетический способ). Затем переходит к ослаблению

значения: *красное* → *едва красное* (аналитический способ) и т.д., до тех пор, пока не дойдет до того, что он видит конкретно на дереве: *яблоко зеленое* (ослабление, синтетический способ).

К вышеприведенной таблице больше подходит понятие «парадигма», ср. парадигмы склонения и спряжения, представляющие собой перечисление, в соответствии со значениями, грамматических форм. Однако, в отличие от таблиц склонения и спряжения, в приведенной таблице конкретные формы усиления значения не называются - указываются только способы их получения. Дело в том, что усиление значения слова – это лексическая, а не грамматическая категория. Перечислить все ее формы можно только в словаре.

10. Описание усиления и ослабления значения в словаре. Составленный ранее Г. Секем словарь усилительных словосочетаний описывает «неполную парадигму» усиления значения слов. В 6-ой главе книги Г. Секей дает образцы словарных статей, представляющих «полную парадигму» усиления значения слов, с включением в нее также и ослабления значения и сравнительных форм выражения усиления.

Приведем в качестве примера одну из 4-ых словарных статей, введя в нее некоторые пояснения (выделены курсивом).

ТЕПЛЫЙ. Противоположное по температуре холодному. *Усиление:* 1. К заглавному слову присоединить усилительное слово: абсолютно, очень, неслыханно, ужасно и т.д. Вместо заглавного слова употребить один из синонимов: горячий, раскаленный и т.д. *Ослабление:* к заглавному слову присоединить ослабительное слово: едва, еле-еле и т.д.. *Усиление в сравнении:* исходная степень: такой -, как; средняя степень: -ее-; высшая степень: наи-, -ейш-. *Ослабление в сравнении:* средняя степень: менее -, чем; не такой -, как; высшая степень: наименее и т.д.

Пользователь словаря, руководствуясь такой словарной статьей, может построить множество усилительных словосочетаний следующих видов: *теплый – очень теплый; едва теплый; теплый, как...; теплее, чем...; наипотеплейший из...; менее теплый; наименее теплый* и т.д. В каждом конкретном случае пользователь словаря, исходя из реальной действительности (о которой он сообщает), из всех зафиксированных в словаре словосочетаний выбирает только одно, например: *Теплый* → *очень теплый*. В другом случае, при необходимости сообщить о другой реальности, пользователь словаря построит словосочетание иным образом, например: *Теплый* → *теплее, чем...*

С помощью этого же словаря можно и распознавать заданные словосочетания, например: *очень теплый* – это аналитическая форма выражения усиления значения с использованием усилительного слова *очень*..

Г. Секей пишет о некоторых трудностях составления подобного словаря. Например, не всегда легко определить, сочетается ли данное усилительное слово с заглавным, да и само заглавное слово нуждается ли в усилительном слове (например: *теплый беспримерно*). Действительно, если составитель словаря в качестве информанта использует только одного себя, то такая трудность (неуверенность в квалификации словосочетания) появляется у него

постоянно. Поэтому надо привлекать дополнительное число информантов. Подобная ситуация возникает всегда при описания значения в его сочетаемости с другим значением. Тем более она будет возникать при описании «степени» значения, несомненно более тонкого явления, чем просто «значение».

В заключение надо сказать, что Г. Секей впервые в языкознании в монографическом виде описал большую семантическую область – **усиление значения слов** в языке.

Эта проблема чрезвычайно трудная. «Усиление» значения слова по сравнению со «значением» слова – понятие более сложное. Надо иметь дело с таким «значением», которое тождественно самому себе, но различается по степени (в количестве) своего значения, причем различается в определенном направлении – усиливаясь или ослабляясь. Например: *бежать* → *стремительно бежать*. Слово и словосочетание в этом примере выражают одно и то же значение («быстро передвигаться с помощью ног»), однако во втором случае степень этого значения выше, чем в первом случае, – имеет место усиление значения, выраженное посредством специального усилительного слова *стремительно*. Но степень (усиление) значения может выражаться и посредством различных слов, например: *бежать* → *мчаться*. Здесь слова – одного значения (вследствие чего и называются синонимами), но – разные по степени этого значения. Во втором слове его больше, чем в первом).

Когда-то лингвистика описывала только грамматические степени усиления значения слов, причем только применительно к прилагательному. После работ Г. Секея, лингвистика получила описание также и лексических степеней усиления значения – применительно ко всем частям речи. После этого вполне можно было объединять эти две области, включив в лексическую область усиления значения, более разнообразную и содержательную, также и грамматическую область, менее разнообразную. Это и сделал Г. Секей, представив в своей книге широкую, **полную парадигму** выражения усиления значения слов в языке, – представив не только в теоретическом плане, но и в практическом, вплоть до составления образцов словарных статей с описанием усиленных словосочетаний в их полной парадигме.

Повторяем, изучать «степени» значения несравнимо более трудно, чем изучать просто «значение». И лингвистика отдаст должное Г. Секею, который посвятил этому предмету уже вторую книгу и множество статей.

Литература

- АПРЕСЯН 1974: Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. Москва.
- ЖОЛКОВСКИЙ–МЕЛЬЧУК 1967: Жолковский А. К., Мельчук И. А. О семантическом синтезе. Москва.
- Русская грамматика 1980: Русская грамматика. Ред. Н. Ю. Шведова. Т. 1–2. – Москва.
- СЕКЕЙ 2003: Секей Г. Степени сравнения – с усилением и ослаблением значения. – Вестник Филиала Института русского языка им. Пушкина. Вып. 17. Будапешт.

Сущинский 1997: Сущинский И. И. Словарь усилительных словосочетаний русского и немецкого языков. Москва.

Убин 1995: Убин И. И. Словарь усилительных словосочетаний русского и английского языков. Москва.

SZÉKELY 2001: Székely Gábor. A lexikai fokozás. Budapest.

SZÉKELY 2003: Székely Gábor. Лексические средства выражения усиления и ослабления значений слов в русском языке // *Studia Russica*, XX, Budapest, 420–423.

В. А. ФЕДОСОВ

Альми И.Л. СТАТЬИ О ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ.

**ВЛАДИМИР: Изд-во Владимирского Гос. УНИВЕРСИТЕТА,
1998. Т. 1. 263 с., Т. 2. 246 с. ISBN 5-87846-151-X**

Автор книги широко известен как один из наиболее утонченных литературоведов современной России. Работая всю жизнь не в столицах, Инна Альми всем своим научным творчеством являет собой пример НЕпровинциальности мышления. Недаром на сайте своего университета она названа среди первых, чья научная школа признана в стране и за рубежом.

Студенты – народ искренний. В этом я лишний раз убедился, прочитав сборник работ профессора Владимирского педагогического университета, и вспомнив, с каким восхищением наши студенты, проходившие языковую стажировку в те далекие 70-е годы во Владимире, вспоминали по приезду на родину лекции Инны Львовны о русской классической литературе. (Добавим также, с какой ностальгией всплывает ее фамилия даже на их встречах через 20–25 и 30 лет после выпуска.) А тогдашний зав. кафедрой русской филологии Сегедского пединститута, известный русист Иштван Феньвеш, знакомый с владимирской коллегой по посещению одной-единственной ее лекции в 1971 году и поддерживающий с ней контакты, получив присланный автором двухтомник, к моему большому удовольствию, любезно уступил мне возможность ознакомить венгерскую филологическую аудиторию с этим замечательным «двукнижием».

Издание оформлено, я бы сказал, несколько излишне скромно. На обложках, кроме обозначения автора и заглавия, выделяется лишь несколько рисунков-портретов. На томе 1 это автопортрет Пушкина и его же эскиз портрета Баратынского, на 2-ом – другой автопортрет основоположника русской литературы и известный портрет Достоевского.

Хотя нигде не указывается, нам, знакомым с творчеством И. Л. Альми (а нас в мире достаточно много, см. широко представленное в интернете ее творчество, по сегодняшний день до 175 попаданий), не тайна, что это давно ожидаемое издание (кстати, с сети же нам стало известно о выходе уже и второго, дополненного и внешне обновленного) представляет собой результат строгого авторского отбора, т.е. как бы избранное лучших работ по истории русской литературы главным образом 19 века, в частности, по поэзии, по

творчеству Батюшкова и Пушкина, Гоголя и Баратынского, Тютчева и Некрасова. Есть здесь и по статье об Ахматовой и Пастернаке.

В томе 1 основное внимание уделено творчеству Пушкина, его произведениям разных жанров. Отметим здесь как наиболее интересно написанное о проблеме автора, героя и традиции. Среди „непушкинских” статей приковывают к себе внимание свежие по постановке вопросов и оригинальные в их решении исследования о Баратынском и Батюшкове.

Во 2-ом преобладают статьи о прозе. Начинается он работой о пушкинских традициях в романе Тургенева «Отцы и дети». (Как почти всегда у Альми, постановка захватывающе неожиданна: Базаров как *pendant* с Пугачевым). Далее следуют девять этюдов о разных аспектах романов Достоевского: об одном источнике романа «Преступление и наказание», о сюжетно-композиционном строе и о романтическом пласте того же произведения, о психологизме писателя, об идеологическом комплексе «Преступления...» в сопоставлении с «Письмами о Дон Карлосе» Шиллера, о композиционном строе романа «Идиот» и об интерпретации одного «наполеоновского» эпизода там же, о кошмаре Ивана Карамазова, а также о поэтике образов праведников в поздних романах писателя. Раздел «О прозе заканчивается статьей о традициях русской классики в «Мастере и Маргарите» Булгакова. В специальный раздел включены работы теоретического характера. Эти три статьи посвящены сравнительно-историческим проблемам. единство и полярность художественных систем «Евгения Онегина» и «Капитанской дочки», роль стихотворной вставки в системе идеологического романа Достоевского, а также лирическое начало в его «Кроткой». В главе «Литература и музыка» можем познакомиться с тонкими наблюдениями автора по рассказу Чехова «Архиерей» и пьесе «Вишневый сад».

Завершают 2 том небольшие по объему статьи и заметки. В каждой из них нас поражают глубокие и меткие находки автора, не только живущего литературой, но и как бы дышащего ею. В них размышления о многом – о теме хаоса в русской лирике, о традиции «Медного всадника» в творчестве Достоевского, о пушкинской балладе о бедном рыцаре в его же творчестве, и о традиции самого Достоевского в прозе Пастернака и др.

Необыкновенно трудно, почти невозможно (и уж просто обидно) писать столь коротко, чисто «регистрационно-ознакомительно» о разносторонних и в то же время столь емких исследованиях И.Л.Альми, представленных в данном издании. Во всех них, за исключением «Маленьких статей и заметок», важное место занимает обширная «литература вопроса». У читателя невольно создается впечатление: автор как бы живет среди разнообразнейшего мира использованной литературы, которая, кроме своей чисто прагматической роли, выполняет и другую, совсем особую функцию. Автор, так сказать, заражен, пропитан духом Достоевского до такой степени, что известный полифонический прием писателя, многоголосие его художественного мира унаследован им, может быть, бессознательно, но очень успешно и убедительно пользуется таким методом в своих исследованиях. Я имею в виду то, что

автор специальную литературу использует не столько для подтверждения своей мысли, а, находясь в творческом диалоге с художественным текстом, в этот общий диалог она вовлекает и множество «чужих» голосов, отвечающих на интересующие исследовательницу вопросы. В этом „многоголосии» автора исследований и художественного текста, цитируемых высказываний современников рассматриваемого писателя, а также других (современных уже нам) исследователей Альми всегда удастся обнаруживать такие аспекты и пласты изучаемого произведения, которые позволяют посмотреть на кажущееся известным по-новому. И о чем бы ни «говорила» исследовательница с текстом данного произведения, о чем бы ни «спрашивала» она текст и своих ученых «собеседников», будь то статус пушкинского героя, стихия в «Медном всаднике», или мотив умиления у Достоевского – автор всегда мечет в сердцевину, задевает основную творческую идею и концепцию писателя. И тут возникает затруднение для рецензента – он не может противостоять и остаться вне указанного диалога, вернее многоголосия мира: все читатели, исследователи, интересующиеся художественными мирами, рассматриваемыми Альми, вовлекаются в полифонию, создаваемую автором.

Этим своим творческим методом исследования классической литературы, сверх того, что обнаруживает *идею* произведения, она обращает внимание современного человека 21 столетия на неисчерпаемость искусства, на то, что без духовной и культурной ценности, представленной в вечных произведениях прошлого и настоящего, жизнь человека оказывается бессмысленной.

Тибор БАРОТИ

ВАДИМ АРИСТОВ. РУССКИЙ МИР БУДАПЕШТА И ВЕНГРИИ.

ОЧЕРКИ И СТАТЬИ ПО ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ.

БУДАПЕШТ: ARVADO KFT, 2003, 512 с. с илл. ISBN 963 212 559 2.

Книга издана в формате А 4, т.е. равняется в принципе двухтомной. Она не просто заполняет старую лакуну, это своего рода энциклопедия вопроса, и написана человеком, в котором на редкость сочетается историк с социологом, психолог с журналистом.

Историческая панорама первой части повествует о связях венгров и русских, начиная с появления «русских пастухів» (руснаков-руснацов-русинов) и взаимоотношений первых наших королей с Киевской Русью вплоть до конца 20 в. – смены общественного строя в 1989 году. Глазами профессионала прочитана венгерская и российская историография вопроса, и наконец преодолен радужный взгляд романтизирующих (вплоть до искажений и даже фальсификаций) 60-х годов (типа Дроздова с его «Вехами многовековой дружбы»), все изложено на строгой основе фактов и написано добротным пером.

Особо отметим такие разделы, как напр., Венгрия – вторая Италия» в 15 веке для России, подробная хроника «винно-военных» контактов 18 в., исто-

рия последнего династического брака – великой княгини Александры Павловны и палатина Йожефа (тем временем вышла и книга О.Воловика об этом во втором, роскошном издании, см. о ней нашу рецензию в *Slavica* 35.), освещение интервенции 1849 г. со многими малоизвестными для широкого читателя поворотами, богатые фактами главы о первой мировой и о гражданской войнах (особо ценны здесь, как и во всей книге, документально-мемуарные вставки об отдельных судьбах, таких как «трижды приговоренный» о М. Попове, о жившем некоторое время на Балатоне ген. А.Деникине и др.), освещение без прикрас событий 1941–45 гг., рассказ о неоднозначных последующих десятилетиях (со взрывом интереса к русскому языку в начале, с различным исходом из советского плена, как у ставшего переводчиком «Евгения Онегина» Арпада Галгоци или у прошедшего там 46 лет А.Тамаша, со вторым штурмом столицы 1956 года, с казнью «агента Володи» и т.д.) Уникальна по материалу глава о деятельности 14 русских послов послевоенного времени.

Вторая часть посвящена современности и названа На рубеже тысячелетий. Она зиждется на социологической базе установления категорий и групп разнообразного русского мира страны. Их число доходит до двух десятков и простирается от наиболее общеизвестных (потомки русских эмигрантов 19 в. и «красных мадьяр») через выпускников советских вузов плюс приехавших с ними русских жен и мужей и командированных и учащихся здесь, перебравшихся к своим детям пенсионеров и до нелегалов, полулегалов и криминальных элементов, о которых автор пишет без ложного стеснения. Представителям каждой из них уделено пропорциональное внимание, характеристики строятся на материале, почерпнутом из бесед с ними.

Раскладку обширного фактического материала Аристов осуществляет по полутора десяткам поучительных «полок». Демография интересна здесь историей русско-венгерских браков, примерами «русско-советского некрополя», незаурядными долгожителями, география – центрами притяжения живущих здесь русских. В главе об экономике благодаря основательному знанию автором современной ситуации мы получаем не только достоверный поперечный срез общего положения, но и динамичную картину нескольких ведущих «паровозов» межнационального сотрудничества.

Лично мое внимание более всех привлекли, с одной стороны, главы об образовании и науке. Конечно, не столько описанием русских детских садов и „посольской” школы (кстати, преемницы школы им. Горького, в которой учились не одни сынки партийных вождей, откуда вышли и многие деятели филологии и художественного перевода), сколько очерками об учителе-поэте О.Парамонове, о Петере Виге, продиректорствовавшем 28 лет в легендарной русско-венгерской гимназии им. Кёрёши Чома, о русских студенческих землячествах в Гёдёллэ и в «своеобразной Америке в Будапеште» – Центрально-Европейском Университете и др.

С другой, русским читателям должно быть близко содержание главы о центрах изучения России в различных ее аспектах. Это подробное знаком-

ство с деятельностью Института русистики проф. Д. Свака, кафедр русской филологии университетов и пединститутов и будапештского филиала Института русского языка им. Пушкина.

В насыщенной главе о культуре обобщены исследования многих венгров и самого автора. Она начинается с «официального» флагмана отрасли в Будапеште – РКЦ на ул. Андраши, на другом конце которого стоит Государственный Оперный Театр, где обрели свой дом на венгерской сцене как русский балет (Санкт-Петербургский балет М.Петипа в 1899), так и русская опера (1902 „Евгений Онегин»), здесь между 1909 и 1927 гг. четырежды выступал дягилевский балет, в 1927 же году танцевала Анна Павлова. В 1928-ом венгерская публика знакомилась с Новым русским балетом. Здесь стяжали славу советскому балету В.Вайнонен и Р.Захаров, Л.Лавровский и О.Лепешинская. Стены оперного театра помнят голос Ф.Шаляпина и Е.Нестеренко. В настоящее время здесь поет Анатолий Фоканов, режиссером работает Вадим Милков.

Постоянными авторами венгерских драмтеатров поныне являются русские классики, в первую очередь А. Чехов и Н. Гоголь, М. Горький и М. Булгаков.

Подробно описана и деятельность, как справедливо отмечает автор, единственного в Европе Русского театра-студии, известного по всей Венгрии своими гастролями в крупные города.

Вполне естественно, что среди русской творческой интеллигенции, живущей в Венгрии, наиболее многочислен „цех» художников: их творчество доступно и без посредства языка. Своеобразен мир впервые представленных на суд читательской общественности живших здесь русских художников – гобелениста и скульптора неокубиста Шандора Зихермана, портретиста-конструктивиста Андрея Вагина (работы в музеях Англии, США, в Русском музее и т.д.), Михаила Бессмертного (графика куплена ЮНЕСКО), пейзажиста-урбаниста Лады Денисовой, акварелиста Татьяны Галач, скульптора Тамары Кубасовой и др.

«Венгерское кино с русским акцентом» – так названо автором искусство Александра Беленького, режиссера документального фильма «Путешествие» и короткометражного игрового «Осенний шум» с участием великого русско-венгерского артиста Ивана Дарваша. Он знакомит нас и с автором ряда монографий о русском кино Анной Герерб.

Богаты фактическим материалом главы о СМИ и о спорте, поучительно написанное о преступности «с русским акцентом». Подлинными откровениями кажется нам написанное книге о «сравнительной» психологии двух наций.

Все указанные «общие добродетели» книги концентрированно присутствуют в «Людах и судьбах» части третьей. Ее герои – это княжна с орденом Красной звезды и дочь русского ротмистра, аксакал мировых шахмат и светская дама советских времен, еврейский пештский мальчик в одесских катакомбах и «режиссер-диктатор», он же изгнанник с Таганки, дочь дважды по-

литэмигранта – переводчица Кадара и многие другие, все с причудливыми, а часто и трогательными биографиями.

Не последняя ценность книги – во множестве фотоиллюстраций, в основном из личных архивов ее героев.

Зато очень недостает в книге указателя имен и географических названий. Без него множество фактов, как уже известных, так и особенно нововывявленных, с трудом поддаются оперативному нахождению.

Книга Аристова – итоговая, без нее в будущих исследованиях не обойтись. Она же и стимул к грядущим открытиям: в полтысяче страниц для этого рассыпано достаточно недосказанного или произнесенного лишь намеком. Это относится и к контактологии, и к русскому литературному имиджу венгров. Дело теперь за нами, венгерскими русистами.

Книга – хотя бы в немного сокращенном виде – заслуживает издания на венгерском языке и для широкой публики.

Иштван ФЕНЬВЕШИ

**AZ OROSZ POSZTMODERN. [RUSSIAN POSTMODERNISM.] VOL. 1–5.
ED. OF THE SERIES ZOLTÁN HAJNÁDY. DEBRECEN, DEBRECENI EGYETEM
KOSSUTH EGYETEMI KIADÓJA. ISSN 1586-8524.**

Kossuth University Press has brought out five volumes of the *Russian Postmodernism* series, edited by members of the *Institution of Slavic Philology* at Debrecen University. It is dedicated to publishing the latest achievements of Russian cultural semiotics, including Hungarian translations of Russian texts and contributions by Hungarian scholars in the field. While Prof. Zoltán Hajnáy is general editor of the series, the articles have been selected by László Jagusztin, and Mária Fonalka is the editor of the individual volumes – except for the first book, which is the translation of a single text, Igor Smirnov's *Being and Creation* (*Бытие и творчество*). The second book, entitled *Worlds and Counterworlds in Russian Literature*, consists predominantly of translations and thus it establishes the trend characteristic of the four other books published up to now in the series. As László Jagusztin points out in the introductory article written for this second volume, the series is partly aimed at supplying “supplementary reading material for students in higher education” (5), and it makes available fundamental texts of Russian cultural semiotics and often hitherto suppressed literary texts and essays in Hungarian. The third book, *The Semiotics of Petersburg in Russian Literature*, probably owing to its topicality, has been the most popular volume of the series. Published on the occasion of the third centenary of St. Petersburg (2003) – the one-time imperial capital, which has come to represent a whole era of Russian history and culture – the collection of articles quickly sold out as a culturological “best-seller”. The fourth volume, *Mozart and Salieri*, is generically the most eclectic selection in the series, which is partly due to the fact that it also contains the largest number of

texts in the history of *Russian Postmodernism*. It includes no fewer than fourteen writings, which cover a wide range of textual types from scholarly articles and essays to memoir-like writer's notes and actual poetry, all related to the Mozart and Salieri theme. It is also the first volume to devote more space to original texts by Hungarian authors with a slight rearrangement of proportions, which is clearly maintained in the fifth book, *The Sensual Seduction of Words*. This selection focuses on the representation of sense perceptions in Russian literature and culture as a means of conveying "moments of being" through visual images, like ekphrasis and film narratives, auditory impressions, such as the sound of music, or even tactile experiences, to mention only a few examples. The sixth, forthcoming volume also has a fairly promising topic: it will deal with a paradigmatic concept for the construction of Russian national identity, the archetype of the Eternal Feminine.

1. IGOR SZMIRNOV. LÉT ÉS ALKOTÁS. [BEING AND CREATION.]
TRANS. CSILLA KUKUCSKA. DEBRECEN, KOSSUTH EGYETEMI KIADÓ,
2000, 199 PP. ISBN 963 472 467 1.

Creation and Being is one of the latest developments in Russian philosophical thought: it was originally published in 1989, and a slightly amended second Russian edition came out in 1996 to form the basis of the current Hungarian translation. Conveying Smirnov's work in Hungarian is quite probably the most complicated enterprise in the history of the series – and the most demanding as far as readers are concerned. A relatively late work of a well-known theoretician of literary criticism and cultural semiotics, Igor Smirnov's essayistic text offers a terse and often provocative challenge to the dominant discourses of current Western postmodernist thought from a Russian (though emigrant) perspective. Thus the book – which not only uses an extensive terminology of postmodernist philosophy with playful ease but also introduces new (Russian, but German- and French-inspired) coinages into its language – unavoidably puts the rather literarily educated reviewer in an apologetic position. If the author of the concise little book openly declares in a short epigraph that he *attempts* "to create an alternative way of thinking in opposition to Western (predominantly French) postmodernist philosophy" (7), I must also declare that these lines form inevitably only *an attempt* to capture the spirit of Smirnov's writing.

The contradiction between the ambitious goal and the modest proportions of the volume has attracted much criticism. Though Smirnov does not fail to point this out in his preface written to the second Russian edition, he does not feel a need to offer any apologies, since he regards the "garrulousness" (9) of contemporary postmodernist philosophical texts as an embodiment of the postmodernist claim that "the present stage of culture cannot be ended" (9), and aims to demonstrate the contrary by the very briefness of his own writing. He also claims that he does not intend to give "any thoroughgoing analysis of postmodernism", as such – if he enters into a debate with it, he does so "only to demarcate his own position" (17). Therefore, the book deals with the major concepts and tenets of postmodernist

philosophy in seven short chapters (divided into further subchapters), roughly centred around the potential definitions of the (postmodern) subject, being, creation, the people, and the interrelated terms of eschatology and utopia, elaborated in the last two chapters, respectively.

Instead of making a futile attempt to paraphrase Smirnov's views regarding the topics above, expressed in laconic and often aphoristic, loosely interrelated statements let me rather try to convey an overall impression of his text. While reading *Being and Creation*, potential interpreters might feel bombarded by axiomatic and terse sentences, which often challenge their comprehensive faculties by contrasting seemingly tautological words and expressions, with the implication that understanding their difference – or *différance* itself? – is crucial to grasping the significance of a highly innovative thinker's most revolutionary views. It does not improve the situation, either, that the expressions themselves are often philosophical terms – borrowed from the Western European tradition or coined by Smirnov himself, though this difference can never be securely established, since the latter ones also carry the faint (or not so faint) resonances of the former. To give only a few examples: "In other words, the subject's *being* is not determined by the fact that in the given case we have to do with the being of the *subject*" (47)²; "It is the being of *equivalence* which is equivalent with the *being* of equivalence" (62); "The Differentiation of Differentiation, or the Ideal" (71, sub-chapter heading).

There are probably two diametrically opposed fundamental reactions to such a text. On the one hand, readers might give up in frustration and not read it at all – or read it without making any effort to comprehend its significance, simply for the music of the words, which amounts to the same. On the other hand, after getting accustomed to his style more courageous readers might fight through Smirnov's book, digesting it sentence by sentence – and gain a twofold reward in exchange. First, as Smirnov progresses from the abstract ontological issues of subjecthood, being and creation towards the more concrete issues of the role of the people in history and culture, eschatological creation, and utopia, his text becomes relatively easier to read. This is mostly owing to the fact that Smirnov illustrates his aphoristic ideas with examples from the field of Russian cultural history, thus firmly rooting his more abstract statements in concrete phenomena. Enthusiastic readers might feel more secure when their tentative approaches at understanding such phenomena as "The Censorship of History" (116), "psychotype" (117) or the mass psychological background of the leader's cult are substantiated by direct references to False Dmitry I, well-known Russian sects or the reception of Freudian theories in Russia, for that matter. Second, readers might profit by getting acquainted with a way of thinking which actually does present an alternative to postmodernist philosophical thought and by the mere fact – regardless of the readers' acceptance or rejection of this line of thought – reminds them that there is always a periphery left, there are always new angles of vision to be incorporated, whatever the issue is. In the present case this angle of vision is determined by a culture which has tradition-

² Here and in the quotations below the italics are in the original, unless indicated otherwise.

ally been associated with alternative ways of development and a strong resistance to Western influences. Therefore, it might shed new light on such fairly popular “sacred cows” of current philosophical and literary thought as Jacques Derrida, Ihab Hassan, or even Mikhail Bakhtin.

2. VILÁGOK ÉS ELLENVILÁGOK AZ OROSZ IRODALOMBAN. [WORLDS AND COUNTERWORLDS IN RUSSIAN LITERATURE.] ED. KUKUCSKA CSILLA. TRANS. ANNA JOONE MATYI ET AL. 2002, 331 PP. ISBN 963 472 667 4.

Worlds and Counterworlds deals with the most prosperous periods of Russian culture as semiotic systems for the often antithetical textual modelling of worlds in literary works of art. The articles of the volume are arranged to proceed from more general issues concerning cultural typology and periodisation to particular themes such as the characteristic features of a given epoch or a literary text. The authors of the volume include – apart from Jagusztin, writer of the introductory article and the only Hungarian contributor to the collection – some of the most outstanding characters of contemporary or near-contemporary Russian culturology, such as Igor Pavlovich Smirnov and Yuri Mikhailovich Lotman.

Jagusztin’s introduction sets the appropriate frame of reference for understanding the phenomenon of “worlds and counterworlds” in Russian culture – and in Russian studies of the semiotics of literature. He outlines a manifold process of doubling and alienation, whereby first the “informational (semiotic) mode” is divided from the “material and energetic” world (5) and then it is divided and multiplied within itself (7-11). The result of this procedure is the emergence of several types of “world conflicts”, both between the material and the semiotic worlds and inside the realm of semiotic systems. Within the latter Jagusztin highlights the dualistic structuring principle of binary oppositions, which, on the one hand, can serve as a most convenient device for organising information and signs, and on the other hand, can create space for infinite games when the values attached to the poles of the binary oppositions are inverted or their semantic spheres are altered. It is in the context of such a dualistic or even “multiversal” being that Jagusztin determines the role of the artist/author/narrator as a mediator who creates a dialogue between worlds and counterworlds.

The first major section of the following articles is a selection of Smirnov’s writings outlining a “diachronic concept of culture and literature (as a part of culture)” (19). As such, it consists of the introductory chapters of his *Очерки по исторической типологии культуры ... → Реализм → (...) → постсимволизм → (авангард) → ...* [*An Outline of Cultural Typology – ... → Realism → (...) → Post-Symbolism → (Avant-garde) → ...*], co-written with J. R. Döring-Smirnov, and a chapter from his theoretically related earlier work, *Художественный смысл и эволюция поэтических систем* (*Artistic Meaning and the Evolution of Poetic Systems*, 1977). This achronological arrangement is justified by the internal logic of Smirnov’s ideas: in the introductory chapters of his *Outline of Cultural Typology* he tackles the fairly general issues of whether it is possible to formulate a universal

pattern of a diachronic typology of cultures or to establish clear-cut periods in culture at all, and whether the in-depth study of the history of one particular culture can be representative of such a universal model. For the purposes of constructing a diachronic model he comes to view culture as “a multitude of types of consciousness, which determine [the complex organisation of its textual] elements” (24-25), while “the semiotic sphere [itself] is ambivalent and self-contradictory” and the “interrelationship of texts and material-physical reality” is nothing but a process of transferring attributive features, either from texts to reality or the other way round (27). Therefore, he comes to establish two “invariant types of consciousness” (29) depending on the direction of this procedure and claims that “the basis of a diachronic model is an antithesis: a textual universe assimilated by the world of realia vs. a world of realia assimilated by a textual universe”, while a diachronic change is the shift from one pole to the other (27). What follows this general theoretical introduction is a turn towards the in-depth analysis of particular periods of Russian culture and literature, such as classical Realism (1840-1880), Baroque and Futurism – the latter two compared in a chapter of *Artistic Meaning and the Evolution of Poetic Systems*. In their detailed description Smirnov and Döring-Smirnov heavily rely on Likhachov’s conception of “primary” and “secondary styles” as a reference point, and thereby they identify the Romanesque, Renaissance, Neo-Classicism, Realism and Post-Symbolism as primary, whereas the Gothic, Baroque, Romanticism, Symbolism and contemporary art as secondary styles (30). The former “treat mind-created worlds as continuous with actual reality, wash away boundaries between the depiction and the depicted” (31), while the latter, on the contrary, “identify actual reality with a semantic universe, i.e. attribute textual qualities to it” (30). Bearing this opposition in mind, Smirnov and Döring-Smirnov continue to give a detailed characterisation of Realism with constant asides of contrastive analysis pertaining to “secondary styles”, more particularly to Romanticism and Symbolism. They focus on such issues in their typological description of Realism as the cognitive relation between subject and object, the possibilities of insight in the epistemological situation modelled by different cultural texts (including brief but inspiring references to the function and treatment of death, dreams and the fantastic), the concept of the author as creator, the tropology of primary and secondary styles (coherence of phenomena and actions vs. coherence of signifiers and the arbitrariness of catachresis) and the authentication of artistic enunciation. They locate the main specific feature of Realism among other “primary styles” in its “*principle of transitivity*” for organising the represented objects into a system, in other words, in its use of “the latent metaphor” as a fundamental pattern of thought (62-63), which leads to focussing on forms of semantic mediation (between fiction and history, between characters, culture and nature and between author and hero). Also utilising the implications of Likhachov’s idea in the consecutive comparison of Baroque and Futurism, Smirnov, however, points to the fact that their diametrically opposed approach to the relationship between actual reality and the world of signs quite paradoxically leads to the same consequence and thus to their fundamental similarity: to “*the mixing up of things and signs*” (119) and the emergence

of “equifinal”, isomorphic literary systems (118-119). He supports his claim with an overview of Baroque and Futurist chronotopic orders, their ideas of causality, their non-differentiation of “artificial and semiotic material” (130), their autoreferentiality and their “interpretation of the human being as regards his personal, social and racial manifestations” (137). In the final section of his study Smirnov contrasts the two major Russian Post-Symbolist trends, Acmeism and Futurism, with regard to their treatment of the sign and the concept of signification.

The second major section in *Worlds and Counterworlds* deals with more particular motifs in Russian cultural and literary history highlighted in three studies by Lotman: the inverted image (“Перевернутый образ”, originally in *Культура и взрыв*, 1992), playing cards (“Тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века”, 1975) and the theatricality and false pretensions dominating everyday life (“О Хлестакове”, 1975). The publication of these articles in Hungarian fulfils a fundamental lack in the translation of materials on Russian cultural semiotics: since all of them have become classics and have also formed the theoretical background for the analysis of not only 19th century, but also Symbolist and Post-Symbolist works of art, their accessibility for readers not proficient in Russian but nevertheless interested in this most influential culture was rather overdue.

3. PÉTERVÁR SZEMIOTIKÁJA AZ OROSZ IRODALOMBAN. [THE SEMIOTICS OF PETERSBURG IN RUSSIAN LITERATURE.] ED. FONALKA MÁRIA. TRANS. ANNA JOÓNÉ MATYI AND ÉVA KASZA. 2004, 238 PP. ISBN 963 472 813 8.

Adhering to the pattern established by the previous volume, *The Semiotics of Petersburg in Russian Literature* opens with two original articles by Hungarian authors, which introduce its topic. They are followed by translations of works by Dmitry Sergeyevich Likhachov and Vladimir Nikolayevich Toporov, the scholars whose research has been most fundamental in the study of the “Petersburg text” of Russian literature and culture since the 1970-80s.

To start with the introductory articles, Hajnádý’s „A Pétervár-mítosz az orosz irodalomban” („The Petersburg Myth in Russian Literature”) and Jagusztin’s „Pétervár szemantikája az orosz irodalmi tudatban” („The Semantics of Petersburg in Russian Literary Consciousness”) supplement each other by providing on the one hand a literary and mythopoetic, and on the other hand a semiotic overview of the issue. Hajnádý focuses on the history of the town as an “enigmatic text”, a fictional complex of “myths, legends and anecdotes”, which has come to penetrate even the “real” history of Petersburg (6). After a brief typology of the myths surrounding Peter the Great’s capital (myths of genesis, eschatological myths and messianistic prophecies) he proceeds to list the most important mythemes constituting each group of texts, highlighting the binary oppositions organizing them. His scope of vision includes legends preserved in folk wisdom; literary texts from Neo-Classical items through 19th century classics to the fundamental re-writings of the “Petersburg text” in Symbolism, Post-Symbolism and Postmodernism; historical

texts proper; non-literary contributions to the Moscow vs. Petersburg debate as well as the results of current Russian cultural semiotics. Thereby he convincingly demonstrates that the “Petersburg myth” is a living organic complex of motifs, which generates newer and newer texts (fictions and metafiction) of Russian history and identity as every new generation finds itself unable and/or unwilling to escape from the long shadow cast by the Bronze Rider. Jagusztin’s article picks up this thread to focus on the way the “Petersburg text” undermines the very binary oppositions along which it is constructed and which would and should make up a “narratable” story and history of Russian identity. The resulting multiplicity of texts and worlds, in his view, has historically led to three major groups of conflicts: the collisions of “*naturalistic*” and “*artistically organized*” life (30), the intrinsic conflicts of the “Petersburg text” as a “metalanguage” (31) and the conflicts between the systematising artistic framework and the body of literary “Petersburg texts” (37).

The two articles perfectly contextualise the oncoming texts: two studies by Likhachov, which try to rediscover the “real” – historical, physical, architectural – Petersburg under the thick layers of palimpsest formed by myth, fiction and even cultural semiotics, and the introductory section of *Миф. Ритуал. Образ. Символ: Исследования в области мифопоэтического* (*Myth – Ritual – Image – Symbol: Researches in the Field of the Mythopoetic*, 1995) by Toporov, which defines the notion of the “Petersburg text” in literary studies. Neither author needs to be introduced to anyone even superficially interested in Russian cultural semiotics: both recently deceased academics of international renown have become something like national institutions. Their viewpoints on this issue, though, are slightly different. On the one hand, Likhachov, a native of Petersburg, combines the professionalism of the scientist with the unavoidable emotional bias of the patriot to clear the image of Petersburg from the numerous mythic veils enshrouding it. His attempt to reveal the “demonic” and “alien” Petersburg as an organic growth of Russian culture at the cost of undermining such ossified binary oppositions of the “Petersburg text” as the Moscow vs. Petersburg, Russian vs. European (alien), or wood vs. stone pairs brings a refreshing new voice in the Moscow vs. Petersburg debate. The importance of the issue for Likhachov is probably best demonstrated by the fact that the translations are based on two articles he included in the massive volume *Раздумья о России* (*Thoughts on Russia*), his last book compiled mostly from his earlier writings and submitted for publication a few days before his death in 1999 – in other words, in the book which was meant to be and is actually regarded as his cultural and intellectual legacy. On the other hand, Toporov’s classical text unavoidably also uses the context of the Moscow vs. Petersburg debate to define the nature of the particular fictional complex Likhachov tries to go beyond or behind. Thereby, he differentiates the rather general “theme of Petersburg in Russian literature” from the “Petersburg text of Russian literature” proper. He sees the latter as a unified text, or rather metatext of clearly mythopoetic nature, which consists of a large (and ever-growing) number of rather similar literary texts structured around variants of a relatively limited group of shared motifs and specific features, and

came into existence with Pushkin's works in the 1820-30s (99-106). Since the introductory section of *Myth – Ritual – Image* was meant to supply the theoretical background for Toporov's detailed analyses of fundamental works belonging to the "Petersburg text", what follows is an overview of the most significant constitutive elements of the "Petersburg text" with short, but instructive references to various literary and non-literary sources. No wonder that Toporov's text is essential reading for anyone dealing with the "Petersburg text" and has inspired numerous studies in this research area. Nevertheless, since the "Petersburg text" actually voices the perspective of Moscow writers (103) and thus in spite of all its ambiguities it reinforces a narrative of split national identity, which is unable to treat Petersburg, the alien necropolis built on swamp, as its own, Toporov's perspective clearly forms a counterpoint to Likhachov's angle of vision.

4. MOZART ES SALIERI. [MOZART AND SALIERI.] ED. FONALKA MARIA. TRANS. BAKA ISTVAN ET AL. 2005, 278 PP. ISBN 963 472 932 0.

Mozart and Salieri includes a wide variety of texts, which is partly due to the dual nature of the central theme of the volume, set forth in Hajnádý's introductory article. On the one hand, the title *Mozart and Salieri* refers to Pushkin's well-known tragedy and thus it implies the inclusion of literary and critical texts related to this particular play and other rewritings of the Mozart and Salieri theme in the narrow sense of the word. On the other hand, Hajnádý lays emphasis on the wider significance of the theme in Russia as a paradigmatic expression of the relation between the artist and (political) power, which reinforced its tragic relevance in the Soviet era (19). In this context Mozarts are individual, independent geniuses, whereas Salieris are more or less talentless chinovniks complying with the dictums of political power – which, obviously, suffers the existence of only this latter type, thereby making the choice between "Mozartism" and "Salierism" a matter of life and death. This wider understanding of the Mozart and Salieri theme explains the inclusion of often hitherto repressed (literary and critical) texts pertaining to a realignment of the lines of force between political power and the individual artist in the Soviet era.

It is impossible within the limits of a review even to summarise the theses of each text in *Mozart and Salieri*. Instead, let me give an overview of the contributors and then proceed to outline their perspectives according to the roughly differentiated two thematic groups above, bearing in mind that any such "grouping" might unavoidably lead to oversimplification.

There are at least three obvious changes in the list of contributors in comparison with the previous volumes of *Russian Postmodernism*. First, apart from the usual introductory studies by two core members of the editorial board of the series, Hajnádý and Jagusztin, there are a number of other original Hungarian scholarly articles, both by well-known specialists on Russian literature, like István Gránicz, and young talents, like Alíz Merlics. This seems to indicate a minor shift in the scope of the series, which has hitherto undertaken mainly the publication of trans-

lations. Second, even the selection of the translated texts themselves suggests a slightly altered focus, since instead of writings by the “fathers” of Russian cultural semiotics, like Likhachov and Lotman, it includes works by influential figures from the younger generation, such as Galina Belaya, or by emigrant authors, like Georgy Meyer and Boris Groys, whose ideas could enter Russian literary consciousness only recently for political reasons. The third change is also connected to the selection of the Russian texts: this is the first volume in the series to include quasi-literary or literary texts – an author’s confessional notes (Robert Rozhdestvensky) and poetry (Fyodor Sologub, Yevgeny Yevtushenko).

There are five studies in the volume which examine the *Mozart and Salieri* theme in the narrower sense of the word in different works of art. The central idea of Hajnádý’s article, which attributes an ever-present actuality to the theme, is perfectly realised in the framed structure of the volume. While it opens with Hajnádý’s sensitive analysis of Pushkin’s classical “little tragedy” from 1830, its closing piece is Imre Szijártó’s comparative analysis of Peter Shaffer’s *Amadeus* and Milos Forman’s 1981 “midcult” film with the same title, for which the screenplay was co-written by Shaffer and Forman. The three other studies dealing with the Mozart and Salieri intertext are chronologically arranged along the time line connecting Pushkin’s text with the present. Georgy Meyer’s 1937 essay, “The Black Man – The Artistic World of *Mozart and Salieri*” (republished in Russian in 1998 as “Чёрный человек – Идеино-художественный замысел «Моцарта и Сальери»”) uses the figure of the black man as a starting point to formulate a reading of Pushkin’s tragedy as “a clear-cut attempt at writing a mystery” (70). Belaya’s text is a chapter of her 1989 monograph on the history of Pereval, a short-lived literary association in the Soviet Union of the 1920s trying to resist the ever increasingly oppressive power of RAPP, the advocate of proletcult, (social) realism and vulgar Marxist criticism. In the present chapter Belaya describes how a central notion of Pereval’s aesthetics, “Mozartism” – “a metaphor of the realization of the dream that the revolution would also become a cultural Renaissance” (94), in itself a glorification of the “boundless freedom of the creative genius” (93) – came to be defined through a novella by a half-forgotten writer, P. V. Slyotov. Her analysis of *Мастерство* (*Craftsmanship*, 1929) emphasizes that it is a rewriting of the Mozart and Salieri theme, combined with the master and disciple motif. Last but not least, Merlics’s article, which is clearly inspired by Lotman’s seminal text “On Khlestakov”, deals with Mikhail Bulgakov’s *The Master and Margarita* in the context of the Pushkinian intertext.

The rest of the works in *Mozart and Salieri* deals with the more general theme of the artist vs. political power in the Soviet era. The selection is characterised by a versatility of perspectives. For example, it includes sections from Rozhdestvensky’s last notes, which clearly show the divided consciousness of a writer carefully balancing between his own aesthetic and political notions and the need to keep in favour with the official power. A different view is given by Marina Tsvetayeva, an emigrant writer, whose vision of Mayakovsky and Pasternak is thrown into a shocking relief by the reader’s belated realisation of the political oppression which

bore hard upon all three of them and eventually drove two(?) of them to suicide. Three essays and scholarly articles deal with the relationship of art and literary criticism (Futurism, Marxist criticism) from a philosophical, social and theoretical point of view. All these texts clearly support Hajnádý's claim about Yevtushenko's programmatic poem, "The Mozarts of the Revolution" (also included in the volume): "He is right to claim that all revolutions have their Mozarts, but his proverbial statement is clearly not reversible. There are eras which have only their Sallieris, who, in need of Mozarts, start to poison each other" (20).

**5. A SZAVAK ÉRZÉKI CSÁBITÁSA – NARRATÍV SZÖVEGVILÁGOK
A SZENZUALITÁSTÓL A METANYELVIG. [THE SENSUAL SEDUCTION OF WORDS –
NARRATIVE WORLDS FROM SENSUALITY TO METALANGUAGE.] ED. FONALKA
MÁRIA. TRANS. FONALKA MÁRIA ET AL. 2006, 220 PP. ISBN 963 473 018 3.**

The Sensual Seduction of Words borrows its title from one of the articles included in the volume, István Nagy's interpretation of Marina Tsvetaeva's concept of language. The aphoristic phrase summarises maybe more appropriately than any lengthy explanation the central concerns which unify the nine texts collected here. On the one hand, they deal with the function of the representation of sensual perceptions in Russian literary texts, while on the other they tackle the seductive power of words, the borderline areas of art and politics, society and religion – the ethics of writing and reading.

As usual, it is Hajnádý's introductory article that outlines the central ideas and unifying concept of the collection. Entitled "Az érzékszervek irodalma" ("Literature of the Senses") it highlights a fundamental difference between the Western European and Russian tradition, especially as far as the literature of the 19th century is concerned: while the former quite prudishly refrains from the representation of the body and sensual perceptions, the latter seems to revel in them (8-9). Hajnádý comes to the conclusion that there is an ontological difference lying at the core of this phenomenon: paraphrasing Berdyaev, he claims that Western European culture brought being into question at the given period, as opposed to the Russians, who had a direct experience of being (29), an "authentic human life" (11). Since "[t]he model of the being-centred Russian concept of the world is the visible, audible and palpable universe" (11), it seems quite logical that Russian writers found its natural mode of expression in the representation of sensual experiences. Most of the following articles give rather concrete examples for such a representation through the analysis of the semiotic modelling system of a particular era or a particular work of art. The most theoretical and general piece is Jerzy Faryno's text: the collection contains two excerpts from the well-known Polish scholar's *Введение в литературоведение* (*Introduction to Literary Theory*, 1980) pertaining to the semiotics of colours and smells in works of art. He is convinced that the semantic burden each may carry can derive either from their cultural context or from the structural features of a given work of art. He gives examples from a wide range of texts, including not only 19th and 20th century literary classics, like Dostoevsky's *Crime and*

Punishment and Bulgakov's *The Master and Margarita*, but also the script of Ingmar Bergman's *The Serpent's Egg*. Joost van Baak follows the alterations in the representation of a different sensual perception practically during the same time span: he examines the concept of intimacy in the context of subjecthood from the 18th century well into the Soviet era. While the issue of homelessness (the rootlessness of Russian "wanderers") is a recurrent motif in Russian cultural semiotics, van Baak focuses on the ambivalence of the relatively neglected sense of the home and homeliness in Russian culture to discover a fundamental homology between the often "pathological configurations" of (physical) intimacy and the equally problematic demarcations of "individual psychic space" (104–105) – subjecthood – through the consecutive cultural periods. Myshyakova's 2003 article shows yet another face of the same period: she deals with the interrelationship of music and literature in the literature of the 19th century. She convincingly demonstrates the presence of a musical principle in the most "prosaic" and "realistic" works of Tolstoy, Saltykov-Shchedrin or Chekhov. While doing so, she rarely has in mind music as a form of art, but rather takes into consideration acoustic phenomena, like the sound effects of everyday life or the music of words and intonation, or the "mythological musicality" of Chekhov's symbolic prose (183). Jagusztin's study represents through the analysis of a single work, Vsevolod Ivanov's *Цветные ветра* (*Coloured Winds*, 1922), the moment of a major cognitive turn in Russian consciousness after the establishment of the Soviet regime and the formulation of a new, "sensual" literary language for the verbalisation – and legitimation – of the "revolutionary" new state and new individual and national identity. Małgorzata Świdorska's article also deals with visual images, more particularly with ekphrasis, within the context of analysing one particular text, Dostoevsky's *Идуот* (*The Idiot*, 1869): she examines the representations of artistic works (paintings) as "a means of cultural alienation" (155) in the novel. And last but not least, the closing article of the volume, Hajnádý's analysis of the chronotopos in Tarkovsky's *Andrey Rublyov* explores the possibilities of combining visual (film and icon painting) and auditory (language and music) images in the complex film narrative to convey a distinctly metaphysical experience.

There are two other texts in the collection which are slightly different in their focus, since they deal with two artists' *ars poetica* in a more or less direct form. Chronologically the first is the Symbolist Andrey Bely's essay, "The Song of Life" ("Песнь Жизни", 1911). Just like most of his theoretical and publicistic writings, Bely's text is also a perfect embodiment of the ideas outlined in it: evolving the Nietzschean thought about the primacy of music as an art form into a theory of culture and a personal credo of the teurgic function of art, Bely shapes his own text according to musical principles, creating an overpowering lyrical piece bordering on ornamental and often rhythmic prose. The second is the above-mentioned hermeneutical reading of Marina Tsvetaeva's concept of art (i.e. language) as formulated in her 1932 essay "Искусство при свете совести" ("Art at the Light of Conscience"), with special focus on the section with the playful title "Искусство без искуса" ("Art without Temptation"), dedicated to language.

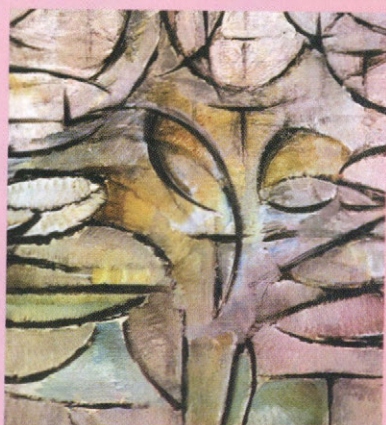
In conclusion, *Russian Postmodernism* is a versatile series, which most successfully communicates the latest achievements of Russian cultural semiotics in Hungarian in its thematically arranged volumes. Its first book, Igor Smirnov's most exceptional *Being and Creation* is a rather challenging enterprise. The text itself is a challenge to the hegemony of Western philosophical thought, in respect to both its style and rhetoric. It is also a challenge for readers who might or might not like to be provoked to follow highly unusual paths of thought, indicated only by the dim light of more or less familiar philosophical concepts. But if it is a challenge, it is definitely worth facing it. The following volumes, starting with *Worlds and Counterworlds*, seem to be more concerned with practical educational aims: they serve as an excellent introduction to Russian culturology both for students of Russian and world literature, and for post-graduate specialists in the field. Smirnov and Döring-Smirnov's studies supply the outlines of a fundamental theoretical system and contain important points of reference going far beyond the scope of interest indicated by such terms as "Realism", "Baroque" or "Futurism", thus enriching readers' understanding of Romanticism, Symbolism and culture as such. Lotman's articles provide more specific literary interpretations from the perspective of cultural semiotics, thus presenting sample analyses for readers mostly interested in comparative literary studies and the examination of recurrent motifs in a given cultural context. Lotman's sometimes essayistic and truly intellectually entertaining texts also set the basic tone of *The Semiotics of Petersburg in Russian Literature*, which supplies an excellent overview of a topic enjoying wide popularity with both lay and professional readers interested in Russian literature and culture. The novelty of *Mozart and Salieri*, the most variegated selection in the series, partly resides in bringing out newer and more original material in comparison with the previous volumes. More importantly, this material is mostly related to the literature and culture of the Soviet era, whose reassessment is one of the most complex ongoing projects in Russian Studies. *Mozart and Salieri* – along with Helikon's 1993 special edition, the 2002 *Orosz irodalom története 1941-től napjainkig* (*The History of Russian Literature from 1941 to Our Times*) and József Goretity's *Töredékesség és teljességigény* (*Fragmentariness and Need for Totality*) – is another important landmark in this process in Hungary. *The Sensual Seduction of Words* explores an increasingly popular field in cultural semiotics, which, as the wide variety of the articles shows, has significant interfaces with psychoanalytical and hermeneutical approaches. All in all, the *Russian Postmodernism* series both provides highly useful supplementary reading material for students in higher education and makes classical and up-to-date reference material available in Hungarian for specialists in the field.

Angelika REICHMANN

Igor Szmirnov

Lét
ÉS ALKOTÁS

VILÁGOK
és
ELLENVILÁGOK
az orosz irodalomban

PÉTERVÁR
SZEMIOTIKÁJA
az orosz irodalomban

MOZART ÉS SALIERI

A SZAVAK ÉRZÉKI CSÁBÍTÁSA

ÖRÖK NŐI ARCHETÍPUSOK

